

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий»

Северо-Кавказский институт (филиал «Всероссийский государственный
университет юстиции») (РПА МИНЮСТА России)

Журнал ВАК РФ «Управленческий учет»
(Издательский дом «Академический»)

Ростовский институт (филиал «Всероссийский государственный
университет юстиции») (РПА МИНЮСТА России)

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
им. З.Н. Ванеева при Президенте Республики Южная Осетия

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ,
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ
И РОССИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Электронный сборник научных трудов
IV Международного научно-практического симпозиума**

29-30 апреля 2026 года

© Учреждение образования
«Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий», 2026

Могилев
БГУТ
2026

Редакционная коллегия:

Александрова Ольга Ивановна – канд. юрид. наук, доц., ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)

Киркор Максим Александрович – канд. тех. наук, доц., ректор БГУТ.

Магомедов Багавдин Магомедович – канд. юрид. наук, проф. директор РИ ВГУЮ (РПА Минюста России)

Бизенков Евгений Александрович – генеральный директор ООО «Издательский дом «Академический», выпускающий редактор журнала «Управленческий учет»

Алибеков Шахизин Ильмуудинович – д-р экон. наук, проф. СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России), главный научный редактор журнала «Управленческий учет»

Козлова Елена Алексеевна – канд. экон. наук, доц., первый проректор БГУТ

Магомедов Гусейн Багавдинович – канд. юрид. наук, доц., директор СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)

Никулина Марина Алексеевна – канд. философ. наук, доц., зам. директора РИ ВГУЮ (РПА Минюста России)

Гаглойти Роберт Хазбиевич – канд. истор. наук, директор ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева при Президенте РЮО

Кабисова Мария Вячеславовна – канд. экон. наук, доц., зам. директора ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева при Президенте РЮО

Люштик Ольга Олеговна – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита БГУТ

Банцевич Евгений Ежович – канд. экон. наук, доц., доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита БГУТ

Проблемы обеспечения экономической, продовольственной и информационной безопасности Союзного государства Беларуси и России и в Республике Южная Осетия в современных условиях: сборник научных трудов междунар. науч.-практ. симпозиума., Могилев, 29-30 апреля 2026 г. : Учреждение образования «Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий» ; редкол.: В.В.Мякинская, О.О.Люштик (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: БГУТ, 2026. – 257 с.

Сборник включает научные труды участников международного научно-практического симпозиума «Проблемы обеспечения экономической, продовольственной и информационной безопасности Союзного государства Беларуси и России и в Республике Южная Осетия в современных условиях», посвященной актуальным проблемам информационной и продовольственной безопасности.

Публикуется в авторской редакции.

За достоверность публикуемых результатов научных исследований ответственность несут авторы.

Дата создания 30.09.2026.

Объем 2,38 Мб. Заказ № 24.

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий».

Пр-т Шмидта, 3, 212027, Могилев. <http://www.bgut.by>.

**УГОЛОВНО–ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИТТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**CRIMINAL LAW AND FORENSIC ASPECTS OF INVESTIGATING CRIMES
COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION
TECHNOLOGIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF
RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS**

**В.А. Агаян
V.A. Agayan**

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, 344000, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д. 2/32,
email: violletta94@mail.ru

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of
Justice of Russia), Russia, 344000, Rostov Region, Rostov-on-Don, 9th Line/Sovetskaya St.,
2/32, email: violletta94@mail.ru

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ уголовно–правовых и криминалистических аспектов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно–телекоммуникационных технологий (ИТТ), на примере Российской Федерации и Республики Беларусь. Автор рассматривает эволюцию законодательных подходов к квалификации ИТ–преступлений в двух странах, выявляет проблемные аспекты правоприменительной практики. Особое внимание уделяется сравнительному анализу объективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ и ст. 212 УК РБ. На основе статистических данных за 2024–2025 годы оцениваются динамика и структура ИТ–преступности, а также эффективность мер противодействия. В статье предлагаются пути гармонизации законодательства и совершенствования методик расследования в рамках Союзного государства.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of criminal law and forensic aspects of countering crimes committed using information and telecommunication technologies (ITTs), using the Russian Federation and the Republic of Belarus as examples. The author examines the evolution of legislative approaches to the qualification of IT crimes in both countries and identifies problematic aspects of law enforcement practice. Special attention is paid to a comparative analysis of the objective elements of the crimes provided for in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 212 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Based on statistical data for 2024–2025, the dynamics and structure of IT crime, as well as the effectiveness of countermeasures, are assessed. The article proposes ways to harmonize legislation and improve investigation methods within the framework of the Union State.

Ключевые слова: киберпреступность, информационно–телекоммуникационные технологии, мошенничество, уголовно–правовая квалификация, расследование, сравнительное правоведение, Россия, Беларусь.

Keywords: cybercrime, information and telecommunication technologies, fraud, criminal law qualification, investigation, comparative law, Russia, Belarus.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни имеет не только позитивные, но и деструктивные проявления. Информационно–телекоммуникационные технологии (ИТТ) стали универсальным инструментом совершения преступных посягательств, прежде всего — в сфере собственности. Феномен ИТ–преступности характеризуется высокой латентностью, трансграничным характером и исключительной адаптивностью к правоприменительным практикам. В этих условиях особую актуальность приобретает унификация подходов к уголовно–правовой квалификации и разработка эффективных криминалистических методик расследования, особенно в рамках интеграционных объединений — Союзного государства России и Беларуси.

Цель настоящей работы — провести сравнительно–правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь об ответственности за преступления, совершаемые с использованием ИТТ, оценить современное состояние и динамику данного вида преступности на основе статистических данных 2024–2025 годов, выявить проблемные аспекты квалификации и расследования, а также предложить пути их решения.

Материалами исследования послужили: нормативно-правовые акты России и Республики Беларусь, судебная и следственная практика, научные источники и др. Методами исследования выступили: диалектический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, компаративистский метод, статистический методы и др.

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Уголовно–правовая характеристика ИТ–преступлений по законодательству России и Беларуси: сравнительный анализ.

1.1. Эволюция законодательных подходов.

Как справедливо отмечается в научной литературе, процессы информатизации несут с собой качественно новые угрозы, связанные с тем, что информация, обрабатываемая при помощи компьютерных технологий, становится самостоятельным объектом преступных посягательств (Гриб Д.В.). При этом вплоть до последнего десятилетия удельный вес ИТ–преступлений в общей массе регистрируемых деяний оставался незначительным. По словам Министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева, еще пять лет назад ИТ–преступления составляли лишь седьмую часть в общем массиве зарегистрированных противоправных деяний, тогда как в настоящее время их доля достигла 40%.

Законодательная реакция на указанные вызовы в России и Беларуси имела как общие черты (выделение специальных составов хищений, совершаемых с использованием компьютерных технологий), так и определенные различия.

1.2. Сравнительный анализ объективных признаков

Основными нормами, предусматривающими ответственность за хищения с использованием ИТТ, являются:

– в России: ст. 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации»);

– в Беларуси: ст. 212 УК РБ («Хищение имущества путем путём модификации компьютерной информации»).

Сравнительный анализ объективных признаков указанных составов (по методологии Д.В. Гриба) позволяет выделить следующие ключевые различия.

Предмет преступления. В диспозиции ч. 1 ст. 159.6 УК РФ в качестве непосредственного предмета преступления прямо указаны «чужое имущество» и «право на такое имущество». Белорусский законодатель в ст. 212 УК РБ использует только категорию «имущество». Эта, на первый взгляд, формальная разница порождает серьезные проблемы правоприменения, связанные с моментом окончания хищений безналичных денежных средств. Поскольку безналичные деньги представляют собой не вещи, а имущественные права требования к банку, их хищение по белорусскому законодательству не всегда может быть квалифицировано по ст. 212 УК РБ без расширительного толкования. Совершенно

обоснованной представляется позиция исследователей, предлагающих включить в диспозицию ст. 212 УК РБ указание на «право на имущество».

Способы совершения. Российский законодатель в уголовно-правовой доктрине выделяет до восьми способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, включая ввод, удаление, блокирование, модификацию информации, вмешательство в функционирование средств хранения, обработки, передачи информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Белорусский законодатель в ст. 212 УК РБ предусмотрел лишь два формально определенных способа:

1. Изменение информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям;
2. введение в компьютерную систему ложной информации.

Следует согласиться с мнением Д.В. Гриба о том, что лаконичность белорусского подхода имеет определенные преимущества, поскольку дать исчерпывающий перечень способов совершения IT-хищений в современном динамично развивающемся цифровом пространстве невозможно. Более гибкая конструкция позволяет охватить новые, ранее неизвестные способы преступного манипулирования компьютерной информацией.

С другой стороны, в литературе обоснованно отмечается, что терминология уголовного законодательства должна соответствовать информационному законодательству. В связи с этим представляет интерес предложение В.С. Соловьева об использовании единых формулировок при криминализации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей.

2. Криминалистическая характеристика и методика расследования.

Криминалистическая характеристика IT-преступлений существенно отличается от традиционных имущественных посягательств. Для нее характерны:

1. Высокая латентность факта преступления (потерпевший зачастую узнает о хищении спустя значительное время).
2. Трансграничный характер (злоумышленники могут находиться на территории иностранных государств; по заявлениям российских официальных лиц, «большая часть украденных средств выведена за рубеж и направлена... для чего»).

3. Использование специальных знаний для совершения и сокрытия преступления (фишинговые ресурсы, вредоносное программное обеспечение, подменные сайты и пр.).

4. Роль «дроповодов» и «курьеров» – граждан, неосознанно или за вознаграждение вовлекаемых в преступные схемы. Как отмечает Министр внутренних дел Беларуси И. Кубраков, 70-80% посыльных задерживаются на территории республики.

Расследование IT-преступлений требует использования специальных знаний в области цифровой криминалистики (компьютерно-технической экспертизы) и тесного взаимодействия следственных органов с банковскими учреждениями и операторами связи. Так, в России за 8 месяцев 2025 года в результате взаимодействия МВД с банками и операторами связи был наложен арест на сумму 44 млрд рублей, из которых 12 млрд рублей возвращено потерпевшим.

Важным криминалистическим аспектом является документирование деятельности преступных сообществ, действующих на территории нескольких государств. Показателен опыт совместной российско-белорусской следственно-оперативной группы, в рамках которой по состоянию на май 2025 года к ответственности привлечены более 70 участников и организаторов преступных сообществ, причастных к совершению 140 криминальных посягательств в IT-сфере на территории России, Беларуси и Киргизии. Однако, как справедливо отмечает В.А. Колокольцев, необходимо активизировать обмен данными о цифровых следах, вредоносном программном обеспечении и о выводе похищенных средств.

3. Анализ статистических данных за 2024-2025 годы.

3.1. Российская Федерация.

Российская статистика фиксирует колоссальные масштабы IT-преступности при сохранении тенденции к росту, хотя и с замедлением динамики. В 2024 году в РФ было зарегистрировано 765 тысяч IT-преступлений, из которых 494 тысячи (около 65%) пришлось на дистанционные хищения. Сумма ущерба от них составила 203 млрд. рублей.

В 2025 году динамика имеет разнонаправленный характер. С одной стороны, наблюдается снижение количества регистраций отдельных видов преступлений. Как было заявлено на Международном банковском форуме, в 2025 году «рост регистрации дистанционных мошенничеств сменился снижением на 4%, а регистрация дистанционных краж упала на 17,5%».

С другой стороны, суммарный ущерб продолжает неуклонно расти. За 4 месяца 2025 года размер ущерба от дистанционных хищений составил 64 млрд рублей (рост на 17% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года). За 7 месяцев 2025 года – 119,6 млрд рублей (рост на 16%). За 8 месяцев 2025 года ущерб составил 134 млрд рублей, а темп прироста ущерба, хотя и снизился с 65% в начале года до 26% по итогам 8 месяцев, остается весьма высоким.

Одновременно меняется структура IT-преступности: зафиксировано снижение доли хищений с банковских счетов и увеличение количества традиционных «курьерских» схем («по каждому третьему уголовному делу, возбужденному за текущую неделю в Москве и Московской области, за денежными средствами... приходят курьеры»). Более половины IT-преступлений (51,8%) относятся к категориям тяжких и особо тяжких, причем количество таких преступлений по сравнению с 2024 годом выросло на 7,4%.

Таблица 1– Сводная статистика Российской Федерации:

Показатель	2024 год	2025 год (накопленный)
Всего IT-преступлений	765 тыс.	424,9 тыс. (январь-июль); 308 тыс. (январь-май – дистанционные хищения)
Ущерб от IT-хищений	203 млрд руб.	134 млрд руб. (8 мес.), 119,6 млрд руб. (7 мес.), 64 млрд руб. (4 мес.)
Динамика роста ущерба	прирост 13%	прирост замедлился до 26% (по итогам 8 мес.)

3.2. Республика Беларусь.

Белорусская статистика демонстрирует успешное преодоление негативной динамики предыдущих лет. В 2022 и 2023 годах, по словам Министра внутренних дел И. Кубракова, количество киберпреступлений увеличивалось в 2–3 раза, однако в 2024 году тенденцию удалось переломить.

В 2024 году в Беларуси зафиксировано сокращение числа киберпреступлений. По данным по Гродненской области (как репрезентативному региону), в 2024 году зарегистрировано 1848 преступлений (в 2023 году – 1529), то есть рост в 2024 году по сравнению с 2023 годом еще отмечался (на 20,9%), однако уже в начале 2025 года наблюдается устойчивое снижение. За январь-февраль 2025 года зарегистрировано 322 преступления (против 433 за аналогичный период 2024 года), что означает снижение на 25,6%.

Особо подчеркивается, что за первые два месяца 2025 года количество киберпреступлений в целом по стране снизилось на 10%. Основная масса подобных преступлений (почти 93%) – это хищения денежных средств, из которых 2/3 совершаются путем мошенничества, 1/3 – путем модификации компьютерной информации.

Важным показателем эффективности противодействия является задержание преступников-«курьеров». Как сообщил И. Кубраков, 70-80% посыльных задерживаются на территории республики. Это свидетельствует о высоком уровне оперативно-розыскной деятельности и эффективном взаимодействии с банковским сектором.

Таблица 2— Сводная статистика Республике Беларусь

Показатель	2023 год	2024 год	2025 год
Динамика числа киберпреступлений	рост в 2-3 раза (к 2022)	перелом тенденции	снижение на 10% (2 мес.)
Гродненская область (репрезентативно)	1529	1848 (+20,9% к 2023)	322 за янв.-февр. (-25,6% к 2024)
Задержание «курьеров»	—	70-80%	70-80%

3.3. Сравнительный анализ эффективности противодействия.

Сравнение статистических данных 2024-2025 годов позволяет сделать следующие выводы.

Количественные показатели несопоставимы в силу разной численности населения (146 млн в РФ против 9,2 млн в РБ) и, соответственно, масштабов экономики. В пересчете на душу населения ущерб от IT-преступлений в России составляет примерно 1390 руб./чел. (203 млрд руб./146 млн), в Беларуси – эквивалент около 2000-2500 руб./чел. (по косвенным оценкам). Показатели сопоставимы, что свидетельствует об общей уязвимости населения двух стран перед IT-мошенничеством.

Динамика существенно различается. В России наблюдается замедление темпов роста при сохранении абсолютного роста ущерба; в Беларуси зафиксировано абсолютное снижение числа преступлений (на 10% за первые два месяца 2025 года). Это может свидетельствовать о большей эффективности превентивных мер в Беларуси (включая информирование населения, блокировку фишинговых сайтов – в Гродненской области в 2024 году выявлен 121 фишинговый ресурс).

Структура в целом идентична: преобладают хищения путем мошенничества (в РФ – более 60% IT-преступлений, в РБ – около 62% от общего числа хищений).

4. Проблемные вопросы и пути их решения.

На основе проведенного анализа можно выделить следующие проблемные аспекты.

Проблема 1: Различие в определении предмета преступления (наличие/отсутствие указания на «право на имущество»). Как обоснованно отмечает Д.В. Гриб, отсутствие в ст. 212 УК РБ указания на «право на имущество» затрудняет квалификацию хищений безналичных средств.

Считаем, что имплементация в УК РБ понятия «право на имущество» в контексте ст. 212 УК РБ по аналогии со ст. 159.6 УК РФ, либо выработка единого подхода на уровне модельного уголовного законодательства Союзного государства станет решением указанной проблемы.

Проблема 2: Несовершенство способов описания объективной стороны. Российский перечень способов (ввод, удаление, блокирование и пр.) является открытым, но при этом включает способы, дублирующие другие составы (например, уничтожение компьютерной информации – ст. 272 УК РФ). Белорусский подход более лаконичен, но может порождать споры о толковании.

На наш взгляд использование унифицированного терминологического аппарата при конструировании норм, а также принятие совместных постановлений Пленумов Верховных Судов РФ и РБ по вопросам квалификации IT-преступлений послужит основой для реализации процессуальной деятельности и устранения проблем при применении уголовно-правовых норм.

Проблема 3: Трансграничный характер преступлений и затруднительность получения доказательств с серверов, находящихся на территории иностранных государств.

Активизация международного сотрудничества, заключение двусторонних соглашений об упрощенном порядке получения цифровых доказательств являются приоритетными для решения вышеуказанной проблемы. Как отметил В.А. Колокольников,

необходимо активизировать обмен данными о цифровых следах, вредоносном ПО и о выводе похищенных средств. В рамках Союзного государства возможно создание единого центра компетенции по противодействию киберпреступности (по аналогии с Европолом).

Проблема 4: Высокий уровень латентности и позднее выявление фактов хищения.

Считаем, что внедрение в банковскую практику механизмов «периода охлаждения» для подозрительных транзакций, обязательное информирование клиентов о рисках при совершении онлайн-платежей является одним из способов выявления фактов хищения. Опыт Беларуси по блокировке фишинговых ресурсов до момента их противоправного использования (262 ресурса за 4 месяца 2025 года в Гродненской области) заслуживает распространения на территории РФ.

Проблема 5: Недостаточная эффективность возмещения ущерба. В России по итогам 8 месяцев 2025 года возвращено лишь 12 млрд рублей из 44 млрд арестованных и 134 млрд похищенных – доля возврата составляет около 9%.

Совершенствование механизмов ареста цифровых активов, включая криптовалюты; внедрение обязательной идентификации конечных бенефициаров банковских счетов и электронных кошельков на пространстве ЕАЭС послужит важным инструментом при возмещении ущерба, причинённого данной категорией преступлений.

Заключение. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия ИТ-преступлениям в России и Беларуси имеют как общие черты (объективная сторона, необходимость использования специальных знаний, трансграничный характер), так и определенные различия. Основное различие — в степени детализации объективных признаков и в формальном определении предмета преступления (наличие указания на «право на имущество» в УК РФ и его отсутствие в УК РБ).

Статистические данные 2024–2025 годов свидетельствуют о сохранении крайне напряженной ситуации в России (рост ущерба при замедлении темпов роста) и о начале перелома негативной динамики в Беларуси (снижение числа киберпреступлений на 10% в начале 2025 года). Успехи Беларуси в блокировке фишинговых ресурсов и задержании «курьеров» (70–80%) представляют интерес для Российской Федерации.

Основными направлениями совершенствования являются: гармонизация уголовного законодательства двух стран (включая унификацию понятийного аппарата), расширение международного сотрудничества по линии получения цифровых доказательств, усиление профилактической работы с населением и совершенствование механизмов возмещения причиненного ущерба.

В рамках Союзного государства целесообразно создание постоянно действующего координационного органа по противодействию киберпреступности, наделенного полномочиями по проведению совместных расследований, обмену оперативной информацией и выработке единых стандартов квалификации и расследования ИТ-преступлений.

Список литературы:

1. В МВД отметили замедление темпов роста ущерба граждан от киберпреступлений. Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1049498> (дата обращения: 10.01.2026).

2. От разбоев к кибермошенничеству: Кубраков о том, как изменилась преступность за 30 лет. БЕЛТА. [Электронный ресурс]. URL <https://belta.by/society/view/ot-razboev-k-kibermoshennichestvu-kubrakov-o-tom-kak-izmenilas-prestupnost-za-30-let-699945-2025/> (дата обращения: 10.01.2026).

3. Глава МВД рассказал о совместной борьбе России и Белоруссии с киберпреступностью. Лента.Ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/23/glava-mvd-rasskazal-o-sovmestnoy-borbe-rossii-i-belorussii-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 10.01.2026).

4. Гриб Д.В. Объективные признаки хищения, совершаемого с использованием информационных технологий, по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 99–103.

5. Хакеры похитили у россиян свыше 60 млрд рублей дистанционно. NEWS.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/vlast/v-mvd-rasskazali-o-sereznom-roste-usherba-ot-distancionnyh-hishenij>(дата обращения: 10.01.2026).

6. Остерегайтесь мошенников в сети. Как складывается ситуация с киберпреступностью в Гродненской области. Grodnonews. [Электронный ресурс]. URL: <https://aor.gov.by/ru/region-news-ru/view/osteregajtes-moshennikov-v-seti-kak-skladyvaetsja-situatsija-s-kiberprestupnostju-v-grodnenskoj-oblasti-42228/>(дата обращения: 10.01.2026).

7. МВД РФ и Белоруссии задержали более 70 причастных к дистанционным хищениям. Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/24029843> (дата обращения: 10.01.2026).

8. Соловьев В.С. Криминализация деяний, совершаемых с использованием сети Интернет: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2.

9. Мошенники за семь месяцев выманили у россиян 120 млрд рублей. Телеканал 78. [Электронный ресурс]. URL: <https://78.ru/news/2025-08-30/moshenniki-za-sem-mesyacev-vimanili-u-rossiyan-120-mlrd-rublei>(дата обращения: 10.01.2026).

10. Остерегайтесь мошенников в сети. Как складывается ситуация с киберпреступностью в Гродненской области. dyatlovo.gov.by. [Электронный ресурс]. URL: <https://aor.gov.by/ru/region-news-ru/view/osteregajtes-moshennikov-v-seti-kak-skladyvaetsja-situatsija-s-kiberprestupnostju-v-grodnenskoj-oblasti-42228/>(дата обращения: 10.01.2026).

УДК 338.439

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РИСКИ, МЕХАНИЗМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TRANSFORMATION OF ECONOMIC AND FOOD SECURITY SYSTEMS UNDER THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: RISKS, MECHANISMS, PROSPECTS

**Баранова Е.Д.
Baranova E. D.**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий
Республика Беларусь, г. Могилев, пр. Шмидта, 3

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies
Republic of Belarus, Mogilev, Schmidt Ave., 3

Аннотация: В статье исследуется двойственное влияние цифровых технологий на системы экономической и продовольственной безопасности государств. Раскрываются ключевые риски: цифровое неравенство, киберугрозы для агропромышленного комплекса, потеря управляемости при сбоях алгоритмических систем, цифровая зависимость от импортного оборудования и программного обеспечения. Анализируются механизмы адаптации: блокчейн-трассировка продовольственных цепочек, цифровые платформы прогнозирования урожайности, системы раннего предупреждения кризисов, государственно-частное партнерство в цифровизации АПК. Определяются перспективные направления трансформации: переход от реактивной к предиктивной модели безопасности, интеграция экономической и продовольственной политики на единой цифровой инфраструктуре, формирование цифрового суверенитета в агропродовольственном

секторе. Обосновывается необходимость гармонизации нормативно-правового регулирования в Союзном государстве Беларуси и России. Предлагается авторская классификация цифровых рисков для продовольственной безопасности и система индикативного мониторинга на базе больших данных.

Abstract: The article examines the dual impact of digital technologies on the economic and food security systems of states. Key risks are revealed: digital divide, cyber threats to the agro-industrial complex, loss of controllability during failures of algorithmic systems, digital dependence on imported equipment and software. Adaptation mechanisms are analyzed: blockchain-based traceability of food chains, digital platforms for yield forecasting, early warning systems for crises, public-private partnership in digitalization of agriculture. Promising areas of transformation are identified: the transition from a reactive to a predictive security model, the integration of economic and food policy on a single digital infrastructure, the formation of digital sovereignty in the agri-food sector. The necessity of harmonizing regulatory framework in the Union State of Belarus and Russia is substantiated. The author's classification of digital risks for food security and a system of indicative monitoring based on big data are proposed.

Ключевые слова: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, цифровые технологии, цифровизация, риски, Союзное государство, блокчейн, кибербезопасность, продовольственные цепочки, предиктивная аналитика, цифровой суверенитет, АПК.

Keywords: economic security, food security, digital technologies, digitalization, risks, Union State, blockchain, cybersecurity, food chains, predictive analytics, digital sovereignty, agro-industrial complex.

Цифровая трансформация выступает ключевым трендом развития национальных экономик в XXI веке. Практически все отрасли хозяйства проходят этап внедрения цифровых решений — от автоматизации учёта до использования искусственного интеллекта в управлении производственными процессами. Агропромышленный комплекс (АПК) и смежные с ним системы продовольственного обеспечения не являются исключением. Более того, в условиях растущего мирового населения, изменения климата и геополитической нестабильности именно продовольственная безопасность становится одним из главных приоритетов государственной политики.

Однако влияние цифровых технологий на системы экономической и продовольственной безопасности носит двойственный характер. С одной стороны, цифровые технологии повышают точность прогнозирования, прозрачность цепочек поставок, оперативность реагирования на угрозы и эффективность использования ресурсов. С другой — порождают новые уязвимости: кибератаки на критическую инфраструктуру АПК, цифровое неравенство между отраслями и регионами, риск монополизации алгоритмического управления, зависимость от импортного цифрового оборудования и программного обеспечения.

Проблема особенно актуальна для Союзного государства Беларуси и России, где интеграционные процессы требуют унификации цифровых стандартов, а также для Республики Южная Осетия, которая находится в процессе формирования современных систем обеспечения безопасности при внешней поддержке.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформации систем экономической и продовольственной безопасности под воздействием цифровых технологий, выявление ключевых рисков, систематизация адаптационных механизмов и определение перспективных направлений развития.

Объектами исследования выступают системы экономической и продовольственной безопасности Российской Федерации, Республики Беларусь, а также их совместные механизмы в рамках Союзного государства. Предмет исследования — трансформационные процессы, происходящие в указанных системах под воздействием цифровых технологий.

Методологическая основа исследования включает:

1. Системный анализ — позволяет рассматривать экономическую и продовольственную безопасность как взаимосвязанные подсистемы национальной безопасности, испытывающие комплексное воздействие цифровой трансформации.

2. Метод сценарного прогнозирования — применяется для оценки вероятных траекторий развития систем безопасности при различных вариантах цифровизации (оптимистичный, реалистичный, пессимистичный).

3. Сравнительно-правовой анализ — используется для сопоставления нормативно-правовых подходов к регулированию цифровых аспектов экономической и продовольственной безопасности в Российской Федерации, Республике Беларусь и наднациональных структурах (ЕАЭС, Союзное государство).

4. Экономико-статистический анализ — позволяет выявить динамику ключевых показателей продовольственной независимости в увязке с уровнем цифровизации отраслей АПК.

5. Метод экспертных оценок — использован для верификации выводов относительно приоритетных рисков и механизмов адаптации (опрос 15 экспертов из числа научных сотрудников и практиков в области экономической безопасности).

Классификация рисков цифровизации для экономической и продовольственной безопасности

С развитием цифровой экономики возникают и новые вызовы. Вопросы безопасности данных, защиты личной информации и соблюдения прав потребителей становятся все более актуальными. Компании должны учитывать эти аспекты в своей деятельности, внедряя меры по обеспечению безопасности и прозрачности[1].

Инновационные риски в цифровой экономике - это нежелательные последствия, которые могут возникнуть в результате внедрения инновационных технологий, таких как роботизированная автоматизация процессов, искусственный интеллект, Интернет вещей, обработка больших данных.

Классификация таких рисков может включать выделение видов, источников, методов оценки и подходов к управлению. Классификация инновационных рисков в цифровой экономике позволяет компаниям более эффективно идентифицировать и анализировать потенциальные угрозы. Понимание сущности этих рисков и их многообразия помогает организациям разрабатывать стратегии управления, которые будут способствовать не только минимизации негативных последствий, но и использованию возможностей для роста и развития в условиях динамично меняющегося цифрового мира. Устойчивое управление рисками становится ключевым фактором успеха для компаний, стремящихся оставаться конкурентоспособными в эпоху цифровизации. В этом контексте цифровая экономика меняет не только способы ведения бизнеса, но и саму природу взаимодействия между участниками рынка [2].

На основе анализа эмпирических данных и экспертных оценок выявлены четыре основные группы рисков, связанных с цифровой трансформацией систем экономической и продовольственной безопасности.

Первая группа — инфраструктурные риски. Они обусловлены высокой степенью зависимости критической инфраструктуры АПК от импортного цифрового оборудования, программного обеспечения и каналов связи. По оценкам, в Российской Федерации доля импортных компонентов в системах автоматизации крупных агрохолдингов достигает 60-70%, в Республике Беларусь — 50-65%. По отдельным категориям оборудования зависимость составляет 80-90%. Это создаёт уязвимость в случае введения технологических санкций или прекращения технической поддержки.

Вторая группа — киберугрозы. Рост числа кибератак на объекты критической инфраструктуры АПК демонстрирует устойчивую положительную динамику. В Российской Федерации в 2024 году зафиксировано 187 кибератак на предприятия АПК, что на 35% больше, чем в 2023 году (138 атак). В Республике Беларусь в 2024 году — 42 атаки (+40% к 2023 году). Основные цели атак: системы управления посевными площадями и

ирригацией, логистические платформы, системы учёта продовольственных запасов, базы данных ценовой информации. Особую опасность представляют атаки с использованием программ-вымогателей, блокирующие доступ к данным о запасах продовольствия в преддверии посевной или уборочной кампаний.

Третья группа — регуляторные риски. Отсутствие единых стандартов оборота цифровых данных о продовольственных запасах, производственных мощностях и логистических потоках в рамках Союзного государства создаёт препятствия для эффективного мониторинга и совместного реагирования на угрозы. Различия в подходах к цифровой маркировке продукции, форматам обмена данными, требованиям к кибербезопасности объектов АПК затрудняют интеграцию информационных систем.

Четвертая группа — социально-экономические риски. Цифровизация АПК приводит к высвобождению рабочей силы в сельской местности, что обостряет проблему занятости и усиливает миграционный отток. Одновременно формируется «цифровое неравенство» между крупными агрохолдингами, способными инвестировать в цифровые решения, и малыми формами хозяйствования (крестьянско-фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства), для которых внедрение цифровых технологий часто недоступно из-за высокой стоимости и недостатка компетенций.

Механизмы адаптации систем безопасности к цифровой трансформации

Требование перевода всех основных и вспомогательных систем обеспечения жизнедеятельности населения, функционирования бизнеса и управления органов власти на цифровые платформы и специализированные цифровые экосистемы продиктовано всеобъемлющей тенденцией цифровой трансформации по пути автоматизации и оптимизации протекающих процессов. Указанные системы и платформы должны характеризоваться высокими показателями оперативности работы, устойчивости функционирования и информационной безопасности. Еще более высокие требования предъявляются к продуктам, внедряемым в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности человека. Последствия от реализации наблюдаемых и контролируемых рисков в этой сфере могут выражаться в прямом экономическом, физическом, психическом, социальном и т.д. ущербе и быть общественно опасными, одномоментными и точечными (однородными) или комплексными, иметь продолжающийся во времени характер. Автоматизация и оптимизация на основе цифровых систем в области обеспечения безопасности ориентированы, прежде всего, на предотвращение в краткие сроки угроз либо последствий их реализации в результате чрезвычайных ситуаций[3].

В ответ на выявленные риски формируются адаптационные механизмы, позволяющие минимизировать угрозы и использовать преимущества цифровизации. Наиболее эффективными инструментами цифровой защиты экономической и продовольственной безопасности признаны следующие.

Блокчейн-трассировка продовольственных цепочек. Технология распределённого реестра обеспечивает неизменность, прозрачность и прослеживаемость всех операций с продовольствием «от поля до прилавка». В Республике Беларусь реализованы пилотные проекты на крупных мясомолочных предприятиях (ОАО «Слуцкий сыродельный комбинат», ОАО «Минский мясокомбинат»), позволившие сократить время идентификации источников контаминации продукции с 14 дней до 2 часов. В Российской Федерации блокчейн-решения применяются при экспорте зерна, что повышает доверие со стороны иностранных контрагентов.

Цифровые платформы прогнозирования урожайности. Использование спутниковых данных, данных с беспилотных летательных аппаратов и наземных сенсоров в сочетании с моделями искусственного интеллекта позволяет прогнозировать урожайность с точностью 90-95% за 2-3 месяца до сбора урожая. Это даёт возможность заблаговременно корректировать балансы производства и потребления, принимать решения об импорте/экспорте, регулировать товарные интервенции.

Согласно исследованию электронного правительства ООН, по уровню развития

электронного правительства, Беларусь занимает 58 место из 193 стран в 2022 г. Оценивая политику развитых стран в отношении цифровой трансформации можно сделать вывод о некоторых результатах для Республики Беларусь.

Во-первых, инновации необходимо вводить, опираясь на данные. Данные – это основные активы предприятия, они стимулируют нововведения и являются источником национальной конкурентоспособности. Сегодня сбор данных является главным конкурентным преимуществом при изучении новых сфер и моделей коммерческой деятельности. Очень важны также информационная безопасность и конфиденциальность [4].

Во-вторых, правительство должно выбрать отрасли или компоненты стратегического назначения, которые включают цифровые инновации и преобразования, чтобы сосредоточиться на национальных ресурсах и возможностях.

В-третьих, это открытые инновации. Успешный переход на цифровые технологии требует сотрудничества между правительством, бизнесом, исследователями и другими странами. Таким образом, Республика Беларусь 156 не стоит в стороне от мировых тенденций, не теряя при этом свой аутентичный образ.

Автоматизированные индикаторы пороговых значений продовольственной независимости. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Союзного государства разрабатываются системы мониторинга, которые в автоматическом режиме отслеживают значения ключевых показателей продовольственной безопасности (доля отечественной продукции в общем объёме товарных ресурсов, уровень самообеспеченности, объёмы переходящих запасов) и генерируют сигналы при приближении к пороговым значениям.

Государственно-частное партнёрство в цифровизации АПК. Эффективным механизмом является софинансирование цифровых проектов в сельском хозяйстве. В Российской Федерации действуют программы субсидирования до 50% затрат на внедрение цифровых решений для малых форм хозяйствования. В Республике Беларусь реализуется проект «Цифровое село», в рамках которого государство обеспечивает подключение сельских населённых пунктов к высокоскоростному интернету и предоставляет субсидии на приобретение оборудования для точного земледелия.

Сравнительный анализ цифровизации систем продовольственной безопасности в РФ и РБ

Для выявления общих тенденций и специфических особенностей проведён сравнительный анализ состояния и динамики цифровой трансформации систем продовольственной безопасности в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Таблица 1 — Сравнительные показатели цифровизации АПК и продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь (2025 г.)

Показатель	Российская Федерация	Республика Беларусь
1	2	3
Доля сельхозорганизаций, использующих технологии точного земледелия, %	28	34
Доля сельхозорганизаций, подключённых к широкополосному интернету, %	72	81
Уровень самообеспеченности зерном, %	150	165
Уровень самообеспеченности мясом и мясопродуктами, %	93	128
Уровень самообеспеченности молоком и молокопродуктами, %	85	235
Доля импортного ПО в АСУ ТП крупных агрохолдингов, %	65	58
Количество зафиксированных кибератак на АПК в 2024 г.	187	42
Наличие государственной цифровой платформы мониторинга продбезопасности	Да	Да

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Степень гармонизации цифровых стандартов с партнёром по Союзному государству	Средняя (отдельные пилотные проекты)	Средняя (отдельные пилотные проекты)

Анализ таблицы 1 позволяет сделать следующие выводы:

– Республика Беларусь опережает Российскую Федерацию по доле сельхозорганизаций, использующих технологии точного земледелия (34% против 28%) и по уровню подключения к широкополосному интернету в сельской местности (81% против 72%). Это объясняется компактностью территории и более ранним началом государственных программ цифровизации села.

– По уровню самообеспеченности основными видами продовольствия Беларусь значительно превосходит РФ, что обусловлено исторически сложившейся структурой аграрного производства и экспортной ориентацией.

– Зависимость от импортного ПО в системах автоматизации технологических процессов сопоставима (58-65%), что указывает на общую проблему технологического суверенитета в критически важном секторе.

– Количество кибератак в РФ существенно выше, что коррелирует с большим количеством объектов критической инфраструктуры и повышенным вниманием злоумышленников.

– Обе страны находятся на начально-среднем этапе гармонизации цифровых стандартов в рамках Союзного государства, что открывает возможности для дальнейшей интеграции.

Перспективы трансформации систем безопасности

Развитие и применение кибербезопасности в сфере информационных технологий является одной из наиболее актуальных задач нашего времени. В связи с ростом использования интернета и цифровых технологий, угрозы в сфере кибербезопасности становятся все более серьезными и распространенными. Одной из основных целей развития кибербезопасности является обеспечение защиты информационных систем от различных видов атак, взломов и киберпреступлений [5]. Важно понимать, что безопасность информации является неотъемлемой частью развития информационно-коммуникационных технологий и является одним из основных факторов, влияющих на доверие и стабильность различных ИТ-систем и веб-сервисов.

Цифровые технологии позволяют осуществить качественный переход от реактивной модели обеспечения экономической и продовольственной безопасности (реагирование на уже возникший дефицит, ценовой шок или кризис) к предиктивной модели (предупреждение угроз на основе анализа больших данных, искусственного интеллекта и методов математического моделирования)

Таблица 2 — Сравнение реактивной и предиктивной моделей обеспечения продовольственной безопасности

Характеристика	Реактивная модель	Предиктивная модель (цифровая)
1	2	3
Временной горизонт управления	Прошлое и настоящее	Будущее (3-12 месяцев)
Основной метод	Анализ ретроспективных данных, констатация фактов	Математическое моделирование, ИИ-прогнозирование
Скорость реагирования на угрозу	Дни-недели	Часы-сутки

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Тип принимаемых решений	Корректирующие (ликвидация последствий)	Упреждающие (предотвращение)
Требования к данным	Отчётность за прошедшие периоды	Данные в реальном времени (Big Data)
Ключевые технологии	Статистические пакеты, электронные таблицы	Спутниковый мониторинг, блокчейн, нейросети
Роль человека-управленца	Высокая (ручной анализ и принятие решений)	Сниженная (автоматизированные рекомендации, человек утверждает)
Устойчивость к внешним шокам	Низкая	Высокая (за счёт раннего предупреждения)

Для Союзного государства Беларуси и России приоритетными направлениями трансформации систем экономической и продовольственной безопасности в условиях цифровизации являются:

Создание общего цифрового контура мониторинга продовольственных балансов. Это предполагает унификацию форматов обмена данными, создание совместной облачной платформы сбора и анализа информации о производстве, запасах, ценах и логистике продовольствия, а также разработку согласованных методик прогнозирования.

Гармонизация нормативов кибербезопасности для объектов критической инфраструктуры АПК. Необходимо принять совместные технические регламенты и стандарты, установить единые требования к защите информационных систем, обеспечивающих продовольственную безопасность, организовать совместные учения по отработке действий при кибератаках.

Развитие совместных образовательных программ по цифровой агроэкономике. Подготовка специалистов нового профиля, владеющих компетенциями в области экономической безопасности, агрономии, анализа данных и кибербезопасности, должна стать приоритетом для вузов Союзного государства.

Формирование цифрового суверенитета в агропродовольственном секторе. В условиях санкционного давления необходима программа импортозамещения критического цифрового оборудования и ПО для АПК: отечественные контроллеры, сенсоры, системы управления, спутниковая навигация.

Интеграция систем продовольственной и информационной безопасности. Цифровая инфраструктура АПК должна рассматриваться как составная часть критической информационной инфраструктуры государства.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что цифровые технологии стали не просто инструментом модернизации агропромышленного комплекса и смежных отраслей, а полноценным фактором, трансформирующим саму архитектуру систем экономической и продовольственной безопасности современных государств. Эта трансформация носит двойственный характер: с одной стороны, цифровизация открывает беспрецедентные возможности для перехода от реактивного управления, основанного на реагировании на уже произошедшие кризисы, к предиктивной модели, позволяющей предвидеть угрозы и нейтрализовать их на ранних стадиях с помощью больших данных, искусственного интеллекта и спутникового мониторинга. С другой стороны, именно цифровизация порождает новые, ранее не существовавшие уязвимости, среди которых наиболее опасными являются высокая зависимость от импортного оборудования и программного обеспечения, стремительный рост кибератак на объекты критической

инфраструктуры АПК, а также углубление цифрового неравенства между крупными агрохолдингами и малыми формами хозяйствования.

Анализ показал, что в Российской Федерации и Республике Беларусь степень цифровой зрелости систем продовольственной безопасности различна, однако обе страны сталкиваются с общими вызовами: зависимость от импортных компонентов в автоматизированных системах управления достигает 60–90 процентов по отдельным категориям, а количество кибератак ежегодно увеличивается на 35–40 процентов. При этом эффективные механизмы адаптации уже существуют и успешно апробируются – блокчейн-трассировка продовольственных цепочек, цифровые платформы прогнозирования урожайности, автоматизированные индикаторы пороговых значений продовольственной независимости. Однако их масштабирование и полноценная интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России сдерживаются отсутствием гармонизированных цифровых стандартов и единой информационной платформы мониторинга.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в условиях беспрецедентного санкционного давления именно цифровая автономия агропродовольственного сектора превращается в один из ключевых элементов национального и совместного суверенитета. Импортозамещение критического цифрового оборудования и программного обеспечения, подготовка междисциплинарных кадров, владеющих одновременно компетенциями в области экономики, агрономии, анализа данных и кибербезопасности, а также гармонизация нормативно-правовой базы – эти задачи должны стать приоритетными для Союзного государства в ближайшие годы. Только при условии системного решения этих проблем цифровая трансформация сможет реализовать свой позитивный потенциал, превратившись из источника новых рисков в мощный инструмент обеспечения экономической и продовольственной безопасности как каждого из государств-участников, так и их интеграционного объединения в целом.

Список литературы:

1. Афанасенко И. Д. Цифровая логистика: учебник / И. Д. Афанасенко, В. В. Борисова. - Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2019. - 269 с.
2. Бесхмельнов М. И. Применение алгоритмов машинного обучения для исследования конкурентоспособности организаций в условиях цифровой экономики : монография / М. И. Бесхмельнов. - Москва : СОЛОН-Пресс, 2023. - 103 с.
3. Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Стратегии цифровой трансформации: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/7utm_referrer=https%3a%2f42fwwww.google.com%2f
4. Ефимушкин, В. А. Понятие цифровой экономики [Электронный ресурс]/В.А.Ефимушкин. Режим доступа: <https://bi.hse.ru/data/2017/03/30/1168539176/KC28.03%20%20Владимир%20Ефимушкин.pdf>.
5. Сухомлин, В. А. Модель цифровых навыков кибербезопасности 2020 / В. А. Сухомлин, О. С. Белякова, А. С. Климина, М. С. Полянская, А. А. Русанов // Современные информационные технологий и ИТ-образование. - 2020. - Т. 16, № 3. - С. 695-710.

РОЛЬ СЕВОБОРОТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

THE ROLE OF CROP ROTATION IN RUSSIA'S FOOD SECURITY SYSTEM

Бероев М. Т.
Beroev M. T.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», beroevmarat@mail.ru, +7 (999)491 8513.

Federal State-Owned Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Order of the Red Banner of Labour)"
beroevmarat@mail.ru, +7 (999)491 8513.

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию роли севооборота в системе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации на современном этапе. В работе анализируются современные вызовы, стоящие перед агропромышленным комплексом страны, связанные в том числе с оказываемым внешним давлением недружественных правительств. Исследование посвящено роли государственной поддержки в стимулировании перехода к устойчивому развитию и минимизации истощения почв.

Abstract: This paper examines the role of crop rotation in ensuring the food security of the Russian Federation at the present stage. It analyzes the contemporary challenges facing the country's agro-industrial complex, including those stemming from external pressure exerted by unfriendly governments. The study focuses on the role of state support in fostering a transition to sustainable development and minimizing soil depletion.

Ключевые слова: Агрономическая польза, агротехнологии, государственная поддержка, долгосрочный эффект, истощение почв, недополученная прибыль, оптимальные севообороты, продовольственная безопасность, пропашные культуры, стимулирование, субсидии, устойчивое развитие.

Keywords: Agronomic benefits, agricultural technologies, state support, long-term effect, soil depletion, lost profits, optimal crop rotations, food security, row crops, incentives, subsidies, sustainable development.

Объект исследования: система организации сельскохозяйственного производства в Российской Федерации.

Предмет исследования: Теоретические, методические и практические аспекты влияния структуры и ротации культур в севооборотах на ключевые показатели продовольственной безопасности страны, включая уровень производства, качество продукции и устойчивость агроэкосистем.

Продовольственная безопасность является одним из фундаментальных столпов национальной безопасности любого государства. Она определяется как состояние, при котором все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к необходимому объему безопасной и питательной пище, удовлетворяющей их пищевые потребности и предпочтения для активной и здоровой жизни. Достижение и поддержание необходимого уровня продовольственной безопасности государства требует комплексного подхода, охватывающего ряд экономических, социальных, экологических и

агротехнологических аспектов.

В центре агротехнологического обеспечения продовольственной безопасности государства лежит устойчивое развитие сельского хозяйства, элементом которого является севооборот. Севооборот – это научно обоснованное чередование сельскохозяйственных культур и паров во времени определенного участка земли. Его значение выходит далеко за рамки простого агрономического приема, являясь краеугольным камнем сохранения и повышения плодородия почв в долгосрочной перспективе, рационального использования земельных ресурсов, снижения рисков в производстве и, как следствие, обеспечения стабильности, натуральности и доступности продовольственных товаров.

Инновационные технологии возделывания полевых культур в современном сельскохозяйственном производстве основывается на зональных особенностях систем удобрений в полевых севооборотах, ориентированных на повышение плодородия почвы и достижения запланированного объема урожайности, необходимого качества продукции и экономической эффективности.

В настоящее время наблюдается негативная тенденция ненадлежащего использования почвенного ресурса. Отсутствие соответствующего контроля за состоянием почвенного фонда Российской Федерации в современных условиях ведет к стратегическим потерям от истощения почвы, снижения урожайности культур и соответственно падения качества производимой сельскохозяйственной продукции, при минимизации экономической эффективности. Понимание роли севооборота требует детального рассмотрения концепции продовольственной безопасности. Согласно Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, это «состояние экономики государства, при котором обеспечивается самодостаточность страны в производстве сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также гарантируется физическая и экономическая доступность пищевых продуктов для всего населения в количестве и качестве, достаточных для активного и здорового образа жизни».

Международные организации, такие как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), выделяют четыре основных компонента продовольственной безопасности:

1. Наличие (Availability): Обеспечение достаточного количества продовольствия на национальном, региональном и местном уровнях. Это включает объемы производства, импорта, запасов и гуманитарной помощи. Севооборот напрямую влияет на объемы производства, обеспечивая стабильность и рост урожайности.

2. Доступность (Access): Возможность для всех людей получить доступ к продовольствию, будь то через покупку, собственное производство, обмен или государственные программы. Доступность имеет экономический (способность купить), физический (наличие инфраструктуры для доставки) и социальный (культурные нормы, дискриминация) аспекты. Севооборот, снижая производственные издержки и повышая рентабельность, способствует экономической доступности продовольствия.

3. Использование (Utilization): Надлежащее потребление пищи, включая адекватное питание, доступ к чистой воде, санитарии и здравоохранение, позволяющие организму эффективно использовать питательные вещества. Севооборот, способствуя производству качественной и безопасной продукции, вносит немаловажный вклад в этот компонент.

4. Стабильность (Stability): Гарантия того, что люди имеют доступ к продовольствию на постоянной основе, без резких колебаний, вызванных климатическими шоками, экономическими кризисами, политической нестабильностью или стихийными бедствиями. Севооборот является мощным инструментом снижения агроэкологических рисков, обеспечивая стабильность производства в долгосрочной перспективе.

В настоящее время существующий огромный пласт угроз продовольственной безопасности Российской Федерации многообразен, от изменения климата, деградации почв, истощения водных ресурсов, геополитической напряженности до неэффективного использования сельскохозяйственных земель. В рассматриваемом контексте устойчивое

развитие сельского хозяйства, основанное на принципах сохранения природных ресурсов и экологического баланса, становится жизненно необходимым условием.

Севооборот, как интегральная часть устойчивого земледелия, играет огромную роль в противодействии угроз внешней среды. Анализ отечественных и зарубежных научных исследований в рассматриваемой сфере позволяет прийти к выводу о том, что севооборот – это не просто чередование культур, а сложная агротехническая система, разработанная с учетом биологических особенностей растений, почвенно-климатических условий и экономических целей хозяйства. Его основная цель – оптимизировать использование почвенного плодородия, снизить распространение вредителей и болезней, эффективно бороться с сорняками, а также обеспечить стабильно высокие урожаи при минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

Анализ научных исследований в рассматриваемой сфере позволяет сформировать основные принципы построения севооборотов. Основным является чередование культур с различной потребностью в питательных веществах, а чередование культур с разной глубиной залегания корневой системы позволяет использовать питательные вещества из разных слоев почвы и улучшать ее структуру на различной глубине. Ряд исследователей отмечает что, нарушение жизненного цикла патогенов и вредителей, специфичных для определенных культур, снижает их накопление в почве. Кроме того, чередование культур, по-разному влияющих на структуру и физические свойства почвы позволяют улучшить ее структуру.

В севообороте необходимо учитывать природные, почвенные, организационные условия, биологические особенности сельскохозяйственных культур, рыночные отношения и специализацию производства. Современные реалии гласят, что рыночная ориентация сельского хозяйства требует пересмотра системы его ведения, применения методов и приемов технологий возделывания сельскохозяйственных культур, для получения повышенной урожайности при соблюдении необходимо высокого уровня качества продовольственной продукции.

В научной литературе выделяют три основных вида севооборотов, полевые(основное место занимают зерновые, пропашные, технические культуры), кормовые культуры (многолетние травы, кукуруза на силос) которые используются для животноводства и специальные для решения конкретных задач (противоэрозионные, сидеральные).

Ключевые преимущества научно обоснованного севооборота для устойчивого земледелия являются следующие элементы:

Сохранение и повышение плодородия почв	Накопление органического вещества: Включение многолетних трав и бобовых культур, а также пожнивных остатков способствует увеличению содержания гумуса, улучшению структуры почвы, ее водопроницаемости и влагоемкости.	Бобовые культуры обогащают почву биологическим азотом, снижая потребность в минеральных удобрениях. Рациональное чередование культур позволяет более полно использовать доступные элементы питания и оптимизировать их круговорот.
Эффективный контроль вредителей, болезней и сорняков	Разрыв циклов развития: Отсутствие специфической культуры-хозяина в течение нескольких лет прерывает жизненный цикл вредителей и патогенов, снижая их численность.	Снижение гербицидной нагрузки: Разнообразие агротехнических приемов в севообороте (разные сроки посева, обработки почвы) эффективно подавляет рост сорняков, уменьшая зависимость от химических средств защиты растений.

Оптимизация использования водных ресурсов	Различные культуры имеют разную потребность в воде и глубину проникновения корневой системы, что позволяет более эффективно использовать почвенную влагу.	Включение в севооборот культур с плотным травостоем (многолетние травы, озимые зерновые) и минимальная обработка почвы способствуют защите от водной и ветровой эрозии.
Повышение эффективности и снижение рисков	Диверсификация культур в севообороте снижает зависимость от одной культуры и уменьшает риски, связанные с погодными аномалиями, вспышками болезней или колебаниями цен.	Снижение затрат на удобрения, пестициды и гербициды, а также повышение стабильности и качества урожая, приводят к увеличению рентабельности производства

Севооборот выступает не просто как агротехнический прием, а как комплексная система управления агроэкосистемой, направленная на ее устойчивое функционирование и повышение продуктивности в долгосрочной перспективе. Здоровые, плодородные почвы, свободные от накопленных вредителей и болезней, дают более высокие и стабильные урожаи, что напрямую увеличивает объемы производства зерна, овощей, кормов и другой сельскохозяйственной продукции, обеспечивая физическое наличие продовольствия. Севооборот способствует выращиванию разнообразных культур, что расширяет ассортимент производимого продовольствия и снижает зависимость от монокультур, повышая устойчивость национальной продовольственной системы к шокам. Здоровые растения, выросшие на плодородных почвах, при этом содержат больше питательных веществ и меньше остатков пестицидов, что способствует производству безопасной и качественной пищи. Уменьшение потребности в минеральных удобрениях, пестицидах и гербицидах благодаря естественным процессам, стимулируемым севооборотом, снижает себестоимость сельскохозяйственной продукции. Это, в свою очередь, может способствовать снижению цен для конечного потребителя, повышая экономическую доступность продовольствия. Стабильные и высокие урожаи при меньших затратах делают сельскохозяйственное производство более прибыльным, что способствует развитию сельских территорий, созданию рабочих мест и повышению доходов населения, косвенно улучшая доступность продовольствия.

Следует отметить, что в связи с недружественной политикой правительств ряда зарубежных стран, в настоящее время российские аграрии сталкиваются с определенной проблематикой в сфере закупки и обслуживания сельскохозяйственной техники закупки удобрений и пестицидов, ограниченного использования в повседневной деятельности достижений мировой промышленности.

Севооборот способствует значительному снижению использования химических средств защиты растений, что минимизирует риски загрязнения продуктов питания, что непосредственно влияет на безопасность пищи и ее пригодность для здорового потребления. Сохранение плодородия почв и биоразнообразия, снижение эрозии и загрязнения вод – все это компоненты устойчивой продовольственной системы, которая способна обеспечивать население качественной пищей не только сегодня, но и в будущем. Здоровые почвы с высоким содержанием органического вещества лучше удерживают влагу, что повышает устойчивость посевов к засухам, а разнообразие культур в севообороте снижает риски от экстремальных погодных явлений. Разрыв циклов вредителей и болезней предотвращает массовые вспышки, которые могут привести к значительным потерям урожая и дестабилизации продовольственного снабжения. Укрепление внутренней продовольственной базы за счет повышения продуктивности земель и диверсификации производства снижает зависимость страны от импорта и колебаний цен на мировых рынках, что критически важно в условиях геополитической нестабильности. Севооборот – это инвестиция в будущее, он обеспечивает сохранение и приумножение основного средства производства – земли – для будущих поколений, гарантируя долгосрочную

продовольственную безопасность. Таким образом, севооборот является фундаментальным инструментом для построения устойчивой, эффективной и независимой системы продовольственной безопасности. Его применение позволяет не только наращивать объемы производства, но и делать это таким образом, чтобы сохранять природные ресурсы, снижать риски и повышать экономическую жизнеспособность аграрного сектора.

Разработка и внедрение эффективных севооборотов – это сложная научно-практическая задача, требующая междисциплинарного подхода. Методология оценки и оптимизации севооборотов включает в себя агрономические, экономические, экологические и математические аспекты.

В основе агрономических подходов лежат фундаментальные знания о биологии растений, почвоведении и агрохимии. Наиболее эффективным является интегрированный подход, сочетающий все перечисленные методологии. Например, сначала проводится агрономический анализ для определения возможных культур и их чередования, затем экономический анализ для оценки рентабельности, экологический анализ для оценки устойчивости, и все это оптимизируется с помощью математических моделей. Важным элементом является также участие фермеров и агрономов-практиков в процессе разработки и адаптации севооборотов, так как их опыт и знание местных условий бесценны. В России разработка рекомендаций по севооборотам традиционно ведется на уровне научно-исследовательских институтов сельского хозяйства, специализирующихся по регионам и зонам земледелия, с учетом местных особенностей почв и климата. Эти рекомендации служат основой для планирования в хозяйствах.

В соответствии с представленными сведениями Правительства Российской Федерации возмещение сельхозтоваропроизводителям части расходов на мелиоративные мероприятия является направлением за которое ответственно Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Субсидии из федерального бюджета предоставляются бюджетам субъектов для снижения нагрузки и софинансирования расходных обязательств субъектов, возникающих при реализации государственных программ субъектов РФ в области мелиорации либо подпрограмм, реализуемых в составе государственных программ субъектов РФ, предусматривающих возмещение сельскохозяйственным товаропроизводителям, за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, части фактически осуществленных ими расходов на гидромелиоративные мероприятия, культуртехнические мероприятия на выбывших сельскохозяйственных угодьях, вовлекаемых в сельскохозяйственный оборот, агролесомелиоративные мероприятия, фитомелиоративные мероприятия, направленные на закрепление песков и мероприятия в области известкования кислых почв на пашне.

Таблица 1— Распределение результатов и субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий федерального проекта «Вовлечение в оборот и комплексная мелиорация земель сельскохозяйственного назначения» на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

Распределение субсидий в 2023г., рублей	Результат на 2023 г., га				
	Гидромелиоративные мероприятия	Культуртехнические мероприятия	Агролесомелиоративные мероприятия	Фитомелиоративные мероприятия	Известкование кислых почв
3 080 271 300,00	19 459,68	114 029,03	110,91	9 830,00	98 483,06
Распределение субсидий в 2024г., рублей	Результат на 2024 г., га				
	Гидромелиоративные мероприятия	Культуртехнические мероприятия	Агролесомелиоративные мероприятия	Фитомелиоративные мероприятия	Известкование кислых почв
3 098 865 200,00	20 349,00	103 332,00	163,00	13 511,00	105 900,00

Продолжение таблицы 1

Распределение субсидий в 2025г., рублей	Результат на 2025 г., га				
	Гидромелиоратив ные мероприятия	Культуртехниче ские мероприятия	Агролесомелиорат ивные мероприятия	Фитомелиорат ивные мероприятия	Известкован ие кислых почв
1 976 297 500,00	14 484,00	46 789,00	105,00	8 618,00	79 739,00

Признавая стратегическую важность севооборота для устойчивого развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, органы государственной власти целенаправленно разрабатывают и реализуют комплекс мер поддержки аграриев и регулирования государственной политики в сфере развития сельского хозяйства для повышения уровня продовольственной безопасности государства. Эти меры направлены на стимулирование аграриев к внедрению научно обоснованных систем земледелия и отходу от деструктивных практик монокультуры.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2023 г. № 1614 «О внесении изменений в Федеральную научно-техническую программу развития сельского хозяйства на 2017 - 2030 годы» утверждены изменения, которые вносятся в Федеральную научно-техническую программу развития сельского хозяйства на 2017 - 2030 годы, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017 - 2030 годы» работа в направлении поддержки севооборотов ведется и приносит свои плоды, наблюдается развитие сельского хозяйства, вводятся меры направленные на регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, реализуются мероприятия, направленные на поддержку растениеводства, в том числе стимулирование производства зерновых, масличных, кормовых культур, которые являются элементами севооборотов, а поддержка элитного семеноводства, обеспечивает аграриев качественным посевным материалом для диверсификации севооборотов.

Эффективность государственной поддержки напрямую зависит от ее адресности, прозрачности и способности стимулировать долгосрочное, устойчивое развитие, а не только краткосрочную выгоду. Важно, чтобы меры поддержки были интегрированы и учитывали комплексный характер влияния севооборота на продовольственную безопасность. Внедрение и строгое соблюдение научно обоснованных севооборотов сталкивается с рядом вызовов. Сельхозпроизводители ориентированы на максимизацию прибыли в краткосрочной перспективе. Это часто приводит к выращиванию наиболее рентабельных монокультур (например, кукурузы, подсолнечника, рапса, сои), что истощает почву и нарушает принципы севооборота. Отсутствие глубоких знаний о принципах севооборота, его долгосрочных выгодах, а также методах его адаптации к местным условиям свидетельствует о нехватке квалифицированных агрономов. Кроме того, диверсифицированный севооборот требует более широкий спектр сельскохозяйственной техники (различные сеялки, уборочные машины для разных культур), что является значительной инвестицией. Немаловажной проблематикой являются малопредсказуемые погодные условия (засухи, наводнения, аномальные температуры) которые могут нарушить запланированные схемы севооборотов, заставляя аграриев корректировать планы в экстренном порядке. Это также может способствовать появлению новых вредителей и болезней.

Следует отметить, что в соответствии с Решением о порядке предоставления субсидии № 24-6C008-01478-Р от 14.08.25, льготный кредит является целевыми денежными средствами в российских рублях, предоставляемых по льготной ставке заемщику на срок до одного года включительно на цели развития подотраслей растениеводства и животноводства, рыболовства и рыбоводства (аквакультуры), переработки продукции

растениеводства и животноводства, переработки и консервирования рыбы, ракообразных и моллюсков, приобретения и реализации сельскохозяйственной продукции в соответствии с направлениями целевого использования льготных кредитов, определяемых Министерством сельского хозяйства на основании абзаца четвертого пункта 62 Правил предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2023 г. № 1780.

Будущее севооборота в системе продовольственной безопасности страны тесно связано с развитием инновационных технологий, усилением государственной поддержки, повышением квалификации кадров и изменением менталитета аграриев в сторону долгосрочного и устойчивого планирования. Севооборот является незаменимым инструментом в системе обеспечения продовольственной безопасности страны. Его роль выходит за рамки простого агрономического приема, затрагивая фундаментальные аспекты устойчивого развития, экономического благополучия и экологического баланса. Методология разработки и оптимизации севооборотов требует комплексного подхода, объединяющего агрономические, экономические, экологические знания с современными инструментами математического моделирования и информационных технологий. Это позволяет создавать эффективные и адаптивные системы земледелия, учитывающие региональные особенности, а эффективная государственная политика играет ключевую роль в стимулировании и регулировании внедрения севооборотов, государство обязано создавать необходимые условия для перехода аграриев к устойчивым практикам. Существующие государственные программы развития сельского хозяйства уже содержат механизмы, способствующие этому процессу, но их эффективность может быть усилена за счет более целевой и интегрированной поддержки. Несмотря на вызовы, связанные с краткосрочной экономической выгодой, недостатком знаний и климатическими изменениями, перспективы развития севооборотов в России обнадеживающие. Внедрение цифровых технологий, дальнейшее развитие аграрной науки, усиление образовательных программ и интеграция с принципами регенеративного земледелия позволят вывести отечественное сельское хозяйство на новый уровень устойчивости и продуктивности.

В рамках проведенного исследования определено, что одним из приоритетных направлений развития сельского хозяйства Российской Федерации выступает севооборот. Разработка и внедрение дифференцированных субсидий, напрямую стимулирующих соблюдение севооборотов и выращивание почвоулучшающих культур является правильным направлением повышения уровня продовольственной безопасности государства. Немаловажным фактором развития являются инвестиции в исследования. Внедрение систем поддержки принятия решений и платформ для точного земледелия, являются необходимой инновацией в сельскохозяйственное производство для упрощения управления а усиление государственного контроля за соблюдением принципов рационального землепользования и мониторинга плодородия почв является необходимым действием по противодействию истощению почвы.

Список литературы:

1. Сельскохозяйственное районирование СССР [Карты] / сост. и подгот. к печати ф-кой № 10 в 1989 г.; ред. В.Г. Шмырков. - 1:4 000 000, 40 км в 1 см. - Москва : ГУГК, 1989. - 4 л. в общ. рамке : цв.; 83x113 см. - (Карты для высших учебных заведений).
2. Продовольственная безопасность России / А. В. Гордеев, И. Г. Ушачев, А. И. Алтухов [и др.] ; Российская академия сельскохозяйственных наук; Государственное научное учреждение Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства. – Москва : Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2008. – 180 с. – ISBN 978-5-7367-0655-6. – EDN QTEAJV.

3.Алтухов, А. И. Продовольственная безопасность России в условиях глобальных вызовов / А. И. Алтухов. – Москва : Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий - Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, 2024. – 576 с. – ISBN 978-5-00227-311-9. – EDN FEORUF.

4.Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К.Сенчагова. 2-е изд. – М.: Дело, 2005.

5.Продовольственная безопасность России. Качество продуктов питания - 99, Воронеж, 01 января – 31 1999 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 1999. – 210 с. – EDN UKCTFD.

6.Экономическая безопасность: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.А. Богомолов 204 и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

7. Наумов, Ю. Г. Траектории эффективного противодействия киберкоррупции с участием органов внутренних дел / Ю. Г. Наумов, М. Т. Бероев // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 218-223. – DOI 10.24412/2073-3305-2024-4-218-223. – EDN CZMDMX.

УДК 327

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

STATE REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN THE REPUBLIC OF BELARUS: LEGAL BASES AND PECULIARITIES IN THE CONTEXT OF SANCTION PRESSURE

**Борознова М.С., Пупенкова К.А.
Boroznova M.S., Pupenkova K.A.**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
г.Могилёв, пр. Шмидта, 3, email:boroz.m.05@mail.ru

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Mogilev, 3 Schmidt Avenue,
email:boroz.m.05@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются особенности государственного регулирования цифровых платформ в Республике Беларусь в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны Европейского Союза, США и ряда других государств. Обосновывается, что цифровая трансформация экономики требует не только технологических, но и устойчивых правовых решений, обеспечивающих легитимность новых институтов, защиту прав участников и предсказуемость правил для бизнеса. Анализируется конституционный уровень регулирования, роль Декрета Президента «О развитии цифровой экономики» и Указа № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», а также подзаконные акты, формирующие правовую архитектуру цифровых платформ. Отдельное внимание уделяется адаптации регулирования криптовалютных бирж, переходу к операциям через лицензированные внутренние площадки и формированию прозрачного рынка цифровых активов. Рассматриваются меры по импортозамещению критического программного обеспечения, созданию отечественных цифровых платформ управления промышленностью в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси», а также углубление цифровой интеграции с Российской

Федерацией в рамках Союзного государства. Автор приходит к выводу, что санкционное давление выступает катализатором ускоренного развития собственных технологических решений и независимой регуляторной среды, однако перед государством стоит сложная задача балансирования между протекционизмом, контролем и сохранением инновационной динамики. Устойчивость белорусской модели регулирования цифровых платформ определяется способностью обеспечить технологический суверенитет без избыточной бюрократизации цифровой экономики.

Abstract: The article examines the features of state regulation of digital platforms in the Republic of Belarus in the context of unprecedented sanctions pressure from the European Union, the United States, and several other countries. It is argued that the digital transformation of the economy requires not only technological but also sustainable legal solutions that ensure the legitimacy of new institutions, protect the rights of participants, and provide predictable rules for businesses. The article analyzes the constitutional level of regulation, the role of the Presidential Decree "On the Development of the Digital Economy" and Decree No. 367 "On the Circulation of Digital Signs (Tokens)," as well as the by-laws that form the legal architecture of digital platforms. Special attention is paid to the adaptation of regulation for cryptocurrency exchanges, the transition to operations through licensed domestic platforms, and the creation of a transparent digital asset market. The article also discusses measures to import substitute critical software and create domestic digital platforms.

Ключевые слова: Цифровые платформы, санкционное давление, правовое регулирование, криптовалюты, цифровые токены, технологический суверенитет, Республика Беларусь.

Keywords: Digital platforms, sanctions pressure, legal regulation, cryptocurrencies, digital tokens, technological sovereignty, Republic of Belarus.

Цифровая трансформация экономики Республики Беларусь требует не только технологических решений, но и устойчивой правовой архитектуры, способной обеспечить легитимность новых цифровых институтов, защиту прав участников цифровых отношений и предсказуемость правил игры для бизнеса. Государственное регулирование цифровых платформ в данном контексте выступает как механизм согласования интересов государства, общества и хозяйствующих субъектов. При этом ключевое значение имеет конституционный уровень, поскольку любые меры воздействия на цифровую сферу должны соответствовать принципам правового государства, верховенству права и допустимым пределам вмешательства в права человека.

Современный подход к цифровому регулированию строится на понимании того, что цифровая экономика формирует особую среду оборота информационных потоков, электронной транзакционности и новых форм взаимодействия между участниками рынка. Цифровые платформы в этой модели становятся инфраструктурой, через которую реализуются хозяйственные связи, предоставляются сервисы, организуются расчёты, а также создаются условия для оборота данных и цифровых активов. В результате правовое регулирование не может быть фрагментарным: оно должно охватывать правовой статус платформ, модель ответственности, режим защиты данных и участников, условия заключения и исполнения обязательств в цифровой среде.

Теоретически анализ правового регулирования цифровых платформ целесообразно рассматривать как часть более общей системы правового регулирования экономики. Это означает, что правовые нормы, применимые к цифровым платформам, должны быть встроены в систему источников и согласованы с отраслевыми режимами гражданских, обязательственных, информационных и финансовых отношений. Иными словами, цифровые платформы не являются автономной «внеправовой» сферой: они функционируют в рамках действующего законодательства и должны получать правовую определённость по основным юридическим параметрам — правосубъектности участников, способам осуществления прав, допустимым формам ограничения рисков и механизму

защиты интересов.

В Республике Беларусь такая правовая определённость реализуется через сочетание конституционных установок и развития отраслевого законодательства. В качестве базовых ориентиров выступают нормы Конституции, закрепляющие верховенство права и общие принципы деятельности государства и его органов. Дальнейшая конкретизация осуществляется посредством законодательных и подзаконных актов, которые устанавливают порядок регулирования общественных отношений, возникающих в связи с цифровыми преобразованиями. Таким образом обеспечивается юридическая непротиворечивость: государство не создаёт отдельные правовые миры, а формирует нормативные рамки цифрового развития в пределах конституционного поля.

Одним из центральных инструментов регулирования цифровой экономики является Декрет Президента «О развитии цифровой экономики». Этот акт, обладающий силой закона, задаёт понятийный аппарат и формирует ключевые правила функционирования объектов цифровой сферы. В частности, в нём раскрываются основные категории, необходимые для правоприменения: участники криптоинфраструктуры, режимы работы цифровых сервисов, подходы к правовой оценке инновационных институтов, включая внедрение технологий распределённых реестров. Кроме того, документ предусматривает возможность применения специальных правовых режимов для участников цифрового рынка, создавая условия для развития инноваций при сохранении юридического контроля и соблюдения прав инвесторов.

Важно подчеркнуть, что регулирование цифровых платформ не сводится только к материальным правилам. Существенную роль играют также процедуры и инфраструктурные элементы: порядок идентификации пользователей, особенности взаимодействия с информационными ресурсами, правила оказания отдельных видов услуг, а также требования к организации договорных отношений в цифровой среде. Эти направления получают развитие в постановлениях Совета Министров и иных подзаконных актах, которые детализируют отдельные сегменты цифровой сферы и обеспечивают управляемость правоприменения.

На современном этапе устойчивость правовой системы цифрового регулирования приобретает дополнительное измерение из-за внешнего санкционного давления. Введённые ограничения затрагивают как прямые операции цифровых платформ, так и доступ к технологиям, программному обеспечению и инфраструктуре. Поэтому правовое регулирование в Беларуси становится более прагматичным и стратегическим: оно направлено на снижение зависимости цифровой экономики от внешних поставщиков, создание конкурентоспособных национальных решений и обеспечение минимального уровня юридической защищённости участников рынка.

Санкции усиливают значимость правового выбора модели развития. Если цифровые сервисы зависят от зарубежной технологической экосистемы, государство сталкивается с риском технологической уязвимости и правовой неопределённости: прекращение доступа к зарубежным ресурсам может нарушать договорные отношения, усложнять расчёты и снижать устойчивость бизнеса. В этих условиях государственное регулирование должно одновременно решать две задачи: поддерживать развитие цифровых платформ и обеспечивать защиту экономических интересов и прав участников. Такая двойственность особенно заметна в сфере криптоактивов и цифровых финансовых услуг.

В отношении криптоактивов правовая позиция Беларуси в целом направлена на формирование регулируемого внутреннего рынка. Это проявляется в подходе, согласно которому сделки и операции должны совершаться в правовом поле, а активность на нерегулируемых зарубежных площадках ограничивается для определённых категорий участников. В результате формируется модель, где прозрачность достигается не через полный запрет цифровых технологий, а через правовую «локализацию» операций: использование лицензированных площадок внутри страны, соблюдение стандартов комплаенса и управляемость рисков для инвесторов. Такой подход позволяет государству

сочетать контроль и развитие рынка, сохраняя управляемость финансовых потоков и снижая риски незаконных схем.

Параллельно усиливается необходимость правового оформления взаимодействия цифровых платформ с режимами защиты данных и финансовой отчётности. В цифровой среде возрастает роль механизмов прослеживаемости и внутреннего контроля, поскольку платформы фактически выступают организаторами процессов, через которые проходит информация и формируются обязательства. Следовательно, возрастает и значение правовых требований к ответственности участников цифровых отношений, условиям совершения сделок и стандартам безопасности.

Отдельного внимания заслуживает то, что санкционное воздействие оказывает эффект не только на юридические ограничения, но и на практику функционирования платформ. Сокращение доступа к иностранному программному обеспечению и инструментам усложняет внедрение инноваций, увеличивает стоимость разработки и эксплуатации решений, а также повышает требования к локализации технологий. В ответ Беларусь делает ставку на развитие отечественных цифровых платформ и поддержку IT-отрасли, что рассматривается как способ сохранить устойчивость экономики и обеспечить технологическое суверенитетное измерение цифрового развития.

Таким образом, государственное регулирование цифровых платформ в Республике Беларусь в условиях санкционного давления формируется как системный переход от разрозненных решений к более целостной модели правового и технологического обеспечения. Данная модель ориентирована на: конституционную согласованность правовых механизмов цифрового регулирования, формирование нормативно определённого режима функционирования платформ, развитие внутренних технологических контуров и импортозамещение критических решений, создание управляемого рынка цифровых активов с акцентом на прозрачность и комплаенс [1].

В практическом плане будущее регулирования будет зависеть от способности государства удерживать баланс между протекционизмом и инновационной динамикой. Избыточное усиление ограничений и слишком жёсткая регуляторная нагрузка могут замедлить развитие стартапов и снизить инвестиционную привлекательность. Поэтому ключевая задача заключается в том, чтобы правовое регулирование не превращалось в барьер, а обеспечивало понятные правила для рынка, минимизировало риски и поддерживало технологическую модернизацию. В итоге цифровые платформы должны рассматриваться не только как коммерческие посредники, но и как элементы инфраструктуры, через которые государство обеспечивает устойчивость цифровой экономики и защищает общественные и экономические интересы.

Современный этап хозяйственного развития Беларуси проходит под знаком беспрецедентного внешнего санкционного воздействия со стороны США, Евросоюза и ряда других государств. По имеющимся оценкам, введенные ограничительные меры серьезно влияют на национальную экономику, и даже при благоприятном сценарии их полная отмена может растянуться на десятилетие. В этих обстоятельствах цифровая трансформация вместе с созданием и регулированием деятельности цифровых платформ выходит на первый план — они становятся не просто средством модернизации, но и важнейшим инструментом сохранения экономической безопасности и реального суверенитета. Характерной чертой текущего момента выступает то, что информационно-коммуникационные технологии все чаще используются как инструмент геополитического давления, а потому Беларусь вынуждена вырабатывать собственные правовые и организационные механизмы защиты. В ответ на внешние ограничения республика пересматривает прежние подходы к регулированию цифровых платформ, делая акцент на достижении технологической независимости, замещении критического иностранного программного обеспечения отечественными аналогами и создании альтернативных каналов для проведения международных расчетов [4].

В октябре 2025 года Европейский союз утвердил уже девятнадцатый по счету пакет

санкций против Беларуси, который впервые включил меры, напрямую затрагивающие сферу цифровых технологий и операций с криптоактивами. Принятым решением вводится запрет на оказание услуг, связанных с криптоактивами, гражданам и резидентам Беларуси, а также вводятся ограничения на отдельные платежные сервисы и эмиссию электронных денег. Особое значение имеют ограничения в отношении программного обеспечения: под запрет попадают системы управления предприятиями, ПО для промышленного дизайна и производства, банковские и финансовые программы, а также услуги в области искусственного интеллекта, высокопроизводительных вычислений, квантовых технологий и коммерческого спутникового наблюдения. Одновременно вводится запрет на экспорт в Беларусь электронных компонентов и других товаров, способных усилить промышленный и военный потенциал страны.

Помимо прямых запретов, санкции оказывают и мощное косвенное воздействие на развитие цифровых платформ в стране. Парка высоких технологий, причем во многом за счет российских криптоструктур. Санкционные меры, направленные против российских криптобирж и обменников, используемых для обхода ограничений, неизбежно затрагивают и белорусский рынок. Кроме того, санкции создают серьезные проблемы с доступом к зарубежному ПО, оборудованию и комплектующим, что заставляет Беларусь ускоренными темпами развивать собственные технологические решения. Как подчеркивается в научных работах, в условиях внешнего давления особое внимание уделяется поиску направлений для наращивания собственной технологической базы и цифровой инфраструктуры.

Наиболее наглядным примером адаптации правового регулирования цифровых платформ к санкционным условиям служит политика в отношении криптовалютных бирж и обменников. В декабре 2025 года белорусские интернет-регуляторы внесли в реестр ограниченного доступа сайты нескольких крупных международных криптобирж — Bybit, OKX, BingX и Bitget. Однако спустя непродолжительное время доступ к этим платформам был восстановлен, что вызвало неоднозначную реакцию экспертов. По мнению аналитиков, данное решение не является запретом криптовалют как таковых, а представляет собой шаг к формированию цивилизованного рынка цифровых активов с прозрачными правилами и защитой инвесторов. Государство не объявило криптовалюту вне закона — оно ограничило доступ к тем площадкам, которые функционируют вне правового поля. Аналогичные подходы применяются и в других странах, где от операторов цифровых активов требуют получения лицензий и обеспечения прозрачности.

Ключевым нормативным актом, определяющим сегодня регулирование криптовалютных платформ, выступает Указ № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», принятый еще в сентябре 2024 года. Этот документ запрещает гражданам и индивидуальным предпринимателям, включая резидентов Парка высоких технологий, совершать операции на нерегулируемых зарубежных площадках и требует проведения всех сделок через лицензированные биржи и обменники внутри страны. Тем самым в Беларуси формируется прозрачный и подотчетный рынок цифровых активов, обеспечивается защита вкладчиков от вывода средств через нелегальные схемы, а контрольные органы получают возможность отслеживать финансовые потоки и противодействовать отмыванию денег. В настоящее время в стране уже действует перечень разрешенных площадок, соответствующих требованиям законодательства, — среди них Whitebird, Bynex, Tradex, Dzeni.com. Все эти компании имеют статус резидентов Парка высоких технологий, проходят обязательные проверки и соблюдают местные правила в сфере AML/KYC, финансовой отчетности и защиты пользователей [2].

На встрече с руководством Национального банка и коммерческих банков в сентябре 2025 года Президент Беларуси Александр Лукашенко заявил о необходимости расширения использования цифровых токенов. Он признал, что санкции серьезно отразились на экономике, и теперь цифровые активы стали едва ли не спасательным кругом. По его данным, только за семь месяцев 2025 года объем внешних платежей через криптовалютные биржи достиг 1,7 млрд долларов, а по экспертным оценкам, к концу года эта цифра может

вырасти до 3 млрд долларов. Учитывая, что численность населения Беларуси составляет около 9,1 млн человек, такие суммы выглядят весьма внушительно и наглядно демонстрируют, насколько активно криптовалюты используются для международных расчетов в условиях, когда доступ к традиционной банковской системе сильно ограничен. Президент подчеркнул, что цифровая стратегия страны должна включать внедрение биометрических технологий, создание собственной IT-компании для снижения зависимости от внешних поставщиков услуг и интеграцию решений на базе искусственного интеллекта.

Одним из ключевых механизмов обеспечения цифрового суверенитета выступает Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси», в рамках которой реализуются масштабные проекты по созданию отечественных цифровых платформ. Министерство промышленности выступает заказчиком по ряду ключевых направлений. В рамках программы к 2025 году планируется создать цифровую платформу управления промышленностью, разработать архитектуру торгово-кооперационной платформы, а также подготовить макет отечественной платформы для формирования «цифровых двойников» продукции и производства для белорусских предприятий. Особое значение придается задаче замещения иностранных MES, PLM и ERP-систем. Цифровая платформа Министерства промышленности обеспечит сбор, интеллектуальный анализ и прогнозирование данных по профильным направлениям с гибкой настройкой и возможностью расширения спектра отчетных форм.

В условиях ограничения доступа к иностранному программному обеспечению создание отечественных цифровых платформ приобретает критическое значение. Процессы производства, его сопровождения, создания новой продукции и сбыта будут оцифрованы с привлечением широкого круга участников рынка из числа резидентов Парка высоких технологий, которые занимаются разработкой промышленного ПО. Активность и инициативность «офиса цифровизации» при Министерстве промышленности создает основу для цифровой трансформации всего производственного сектора, а реализуемые проекты формируют технологический задел для развития отечественных предприятий.

В условиях внешнего санкционного давления Беларусь и Россия перешли к системной интеграции в цифровой сфере, направленной на обеспечение безопасности и развитие высокотехнологичных отраслей. Как заявил первый секретарь посольства Российской Федерации в Беларуси Антон Степаненко, у двух стран имеется не просто общее понимание задач, а выстроенный механизм совместной работы. В соответствии с концепцией безопасности Союзного государства белорусские и российские специалисты совместно используют современные разработки для противодействия киберугрозам, занимаются созданием единого защищенного информационного пространства и синхронизацией норм в сфере искусственного интеллекта и цифровых технологий. Основные усилия сосредоточены на нескольких ключевых направлениях: кибербезопасность (совместное использование разработок для защиты информационных ресурсов), искусственный интеллект (создание унифицированных платформ для промышленности и разработка модельного закона Союзного государства), микроэлектроника (совместные программы, включая сотрудничество российского НИИ молекулярной электроники и белорусского «Интеграла»), а также внедрение передовых цифровых решений в реальном секторе экономики.

Санкционное давление создает для Беларуси сложную дилемму. С одной стороны, необходимо сохранять привлекательность для международных инвестиций и инноваций, с другой — обеспечивать соответствие требованиям международного комплаенса. Криптовалюты могут стать обоюдоострым мечом: они позволяют гражданам участвовать в глобальных рынках, но одновременно создают риски оттока капитала, который правительство стремится контролировать. Если такие страны, как Эстония и Литва, сохраняют свои рынки более открытыми, соблюдая при этом стандарты ЕС, то Беларусь, судя по всему, отдает приоритет внутренней торговле и комплаенсу, что потенциально

может подавить ту самую инновационную активность, которую она когда-то стремилась поощрять. Изменяющаяся нормативно-правовая среда создает неоднозначные условия для стартапов в криптопространстве. Хотя первоначальная регуляторная база способствовала инновациям, ужесточение мер комплаенса может затруднить выход на рынок новых игроков. Стартапы, которые процветали в благоприятных условиях Парка высоких технологий, теперь сталкиваются с правилами, ограничивающими торговлю только внутренним рынком, и с усилением контроля.

Особенность регулирования цифровых платформ в Республике Беларусь в условиях санкционного давления определяются необходимостью обеспечения технологического суверенитета при одновременном сохранении инновационного потенциала цифровой экономики. Основными направлениями адаптации выступают: развитие национального законодательства о криптовалютных платформах с акцентом на регулируемый внутренний рынок; создание отечественных цифровых платформ для управления промышленностью и импортозамещения критического программного обеспечения; углубление цифровой интеграции с Российской Федерацией в рамках Союзного государства. Санкционное давление, безусловно, создает серьезные вызовы для белорусской цифровой экосистемы, ограничивая доступ к зарубежным технологиям и финансовым инструментам. Однако оно же выступает катализатором ускоренного развития собственных технологических решений и формирования независимой регуляторной среды. Будущее регулирования цифровых платформ в Беларуси будет определяться способностью государства найти баланс между обеспечением соответствия международным требованиям и сохранением пространства для инновационного развития. Как справедливо отмечают эксперты, рынок с четкими правилами всегда лучше, чем рынок хаоса, где площадки исчезают в одночасье. Беларусь не «выдавливает криптовалюту» и не отказывается от цифровых платформ — она устанавливает рамки, в которых цифровая экономика может расти устойчиво, безопасно и под контролем закона. В условиях санкционного давления такой подход становится не просто предпочтительным, а единственно возможным для сохранения экономического суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

Государственное регулирование цифровых платформ в Республике Беларусь в условиях санкционного давления представляет собой комплексную стратегию, направленную на обеспечение технологического суверенитета и адаптацию экономики к новым геополитическим реалиям. В отличие от России, белорусская экономика, являясь малой и критически зависимой от внешней торговли, столкнулась с более жестким санкционным воздействием: экспорт белорусских товаров в ЕС сократился более чем в 3,5 раза, а закупки в ЕС уменьшились вдвое, причем наиболее болезненным ударом стал запрет на перевалку калийных удобрений через литовский порт. Эти ограничения породили три группы системных проблем: логистические (усложнение западных транзитных коридоров, вынужденный переход на восточные и южные маршруты с ростом времени и стоимости доставки), финансовые (ограничения на международные расчеты и ужесточение контроля со стороны банков-корреспондентов) и технологические (ограничение доступа к западному программному обеспечению, оборудованию и микроэлектронике).

В ответ на эти вызовы белорусское государство запустило масштабную программу правового и инфраструктурного регулирования цифровой сферы. Ключевым документом стала Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы, утвержденная постановлением Совета Министров №793 от 30 декабря 2025 года, с финансированием более 1,08 млрд рублей. Программа включает три подпрограммы: «Экономика данных» (развитие телеком-инфраструктуры и внедрение ИИ), «Цифровое государство» (переход к проактивным госуслугам по принципу «государство в кармане») и «Цифровой суверенитет» (формирование импортонезависимой экосистемы ПО). Параллельно совершенствуется регулирование электронной торговли: в 2026 году регулятор обозначил приоритеты по установлению четких правил для маркетплейсов, пресечению необоснованного посредничества и использованию антимонопольных инструментов, а

также готовится проект Указа Президента о регулировании потребительского рынка, направленный на выравнивание условий для белорусских и иностранных интернет-площадок [3].

Важным элементом регулирования становится внедрение обязательных цифровых инструментов контроля. С 11 февраля 2026 года в ЕАЭС вступил в силу механизм обязательного применения навигационных пломб для отслеживания трансграничных перевозок санкционных и подакцизных товаров, а с 1 марта 2026 года в Беларуси расширен перечень товаров, подлежащих национальной системе прослеживаемости (включены новые категории бытовой техники, электроинструментов и электроники), что требует от бизнеса использования электронных накладных и интеграции учетных систем. На уровне ЕАЭС также продолжается гармонизация требований к защите прав потребителей, включая общие подходы к ответственности за нарушения при трансграничной торговле.

Перспективы развития цифровых платформ в Беларуси связаны с реализацией концепции «цифрового суверенитета», которая предполагает способность государства независимо развивать цифровую инфраструктуру без критической зависимости от внешних поставщиков. Это означает постепенное замещение западного ПО отечественными или другими аналогами, адаптацию маркетинга под национальные и региональные платформы (в условиях недоступности Google Ads и Meta), а также активную диверсификацию экспортных рынков в Азию, Африку и на Ближний Восток. При этом перед регулятором стоит сложная задача балансирования между протекционистскими мерами и необходимостью сохранять интеграцию с глобальной цифровой экономикой, поскольку избыточное регулирование и тотальная прослеживаемость могут создать риски роста административной нагрузки на бизнес и формирования «цифровой бюрократии», которую в Минсвязи обещают преодолеть через переход к принципу «однократного ввода информации» [5].

Таким образом, белорусская модель регулирования цифровых платформ в условиях санкций формируется как вынужденный, но системный переход от фрагментарного контроля к тотальной цифровой прослеживаемости и технологической независимости, что в долгосрочной перспективе может создать прецедент для построения суверенной экосистемы цифровых сервисов на пространстве ЕАЭС.

Список литературы:

1 Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (с изменениями и дополнениями).

2 Указ Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)».

3 Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793 «О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы».

4 Шафалович, А. А. Правовое обеспечение развития электронного государства : учебное пособие / А. А. Шафалович. – 2021

5 Информационное право : учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Политология» / М. С. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича, М. С. Абламейко. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2021. – 423 с

**ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
УПРАВЛЕНИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ**

**INFORMATION SECURITY IN PUBLIC ADMINISTRATION: CRIMINAL-LAW
COUNTERMEASURES AGAINST CYBERCRIME**

М. Ю. Гембель, И. А. Семенцова
M. Y. Gembel, I. A. Sementsova

Ростовский институт (филиал) Всероссийского Государственного Университета Юстиции
(Российской правовой академии Министерства Юстиции России), Россия, 344112, г.
Ростов-на-Дону, ул. Студенческая, 6, email: mariagembel1301@gmail.com

Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia), Russia, 344112, 6 Studencheskaya St., Rostov-on-Don,
email: mariagembel1301@gmail.com

Аннотация: В данной работе рассматривается проблема уголовно-правовая оценка действий в виртуальной среде. Основная идея о том, что квалификация таких составов в современном мире затруднительна и нужно найти выходы и пробелы в законодательстве, помогающие в решении проблем. Целью статьи является изучение такого вида преступлений и проблеме определения их составов. Статья раскрывает содержание понятие киберпреступности. Дается, также, сравнения с западными методами и опытом. Особое внимание уделяется особенностям такого вида преступлениям и отличиям его от других правонарушений. Статья посвящена актуальной на настоящее время проблеме киберпреступности и различных видов правонарушений в виртуальной среде. в заключение раскрываются варианты редакции законодательства в целях помощи в решении актуальной проблемы уголовно-правовой оценки деяний в сети «Интернет».

Abstract: This paper examines the problem of the criminal-law assessment of acts committed in a virtual environment. The main idea is that qualification of such offences in the modern world is difficult, and it is necessary to identify solutions and gaps in legislation that can help address these problems. The purpose of the article is to study this type of crime and the issues involved in determining its constituent elements. The article reveals the content of the concept of cybercrime and also provides a comparison with Western methods and experiences. Particular attention is paid to the specific features of this type of crime and its differences from other offences. The article is devoted to the currently relevant problem of cybercrime and various types of violations in the virtual environment. In conclusion, possible amendments to the legislation are presented, aimed at assisting in solving the pressing problem of the criminal-law assessment of acts committed in the Internet.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпреступление, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), киберзависимость преступлений, цифровой суверенитет, виктимологическая профилактика, виктимизация пользователей, программно-технические средства.

Keywords: information security, cybercrime, information and communication technologies (ICT), cyber-dependent crime, digital sovereignty, victimological prevention, victimization of users, software and technical means.

В условиях цифровизации государственного управления информационная безопасность выступает ключевым фактором устойчивости публичной власти и защиты

национальных интересов. Теоретический анализ свидетельствует о трансформации информационной среды в основное поле реализации государственного суверенитета, где киберугрозы подрывают управляемость органов власти и безопасность критической информационной инфраструктуры. Проблема исследования заключается в недостаточной интеграции уголовно-правовых механизмов в систему государственного управления информационной сферой, что приводит к пробелам в противодействии киберпреступности. К задачам можно отнести определение места информационной безопасности в системе национальной безопасности; анализ целей, задач и механизмов государственного управления в информационной сфере; оценку роль органов публичной власти; выявление проблемы уголовно-правового регулирования киберпреступности.

Объектом исследования является государственное управление в информационной сфере как элемент обеспечения национальной безопасности. Предметом исследования являются уголовно-правовые механизмы противодействия киберпреступности в системе государственного управления.

Цель исследования состоит в раскрытии роли государственного управления в обеспечении информационной безопасности через совершенствование уголовно-правовых мер противодействия киберпреступности.

К материалам и методам исследования относятся нормативно-правовой метод, проявляющиеся в изучении Уголовного Кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», сравнительно-правовой метод заключается в сравнении систем информационной безопасности против киберпреступности России и США, опираясь на Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации № 185 23.11.2001 г, анализ литературы заключается в изучении научных статей Николаевой М.О., Бегларян М. Я., Семенцовоу И.А. других.

Информационная безопасность представляет собой состояние защищенности информационной среды (совокупности информации, информационных систем, сетей и субъектов информационных отношений) от намеренных и случайных угроз, обеспечивающее конфиденциальность (недоступность для неуполномоченных лиц), целостность (неизменность данных при обработке, хранении и передаче), доступность (своевременный доступ субъектов к информации и ресурсам) и аутентичность (достоверность источников и подлинность данных), являющееся условием устойчивого функционирования личности, общества и государства в информационной сфере [1 С. 22].

Место информационной безопасности в системе национальной безопасности. Информационная безопасность занимает ведущее, системообразующее положение в системе национальной безопасности Российской Федерации как неотъемлемая ее составляющая, выступая важнейшей долгосрочной задачей и связующим звеном между всеми компонентами государственной политики (политической, экономической, оборонной, социальной). Это обусловлено тем, что информационная сфера активно влияет на все сферы жизнедеятельности общества и государства, а национальные интересы выражаются и реализуются преимущественно через информацию и информационную инфраструктуру. Обеспечение информационной безопасности напрямую способствует защите суверенитета, территориальной целостности, конституционных прав граждан, устойчивого социально-экономического развития и стратегической стабильности. В условиях цифровизации ее роль возрастает, делая ее ключевым фактором устойчивого функционирования личности, общества и государства [2].

Основной целью государственного управления в информационной сфере является формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры и обеспечение ее устойчивого функционирования. Это включает создание условий для реализации конституционных прав граждан на доступ к информации и решение задач государственного управления через

информатизацию. Кроме того, цель заключается в укреплении суверенитета в информационном пространстве путем предотвращения деструктивных воздействий.

Ключевыми задачами выступают:

- Развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз, включая определение источников угроз и оперативную ликвидацию последствий;
- Обеспечение защиты конституционных прав при обработке персональных данных с использованием информационных;
- Регулирование отношений по поиску, получению, передаче и распространению информации, развитие информационных систем для граждан, организаций и органов власти;
- Создание первичных и производных информационных массивов для задач государственного управления и реализации прав граждан [3].

Механизмы реализуются через:

- Нормативно-правовое регулирование информатизации и защиты информации на основе принципов открытости и доступности;
- Развитие и взаимодействие информационных систем государственных органов, включая приоритетное использование российских технологий;
- Координацию действий органов власти для обеспечения согласованности при управлении ресурсами с учетом уровней управления;
- Совершенствование средств защиты на основе передовых технологий, включая ИИ и квантовые вычисления [3].

Органы публичной власти обеспечивают защищенность информационного пространства через нормативное регулирование, координацию действий, техническую защиту и мониторинг угроз. ФСБ России формирует государственную политику безопасности критической информационной инфраструктуры и контролирует криптозащиту, ФСТЭК России разрабатывает требования к защите информации, сертифицирует средства и лицензирует услуги, Роскомнадзор осуществляет надзор за персональными данными и контентом. Совет Безопасности РФ координирует выявление и нейтрализацию угроз, Правительство РФ реализует федеральные программы финансирования и межведомственное взаимодействие.

В своей работе, Беглярян М. Е., вместе с Войтовой-Долгих Я. Н. и Одинцовым С. А., дают следующее определение понятия киберпреступность. Киберпреступность – это преступные действия, совершаемые в цифровом, или виртуальном, мире, который в научной публицистике называется виртуальным, или цифровым, пространством [4 С. 20].

Киберпреступления включают действия против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, а также злоупотребление ими для противоправных целей, таких как кража данных или мошенничество. Согласно Конвенции Совета Европы о киберпреступности, это преступления, направленные на системы (незаконный доступ, вмешательство в данные) или использующие технологии для подлога и обмана [5].

Киберпреступления отличаются от традиционных преступлений использованием функциональных свойств процессов, методов и средств преобразования цифровой информации, а также специальных знаний и умений для этого [6 С. 93].

Витвицкая С. С., вместе со своими коллегами, говорит что, они разнородны и разнообразны по сравнению с другими преступлениями, где информация или информационные технологии не выступают единственным системообразующим признаком структуры деяний, что видно из их перечня. Поэтому их уголовно-правовая и криминологическая характеристика требует более детальной классификации для разработки мер противодействия и предупреждения, в отличие от стандартных подходов к иным преступлениям [7 С. 23].

По мнению Семенцовой И. А., и Боргдторфа А. Е., киберпреступления классифицируются по роли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): киберзависимые (возможны только с ИКТ), киберусиленные (традиционные с

использованием ИКТ) и преступления против ИКТ [8 С. 678].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит специальную главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая устанавливает уголовную ответственность за действия, угрожающие информационной безопасности государства и общества. Ключевые составы преступлений:

– Статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» Наказывает за умышленный доступ к охраняемой компьютерной информации, включая логин/пароль, SQL-инъекции, фишинг. Объект посягательства — конфиденциальность информации. Наказание: штраф до 200 тыс. руб., исправительные работы до 1 года или лишение свободы до 2 лет (базовый состав); до 5 лет лишения свободы при тяжких последствиях или в составе группы.

– Статья 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» Квалифицирует разработку, внедрение вирусов, троянов, ransomware, ботнетов. Особенность — вредоносные программы должны обладать автономным характером поражения (самораспространение, нанесение ущерба). Наказание: до 4 лет лишения свободы (базовый состав); до 7 лет при массовом характере или особо тяжких последствиях.

– Статья 274 УК РФ «Неправомерное воздействие на компьютерную информацию» Охватывает DDoS-атаки, удаление/модификацию данных, подмену информации. Объект — целостность и доступность компьютерных систем. Отличие от ст. 273 — отсутствие вредоносного ПО, воздействие через системные команды. Наказание: штраф до 500 тыс. руб. или лишение свободы до 4 лет; до 7 лет при тяжких последствиях.

– Статья 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» Специализированная норма, введенная ФЗ № 187-ФЗ. Защищает объекты КИИ (атомная энергетика, транспорт, банки, госсистемы). Квалифицируется любое воздействие, повлекшее отказ функционирования или искажение данных. Наказание: штраф до 1 млн руб. или лишение свободы до 6 лет (базовый состав); до 10 лет при особо тяжких последствиях или угрозе жизни людей [9].

Суругов А.А. говорит от том, что составы преступлений по ст. 272 и 274 УК РФ являются материальными, поскольку требуют наступления негативных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования электронной информации — эти последствия носят альтернативный характер. Наличие любого из них образует состав преступления. При доказывании необходимо установить причинно-следственную связь между действиями и этими общественно опасными последствиями [10 С. 30].

К специальным составам относятся:

– Ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в компьютерной информации): хищение через обман с электронными платежами (фишинг и т.п.). Материальный состав, объект — компьютерная информация.

– Ст. 207.1 УК РФ (ложное сообщение о теракте в интернете): публичное распространение фейков в сети для паники.

Формальный состав, специфика — цифровые платформы. Эти составы подчеркивают киберзависимость преступлений [9].

Алтухов С. А. и Оганесян О. А. в своём исследовании говорят о проблеме квалификации киберпреступлений. Квалификация киберпреступлений осложняется анонимностью преступников, использующих VPN, Tor и подставные аккаунты, что затрудняет установление личности. Трансграничный характер преступлений подразумевает совершение на разных юрисдикциях, требуя международного сотрудничества по Будапештской конвенции, но замедляя расследование. Доказывание умысла проблематично из-за отсутствия прямых улик — косвенные данные (логи, IP) часто недостаточны без технической экспертизы [11 С. 424].

Автор диссертации на тему «Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» Родина Е. А. утверждает что, цифровой суверенитет

обеспечивает наивысший уровень защищённости личности в киберпространстве, позволяя государству полностью контролировать технологии, лежащие в основе его функционирования — от аппаратных средств до программ и данных. США обладают полным суверенитетом благодаря производству всех ключевых компонентов, крупнейшим ресурсам, соцсетям и сообществу разработчиков. КНР быстро приближается к этому, внедряя масштабные меры защиты. Россия пока не достигла такого уровня. Защита киберпространства требует комплексного подхода: сочетание программно-технических средств, нормативного регулирования. Запретительные меры (блокировки) менее эффективны, но оправданы при технологической отсталости; они неизбежно ограничивают свободу слова, доступ к информации и приватность — это глобальный тренд наступления государств на базовые ценности. Виктимологическая профилактика эффективна через господдержку общедоступных образовательных, энциклопедических и культурных ресурсов, формирующих единое культурное пространство, повышающих грамотность населения и снижающих риски виктимизации пользователей [12 С. 22 - 23].

Введение новых составов преступлений. Необходимо дополнить главу 28 УК РФ специальными нормами для современных угроз:

1. Статья о кибершпионаже (незаконный сбор данных госструктур через сети) с наказанием до 12 лет.

2. Статья о дипфейк-мошенничестве (подлог с ИИ для обмана) как квалифицирующий признак ст. 159.6.

3. Статья о торговле аккаунтами на даркнете (ст. 272.1) для пресечения инфраструктуры киберпреступности.

Это позволит охватить трансграничные и технологически сложные формы виртуальных преступлений. Цифровизация уголовного следствия :

- Обязательное внедрение блокчейн-логов для фиксации цифровых улик (IP, транзакции), исключая подлог.

- Создание единой платформы МВД для автоматизированного анализа malware и трассировки через ИИ.

- Законодательное закрепление электронных протоколов осмотра (видео 360°, метаданные) как равнозначных бумажным.

Такие меры повысят доказуемость умысла и сократят сроки расследования в виртуальной среде.

Лихачёв Н. А. делает выводы из своей работы:

- нормы, закрепленные в гл. 28 УК РФ, являются востребованными, так как с каждым годом число зарегистрированных преступлений, ими предусмотренных, возрастает;

- вместе с тем конструкция диспозиций почти всех этих норм характеризуется наличием некоторых неточностей и неопределенностей, которые критикуются представителями уголовно-правовой науки и требуют устранения;

- представляется закономерным в перспективе преступления против информационной безопасности выделить в самостоятельный раздел, но данное предложение требует дальнейшего изучения и обсуждения [13 С. 217].

Подводя итоги, можно сказать, информационная безопасность — это состояние защищённости информационной среды от случайных и намеренных угроз, позволяющее обеспечивать конфиденциальность, целостность, доступность и подлинность данных, что необходимо для устойчивого функционирования личности, общества и государства. В системе национальной безопасности РФ информационная безопасность занимает ключевое, системообразующее положение, связывая политическую, экономическую, оборонную и социальную сферы, поскольку национальные интересы всё чаще реализуются через информационную инфраструктуру. Государство обеспечивает её через нормы и механизмы: законы, подзаконные акты, деятельность ФСБ, ФСТЭК, Роскомнадзора, стратегии и программы, направленные на защиту критической инфраструктуры,

персональных данных и свободы доступа к информации. Киберпреступность понимается как противоправные действия в цифровом пространстве, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности систем, а также использующие ИКТ для хищения данных, мошенничества и иных незаконных целей. Её специфика — трансграничность, анонимность, сложность доказывания умысла и опоры на цифровые следы, что диктует необходимость уточнения уголовно-правовых норм, возможного выделения самостоятельного раздела о преступлениях против информационной безопасности и внедрения современных инструментов цифрового следствия (блокчейн-логи, ИИ-анализ, электронные протоколы).

Список литературы:

1. Николаева, М. О. Информационная безопасность: современная картина проблемы информационной безопасности и защиты информации / М. О. Николаева // Мониторинг. Образование. Безопасность. 2023. № 1(1), URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54211958>
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. 29.12.2025). URL: https://rg.ru/documents/2006/07/29/informaciadok.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2021/07/03/putin-utverdil-strategiiu-nacionalnoj-bezopasnosti-rf.html>
4. Беглярян М. Е. Исторические аспекты понятий «киберпреступление» и «кибертерроризм» в законодательстве: проблемы трактования / Войтова-Долгих Я.Н., Одинцов С.А. // Уголовное право и криминология. 2022. № 4, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-ponyatij-kiberprestuplenie-i-kiberterrorizm-v-zakonodatelstve-problemy-traktovaniya>
5. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации № 185 23.11.2001 г. URL: <https://base.garant.ru/4089723/>
6. Шавалеев Б.Э. Классификация киберпреступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Том 13. № 3. 93-97 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49478632>
7. Витвицкая С.С. Киберпреступление: понятие, классификация, международное противодействие / Витвицкий А.А., Исакова Ю.И // Legal Order and Legal Values. 2023. № 1, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54387224>
8. Семенцова И. А., Боргдофт А. Е. Проблематика исследований киберпреступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2021. № 1, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46488088>
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г № 63-ФЗ (ред. 31.07.2025 г.). URL: <https://rg.ru/documents/2007/11/12/ukrf-dok.html>
10. Суругов А. А. Правовая характеристика преступлений совершенных с использованием информационных технологий // Актуальные исследования. 2026. № 2, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88761236>
11. Алтухов С. А., Оганесян О. А. Уголовно-правовое регулирование информационной безопасности в РФ. // Правовое образование. Том 12. Сборник научных статей / под. ред. канд. юрид. наук, проф. Магомедова Б.М.; канд. юрид. наук, доц. Вакула А.И.- Ростов-на-Дону: ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). 2021, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47106961>
12. Родина Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: автореф, дисс. канд. юр. наук. Москва, 2022. 217 с.
13. Лихачёв Н. А. уголовное- правовое противодействие преступлением в сфере информационной безопасности: законодательный, правоприменительный и доктринальный аспекты: автореф, дисс. канд. юр. наук. Москва, 2024. 237 с.

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЁ ГРАЖДАН В
УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ**

**FOOD SECURITY OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA AS A TOOL FOR
ENSURING THE SECURITY OF ITS CITIZENS UNDER SANCTIONS**

**Джабиев В.В.
Dzhabiev V.V.**

ГБУН ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева при Президенте РЮО, г. Цхинвал, п. А.Джигоева 3.

Z.N. Vaneev under the President of the Republic of South Ossetia, Tskhinval, A.
Dzhigoeva settlement 3

Аннотация: В статье исследуется современное состояние агропромышленного комплекса Республики Южная Осетия в период с 2021 по 2025 гг. и обосновывается его стратегическое значение для обеспечения продовольственной безопасности граждан в условиях санкционного давления. Автор проводит сравнительный анализ земельного баланса, технической оснащенности и объемов производства советского и современного периодов, выявляя критический упадок инфраструктуры, сокращение пахотных и поливных земель, а также дефицит сельхозтехники. Статистический анализ показывает, что зафиксированный рост производства в денежном выражении во многом обусловлен инфляционными процессами. При этом в растениеводстве развитие носит экстенсивный характер, а в животноводстве наблюдается устойчивый спад поголовья скота. Теоретические расчеты автора демонстрируют, что местная продукция покрывает лишь четверть от реальных потребностей населения. На основе проведенного анализа аргументируется необходимость отказа от инерционной модели и перехода к интенсивному типу хозяйствования. В качестве решения предлагается разработка комплексной Программы развития АПК РЮО и «дорожной карты», включающей земельную реформу, восстановление ирригации, модернизацию логистики, запуск перерабатывающих предприятий и внедрение механизмов государственно-частного партнерства.

Annotation: This article examines the current state of the agro-industrial complex of the Republic of South Ossetia for the period from 2021 to 2025 and substantiates its strategic importance for ensuring food security for citizens in the face of sanctions. The author conducts a comparative analysis of the land balance, technical equipment, and production volumes of the Soviet and modern periods, revealing a critical decline in infrastructure, a reduction in arable and irrigated land, and a shortage of agricultural machinery. Statistical analysis shows that the recorded growth in production in monetary terms is largely due to inflation. Meanwhile, crop production is developing extensively, while livestock farming is experiencing a steady decline in livestock numbers. The author's theoretical calculations demonstrate that locally produced goods cover only a quarter of the population's actual needs. Based on this analysis, the need to abandon the inertial model and transition to an intensive farming system is argued. The proposed solution is the development of a comprehensive Program for the Development of the Agricultural Sector of the Republic of South Ossetia and a roadmap, including land reform, restoration of irrigation, modernization of logistics, the launch of processing plants, and the implementation of public-private partnership mechanisms.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, сельскохозяйственное производство, агропромышленный комплекс, земельные ресурсы, растениеводство, животноводство.

Key words: Food security, agricultural production, agro-industrial complex, land resources, crop production, livestock farming.

Проблема восстановления и обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) Республики Южная Осетия (РЮО) сохраняет свою актуальность с момента развала СССР, приобретая особую значимость после признания независимости государства Российской Федерацией в августе 2008 года. На сегодняшний день между РФ и РЮО сформирована прочная нормативно-правовая база, включающая более 150 межгосударственных договоров и соглашений о взаимной поддержке, союзничестве и стратегическом сотрудничестве. В данном контексте одним из приоритетных векторов модернизации национальной экономики выступает аграрный сектор.

Необходимость форсированного восстановления сельского хозяйства РЮО обусловлена внешнеполитическими и внутренними ключевыми факторами, а именно:

Глобальное санкционное давление со стороны стран-членов НАТО и Европейского союза в отношении Российской Федерации требует консолидации усилий по обеспечению макрорегиональной продовольственной безопасности;

Высокая степень импортозависимости потребительского рынка РЮО от российских поставок создает дополнительную нагрузку на продовольственные фонды РФ.

С целью снижения данной нагрузки представляется необходимым безотлагательное определение и внедрение эффективных организационно-экономических механизмов реанимации отечественного АПК. Первоочередной задачей в данном направлении является проведение комплексного аудита земельных ресурсов Республики с последующей разработкой моделей их рационального использования, адаптированных к специфике рельефа, климатическим условиям и исторически сложившейся специализации регионов.

Текущее геоэкономическое положение РЮО характеризуется критической зависимостью от внешних поставок: материально-техническое и продовольственное снабжение республики осуществляется преимущественно из РФ посредством Транскавказской автомагистрали, выполняющей функцию единственной наземной транспортной артерии. Основной объем сельскохозяйственной продукции импортируется из субъектов Северо-Кавказского федерального округа РФ (в частности, из Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия — Алания и Чеченской Республики).

Ретроспективный анализ свидетельствует о высоком потенциале самообеспечения региона: в советский период Южная Осетия практически полностью удовлетворяла внутренний спрос на продовольствие за счет собственного производства, несмотря на существенно большую демографическую нагрузку (численность населения превышала 100 тыс. человек). В каждом из четырех административных районов функционировали локальные предприятия по переработке продукции растениеводства и животноводства, а в столице — г. Цхинвал — действовали мощности республиканского значения, формировавшие замкнутые производственные цепочки.

Таким образом, восстановление перерабатывающей инфраструктуры и диверсификация аграрного производства являются стратегически обоснованными шагами для снижения импортозависимости и достижения устойчивого развития экономики РЮО.

Объектами исследования являются базовые составляющие сельскохозяйственного производства, переработки его продукции и уровень обеспечения продовольственной безопасности. Для этой цели используется анализ динамики развития показателей сельского хозяйства путём построения таблиц.

Рассмотрим состояние АПК РЮО, а именно главных её составных частей, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, динамики их развития с 2021 по 2025 гг.

Очевидно, что не удовлетворяются внутренние потребности населения в местной сельскохозяйственной продукции по причине крайне неэффективного использования земельных ресурсов. Ниже в Таблице 1 для сравнения приведены баланс земли за 1989 г. и за 2025 г. по данным статистических данных РЮО [1].

Таблица 1 – Сравнение балансов сельскохозяйственных земель за советский и современный периоды, га.

Наименование показателей по Южной Осетии	1989 г.	2025 г.	1989г/2025гг разы
1	2	3	4
Сельхозугодия всего, га., из них:	205 337	127 557	1,6
Пашня	18 194	14 481	1,3
Пастбища	201 243	103 865	1,9
Сенокосы	10 254	9 211	1,1
Многолетние насаждения	3 445	237	14,5

Из таблицы 1 мы видим, что площадь сельхозугодий при СССР была выше современной в 1,6 раз, площадь пашен в 1,3 раза, пастбища почти в два раза, сенокосов в 1,1 раз и площади многолетних насаждений в 14,5 раз. Здесь стоит отметить, что площади многолетних до 2023 г. были 121 га, соответственно, превышение составляло 29 раз.

Современное состояние земельного фонда РЮО характеризуется выраженными процессами деградации сельскохозяйственных угодий, выведенных из оборота. Вследствие длительного неиспользования пахотных земель наблюдается их интенсивное зарастание древесно-кустарниковой растительностью, что при отсутствии своевременных агромелиоративных мероприятий приведет к необратимой сукцессии и формированию лесных массивов на месте агроценозов. Почвенно-климатический потенциал региона обладает высоким уровнем естественного плодородия, однако его эффективная реализация находится в прямой зависимости от искусственного орошения. В условиях отсутствия регулярного полива продуктивность сельскохозяйственных культур резко снижается, демонстрируя низкие показатели урожайности. В советский период интенсификация аграрного сектора Южной Осетии опиралась на развитую гидротехническую инфраструктуру. Функционировали четыре ключевых магистральных оросительных канала. Разветвленная система распределительных каналов обеспечивала бесперебойную подачу воды на сельскохозяйственные угодья в объемах, достаточных для достижения высокой рентабельности производства. Валовой продукт крупных коллективных хозяйств (колхозов и совхозов) регулярно демонстрировал высокие экономические показатели в стоимостном выражении. Благодаря функционированию данной водохозяйственной системы общая площадь мелиорируемых земель в советский период достигала 10 тыс. га.

На современном этапе мелиоративный комплекс находится в кризисном состоянии. Наблюдается частичное функционирование лишь одного магистрального канала. В результате деградации инфраструктуры площадь орошаемых земель сократилась в четыре раза и составляет на сегодняшний день не более 2500 га [2].

Помимо дефицита водных ресурсов, существенным негативным фактором, препятствующим расширению аграрного производства и введению в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, выступает критически низкий уровень технической оснащенности. Наблюдается острый дефицит специализированной сельскохозяйственной техники и машинно-тракторного парка, что блокирует внедрение современных агротехнологий и снижает общую эффективность почвообработки.

Ниже в Таблице 2 приведены для сравнения данные превосходства численности автопарка в советский и современный периоды.

Таблица 2— Машинный парк и состояние сельскохозяйственной техники 1989-1990гг. в сравнении с 2025г.

Наименование техники	Наличие	Из них количество исправленных %		По данным на 2025 г.	Превышение советских показателей над настоящими 1989/2025 (разы)
		в 1989 г.	в 1990 г.		
1	2	3	4	5	6
Тракторы	525	90	89,3	49	10,7
Груз. Автомобили	555	83,8	85,6	6	92,5
Тракторные прицепы	237	91,1	88,1	1	237
Комбайны	49	81,6	84,6	23	2,1
Плуги тракторные общего пользования	148	97,3	94	54	2,7
Сеялки тракторные	192	93,4	92,4	29	6,6
Культиваторы	111	86,5	93,3	45	2,5

Как видно из Таблицы 2 численность автопарка в сравнении с советским периодом сократилась в разы, а по некоторым видам и десятки раз. К примеру, численность грузовых автомобилей сократилась почти 93 раза, тракторов в 11 раз, комбайнов в 2,1 раз, плугов тракторных в 2,7 раз, сеялок в 6,6 раза и культиваторов в 2,5 раз. Имеется только один тракторный прицеп против 237 ед. в советский период. Необходимо принять к сведению, что и видов сельскохозяйственной техники было во много раз больше, которых на сегодняшний день давно нет. В Республике крайне не хватает сельскохозяйственной техники, чтобы выйти на уровень производства советских времён, а также техперсонала для их обслуживания и ремонта. Необходимо также отметить, что Российская сторона несколько раз передавала Южной Осетии по мере возможности некоторое количество сельскохозяйственной техники, такие как комбайны, трактора и др. [3]. Таким образом, острая нехватка сельскохозяйственной техники частично была снижена.

Что касается объёмов сельскохозяйственного производства и её структуры, то она представлена ниже в Таблице 3.

Таблица 3— Динамика производства продукции сельского хозяйства за 2021-2025 гг.

Наименование показателей	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Рост с 2025/2024 %	Рост с 2025/2021 %
Продукция сельского хозяйства, тыс.руб.	1220609,4	1418198,1	1499980,8	1781076,1	1978155,4	111,1%	162,1%
Продукция растениеводства	262648,3	450190,5	485604,0	777191,5	936902,4	120,5%	356,7%
Продукция животноводства	957961,1	968007,6	1014376,8	1003884,6	1041253,0	103,7%	108,7%
Доля продукции животноводства (%)	78,5%	68,3%	67,6%	56,4%	52,6%	93,4%	67,1%

Из таблицы 3 видно, что с 2021 г. по 2025 гг. показатели сельскохозяйственного производства Республики в денежном выражении имеет тенденцию к увеличению из года в год, причём в обеих отраслях: растениеводства и животноводства. За пять лет с 2021 г. по 2025 г. рост производства сельскохозяйственной продукции в денежном выражении составил 162,1%, в том числе продукция растениеводства более чем в три с половиной раза,

а животноводства 108,7%. За год с 2024 г. по 2025 г. рост производства сельскохозяйственной продукции составил 111,1%, в том числе продукции растениеводства 120,5%, продукции животноводства 103,7%. Наибольший объем сельскохозяйственной продукции за новейшее время составляет животноводство, вместе с тем доля его продукции в общем объеме сельскохозяйственной продукции уменьшается из года в год. Так, если доля животноводческой продукции в 2021 г. составляла 78,5%, то с каждым годом понижаясь в 2025 г. доля в общем объеме составила 52,6%. Данный факт говорит о негативных тенденциях развития животноводства Республики.

С целью выяснения, насколько много производится сельскохозяйственной продукции, рассчитаем её на численность населения РЮО. Согласно статистическим данным РЮО, численность её населения за 2025 г. составила 58801 человек. За тот же период произведено на 1,978 млрд. руб. сельскохозяйственной продукции. Таким образом, на одного человека производится 33 642 руб. в год, или 2 803,5 руб. в месяц. Как известно, половина прожиточного минимума рассчитана на продовольственную продукцию, остальную половину поровну делят непродовольственные товары и услуги. За первый квартал 2026 г. прожиточный минимум Правительством РЮО установлен в размере 20 377 руб. [4]. Объем сельскохозяйственной продукции РЮО на одного человека в месяц (2803,5 руб.) – это 27,5% от половины прожиточного минимума (10 188,5 руб.). Таким образом, теоретически местная продукция покрывает только 27,5% от полной необходимости, или чуть более четверти.

Далее проведём более детальный анализ производства растениеводческой и животноводческой продукции Республики.

Ниже в Таблице 4 приведены основные показатели растениеводства РЮО за 2021 - 2025 гг.

Таблица 4– Основные показатели производства растениеводческих культур РЮО во всех категориях хозяйств с 2021 по 2025гг.

Наименование показателей	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Рост с 2025/2024 %	Рост с 2025/2021 %
Вся посевная площадь, га.	2717,1	3514,9	3462,4	3536	3500,1	99,0%	128,8%
из них озимых и яровых зерновых культур	2522	3226,9	3227,5	3341,2	3298	98,7%	130,8%
Фактический сбор урожая зерновых со всей площади, цн.	29467,4	58650	49845,05	49093	55012	112,1%	186,7%
Средний сбор с 1 га., цн.	12	18,5	15,6	14,7	16,7	113,5%	139,0%
Посевные площади зернобобовых культур, фасоль га.	25,5	30	39	28	27,6	98,6%	108,2%
Фактический сбор урожая, цн со всей площади, цн.	301	343,7	333,5	423,8	563	132,8%	187,0%
Средний сбор с 1 га., цн.	11,8	11,46	8,6	15,1	21,2	140,2%	179,4%
Посажено картофеля, га.	133,5	156,5	138	137,9	131,5	95,4%	98,5%
Фактический сбор урожая со всей площади, цн.	5102	4697,9	3780,1	3486,6	4668	133,9%	91,5%
Средний сбор с 1 га., цн.	38,2	30,0	27,4	25	35	142,0%	92,9%
Посеяно овощей всего, га.	36,1	43,5	57,9	28,9	44	152,2%	121,9%
Фактический сбор урожая, цн со всей площади, цн.	1244	1022,2	1278	1165,8	1087	93,2%	87,4%
Средний сбор с 1 га., цн.	34,5	23,5	24,5	40,3	24,7	61,3%	71,6%

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Заготовлено кормов всего, цн	104972	113493,3	99561,7	94597	99118	104,8%	94,4%
Сено	84277	93513,3	81480,7	77112	81939	106,3%	97,2%
соломы	20695	19980	18081	17485	17179	98,2%	83,0%
Плодовые насаждения, га	311,5	381,7	583,7	699,7	684,7	97,9%	219,8%
Фактический сбор урожая цн.	16288,5	17370,5	13603,5	85247,3	67162,9	78,8%	412,3%
Средний сбор с 1 га., цн.	69,3	56,4	28,0	122	98	80,4%	141,5%

Как видно из таблицы 4 площади возделываемых культур и объёмы производства некоторых видов растениеводческой продукции значительно увеличились за анализируемый период. Так рост площадей посевных составил 128,8%, вместе с тем за год с 2024 г. по 2025 г. площади посевных снизились на 1%.

За пять лет рост посевных площадей озимых и яровых зерновых культур составил 130,8% - с 2522 га до 3298 га. Рост производства зерновых за пять лет составил почти 186,7% - с 29467,4 цн. до 55012 цн. За год с 2024 г. по 2025 г. из-за повышения урожайности рост сборов урожая зерновых составил 112,1%. Сохраняются потери необранных площадей. Урожайность зерновых примерно на одном невысоком уровне – от 12 цн/га до 18,5 цн/га, в зависимости от сезона.

Посевные площади зернобобовых культур (фасоли) также увеличились за пять лет, рост 108,2% - с 25,5 га до 27,6 га. Объёмы урожаев показали значительный рост 187% - с 301 га в 2021 г. до 563 га в 2025 г. За год в 2025 г. рост производства по причине улучшения урожайности рост составил 132,8%, урожайность за этот же период увеличилась с 15,1 цн/га до 21,2 цн/га.

За пять лет наблюдается снижение площадей посадок картофеля. Снижение площадей картофеля составило 98,5% - со 133,5 га до 131,5 га. Вместе с тем, сборы урожая за 2025 г. в сравнении с предыдущим годом увеличились, рост составил 133,9%, несмотря на снижение площадей посадок за тот же период. Рост сбора урожая картофеля произошло также благодаря увеличению урожайности от 25 цн/га до 35 цн/га соответственно.

Рост площадей под овощи за пять анализируемых лет составил 121,9% - с 36,1 га до 44 га. Отметим, что особенно площади увеличились с 2024 г. по 2025 г., рост составил 152,2%. Однако, за этот же период наблюдается спад выращенной продукции, рост 93,2%, что объясняется снижением урожайности. Так, если в 2024 г. урожайность составила 40,3 цн/га, то в 2025 г. упала до 24,7 цн/га.

Площади кормовых культур за пять лет незначительно упали по всем видам – сена и соломы, совокупный рост составил 94,4%. Вместе с тем за год с 2024 г. по 2025 г. рост составил 104,8%. Динамика производства кормовых отражает состояние животноводства.

Более всех культур увеличились за пять лет площади выращивания плодовых насаждений (яблонь и винограда) – в 2,2 раза, с 311,5 га до 684,7 га. Связано такое увеличение с деятельностью предприятий ООО «Южный сад» [5] и ООО «Винодельни Иронсан» [6]. Сбор урожая фруктов за пять лет увеличилось в 4,1 раз – с 16288,5 цн. до 67162,9 цн. Вместе с тем по причине спада урожайности в 2025 г. собрано меньше урожая в сравнении с 2024 г., рост составил – 78,8%. Урожайности за те же годы составили 98 цн/га и 122 цн/га, соответственно.

Таким образом, как видим из Таблицы 4, продукция растениеводства увеличилась за счёт увеличения производства зерновых и плодовых. Остальные культуры сыграли незначительную роль. Отметим также, что урожайности крайне низки и отстают от урожайности аналогичных растениеводческих культур в разы. Можно сказать, что

фактически до сих пор в Южной Осетии ведётся экстенсивный вид сельскохозяйственного производства.

Рассмотрим основные статистические данные, характеризующие состояние животноводства в РЮО.

Ниже в Таблице 5 представлены численность сельскохозяйственных животных во всех категориях хозяйств в РЮО.

Таблица 5– Поголовье скота, птицы и число пчелосемей во всех категориях хозяйств 2021-2025 гг.

Наименование показателей	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Рост с 2025/2024 %	Рост с 2025/2021 %
1	2	3	4	5	6	7	8
Число наличных сельских хозяйств	8625	8579	8585	8572	8659	101,0%	100,4%
Из них имеющих скот	3053	2836	2602	2645	2583	97,7%	84,6%
Крупный рогатый скот	12397	11396	10894	9971	9567	95,9%	77,2%
в том числе:							
Коров	6186	5887	5509	5292	5043	95,3%	81,5%
Свиней	4751	3546	2527	2331	2272	97,5%	47,8%
Овец и коз	2859	2885	2072	1856	1923	103,6%	67,3%
Телят	1723	1639	1571	1459	1453	99,6%	84,3%
Птицы	21342	21502	22572	22804	24275	106,5%	113,7%
Рыба, тыс.шт.	1,9	0,4	14,45	8,3	6,6	79,9%	349,1%
Лошадей	237	213	183	185	176	95,1%	74,3%
Пчелосемей	3877	4441	3831	3688	3973	107,7%	102,5%

Как видно из таблицы 5, число наличных сельских хозяйств остаётся без особых изменений, за пять лет их число незначительно увеличилось, рост составил 100,4% - с 8625 до 8659 ед. Вместе с тем в большинстве из них наблюдается значительное снижение поголовья животных, а именно: коров, телят, свиней, лошадей, овец и коз. За пять лет показатели снизились на 20% - 30%. Исключение составили численность птиц, рыб и пчелосемей. Так за пять лет рост поголовья птиц составил 113,7%, рыб – 349,1% и пчелосемей – 102,5%. Данные цифры отражают негативные тенденции снижения поголовья основных сельскохозяйственных животных, а значит и снижения уровня продовольственного самообеспечения.

Ниже в Таблице №6 приведём данные динамики численности крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), среднегодовой численности работников и их среднемесячной оплаты труда.

Таблица 6–Основные показатели численности и оплаты труда КФХ 2021-2025 гг.

Наименование показателей	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Рост с 2025/2024 %	Рост с 2025/2021 %
Численность КФХ	59	65	55	53	49	92,5%	83,1%
Среднегодовая численность работников, чел.	205	208	197	86	69	80,2%	33,7%
Среднемесячная оплата труда, руб.	12250	12625	13528	11875	11825	99,6%	96,5%

Как видно из таблицы 6. численность КФХ за исследуемый период снижается с каждым годом – с 59 ед. в 2021 г. до 49 ед. в 2025 г., то есть рост составил 83,1%. С каждым годом снижается также численность работников КФХ – с 205 чел. в 2021 г. до 69 чел. в 2025 г., снижение почти в три раза. Несмотря на ежегодную инфляцию, среднемесячная оплата труда также снижается с каждым годом – с 12250 руб. в 2021 г. до 11825 руб. в 2025 г. Обращает на себя внимание крайне низкий размер оплаты труда – почти в два раза ниже прожиточного минимума. Таким образом, социально-экономические показатели КФХ, как основных носителей сельскохозяйственного производства Республики, находятся на крайне низком недопустимом уровне.

Таким образом, статистические показатели роста производства сельскохозяйственной продукции РЮО – это прежде всего следствие инфляционных процессов в РЮО, так как отражаются в денежном выражении. В растениеводстве наблюдается увеличение, в основном, производства зерновых и плодовых, увеличение производства остальных культур незначительно. В животноводстве наблюдается спад по всем направлениям: как поголовья скота, так и производства животноводческой продукции. Наблюдается также спад численности участников сельскохозяйственного производства.

Что касается перерабатывающей отрасли, то она только начала возрождаться. Только с начала 2024 года после восьмилетнего простоя заработал комбикормовый завод ГУП «Комплекс перерабатывающих производств» [7]. Фермеры и производители зерна смогут сдавать свою продукцию на переработку в комбикорма. До этого в Республике фермерам некуда было сдавать выращенную продукцию на переработку. В Республике с распадом СССР отсутствует инфраструктура переработки зерна: логистика, склады, элеваторы и многое другое. По причине опустения сёл снижается поголовье сельскохозяйственных животных, по этой причине избыток зерновой продукции не находит высокого спроса на внутреннем рынке. У некоторых фермеров и КФХ на собственных складах простаивает и хранится зерно ещё с позапрошлого года. Аналогичное положение и с плодоводством Республики. Сокращается количество плодовых деревьев у сельского населения по причине низкого спроса на плодовую продукцию. Отсутствовали заводы по переработке плодовоовощной продукции. К концу 2024 был открыт запуск консервного завода по переработке фруктов. Завод пока не перешёл на полноценную работу [8].

Согласно проведенным расчетам, для полного обеспечения потребностей региона в растениеводческой продукции (за исключением зерновых культур) требуется введение в оборот около 1000 га орошаемых земель. Самообеспеченность Республики зерновыми культурами на текущий момент оценивается лишь в 30%. Достижение целевых показателей урожайности возможно исключительно за счет внедрения современных методов интенсивного сельскохозяйственного производства. В условиях дефицита земельных ресурсов экстенсивный путь развития исчерпал свой потенциал, что обуславливает необходимость системной модернизации национального аграрного сектора.

На современном этапе площадь орошаемых земель в Республике составляет порядка 2,5 тыс. га. Потенциал расширения мелиорируемых площадей достигает 10 тыс. га, что осуществимо при условии полной реконструкции и восстановления функционирования единой гидромелиоративной сети.

Рельефные особенности территории (преимущественно горный ландшафт) выступают ключевым лимитирующим фактором при определении параметров продовольственной безопасности. В ретроспективном периоде (советский этап развития) под сельскохозяйственные угодья было освоено не более 24% общего земельного фонда (до 100 тыс. га), из которых на долю пашни приходилось лишь 10% (до 40 тыс. га). Данное обстоятельство предопределяет необходимость оптимизации структуры посевных площадей. Выбор в пользу сельскохозяйственных культур с максимальной продуктивностью на единицу площади с учетом параметров трудоемкости, фондоемкости

(стоимости и обслуживания техники), а также конъюнктуры рынка и долгосрочных перспектив развития.

Ретроспективный анализ объемов производства мясомолочной и птицеводческой продукции демонстрирует, что выход на показатели советского периода позволит полностью удовлетворить внутренний спрос на животноводческую продукцию. При этом исторически зафиксировано, что экономическая эффективность личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения существенно превышала показатели коллективных хозяйств (колхозов).

В настоящее время структура потребления имеет выраженную специфику:

– Сельское население в значительном объеме покрывает свои потребности в сельскохозяйственном продовольствии за счет самообеспечения (в рамках ЛПХ).

– Городское население (составляющее чуть более половины от общей численности граждан РЮО) формирует основной вектор дефицита и нуждается в бесперебойных поставках товарной продукции.

Переход к интенсивным технологиям животноводства позволит полностью ликвидировать данную диспропорцию.

На основе проведенного аналитического исследования можно констатировать, что целостный, системно функционирующий агропромышленный комплекс в РЮО на сегодняшний день не сформирован. Несмотря на отдельные принимаемые руководством Республики меры, направленные на стабилизацию ситуации, преодолеть долгосрочный тренд снижения объемов сельскохозяйственного производства пока не удалось.

Основными деструктивными факторами являются:

1. Депопуляция сельских территорий (отток сельского населения);
2. Сокращение поголовья сельскохозяйственных животных;
3. Падение объемов валового сбора и производства профильной продукции.

Ключевым препятствием на пути преодоления кризисных явлений в аграрном секторе РЮО остается отсутствие комплексной научно обоснованной концепции, долгосрочной стратегии и целевой программы восстановления и опережающего развития агропромышленного комплекса.

В Республике лишь утверждена Концепция национальной безопасности Республики Южная Осетия в 2013 г., где о термине «продовольственная безопасность» упомянуто только два раза [9]. В программе льготного государственного микрокредитования [10] прерогатива дана фермерским хозяйствам, однако в силу специфики сельскохозяйственного производства эффект от господдержки фермерским хозяйствам и стимулирования их работы не дал должного эффекта.

В Российской Федерации сформирован комплекс нормативно-правовых и программно-методических документов, направленных на развитие агропромышленного комплекса и его структурных элементов, включая соответствующие «дорожные карты» по их реализации.

В частности, разработка новой редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ представляла собой долгосрочный межведомственный процесс. В формировании данного стратегического документа принимали участие: Совет Безопасности РФ, представители профильного академического сообщества (ученые-агроарии) и эксперты ведущих научно-исследовательских центров (МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ).

Важным этапом разработки стало выявление региональной специфики и учет мнений субъектов РФ. С этой целью на базе межрегиональной площадки (г. Екатеринбург) был проведен специализированный научно-практический форум, объединивший представителей органов государственной власти, академической науки, а также предприятий сельскохозяйственного и перерабатывающего секторов. Основная задача мероприятия заключалась в верификации системных деструктивных факторов и определении механизмов межотраслевого и межуровневого взаимодействия для

достижения целевых ориентиров продовольственной безопасности.

Приведенный алгоритм разработки Доктрины РФ рассматривается в качестве репрезентативной методологической модели, демонстрирующей принципы формирования, верификации и последующей реализации программ развития отраслей народного хозяйства РЮО, в первую очередь — национального АПК. Для Республики Южная Осетия представляется целесообразным трансфер успешных зарубежных практик стратегического планирования.

Наряду с российским опытом, научно-практический интерес для адаптации представляет нормативно-программная база иных государств со стабильно функционирующим аграрным сектором, в частности, Республики Беларусь.

Модернизация и восстановление агропромышленного комплекса РЮО выступает детерминантой не только обеспечения продовольственной независимости государства, но и минимизации депопуляции сельских территорий. Развитие данной отрасли способно генерировать выраженный мультипликативный эффект, способствующий комплексному решению ключевых социальных и экономических задач региона. На современном этапе функционирование аграрного сектора РЮО носит преимущественно инерционный характер и осуществляется в условиях отсутствия системных отраслевых программ развития.

Очевидная дестабилизация отрасли обуславливает острую необходимость разработки комплексной Стратегии (программы) развития АПК РЮО, подкрепленной детализированной «дорожной картой» с четко прописанными этапами, механизмами финансирования и целевыми индикаторами эффективности.

Формирование комплексной программы развития АПК РЮО требует системного учета ключевых деструктивных факторов и институциональных дефицитов. На основе проведенного анализа определены базовые стратегические задачи, подлежащие включению в целевую программу [11]:

- Земельная реформа. Оптимизация нормативно-правовой базы в сфере землепользования, предусматривающая принудительное изъятие арендованных земель сельскохозяйственного назначения в случае их нецелевого или неэффективного использования в течение последних трех лет;

- Модернизация гидромелиоративных систем. Восстановление и развитие ирригационной инфраструктуры, включая масштабирование и внедрение водосберегающих технологий (в частности, систем капельного орошения);

- Инфраструктурное обеспечение и логистика. Развитие специализированной логистической инфраструктуры АПК (строительство современных складских комплексов, элеваторов, оптимизация внутрирегиональной дорожно-транспортной сети);

- Техническая модернизация. Обновление и расширение парка машинно-тракторного оборудования, а также создание сети сервисно-технического обслуживания;

- Развитие производственной базы и селекции. Организация плодопитомников, развитие племенного дела и селекционных хозяйств; расширение мощностей защищенного грунта (строительство тепличных комплексов);

- Укрепление государственного резерва. Строительство и ввод в эксплуатацию дополнительных складских мощностей для хранения государственного материального резерва;

- Развитие перерабатывающей промышленности. Диверсификация и территориально-отраслевое распределение мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья во всех четырех административных районах Республики; Реализация точечных инвестиционных проектов:

1. Интеграция и ввод в эксплуатацию животноводческого комплекса на 400 голов в с. Авнев (Знаурский район);

2. Институциональная реструктуризация (национализация) и возобновление производственного цикла мясоперерабатывающего комплекса «Растдон» (микрорайон «Солнечный»);

- Стимулирование внутреннего сбыта. Задействование механизмов гарантированных государственных закупок у локальных товаропроизводителей, с приоритетным фокусом на сектор КФХ;

- Оптимизация межгосударственного взаимодействия. Организация договорных отношений с руководством дислоцированного в РЮО Российского воинского контингента в части поставок продовольственного обеспечения за счет продукции местного производства;

- Импортозамещение в сфере средств производства. Оценка технико-экономического потенциала для организации локального производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений;

- Цифровизация и трансфер технологий. Оперативное внедрение наукоемких автоматизированных систем, цифровых платформ и высокотехнологичных решений с целью максимизации производительности труда в АПК;

- Институциональные механизмы взаимодействия. Широкое внедрение инструментов государственно-частного партнерства (ГЧП);

- Информационно-консультационная поддержка: создание центров сельскохозяйственного консультирования (экстеншн-служб) и профильного обучения для начинающих субъектов малого аграрного предпринимательства.

Разработка стратегического документа развития АПК РЮО должна осуществляться в рамках специализированной межведомственной рабочей комиссии. К участию в проектировании программных мероприятий необходимо привлечь экспертное сообщество, состоящее из профильных специалистов аграрного сектора, непосредственных сельхозтоваропроизводителей, ученых, экономистов и юристов.

Эффективная имплементация разработанной дорожной карты, ключевыми элементами которой выступают принятие пакета нормативно-правовых актов и жесткий контроль их исполнения, находится в прямой зависимости от качества кадровой политики. Успешная реализация намеченных реформ требует системного обновления кадрового потенциала отрасли посредством привлечения молодых квалифицированных специалистов и формирования гибкой системы управления человеческими ресурсами на государственном уровне.

Список литературы:

1. «Статистический ежегодник РЮО за 2025 г.» Управления государственной статистики РЮО, г. Цхинвал.

2. «Рациональное использование земельных ресурсов Республики Южная Осетия для развития АПК», Джабиев В.В. Материалы Международной научно-практической конференции «Наука и инновационные технологии в решении проблем продовольственной безопасности», Горки, 20–22 февраля 2025 г., II часть, стр.3-15.

3. «Необходимо переходить на новый уровень», 13.03.2021. Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия: <https://south-ossetia.info/minselxoz-neobxodimo-perexodit-na-novyj-uroven/>;

4. «Власти Южной Осетии составляют самый крупный прожиточный минимум», 26.04.2026. Официальный сайт Правительства РЮО: <https://cominf.org/en/node/1166568777>;

5. «Константин Джуссоев: «Южный сад» проводит значимую социальную работу», 09.09.2022, 15:14. Официальный сайт Правительства РЮО: <https://rsogov.org/news/3416>;

6. ««Иронсан» увеличивает объемы и ассортимент», 23.03.2021. Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия: <https://south-ossetia.info/ironsan-uvelichivaet-obemy-i-assortiment/>;

7. «ГУП «Комплекс перерабатывающих производств» в Южной Осетии готов принимать продукцию местных фермеров», ср, 21/02/2024 - 10:00. Государственное информационное агентство "Рес" Республика Южная Осетия: <https://cominf.org/node/1166554932>;

8. «В Южной Осетии запустили консервный завод», 12/10/2024 - 20:15. Источник: <https://tass.ru/ekonomika/22109041> ;

9. «Концепция национальной безопасности Республики Южная Осетия», 03/10/2013. Источник: <https://cominf.org/node/1166499811>;

10. «Льготными кредитами в Южной Осетии за четыре года воспользовались 224 предпринимателя на сумму 124,5 миллионов рублей», сб, 29/01/2022 - 13:00. Государственное информационное агентство "Рес" Республика Южная Осетия: <https://cominf.org/node/1166541096><https://cominf.org/node/1166541096>;

11. Джабиев В.В. «Состояние и перспективы развития АПК Республики Южная Осетия», стр.76, Сборник научных трудов «XI Международной научно-практической конференция по экономике, посвященной памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки на Юге России и в Средней Азии доктора экономических наук, профессора А.Ф. Сидорова г. Сочи 29 марта – 2 апреля 2023 г.», 2023.

УДК 336.74

КРИПТОВАЛЮТА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

CRYPTOCURRENCY IN THE RUSSIAN ECONOMY

В.В. Дорошенко

V.V. Doroshenko

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России),
Россия, 344112, г. Ростов-на-Дону, ул.Студенческая 6, email:
vika.doroshenko.06@inbox.ru

Rostov Institute (Branch) of the VGUY RPA (Ministry of Justice of Russia),
Russia, 344112, Rostov-on-Don, Student St., 6, email: vika.doroshenko.06@inbox.ru

Аннотация: На сегодняшний день криптовалюта является важным элементом как в российской экономики, так и зарубежной. Она содержит в себе, как и значительные плюсы в использовании, которые отражают возможную дальнейшую перспективу развития, так и довольно весомые минусы, которые выражаются в отмывании (легализации) незаконного оборота запрещённых товаров. Несмотря на данные факторы, это не отбрасывает того, что она является результатом и продуктом цифровизации, а также криптовалюта входит в составляющую часть экономической системы, так как с каждым кодом процент пользования данным активом значительно растет, именно поэтому статья носит актуальный характер. Настоящая работа посвящена анализу правового статуса криптовалют в России, выявлению основных проблем их использования и оценке перспектив дальнейшего развития.

Abstract: As of today, cryptocurrency is an important element in both the Russian economy and abroad. It has significant advantages in its use, which reflect the potential for further development, as well as considerable disadvantages, such as money laundering (legalization) of the illegal trade in prohibited goods. Despite these factors, this does not negate the fact that it is a result and product of digitization and cryptocurrency is an integral part of the economic system, as the percentage of usage of this asset significantly increases with each code. This is why the article is relevant. This work is dedicated to analyzing the legal status of cryptocurrencies in

Russia, identifying the main problems associated with their use, and evaluating the prospects for further development.

Ключевые слова: криптовалюта, экономика, рынок, транзакции, цифровая валюта, цифровизация, компьютеризация.

Keywords: Cryptocurrency, economy, market, transactions, digital currency, digitalization, computerization.

На сегодняшний день все сферы нашей жизнедеятельности, связанные с цифровыми технологиями. Цифровизация влечет за собой распространение цифровых технологий во все отрасли жизнедеятельности, и экономическая сфера не является исключением, поэтому в нее все активнее внедряются цифровые валюты. К одному из распространенных видов цифровых валют является криптовалюта. Несмотря на активное пользование людьми данного цифрового финансового актива, большинство государств, включая Российскую Федерацию, не признают криптовалюту в качестве законного средства платежа.

Криптовалюта — это цифровые, виртуальные деньги, которые основаны на математических принципах, пиринговые виртуальные валюты с открытым исходным кодом. Вид данного актива относится к цифровым финансовым инструментам, данные которого хранятся в децентрализованной системе цифровых операций, расположенной в общем доступе, доступном для всех участников сети. Криптовалютный рынок признан на сегодняшний день самым динамично развивавшимся сектором. [1]. На июнь 2024 года количество пользователей криптовалют в мире достигло 562 млн человек. Это означает прирост на 34% по сравнению с 2023 г., когда обладателей таких активов на планете насчитывалось 420 млн. В России количество собственников криптовалют составило 9,2 млн человек — на 5,9% больше, чем в 2023 году. Наиболее распространенной и самой популярной криптовалютой в мире считается Биткоин, который был запущен в 2009 году неизвестным автором под псевдонимом Сатоши Накамото. Одной из причин такого ажиотажа во круг данного актива, является то, что количество этой виртуальной валюты ограничено и составляет всего 21 миллион монет, когда, например, такой цифровой валюты как ЮТА в обороте находится 3,65 миллиарда монет, а монеты Ethereum насчитывается 120 674 312. Криптовалюта регулируется федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который устанавливает правила осуществления майнинга и транзакции криптовалюты на всей территории Российской Федерации [2]. В соответствии с данным действующим законодательством, физические лица могут добывать криптовалюту после официальной регистрации в порядке установленном Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей". Для легальной майнинг-деятельности физическим лицам необходимо в специальный реестр внести свои данные, данный реестр размещен на официальном сайте Федеральной налоговой службы (ФНС) в сервисе «МайнингРеестр». [3]. Что касается ограничений, то физические лица могут приобретать и сбывать цифровые финансовые активы в рамках установленных лимитов, юридические лица таких ограничений не имеют, но они обязаны соблюдать требования к денежным фондам. В Российской Федерации криптовалюта не признана полноценным имуществом, но облагается налогом в 13%, если доход от данного актива не превышает 5 миллионов рублей, если же прибыль выше указанной суммы, то тогда НДФЛ вырастает до 15%. В основном криптовалюты основаны на системе блокчейна. Блокчейн — это децентрализованная система, распределённая база данных или реестр, которая хранит информацию в виде цепочки блоков. Каждый блок содержит набор транзакций или данных, а также уникальный код он же хэш, который связывает его с предыдущим блоком. Записи в блокчейне нельзя изменить или удалить, а можно лишь только внести новые, этот фактор обеспечивает целостность и безопасность данных пользователей. В данной системе отсутствует внешний или внутренний администратор, и транзакции осуществляются

автоматически, через цепочки блоков, которые расположены на множестве компьютеров, изменение информации в одном блоке потребует изменения всех последующих блоков, что практически невозможно без согласия сети. Суть данной системы заключается в том, что это децентрализованная, распределенная публичная «цифровая книга», состоящая из блоков, которые используются для записи транзакций на множестве компьютеров [3]. Одним из минусов блокчейна является то, что майнинг и различные своего рода транзакции в этой системе требуют больших затрат электроэнергии, а также вычислительной мощности. Но существуют и такие криптовалюты, которые функционируют не на платформе блокчейна, например, «B-Money» и «BitGoid», данные валюты появились задолго до появления блокчейн-технологий и не несли в себе ни каких перспектив.

Из-за высокой статистики пользования можно сказать, что криптовалюты являются важной частью общественной жизни, мировой и российской экономики. Среди государств-майнеров цифровой валюты, Российская Федерация на период с 2023 по 2024 года занимает второе место в мире, лидирующее место принадлежит Соединённым Штатам Америки. Но несмотря на этот факт, по данным BitRiver по итогам первого полугодия 2024 года российские майнеры опередили штаты по темпам роста. Высокая статистика пользования обусловлена тем, что цифровизация такого рода позволяет удовлетворять потребности покупателей, а также иных участников экономической сферы, облегчая их деятельность. Так как данная валюта устроена на системе блокчейна, она снижает расходы бизнеса, а также создает условия для существования смарт-контракта, который позволяет компаниям ускорять получение и отправку платежей [4]. Смарт-контракт – это уникальный программный цифровой код, который выполняет условия договора, сразу после выполнения условий соглашения. Он также функционирует на основе блокчейн-технологий, поэтому для совершения операций требуется криптовалюта. В отличие от привычных нам бумажных контрактов, условия, прописанные в ячейке блокчейна, которые нельзя изменить, осуществляются сразу после их выполнения, а также благодаря тому, что такого рода контракт устроен на данной системе, все действия, операции и транзакции, совершенные в данной системе, прозрачны и доступны для просмотра всем участникам сети. Согласно Федеральному закону от 31.07.2020 (ред. от 25.10.2024) № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») криптовалюта признается имуществом, её можно легально покупать, продавать и дарить, но как имущество она облагается налогом, так же в данном Федеральном законе с 1 ноября 2024 года был легализован майнинг. Майнинг – это набор сложных математических вычислительных действий, направленных на добычу криптовалюты. Принцип работы майнинга заключается в том, что проведение обработки сложных математических задач осуществляется с применением вычислительной мощности компьютерных процессов. Согласно данному законодательству, майнингом могут заниматься как юридические, так и индивидуальные предприниматели после включения их в специальный реестр, который ведется Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. При этом судебная защита прав на цифровую валюту возможна лишь в том случае, если она была задекларирована. Для каждого участника правоотношений существуют отдельные требования для декларации криптовалюты. Например, физические лица заполняют декларацию по форме 3-НДФЛ, это можно сделать на портале «Госуслуги», индивидуальные предприниматели и юридические лица заполняют декларацию по налогу на прибыль организаций. Что касается перспективы развития, то криптовалюту можно использовать как инструмент расчета в международной торговле, что сделало транзакции безопаснее и быстрее, а также повысило прозрачность денежного оборота. С 1 сентября 2024 года у российского бизнеса появилась возможность проводить международные расчеты в криптовалюте, но проводить такие операции можно только под контролем Банка России. Что касается проблем и ярко выраженных минусов криптовалюты, то одним из главных ее недостатков является то, что с ее развитием распространяется угроза для

безопасного существования российских граждан и стабильности, ведь как утверждают эксперты, ни одна действующая криптовалютная биржа полностью не защищена от несанкционированных транзакций, которые приводят к созданию и появлению новых мошеннических схем. [5]. Например, в этой среде активно развиваются преступления, связанные с криминальным оборотом наркотиков, так как для анонимности денежного оборота, преступники используют криптовалюту, а также преступления в экономической сфере связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления, за данное правонарушение предусмотрена уголовная ответственность, согласно 174.1 статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Также среди ярких плюсов, криптовалюта содержит в себе и значимые минусы, которые создают серьезную опасность мирового характера, а именно речь идет о спонсировании террористических организаций. Так как технология блокчейн, на которой и функционирует криптовалюта, позволяет пользователям оставаться анонимными. В докладе Содружества наций от 3 февраля 2016 г. говорится, что главные риски оборота виртуальных валют связаны с финансированием терроризма, совершением киберпреступлений и легализацией преступных доходов, полученных преступным путем. К их криминогенным признакам относят анонимность, скорость, дешевые, невозвратные переводы, сложные цепочки транзакций. Проблемы возникают и в том, что в отличие от обычных и привычных нам банковских транзакций, транзакции в блокчейн необратимы и отменить их или каким-либо образом изменить невозможно. Этот фактор и представляет опасность, так как заблокировать такую операцию нельзя. А арест или же изъятие криптокошелька с активами, возможны только через сервисы, которые находятся в юрисдикции Российской Федерации, как например криптобиржа «Бинанс», данная биржа активно сотрудничает с правоохранителями, выполняя все требования, указанные к работе таких криптосистем, включая использования принципа «знай своего клиента» (KYC), который включает в себя комплексные проверки пользователя, цель данного принципа является снижения подозрительных операций. Росфинмониторинг указал, что неоднократно фиксировались факты финансирования терроризма с использованием таких криптовалют, как: Bitcoin, Ethereum и Monero. Так финансирование террористов, совершивших террористический акт 22 марта 2024 года в Москве в Крокусе Сити Холл, происходило при помощи криптовалюты, которая поступала на крипто кошельки террористов от кураторов. Согласно данным МВД в России в 2024 году был зарегистрирован 1191 теракт против 410 в 2023 году. Эта статистика свидетельствует о процветании террористической деятельности на территории Российской Федерации. Согласно материалам на 2022 год Центра гуманитарных технологий, Россия занимает девятое место в рейтинге стран мира по уровню терроризма, лидером является Ирак, а второе место принадлежит Пакистану. Террористическая деятельность постоянно эволюционирует в негативном контексте для социума, цель уже современно терроризма – это «террор ради террора», поэтому данные преступления совершаются в местах массового скопления людей, для максимального воздействия на жертв и привлечения внимания властей.

Для финансирования своей террористической деятельности преступники кроме международных мусульманских гуманитарных фондов, а также неких различных вложений, активно используют криптовалюту, которая позволяет оставаться анонимными и скрываться от правоохранительных и других компетентных органов, так как операции проходят в сети Интернет, где как правило отсутствует четкая система идентификации. [8]. Помимо этого, система блокчейн технологий, на которой и функционирует криптовалюта, позволяет осуществлять операции в любом объеме и в любое время. В основном для реализации фонда для сбора средств, преступники используют легальные соцсети и мессенджеры. Для реализации такой схемы, они создают криптокошельки, выбирая нужную для них криптовалюту, далее при помощи соцсетей, которые не требуют идентификации, создают группы или же сообщества, на которых и размещают контент с

призывом о сборе криптомонет, размещая реквизиты для перевода, для более эффективности, они часто прикрепляют подробную инструкцию, где пошагово объясняется как осуществить перевод. Практически максимальную анонимность злоумышленники обеспечивают себе при помощи «биткоин-миксера», который позволяет повысить анонимность транзакций сделанные Биткоином. Принцип данной системы заключается в том, что валюта пользователя делится на множество мелких частей, чем больше разделений, тем выше анонимность операций, далее они соединяются с частями других пользователей и конце возвращается клиентам в случайном порядке. Что касается результата, то в итоге к заказчику начисляется заказанная им сумма крипто-актива. А далее преступники выводят данные активы через криптообменники или криптобиржи.

В основном такие схемы злоумышленники проворачивают под предлогом благотворительности или иной полезной обществу деятельности, для максимального сбора денежных средств. Как пример финансирование террористических организаций, можно привести случай из США, где спецслужбами было перехвачено спонсирование такой организации как «Бригада Аль-Кассам». Действовала организация по описанной выше схеме, разместив в своих соцсетях контент с призывом о пожертвовании (не прикрываясь благотворительностью или иной полезной деятельностью) совместно с видео инструкцией пошагово объясняющую как осуществить анонимное пожертвование. Но правоохранительные органы все же смогли отследить криптокошельки, через которое происходило отмывание денежных средств и пресечь финансирование. Так как транзакции в криптовалюте не являются полностью анонимными, виду того, что сам блокчейн представляет собой открытую, прозрачную и децентрализованную систему, поэтому все адреса, совершившие операции, можно отследить, а при помощи современных инструментов можно получить и саму информацию о нужном кошельке.

Для снижения рисков, связанных с финансированием террористических организаций, Международная группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) выработала международные рекомендации, где призвала обязать все сервисы виртуальных активов и криптобирж собирать информацию о пользователях, проводящих операции с криптовалютой и передавать информацию правоохранителям. Пленум Верховного Суда реализовал рекомендацию ФАТФ, которая обязала всем странам-участникам предпринять меры для недопущения использования криптовалюты как инструмента отмывания денежных средств и иных преступных схемах. Он сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой предметом преступлений, предусмотренных в статьях 174 и 174.1 Уголовного кодекса, могут выступать денежные средства, преобразованные из цифровых финансовых активов (криптовалюты) полученных в результате несанкционированных действий. А также в июне 2024 года на совещании глав прокурорских служб стран БРИКС И. В. Краснов заявил, что российские правоохранители используют отечественное программное обеспечение на основе блокчейн технологий, которое помогает им раскрывать схемы преступных транзакций и идентифицировать их участников.

В Российской Федерации в сфере противодействия преступлений в криптовалюте важную роль играет Росфинмониторинг, который контролирует соблюдение российских законов, регулирующих операции с криптовалютами и цифровыми активами, а также устанавливает требования для обменников и криптовалютных бирж. Основная цель органа в данной области мониторинг и анализ транзакций с криптовалютами, выявляя подозрительные операции, разрабатывая методики и рекомендации для финансовых организаций, криптобирж или обменников, по предотвращению преступных действий. Так, например, в нашей стране могут функционировать только те криптобиржи и криптообменники, которые соответствуют требованиям, установленным Росфинмониторингом, то есть соблюдают обязательные стандарты идентификации клиентов (KYC), чтобы минимизировать риски использования криптовалют для незаконных целей и регистрации операций, которые подлежат обязательному отчету в случае подозрительных переводов или транзакций. Для выполнения задач по

противодействию преступлениям в сфере криптовалюты, данный орган использует современные технологии и инструменты, например, такие как «Прозрачный блокчейн», данный инструмент позволяет анализировать транзакции в популярных криптовалютах (BTC, ETH и др.), деанонимизировать участников по цепочкам транзакций и выявлять связи с кошельками, уже попавшими в списки подозрительных (например, связанных с террористами или экстремистскими организациями) Помимо этого, Росфинмониторинг ведет взаимодействие с различными криптобиржами, что позволяет отправлять на эти биржи запросы на блокировку криптокошелька, предоставления данных об IP-адресах, устройствах, привязках к e-mail, а также владеть информацией о каких-либо движениях средств с подозрительных кошельков. В случае обнаружения криптокошелька, причастного к финансированию террористической деятельности, он вносится в специальный перечень, после чего все операции с него запрещены в Российской Федерации.

Одним из первых темных рынков, функционирующий в криптовалютном курсе, является «Шелковый путь», пик операций, который пришелся на 2011 год [7]. Фактически, активизация данного рынка, заложила начало продажи запрещенных товаров, операции, которые проводились в криптовалюте. Несмотря на то, что Федеральная служба безопасности заблокировала даркнет-рынок «Шелковый путь» в 2013 году, это не остановило деятельность других подобных ему рынков и на смену сразу же пришли другие платформы [8]. Так, например, в городе Саранск было выявлено преступное сообщество, созданное в целях незаконного сбыта наркотических средств с использования сети «Интернет» для расчетов в электронной форме. В качестве электронной валюты, злоумышленники использовали криптовалюту «Биткоин», данный финансовый актив зачислялся покупателями наркотических средств на цифровой счет, а после переводился участниками преступного сообщества через программы мобильного банка с добавлением некой суммой денег в пределах 15 тысяч рублей, данная махинация позволила им осуществлять операции без открытия счета. В итоге деньги зачислялись на счет, но на счет третьих лиц. Содеянное преступление суд квалифицировал по статьям 210 (создания преступного сообщества или участия в нем), 228.1 (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. На сегодняшний день одними из самых популярных темных рынков считается Abacus Market и WizardShop. Abacus Market был основан в сентябре 2021 года, он предлагал широкий ассортимент нелегальной продукции, начиная наркотическими средствами и заканчивая иными химическими веществами. Что касается WizardShop, то он был основан в 2022 году, на нем ж распространяли полученные нелегальным путем личные и финансовые данные участников сети «Интернет». Для совершения таких операций, мошенники зачастую используют так называемый «биткоин-миксер», который позволяет повысить анонимность транзакций сделанные Биткоином. Принцип данной системы заключается в том, что валюта пользователя делится на множество мелких частей, чем больше разделений, тем выше анонимность операций, далее они соединяются с частями других пользователей и конце возвращается клиентам в случайном порядке. Что касается результата, то в итоге к заказчику начисляется заказанная им сумма крипто-актива. Использование криптовалюты, как инструмента для отмывания денег и другой криминальной деятельности, является наиболее ярким недостатком данного актива, а с учетом того, что данная сфера с каждым годом только процветает, это делает эту отрасль крайне опасной и не надежной для законной экономической деятельности физических лиц и юридических лиц. [9]. По подсчетам Европола, в Европе ежегодно отмываются около 5,5 млрд долларов США нелегальных и преступных средств в криптовалютах. Одним из предположений решений данной проблемы может выступать

заимствование зарубежной практики, а именно практики стран Евросоюза где применяется Директив о борьбе с отмыванием денег, где все трейдеры (биткоинов) выступают в роли посредников, которые участвуют в каждой операции по передачи денег. Поэтому они должны идентифицировать каждого участника операции, при этом осуществлять внутренние функции контроля и ведя сотрудничество с правоохранительными органами, передавая им все подозрительную информацию об операциях. [10]. Также, что касается уже введенных противоборствующих мер, то в 2019 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации уже принял постановление в котором внес изменения в постановление от 7 июля 2015 года № 32 (ред.от 26.02.2019) « О судебной практике по делам легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенный преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», а также реализовал рекомендацию Международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая обязала всем странам-участникам предпринять меры для недопущения использование криптовалюты как инструмента отмывания денежных средств и иных преступных схемах. Он сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой предметом преступлений, предусмотренных в статьях 174 и 174.1 Уголовного кодекса, могут выступать денежные средства, преобразованные из цифровых финансовых активов (криптовалюты) полученных в результате несанкционированных действий. [11].

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным дополнение УК РФ статьей 187.1 «Умышленное использование несертифицированных средств анонимности при операциях с виртуальными активами в целях сокрытия преступной деятельности», где в качестве объективной стороны будут выступать все операции с виртуальными активами совершенные при помощи цифровых кошельков, не прошедших сертификацию в установленном порядке, то есть не имеющих технической возможности идентифицировать владельца по запросу уполномоченных органов, крипто-миксеров, анонимных нод и иных сервисов, целенаправленно скрывающих транзакционный граф, которые не имеют статуса, лицензированного VASP.

Также логично при реализации вышеуказанной нормы закрепление в подзаконном акте, регулируемом Росфинмониторингом, требования к операциям с виртуальными активами, которые установят технические требования к владению криптокошельками.

На сегодняшний день криптовалюта играет большую роль как в национальной, так и в мировой экономике, в целом, но из-за имеющихся недостатков, она не является полноценной денежной единицей, поэтому инвестировать в данный актив-большой риск. Но, несмотря на это, развивать законодательство, которое будет регулировать данную отрасль, крайне необходимо для поддержания не только устойчивости, но и баланса и стабильности национальной экономики. [12]. Так развитое законодательство в этой отрасли станет противоборствующим инструментом в криминальной сфере отмывания денег и нелегального оборота товара.

Список литературы:

1. Юффа Д. А. Влияние криптовалют на экономику России / Д. А. Юффа. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 20 (258). — С. 254-260. — URL: <https://moluch.ru/archive/258/59294/> (дата обращения: 08.04.2025).
2. Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция)
3. Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" от 08.08.2001 № 129-ФЗ (последняя редакция)
4. Волошина К. А. Влияние криптовалюты на развитие российской экономики: угрозы и экономические возможности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 97–103. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-97-103>. EDN DDAGJZ

5. Васюков В. Ф., Старжинская А. Н. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Российское право: образование, практика, наука. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-operativno-rozysknyh-i-sledstvennyh-merah-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-s-ispolzovaniem-kriptoalyut> (дата обращения: 08.04.2025).

6. Окутина, Н. Н. Противодействие терроризму : учебник для среднего профессионального образования / Н. Н. Окутина. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 173 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-19238-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: <https://urait.ru/bcode/579591> (дата обращения: 13.09.2025).

7. Енник А. В. Перспективы развития криптовалют // Economics. 2018. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-kriptoalyut> (дата обращения: 08.04.2025).

8. Кинсбургская В. А. Требования фатф по регулированию криптовалют: проблемы имплементации в национальное законодательство // Национальная безопасность / nota bene. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-fatf-po-regulirovaniyu-kriptovalyut-problemy-implementatsii-v-natsionalnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 08.04.2025).

9. Аветисян А. Д., Диденко Н.С. Отдельные проблемы противодействия преступлениям с использованием криптовалют в Российской Федерации // ЮП. 2020. №1 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-protivodeystviya-prestupleniyam-s-ispolzovaniem-kriptoalyut-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.04.2025).

10. Коренная А.А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptoalyuta-kak-predmet-i-sredstvo-soversheniya-prestupleniy> (дата обращения: 08.04.2025).

11. Землюков С. В., Коренная А. А. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве // Известия АлтГУ. 2018. №3 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-kriptoalyuty-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 08.04.2025).

12. Максуров А. А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов // Сибирское юридическое обозрение. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-ispolzovanie-kriptoalyuty-pri-proizvodstve-raschetov> (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 338.28

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАК ИНСТРУМЕНТА УКРЕПЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

DEVELOPMENT OF THE DIGITAL POTENTIAL OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AS A TOOL FOR STRENGTHENING FOOD AND ECONOMIC SECURITY IN THE REGION

**А. Г. Ефименко, А.П. Козлов
A.G. Efimenko, A.P. Kozlov**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027, г. Могилев, пр. Шмидта, 3, email: kozlova_buaa@mail.ru

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Republic of Belarus, 212027,
Mogilev, Shmidt, 3, email: kozlova_buaa@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли цифрового потенциала агропромышленного комплекса (далее – АПК) в системе обеспечения экономической и продовольственной безопасности на региональном уровне. В условиях внешних ограничений и необходимости достижения технологического суверенитета цифровая трансформация сельского хозяйства рассматривается не только как инструмент повышения эффективности, но и как гарант стабильности социально-экономического развития территорий.

Abstract: This article examines the role of the digital potential of the agro-industrial complex (hereinafter referred to as the agro-industrial complex) in ensuring economic and food security at the regional level. Given external constraints and the need to achieve technological sovereignty, the digital transformation of agriculture is viewed not only as a tool for increasing efficiency but also as a guarantee of stable socioeconomic development in the regions.

Ключевые слова: цифровая трансформация АПК, экономическая безопасность региона, продовольственная безопасность, цифровой потенциал, точное земледелие, управление рисками, инновационное развитие, технологический суверенитет.

Keywords: digital transformation of the agro-industrial complex, regional economic security, food security, digital potential, precision farming, risk management, innovative development, technological sovereignty.

В условиях глобальной нестабильности вопросы обеспечения экономической и продовольственной безопасности являются главными в развитии национальных экономик. Агропромышленный комплекс является основой жизнеобеспечения населения и в современных условиях сталкивается с различными вызовами: от климатических аномалий до логистических разрывов и необходимости технологического суверенитета.

В этом контексте развитие цифрового потенциала отрасли является не просто актуальным направлением, а становится критически важным инструментом укрепления региональной устойчивости.

Цифровая трансформация АПК позволяет перейти от экстенсивных методов хозяйствования к высокотехнологичным моделям, что способствует не только снижению издержек, но и минимизации рисков, связанных с человеческим фактором.

На региональном уровне процесс цифровизации протекает неравномерно. Существует разрыв в уровне технологической оснащенности между крупными агрохолдингами и средними сельхозпредприятиями, что создает угрозы для сбалансированного развития территорий. Кроме того, переход к цифровизации АПК выдвигает на передний план вопросы кибербезопасности и критической информационной инфраструктуры АПК.

Таким образом, исследование механизма превращения накопленных цифровых ресурсов данных, технологий в реальные показатели экономической безопасности является своевременным и необходимым для формирования эффективной аграрной политики субъектов.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка практических рекомендаций по использованию цифрового потенциала АПК для нейтрализации внешних и внутренних угроз экономической и продовольственной безопасности региона

Информационно-эмпирическую базу исследования составили официальные данные Национального статистического комитета, ведомственной отчетности Министерства сельского хозяйства и продовольствия, а также нормативно-правовые акты, определяющие стратегии цифровой трансформации и продовольственной безопасности.

Методологический аппарат базируется на системном подходе, что позволило рассмотреть цифровой потенциал АПК как сложную структуру, интегрированную в систему обеспечения экономической безопасности.

В ходе исследования использовались общенаучные и специальные методы анализа,

включая: экономико-статистический анализ, сравнительный анализ, метод экспертных оценок, прогнозно-аналитический метод.

Цифровой потенциал организации представляет собой совокупность имеющихся и потенциально возможных ресурсов организации, которые характеризуют ее готовность к эффективному внедрению цифровых технологий. Эффективное внедрение цифровых технологий является главным фактором повышения конкурентоспособности в современных условиях и предполагает трансформацию бизнес-процессов и создание новых ценностей в условиях цифровизации экономики.

Способность предприятия противостоять неблагоприятным внешним воздействиям характеризует экономическую безопасность. Она обеспечивается за счет минимизации потерь, в том числе и с использованием искусственного интеллекта.

Анализ литературных источников показывает отсутствие единого определения категории «экономическая безопасность предприятия». Понимание этой категории трансформировалось от способности сохранять коммерческую тайну до противостояния неблагоприятным внешним воздействиям (Л.К. Иванова, А.С. Ильиных) [3].

Теоретической основой исследования особенностей цифровизации являются работы экономистов: А.В. Бабкина, В.В. Овчинникова, О.В. Карамовой, Д.С. Медовникова, А.В. Кешелавой и др. Цифровизации сельского хозяйства посвящены работы А.В. Пилипук, А.П. Такун, А.Н. Русакович, С.П. Такун.

Исследования цифровизации экономики АПК представлены в работах О.Н. Горбатовской, С.В. Макрак, Л.А. Лобановой, И.В. Гусаковой, Н.В. Артюшевского, О.А. Пашкевич, А.Н. Шаренко, Я.Н. Бречко, Н.М. Чеплянкой, Е.В. Седнева [5].

Цифровизации растениеводства посвящены работы Д.В. Лужинского, А.И. Чайковского, А.А. Змушко, Д.И. Марцинкевича, И.А. Чекалова, А.С. Анженкова, С.Л. Кравцова и др. Вопросы цифровизации животноводства изучают Д.М. Богданович, И.П. Шейко, В.Н. Тимошенко, А.А. Музыка, Д.С. Борисовец, В.Г. Костоусов, С.В. Банина и др..

В современной научной литературе под цифровым потенциалом предприятия АПК понимают совокупность имеющихся информационных, технологических и кадровых ресурсов, способных обеспечить переход производства на качественно новый уровень эффективности. В контексте экономической безопасности данный потенциал выступает не просто как конкурентное преимущество, а как защитный механизм.

Цифровая трансформация представляет собой глобальный процесс, затрагивающий все бизнес-процессы [1]. Связь между цифровизацией и безопасностью проявляется через три ключевые функции:

- прогностическая: использование искусственного интеллекта и нейросетей для анализа спутниковых снимков и метеоданных, что позволяет управлять природно-климатическими рисками. Цифровизация позволяет перейти от реагирования на свершившиеся факты, к предвидению и управлению. Механизм реализации донной функции заключается в использовании Big Data и нейросетей для анализа климатических данных, состояния почв и рыночной конъюнктуры, позволяет предсказывать неурожай, ценовые скачки на ранних стадиях. Это нейтрализует угрозу дефицита продовольствия и позволяет заранее скорректировать структуру посевов или объемы закупок;

- контрольная: системы мониторинга, такие как датчики на сельскохозяйственной технике, умные ошейники, исключают нецелевое использование ресурсов и хищения, что напрямую влияет на финансовую устойчивость. Эта функция обеспечивает прозрачность и непрерывность всех процессов АПК. Механизм реализуется через внедрение систем дистанционного зондирования земли, систем прослеживаемости продукции, что минимизирует внутренние угрозы, такие как нецелевое использование ресурсов, нарушение агротехнологий, фальсификацию продуктов. Всесторонний контроль гарантирует качество и безопасность питания для населения региона;

- оптимизационная: внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в цепочки поставок минимизирует потери продукции при хранении и транспортировке.

Цифровизация направлена на максимизацию выхода продукции при минимизации затрат. Механизм реализуется через технологии точного земледелия и автоматизацию логистики поставок, что нейтрализует угрозу экономической неэффективности и низкой конкурентоспособности АПК. В условиях санкций или роста цен на импортные комплектующие, оптимизация позволяет сохранять низкую себестоимость продукции, обеспечивая ее ценовую доступность для жителей.

Таким образом, цифровой потенциал становится защитой аграрного сектора, позволяя экономике оперативно адаптироваться к изменению рынка и внешним вызовам.

Мониторинг экономической безопасности осуществляется через оценку ряда важнейших показателей: степень износа активной части основных производственных средств на конец года, доля инвестиций в основной капитал в ВВП, производство зерна на душу населения и др. [2].

Влияние цифрового потенциала на экономическую безопасность АПК реализуется через трансформацию производственных и управленческих циклов. Можно выделить три ключевых уровня этой трансформации:

1 Ресурсно-технологический уровень основан на минимизации рисков. Технологии «точного земледелия» объединяют спутниковую навигацию и геоинформационные системы для автоматизации управления техникой, что позволяет перевести управление посевными площадями из режима усредненных показателей в режим работы с микро-локациями. Использование этих технологий и систем параллельного вождения обеспечивает:

- снижение зависимости от человеческого фактора через цифровизацию напрямую влияет на экономическую безопасность АПК. Использование систем автоматического вождения и автопилотов решает проблему некачественной обработки почвы, исключает повторное внесение семян и удобрений на одном и том же участке, предотвращает появление пустых зон, где размножаются сорняки. При этом снижается нагрузка на механизатора, он выполняет роль контролера системы, что минимизирует риск ошибок из-за усталости, ночного времени суток или плохой видимости;

- экономию материальных ресурсов (горюче-смазочных материалов, удобрений, семян, средств защиты растений), что повышает финансовый запас прочности предприятия. Системы автоматизации способны менять норму высева в зависимости от качества почвы, отключать секции сеялок на уже засеянных участках (на полях сложной формы), что исключает двойной расход семян; осуществлять внесение азота, фосфора и калия только там, где их дефицит подтвержден анализом почвы или спутниковыми снимками; системы искусственного интеллекта могут распознавать сорняки и подавать гербициды только на них, а не на все поле; уменьшение объема химии снижает риск деградации почв; сокращаются холостые пробеги техники, осуществляется контроль сливов топлива через датчики уровня; за счет лишних маневров техника изнашивается медленнее;

- повышение производительности за счет увеличения скорости полевых работ, возможность работать ночью, в условиях тумана, что позволяет более эффективно осуществить работы в «агротехническое окно». Современные цифровые системы контроля позволяют технике идти быстрее без ущерба для технологий, датчики контроля посева в реальном времени могут следить, чтобы семена ложились равномерно даже на высокой скорости, а автоматическое управление штангой опрыскивателя может поддерживать идеальную высоту над почвой, что позволяет трактору двигаться быстрее по неровному рельефу. Системы автоматического разворота могут рассчитывать оптимальную траекторию, что экономит рабочее время. Возможна автоматизация логистики, когда комбайн не останавливается для разгрузки, а выгружает зерно на ходу в подъехавший по сигналу трактор. Диспетчер может в онлайн-режиме видеть простои и направлять технику туда, где это необходимо. Кроме того, возможна ранняя автоматизированная диагностика состояния техники, для предотвращения поломок в критические рабочие часы;

– сохранение плодородия почв как стратегического ресурса производственной безопасности предполагает переход от использования земельных ресурсов к управлению ее потенциалом. Почва является таким активом, от качества которого зависит себестоимость сельскохозяйственной продукции и продовольственная безопасность страны. Поэтому возможно создание электронных карт агрохимического обследования, на основе которых автоматизированные системы могут вносить ровно столько питания, сколько может усвоить конкретный участок, в результате чего предотвращается химическое загрязнение почв и грунтовых вод, обеспечивается сохранение естественного микробиома. Кроме того, возможно проведение мониторинга эрозии и влажности в реальном времени, что позволяет оперативно принимать решения по регулированию севооборота;

2 Информационно-аналитический уровень включает мониторинг угроз. Цифровой потенциал обеспечивает прозрачность всех бизнес-процессов. Внедрение технологий вещей и датчиков контроля состояния биологических активов (животных и растений) позволяет:

– осуществлять непрерывный контроль сохранности активов, предотвращая внутренние угрозы (хищение или нецелевое использование); формировать системы раннего оповещения о биологических угрозах (вредители), что предотвращает большие убытки.

3 Интеграционный уровень основан на создании устойчивых логистических цепочек. Экономическая безопасность зависит от бесперебойности поставок. Цифровые платформы и технологии блокчейн для обеспечения прослеживаемости позволяют:

– оптимизировать логистические пути, сокращая время от производства до реализации;

– стабилизировать цены за счет исключения лишних посредников и прогнозирования объемов товарного предложения.

Таким образом, теоретическая модель цифровой безопасности АПК строится на создании единого контура, где данные становятся активом, способным замещать дефицитные ресурсы и компенсировать рыночную неопределенность.

Цифровая устойчивость организаций строится во взаимосвязи уже имеющихся конкурентных преимуществ нецифрового характера и на вновь сформированных конкурентных преимуществах, возникших вследствие трансформации бизнес-процессов [4].

Однако существует ряд ключевых барьеров, препятствующих масштабной реализации предложенной модели:

1 Высокая стоимость входа. Это самый очевидный фактор. Переоборудование парка техники (датчики, системы параллельного вождения, терминалы), покупка сельскохозяйственных дронов и специализированного программного обеспечения требует значительных разовых инвестиций. Окупаемость таких вложений может растянуться на очень длительный период, что является фактором значительного риска для малых и средних хозяйств и неподъемны без государственной поддержки. Цены на сельскохозяйственную продукцию, рост долговой нагрузки снижают способность привлекать кредиты для высокотехнологичных проектов.

2 Кадровый дефицит и нехватка компетенций. Рынок испытывает острую нехватку специалистов, способных не только управлять дроном, но и интерпретировать данные мультиспектрального анализа для принятия решений. Технологии развиваются быстро и система образования должна оперативно реагировать на информационные и технологические новинки на рынке, внедряя их в образовательный процесс. Программное обеспечение нового поколения является довольно сложным, особенно для представителей старой школы, которые зачастую не готовы работать с планшетами и новыми интерфейсами. Недостаточно просто собирать данные с датчиков, необходимо их анализировать, то есть речь идет о специалистах нового поколения, способных сочетать в себе знания технологии и информационную грамотность.

3 Низкая пропускная способность интернета. Для работы точного земледелия в

режиме реального времени нужен стабильный скоростной интернет. Во многих сельских регионах покрытие 4G/5G отсутствует или работает с перебоями, что делает использование облачных сервисов невозможным.

4 Проблема совместимости технологий. Техника разных производителей часто плохо совместима друг с другом. Отсутствуют единые стандарты передачи данных, что заставляет либо привязываться к одному производителю, либо тратить дополнительные средства на интеграцию разных систем.

5 Недоверие к данным и кибербезопасность. Многие руководители хозяйств привыкли доверять своему опыту, а не показателям датчиков, которые могут ошибаться. Также существует вероятность попадания информации к конкурентам либо недобросовестным лицам.

6 Низкое качество карт и почвенных данных. Для точного внесения удобрений нужны актуальные цифровые карты почв и истории агрохимического обследования. На практике часто используют устаревшие бумажные карты. Если имеющиеся данные устаревают, то создание новых электронных карт – это дополнительная и затратная статья расходов.

Развитие цифрового потенциала АПК как инструмента укрепления продовольственной и экономической безопасности региона необходимо осуществлять по четырем основным векторам:

1 Формирование цифровой основы. Без надежной базы данных и связи технологии точного земледелия могут остаться лишь локальными нововведениями. Для масштабного использования передовых цифровых технологий необходимо создание Единой национальной цифровой платформы АПК, которая обеспечит интеграцию данных дистанционного зондирования, метеостанций и почвенных карт в облачные сервисы, что позволит видеть реальную картину посевов и получать аналитику для оперативного реагирования. Кроме того, необходимо развитие специализированных сетей связи в сельской местности для передачи данных с датчиков влажности, температуры и состояния техники с минимальным энергопотреблением.

2 Обеспечение технологического суверенитета. Основная цель – минимизация импортозависимости и автоматизация принятия решений через стимулирование производства отечественных интеллектуальных систем, поддержка разработчиков бортовых компьютеров, автопилотов и контроллеров, чтобы избежать зависимости от импортных сервисов. В рамках этого вектора возможно использование алгоритмов искусственного интеллекта для прогнозирования урожайности, вспышек болезней растений и вредителей на основе анализа больших данных. Отдельное внимание необходимо уделить цифровизации логистических процессов, внедрение систем прослеживаемости на базе блокчейн. Это гарантирует прозрачность ценообразования и подтверждает качество продукции для экспорта.

3 Развитие человеческого капитала. Цифровизация невозможна без изменения мышления кадров. Необходимо создавать региональные площадки, где представители малых и средних хозяйств смогут протестировать новые технологии перед покупкой и пройти обучение. Кроме того, необходимо внедрение междисциплинарных программ и курсов переподготовки для действующих специалистов, стимулирование молодежных инициатив по разработке мобильных приложений для управления фермами и рыночными площадками.

4 Экономические и регуляторные механизмы – это инструменты, которые делают цифровизацию эффективной и безопасной. Необходимо осуществлять субсидирование процентных ставок на приобретение высокотехнологичного оборудования, целевое финансирование агротехнических стартапов, разрабатывающих отечественные аналоги систем управления, предусмотреть налоговые льготы для малых и средних хозяйств, объединяющихся в цифровые агрегаторы для сбыта продукции без посредников. К регуляторным механизмам можно отнести жесткий контроль качества через

автоматизированные системы ветеринарного и фитосанитарного надзора.

Таким образом, внедрение цифровых технологий выводит АПК на новый уровень, где эффективность производства определяется не только природно-климатическими условиями, но и качеством управления данными.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты, соответствующие поставленной цели.

Обосновано, что цифровой потенциал АПК в современных условиях хозяйствования выступает не только фактором технологического обновления, но и стратегическим ресурсом обеспечения экономической и продовольственной безопасности. Уточнены теоретические подходы к определению взаимосвязи между уровнем цифровизации аграрного сектора и устойчивостью региональной системы к внешним санкционным давлениям и внутренним структурным дисбалансам.

Разработаны комплексные рекомендации по внедрению цифровых технологий в АПК. Основной упор сделан на системах точного земледелия, цифровом мониторинге логистических цепей и платформ управления ресурсами. Эти меры позволяют минимизировать риски, связанные с неэффективным использованием земельных ресурсов. Указанные предложения позволяют повысить уровень самообеспеченности региона продовольствием, укреплению экономической стабильности за счет оптимизации издержек и повышения прозрачности бизнес-процессов в АПК.

Реализация разработанных рекомендаций позволит создать адаптивную систему управления агропромышленным комплексом, способную оперативно реагировать на возникающие вызовы и угрозы, обеспечивая продовольственную независимость регионов в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1 Гареева Я.Р. Роль цифровых технологий в повышении экономической безопасности хозяйствующих субъектов: трансформация методологии управления / Я.Р. Гареева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика, 2024. – №2 (48). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovyyh-tehnologiy-v-povyshenii-ekonomicheskoy-bezopasnosti-hozyaystvuyuschih-subektov-transformatsiya-metodologii>. – Дата доступа: 24.04.2026.

2 Об организации мониторинга важнейших показателей экономической безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2007 г. № 226 (в ред. постановления Совета Министров от 16 декабря 2008 г. № 194-3) // Нац. правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=1/12080>. – Дата доступа: 17.04.2026.

3 Попов Е.Д. Анализ влияния цифровой трансформации на экономическую безопасность организации / Е.Д. Попов // Инновации и инвестиции, 2023. – №10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-tsifrovoy-transformatsii-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-organizatsii>. – Дата доступа: 24.04.2026.

4 Свистунов В.М. Цифровизация как инструмент экономической безопасности современной организации / В.М. Свистунов, О.А. Агеева, И.Д. Мацкуляк // Вестник ГУУ, 2025. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-instrument-ekonomicheskoy-bezopasnosti-sovremennoy-organizatsii>. – Дата доступа: 24.04.2026.

5 Цифровое сельское хозяйство Республики Беларусь / под общ. ред. В.Г. Гусакова; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т систем. исслед. в АПК. – Минск: Беларуская навука, 2024. – 553 с.

**ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

**KEY TRENDS AND DIRECTIONS OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE
CONTEXT OF ENSURING REGIONAL FOOD SECURITY**

А.Г. Ефименко, Е.В. Волкова, О.П. Громыко
A.G. Efimenko, E.V. Volkova, O.P. Gromyko

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г.
Могилев, Беларусь, e-mail: efimenko_ag@mail.ru

Belarusian state university of food and chemical technologies, g. Mogilev, Belarus
e-mail: efimenko_ag@mail.ru

Ключевые слова: сельское хозяйство, анализ, субъекты хозяйствования, производство, реализация, потребление, эффективность, направления, развитие

Keywords: agriculture, analysis, business entities, production, sales, consumption, efficiency, directions, development

В статье авторами исследованы основные тренды и выполнен статистический анализ производства и структуры производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, валового сбора и урожайности по видам сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, объема производства и реализации основных видов животноводческой продукции, производства основных видов продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения и основных показателей эффективности производства. Приведены основные направления повышения эффективности и развития сельского хозяйства Могилевской области.

В современных условиях хозяйствования агропромышленный комплекс играет важную роль в обеспечении продовольственной, социальной и экономической безопасности, как региона, так и Республики Беларусь. Здесь поставлены задачи в необходимости произвести продукцию, ее сохранить, переработать в качественные продукты питания для населения. Агропромышленный комплекс постоянно развивается и претерпевает изменения в связи с новыми технологиями, инновациями, которые значительно влияют на объем производства, сбыта и конкурентоспособность продукции [1-3].

Цель исследования заключается в исследовании условий формирования, углублении теоретико-методологических основ динамического анализа состояния, тенденций развития сельского хозяйства и разработке перспективных направлений повышения эффективности производства. Объект исследования – функционирование сельского хозяйства Могилевской области. Предмет исследования – развитие теоретико-методических основ анализа состояния и основных тенденций развития сельского хозяйства. В процессе исследования применялись общенаучные методы теоретического познания: статистического и логического анализа, синтеза, сравнения, классификации и обобщения.

Составной частью АПК Республики Беларусь является сельское хозяйство, которое выступает сырьевой базой для перерабатывающих организаций. Доля сельского, лесного и рыбного хозяйства в структуре ВВП страны в 2024 г. составила 6,9 %. В Могилевской области функционирует множество различных субъектов хозяйствования по организационно-правовым формам [4] (табл. 1).

Таблица 1 – Состав и структура субъектов хозяйствования по организационно-правовым формам

Наименование	2021 г.		2022 г.		2023 г.		2024 г.		Темп роста, % 2024 г. / 2020 г.
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего юридических лиц, в том числе:	11933	100	11903	100	12034	100	12246	100	102,6
коммерческие организации, из них:	8739	73,2	8700	73,1	8839	73,4	9072	74,1	103,8
акционерные общества, в том числе	332	2,8	320	2,7	306	2,5	294	2,4	91,3
открытые акционерные общества	267	2,2	257	2,2	246	2,0	236	1,9	83,4
закрытые акционерные общества	65	0,5	63	0,5	60	0,5	58	0,5	89,2
общества с ограниченной ответственностью	4048	33,9	4198	35,3	4439	36,9	4790	39,1	118,3
общества с дополнительной ответственностью	454	3,8	436	3,7	425	3,5	411	3,3	90,5
унитарные предприятия	3376	28,3	3187	26,8	3102	25,8	3006	24,5	89,0
некоммерческие организации, из них:	3194	26,8	3203	26,9	3195	26,6	3174	23,9	99,4
потребительские кооперативы	504	4,2	506	15,7	511	4,2	513	4,2	101,7
Учреждения	1984	16,6	1967	16,5	1949	22,4	1918	15,7	96,7

На данном этапе агропромышленный сектор Могилевской области формирует около 10 % регионального продукта.

Устойчивое развитие агропромышленного комплекса Могилевской области неразрывно связано с учетом темпов роста объемов производства сельскохозяйственной продукции.

Динамика производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Могилевской области приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (млн. руб.; в текущих ценах)

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, % 2023 г. /2020 г.
Продукция сельского хозяйства – всего	2623	2777	3302	3467	132,2
в т.ч. продукция растениеводства	1310	1377	1651	1694	129,3
продукция животноводства	1313	1400	1651	1773	135,0

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что в Могилевской области в 2023 г. по сравнению с 2020 г. в целом производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий увеличилось на 32,2 %, в том числе производство продукции растениеводства увеличилось на 29,3 %, производство продукции животноводства – на 35 %.

Динамика структуры производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств приведена в таблице.

Таблица 3 – Динамика структуры производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, %

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. / 2020 г., п.п.
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100
в том числе с/х организации, включая крестьянские (фермерские) хозяйства	82,9	81,2	80,8	82,5	-0,4
хозяйства населения	17,1	18,8	19,2	17,5	+0,4
Растениеводство					
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100
в том числе с/х организации, включая крестьянские (фермерские) хозяйства	69,1	65,4	64,7	67,2	-1,9
хозяйства населения	30,9	34,6	33,7	33,7	-1,4
Животноводство					
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100
в том числе с/х организации, включая крестьянские (фермерские) хозяйства	96,6	96,6	96,9	97,2	+0,6
хозяйства населения	3,4	3,4	3,1	2,8	-0,6

Данные выполненного статистического анализа данных табл. 2 показывают, что в Могилевской области в 2023 г. наибольший удельный вес в общей структуре производства сельскохозяйственной продукции хозяйств всех категорий занимают сельскохозяйственные организации, включая крестьянские (фермерские) хозяйства – 82,5 %, что по сравнению с 2020 г. ниже на 0,4 %. Наибольший удельный вес в общей структуре производства продукции растениеводства занимают сельскохозяйственные организации, включая крестьянские (фермерские) хозяйства – 67,2 %, что по сравнению с 2020 г. меньше

на 1,4 %. Необходимо отметить, что высокий удельный вес в общей структуре производства продукции животноводства также занимают сельскохозяйственные организации – 97,2 %, что по сравнению с 2020 г. выше на 0,6 %.

На данном этапе сельскохозяйственное производство имеет высокий уровень специализации молочно-мясного скотоводства с развитым производством зерна, рапса. В Республике Беларусь растениеводство является ведущей отраслью сельскохозяйственного производства, в которой преобладает возделывание зерновых культур: преимущественно ячмень, рожь, пшеница, картофель, кормовые культуры. В связи со структурными преобразованиями и ориентацией на возобновляемые источники энергии расширяются объемы возделывания зернобобовых и масличных культур. Зерновые культуры возделываются и занимают основное место в общей отраслевой структуре растениеводства.

В Республике Беларусь запланирован объем производства зерна не менее 10 млн. тонн, посевных площадей зернобобовых растений до 350 тыс. га, многолетних трав (преимущественно бобовых культур) на пашне – до 1 млн. га, что позволит увеличить объемы накопления биологического азота в почве до 100 тыс. тонн, обеспечить до 70 % потребности отрасли животноводства в растительном белке и минимизировать его импорт, урожайности зерновых и зернобобовых культур не менее 40 ц/га. Необходимо также обеспечить производство высококачественных сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к периодически повторяющимся неблагоприятным погодным условиям, болезням и вредителям, с использованием молекулярно-генетических методов.

Проведенный статистический анализ показал, что в Могилевской области наибольший удельный вес в общей структуре посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий занимают посевные площади зерновых и зернобобовых культур: в 2023 г. – 44,7%, что по сравнению с 2020 г. ниже на 5,7 %. Высокий удельный вес занимают также посевные площади кормовых культур: в 2023 г. – 42,5 %, что по сравнению с 2020 г. выше на 0,9 %.

Динамика валового сбора по видам сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий приведена в таблице 4.

Таблица 4 – Динамика валового сбора по видам сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, тыс. тонн

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %, 2023 г. к 2020г.
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки)	1239,3	993,2	1137,4	970,0	75,0
Льноволокно	6,9	5,8	7,5	5,9	85,5
Свекла сахарная	392,7	286,3	327,9	463,8	118,1
Рапс	76,5	80,6	55,8	95,4	124,7
Картофель	426,9	411,3	474,2	494,6	115,8
Овощи	243,7	235,5	249,3	229,8	92,8
Фрукты и ягоды	74,7	72,1	84,8	64,0	85,6

Анализируя данные таблицы 4 следует отметить, что в хозяйствах всех категорий Могилевской области в 2023г. по сравнению с 2020 г. увеличился валовой сбор основных сельскохозяйственных культур: свеклы сахарной – на 18,1 %, рапса – на 24,7%, картофеля – на 15,8 %. За исследуемый период снизился валовой сбор зерновых и зернобобовых культур – на 25 %, льноволокна – на 14,5 %, овощей – на 5,7%, фруктов и ягод – на 14,4%.

К сельскохозяйственным организациям Могилевского района с высокой урожайностью зерновых и зернобобовых культур отнесены следующие: ЗАО «Агрокомбинат «Заря» (средняя урожайность составила 59,8 ц/га), СПК «Гигант» Бобруйского района (средняя урожайность – 51,3 ц/га), ОАО «Александрийское» (средняя

урожайность – 54,2 ц/га), СП «Газовик-Сипаково» Шкловского района (средняя урожайность – 60,7 ц/га), ОАО «Рассвет им. К.П. Орловского» Кировского района (средняя урожайность – 52,6 ц/га).

Динамика урожайности сельскохозяйственных культур приведена в таблице 5.

Таблица 5 – Динамика урожайности сельскохозяйственных культур, ц/га

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %, 2023 г. к 2020 г.
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки)	32,1	25,6	28,4	25,6	79,7
Льноволокно	10,9	8,2	10,5	8,1	74,3
Свекла сахарная	427	276	321	412	96,5
Рапс	18,1	16,8	11,6	16,1	88,9
Картофель	215	204	227	257	119,5
Овощи	262	259	279	275	104,9
Фрукты и ягоды	72,5	71,3	86,2	73,0	100,7

Данные, приведенные в табл. 5 показывают, что в Могилевской области в хозяйствах всех категорий в 2023 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась урожайность картофеля – на 19,5%, овощей – на 4,9 %, фруктов и ягод – на 0,7 %. За исследуемый период снизилась урожайность зерновых и зернобобовых культур – на 20,3 %, льноволокна – на 25,7 %, свеклы сахарной – на 3,5 %, рапса – на 11,1 %.

На данном этапе рост производства продукции животноводства и повышение ее качества осуществляется за счет внедрения современных технологий выращивания скота и птицы, совершенствования государственного регулирования производства данной продукции. За 2016-2020 гг. построено и реконструировано 472 молочно-товарные фермы и примерно 70 % молока производится по современным инновационным технологиям. Удой на корову преодолел 5 тыс. кг, а в молочной отрасли создано одно из самых эффективных производств АПК в современных условиях цифровой трансформации.

По данным выполненного статистического анализа установлено, что в хозяйствах всех категорий Могилевской области в 2023г. по сравнению с 2020 г. снизилась реализация скота и птицы в живом весе на 7,3 %, в убойном весе – на 7,2 %. За исследуемый период выросло производство молока – на 2,6% и производство яиц – на 24,6 % (таблице 6).

Таблица 6 – Динамика объема производства и реализации основных видов животноводческой продукции в Могилевской области, тыс. тонн

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %, 2023 г./ 2020 г.
Реализация скота и птицы на убой:					
в живом весе	210,1	182,9	101,9	191,8	92,7
в убойном весе	146,5	127,4	136,5	137,4	93,8
Производство молока	705,5	728,2	702,7	724,2	102,6
Производство яиц, млн. шт.	299,8	330,5	331,0	373,7	124,6

Сложившиеся природно-климатические условия Могилевской области позволяют полностью обеспечить население основными видами сельскохозяйственной продукции

(таблица 7).

Таблица 7 – Динамика производства основных видов продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения Могилевской области, кг

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %, 2023 г./ 2020 г.
Зерно	1216	986	1142	984	80,9
Картофель	419	408	476	502	119,8
Овощи	239	234	250	233	97,4
Свекла сахарная	385	284	330	471	122,3
Фрукты и ягоды	73	72	85	65	89,0
Скот и птица (в убойном весе)	144	126	137	139	96,5
Молоко	692	723	707	735	106,2
Яйца, шт.	294	328	333	379	128,9

Проведенный анализ данных табл. 7 показал, что в Могилевской области в 2023г. по сравнению с 2020 г. производство картофеля в расчете на душу населения увеличилось на 19,8 %, свеклы сахарной – на 22,3 %, молока – на 6,2%, яиц – на 28,9 %. За данный период снизилось в расчете на душу населения производство зерна – на 19,1 %, овощей – на 2,6%, фруктов и ягод – на 11 %, скота и птицы (в убойном весе) – на 3,5 %.

Агропромышленный комплекс Могилевской области постоянно развивается и претерпевает значительные изменения в связи с применением новых технологий, инноваций и цифровой трансформации. Промышленными организациями области в 2024 г. отгружено продукции стоимостью 12844 млн. руб., в том числе инновационной – 1517,9 млн. руб., что на 6,2 % превышает объем отгруженной инновационной продукции в 2023 г.

Следует отметить, что в 2023 г. по сравнению с 2020 г. произошел рост количества организаций на 5,7 %, объем отгруженной инновационной продукции увеличился на 48,1% (таблица 8).

Таблица 8 – Динамика инновационной деятельности организаций Могилевской области

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, 2023 г. % к 2020 г.
Число организаций (единиц)	35	35	35	37	105,7
Затраты организаций на инновации, тыс. руб.	113858	57484	32667	105301	92,5
Объем отгруженной инновационной продукции, тыс. руб.	965016	1348518	1509917	1429577	148,1

Динамика основных показателей эффективности производства (сельское, лесное и рыбное хозяйство) в Могилевской области приведена в таблице 9.

Таблица 9– Динамика основных показателей эффективности производства (сельское, лесное и рыбное хозяйство), млн. руб.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %, 2023 г. / 2020 г.
Выручка от реализации Продукции	1909,9	2201,2	2515,0	2566,9	134,4
Чистая прибыль	74,2	256,4	274,1	270,1	364,0
Рентабельность продаж, %	4,9	8,8	8,4	4,8	-0,1 п.п.

Выполненный анализ данных, приведенных в табл. 8, показал, что в Могилевской области также наблюдается повышение эффективности производства за исследуемый период: выручка от реализации продукции увеличилась на 34,4 %, чистая прибыль – в 3,6 раза. Однако рентабельность продаж снизилась в 2023 г. по сравнению с 2020 г. на 0,1 п.п.

На данном этапе сложившаяся в АПК ситуация характеризуется такими проблемами, как сложное финансовое положение, невысокий уровень обновления основных средств, дефицит собственных оборотных средств, низкие темпы внедрения и использования инновационных ресурсосберегающих технологий производства и переработки продукции, невысокий уровень экономической эффективности деятельности организаций АПК, что требует разработки приоритетных направлений и мероприятий.

Проведенный динамический анализ показал, что в современных условиях хозяйствования основными направлениями повышения эффективности сельскохозяйственного производства Могилевской области являются:

1. внедрение ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих сокращение затрат, снижение себестоимости продукции: улучшение ее качества для поддержания ее конкурентоспособности на различных рынках;

2. внедрение инновационных технологий и бизнес-моделей. Современные инновационные технологии позволяют применить такие направления цифрового развития АПК в Могилевской области как: роботизация сортировки сырья, дополненная реальность, машинное зрение, применения искусственного интеллекта, умная упаковка, технология 3D-печати. При этом важно кадровое обеспечение: специалисты должны владеть навыками цифровых компетенций, обладать навыками работы с научно-технической информацией. Внедрение новых цифровых инструментов в АПК области значительно повысит производительность труда, оптимизирует производственный процесс и увеличит прибыль;

3. формирование, модернизация и развитие инфраструктуры, соответствующей уровню производственного потенциала и требованиям рынка, обеспечивающей рост конкурентных преимуществ отечественных товаропроизводителей.

Список литературы:

1. Волкова Е.В. Оценка и пути повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции / Е.В. Волкова // Стратегические приоритеты развития экономики и ее информационное обеспечение: материалы Межд. науч. конф. (9–10 декабря 2021г.) / сост. Ю.И. Сигидов, Н.С. Власова. – Краснодар: КубГАУ, 2022. – С. 212–220.

2. Ефименко А. Г. Формирование и развитие эффективного механизма согласованности экономических интересов организаций АПК: моногр. / А.Г. Ефименко, О.П. Громыко.– Могилев: БГУТ, 2023. – 204 с.

3. Маковская Н. В. Производительность трудовой сферы в Беларуси: мониторинг и оценки: моногр. / Н. В. Маковская. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2024. – 248 с.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь главное стат. управление Могилевской области / стат. ежегодник Могилевской области в цифрах, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mogilev.belstat.gov.by>.– Дата доступа: 15.03.2026.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON ENSURING THE COUNTRY'S ECONOMIC SECURITY

Н.С. Заика, Д.С. Бутримова
N.S. Zaika, D.S. Butrimova

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, Беларусь,
212027, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email: mail@bgut.by

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Belarus, 212027, Mogilev,
Schmidt Avenue, 3, email: mail@bgut.by

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь между развитием цифровой экономики и обеспечением экономической безопасности Республики Беларусь. Рассмотрены эволюция понятия «цифровая экономика», основные подходы к ее определению и структурная модель. Проанализирована система индикаторов экономической безопасности страны, включая макроэкономическую стабильность, внешнеэкономическую устойчивость и социально-демографические показатели. Предложен адаптивный индекс цифровой экономической безопасности (ИЦЭБ-РБ), позволяющий комплексно оценивать уязвимости инфраструктуры, макроэкономической резильентности и институциональной защиты. Обоснована необходимость перехода от реактивной модели кибербезопасности к проактивной, включающей импортозамещение, развитие кадрового потенциала и внедрение принципа Security by Design. Сделан вывод о том, что цифровая трансформация является ключевым драйвером экономического роста, однако требует системного государственного регулирования для минимизации технологических рисков.

Abstract: The article explores the relationship between the development of the digital economy and ensuring the economic security of the Republic of Belarus. The evolution of the concept of "digital economy", the main approaches to its definition and the structural model are considered. The system of indicators of the country's economic security, including macroeconomic stability, foreign economic sustainability and socio-demographic indicators, is analyzed. An adaptive index of digital economic security (IDES-RB) is proposed, which allows for a comprehensive assessment of the vulnerabilities of infrastructure, macroeconomic resilience and institutional protection. The paper substantiates the need to transition from a reactive cybersecurity model to a proactive one, which includes import substitution, human resources development, and the implementation of the Security by Design principle. The paper concludes that digital transformation is a key driver of economic growth, but it requires systematic government regulation to minimize technological risks.

Ключевые слова: цифровая экономика, экономическая безопасность, импортозамещение, кибербезопасность, индексный подход, Республика Беларусь, цифровая трансформация, ИКТ.

Keywords: digital economy, economic security, import substitution, cybersecurity, index approach, Republic of Belarus, digital transformation, ICT.

В современных условиях глобальной нестабильности и технологических сдвигов обеспечение экономической безопасности становится приоритетом национальной стратегии любого государства. Цифровизация, охватывающая все сферы общественной жизни – от государственного управления до промышленного производства, – несет в себе

не только возможности для кратного роста эффективности, но и новые системные риски. Уязвимость критической информационной инфраструктуры (КИИ) перед внешними киберугрозами, а также зависимость от зарубежных программно-аппаратных решений требуют формирования сбалансированной государственной политики, интегрирующей меры по кибербезопасности и стратегии технологического суверенитета.

Целью данной работы является анализ влияния процессов цифровизации на уровень экономической безопасности Республики Беларусь, а также разработка методологических подходов к оценке и минимизации сопутствующих рисков.

Генезис понятия «цифровая экономика» в научной литературе традиционно связывают с именем Николаса Негропonte. В своей фундаментальной работе «Быть цифровым» (1995 г.) он ввел этот термин, описав суть трансформации через метафору «перехода от движения атомов к движению битов». На начальном этапе цифровая экономика рассматривалась не как самостоятельная научная дисциплина, а как сегмент реального хозяйства, где доминирующим ресурсом стала информация, циркулирующая в интернет-пространстве. [1]

Иной подход к систематизации дефиниций предлагает М.В. Ищенко, который выделяет три основные группы определений цифровой экономики. К первой из них он относит трактовки, рассматривающие данное явление в качестве академической дисциплины и предмета научного познания. Вторая группа объединяет определения, фокусирующиеся на узком понимании цифровой экономики – через призму использования конкретных информационно-коммуникационных технологий: анализ больших объёмов данных, интернет вещей, автоматизацию и роботизацию производственных и управленческих процессов, облачные вычисления и т.п. Третья группа, напротив, даёт расширенную трактовку, в рамках которой цифровая экономика предстаёт как целостная общественно-экономическая система, характеризующаяся специфическими производительными силами и производственными отношениями. [2]

В свою очередь, Т.Ф. Кузнецова акцентирует внимание на процессном аспекте цифровизации. В её интерпретации цифровизация представляет собой трансформацию как отдельных компаний, так и целых отраслевых комплексов, ведущую к формированию новых моделей деятельности, базирующихся на широком внедрении информационных технологий. [3]

Анализ научной литературы выявляет три основных парадигмы осмысления цифровой экономики. Первая, исторически доминирующая, – технологическая (или секторальная) – рассматривает её как сферу, связанную с производством и применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая аппаратное и программное обеспечение, а также телекоммуникации. Основным недостаток этого подхода заключается в его узости: он не включает те сферы, где цифровые технологии активно используются, но не производятся (например, электронная коммерция или цифровой маркетинг).

Второй, расширенный (факторный), подход смещает фокус на информацию (данные) как основной производственный фактор. Цифровая экономика здесь – это деятельность, где данные и их цифровая обработка служат катализатором роста эффективности и конкурентоспособности. Это видение, лежащее в основе государственных стратегий, охватывает не только ИКТ-сектор, но и все сферы, генерирующие ценность на основе данных.

Третий, институционально-сетевой, взгляд определяет цифровую экономику как новую экосистему, порождающую уникальные экономические отношения и институты. Это не просто рынок цифровых продуктов, а новая форма организации, базирующаяся на прямых горизонтальных связях между участниками, таких как платформенная занятость или шеринговая экономика. Такой подход подчеркивает снижение транзакционных издержек и появление новых форм организации труда.

Интегрируя эти перспективы, цифровую экономику можно описать как систему,

функционирующую на базе цифровых технологий, где данные выступают ключевым активом, а сетевые структуры обеспечивают прямое взаимодействие между участниками.

В научной литературе, посвященной изучению структуры цифровой экономики, широко распространена модель, основанная на трех уровнях. Эта модель позволяет четко определить, где именно генерируется цифровая ценность и из каких элементов состоит данная система.

Первый уровень, являющийся ядром ИКТ-сектора (базовым уровнем), представляет собой материально-техническую основу цифровой экономики. Сюда относится производство электронных компонентов, компьютерного и телекоммуникационного оборудования, разработка программного обеспечения, деятельность в сфере информационных технологий, а также предоставление услуг проводной и беспроводной связи, и передачи данных. Этот уровень формирует необходимую инфраструктуру, без которой существование остальных элементов невозможно.

На втором уровне, внешнем ярусе ИКТ-сектора, происходит создание цифровых услуг и контента. Здесь разрабатываются сложные цифровые продукты и сервисы, ориентированные на прямое взаимодействие с конечными пользователями и бизнесом. Этот уровень включает электронную коммерцию, финансовые технологии (электронные платежи, краудфандинг, блокчейн), цифровые платформы (маркетплейсы, агрегаторы), а также цифровой контент (стриминговые сервисы, онлайн-игры). Именно на этом уровне зарождаются новые бизнес-модели, использующие сетевые эффекты и платформенную организацию.

Третий уровень характеризуется цифровой трансформацией традиционных отраслей. Этот уровень, будучи самым обширным, одновременно представляет наибольшие сложности для статистического измерения. Он охватывает интеграцию цифровых технологий в традиционные сектора экономики: промышленность (концепции "Индустрия 4.0", умные заводы), сельское хозяйство (точное земледелие), транспорт (беспилотные технологии, умная логистика), здравоохранение (телемедицина, электронные карты), а также государственное управление (электронное правительство, цифровые услуги). Развитие этого уровня демонстрирует степень проникновения цифровых технологий в экономику.

Экономическая безопасность представляет собой такое положение национальной экономики и её управляющих структур, при котором обеспечивается надёжная защита суверенных интересов государства, реализуется социально ориентированная политика и поддерживается адекватный уровень оборонной способности, невзирая на неблагоприятные внутренние и внешние факторы. Оценка этого состояния преимущественно осуществляется посредством индикативного подхода, который базируется на использовании системы критериев и пороговых значений. [4]

Для оценки экономической безопасности используется индикативный подход, который сводится к количественному анализу макроэкономических показателей. Сравнивая фактические значения с установленными пороговыми уровнями, можно определить степень безопасности. Пороговое значение – это критическая отметка, за которой начинаются экономические сбои и возникают угрозы национальной безопасности. В Республике Беларусь порядок формирования этих индикаторов определен Концепцией национальной безопасности и другими нормативными документами, адаптированными к специфике белорусской экономической системы.

Система оценочных критериев, применяемая в Республике Беларусь для комплексного анализа социально-экономического развития, структурирована по четырем взаимосвязанным функциональным блокам:

1 Макроэкономическая стабильность. Данный блок характеризуется совокупностью индикаторов, отражающих устойчивость экономического роста и финансовую сбалансированность: динамика валового внутреннего продукта в реальном выражении, индекс потребительских цен как мера инфляционного давления, параметры

сбалансированности консолидированного государственного бюджета, а также объем и структура золотовалютных резервов как инструмента обеспечения внешней платежеспособности.

2 Внешнеэкономическая устойчивость. Оценка этой компоненты осуществляется посредством анализа состояния платежного баланса, уровня и динамики валового внешнего долга относительно валового внутреннего продукта, а также коэффициентов импортной зависимости по стратегически значимым товарным группам, что позволяет количественно оценить уязвимость национальной экономики к экзогенным шокам.

3 Социально-демографическая сфера. Ключевыми метриками данной области выступают: уровень регистрируемой и методологически стандартизированной безработицы, индекс концентрации доходов населения (коэффициент Джини) как показатель социального неравенства, а также динамика реальной располагаемой заработной платы с учетом инфляционной корректировки и покупательной способности.

4 Научно-технологический и производственно-инновационный потенциал. Интегральная оценка данного направления базируется на анализе удельного веса высокотехнологичной и наукоемкой продукции в структуре экспорта, коэффициента обновления и степени физического и морального износа основных производственных фондов, а также показателей интенсивности исследований и разработок (затраты на НИОКР в процентах от ВВП).

Как отмечают исследователи, специфика белорусской модели заключается в высокой роли государственного регулирования, что требует установления более жестких пороговых значений по показателям социальной стабильности и занятости по сравнению со странами либерального рыночного типа. [5]

Рассмотрим базовые индикаторы экономической безопасности и их пороговые значения в контексте актуальной макроэкономической конъюнктуры Республики Беларусь, опираясь на методологию комплексного мониторинга социально-экономического развития.

Инфляционные процессы и ценовая стабильность. В рамках монетарной политики Республики Беларусь целевым ориентиром обеспечения ценовой стабильности выступает диапазон годовой инфляции в пределах 5–7%. Достижение и удержание данного коридора рассматривается как необходимое условие сохранения покупательной способности национальной валюты и минимизации инфляционных ожиданий экономических агентов. В условиях экзогенных шоков (геополитическая напряженность, санкционные ограничения, дезинтеграция логистических цепочек) допустимы краткосрочные девиации от установленных параметров, однако приоритетной задачей Национального банка Республики Беларусь является реализация комплекса мер, направленных на оперативную реставрацию показателя в пределах безопасного диапазона.

Устойчивость государственного долга. Критериальным пороговым значением отношения валового внешнего государственного долга к валовому внутреннему продукту в международной и национальной практике признается уровень 60%. Для Республики Беларусь, характеризующейся потребностью во внешних заимствованиях для финансирования инвестиционных проектов технологической модернизации, данный индикатор находится в зоне перманентного мониторинга. Превышение установленного порога сопряжено с рисками снижения фискального суверенитета и возникновения долговой нестабильности. Эмпирические данные свидетельствуют о стремлении удерживать показатель в диапазоне 40–50% к ВВП, что соответствует критериям среднесрочной устойчивости; однако валютная структура обязательств и концентрация погашений остаются факторами повышенной уязвимости.

Рынок труда и занятость населения. Социальная стабильность в Республике Беларусь детерминирована уровнем занятости и качеством трудовых ресурсов. Пороговым значением регистрируемой безработицы признан уровень, не превышающий 5–6%. Исторически белорусская модель социально-экономического развития характеризуется

низкими показателями открытой безработицы; однако научный дискурс акцентирует внимание на латентных рисках, связанных с феноменом скрытой безработицы и снижением предельной производительности труда в условиях искусственного поддержания полной занятости. Исследования подтверждают, что стратегия поддержания занятости без опережающего роста производительности труда формирует структурные диспропорции и создает угрозы для долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики. [4]

Импортозависимость и продовольственно-энергетическая безопасность. В системе обеспечения экономической безопасности установлены нормативные пороги самообеспеченности по критическим товарным группам. В частности, доля импортного продовольствия во внутреннем потреблении не должна превышать 25%, а энергетическая безопасность предполагает диверсификацию источников поставок энергоносителей. В условиях трансформации внешнеэкономических связей и переориентации торговых потоков на рынки Востока и Юга, Республика Беларусь сталкивается с необходимостью адаптации методологии оценки импортозависимости: акцент смещается с количественных метрик на качественные параметры, включая надежность контрагентов, устойчивость логистических коридоров и институциональную совместимость новых партнеров.

Данный комплекс индикаторов и установленных пороговых значений является фундаментальным инструментом для проведения диагностики уровня экономической безопасности. Он также обеспечивает методологическую базу для формулирования и имплементации адаптивных мер макроэкономического регулирования в условиях высокой степени неопределенности внешних факторов.

Для изучения воздействия цифровизации на экономическую безопасность применяются три основных методологических подхода.

Первый подход, называемый индикаторным, опирается на отслеживание ключевых макроэкономических индикаторов, таких как удельный вес информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в валовом внутреннем продукте (ВВП), уровень цифровой грамотности населения и объем капиталовложений в сферу кибербезопасности. Его сильные стороны заключаются в наглядности и возможности быстрого получения данных, однако данный метод не способен учесть совокупное, синергетическое воздействие цифровых технологий. [6]

Эконометрический подход представляет собой второе направление исследования. Он задействует инструментарий панельных регрессий, моделей VAR и структурных уравнений для эмпирического выявления причинно-следственных зависимостей между степенью цифровизации и индикаторами экономической устойчивости. Преимуществом данного подхода является возможность количественной оценки эластичности, однако его применение сопряжено с необходимостью наличия продолжительных временных рядов и устойчивой институциональной статистической базы.

Индексно-аналитический подход является третьим подходом. Он базируется на агрегировании разнородных показателей в комплексные индексы посредством методов главных компонент, аналитической иерархии или экспертного взвешивания. Именно индексный метод наиболее адекватно отражает многомерную природу понятия «экономическая безопасность в цифровую эпоху», поскольку позволяет интегрировать инфраструктурные, технологические и институциональные компоненты. [7]

Ключевой методологической задачей остаётся нормализация данных, выбор весовых коэффициентов и валидация пороговых значений. В условиях быстро меняющейся цифровой среды статические индексы уступают место динамическим моделям, интегрирующим сценарное прогнозирование и мониторинг уязвимостей в режиме, близком к реальному времени.

Для иллюстрации методологии рассмотрим адаптацию индексного подхода к условиям Республики Беларусь. В качестве исходной базы используются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, отчёты Евразийской экономической комиссии и показатели Международного союза электросвязи за период

2020–2025 гг. Статистический анализ демонстрирует устойчивый рост проникновения широкополосного доступа (с 78% до 89% домохозяйств), увеличение доли ИКТ-услуг в экспорте (в среднем на 11,2% в год) и рост числа пользователей цифровых государственных сервисов. Одновременно фиксируется рост инцидентов в сфере информационной безопасности (на 28–32% ежегодно) и усиление зависимости от импортного программного обеспечения и аппаратных решений, что создаёт структурные риски для экономической безопасности. [6]

На основе выявленных тенденций предложен адаптивный индекс цифровой экономической безопасности Республики Беларусь (ИЦЭБ-РБ), структурированный по трём субиндексам:

1 Инфраструктурно-технологический ($I_{\text{инф}}$) – плотность ИКТ-инвестиций, охват 5G/оптическими сетями, уровень отечественной разработки ПО.

2 Резильентно-макроэкономический ($I_{\text{рез}}$) – доля цифрового сектора в ВВП, диверсификация экспорта ИКТ-услуг, уровень занятости в высокотехнологичных отраслях.

3 Институционально-защитный ($I_{\text{инст}}$) – качество нормативной базы по кибербезопасности, доля отечественных решений в критической инфраструктуре, индекс готовности к цифровым шокам.

Нормализация показателей осуществлялась методом минимакса с приведением к шкале [0; 1]. Веса определялись через метод анализа главных компонент (РСА) на основе панельных данных за 2020–2024 гг. Расчётное значение ИЦЭБ-РБ за 2024 г. составило 0,67 при пороговом уровне безопасного состояния 0,70. Основной вклад в отставание вносят субиндексы $I_{\text{инст}}$ (0,61) и зависимость от внешних технологических цепочек. Статистическая верификация подтверждает, что рост ИЦЭБ-РБ на 0,01 пункта коррелирует с увеличением устойчивости ВВП к внешним шокам на 0,4–0,6% в среднесрочной перспективе. [7] Данный результат демонстрирует практическую применимость индексного метода для раннего выявления уязвимостей и обоснования целевых мер государственной политики.

Методологическая оценка влияния цифровизации на экономическую безопасность требует перехода от фрагментарного мониторинга к комплексным индексно-аналитическим системам. Индексный метод, подкреплённый актуальной статистикой и корректной процедурой взвешивания, позволяет трансформировать разнородные данные в управленчески значимые индикаторы. Применение данного подхода к условиям Республики Беларусь выявило умеренно позитивную динамику цифровой трансформации при сохраняющихся институциональных и технологических рисках.

Конкурентоспособность в цифровой экономике представляет собой динамическую способность предприятия осуществлять успешную хозяйственную деятельность на рынке в конкурентной среде, грамотно используя свой интеллектуальный и кадровый потенциал для обработки и использования информации и знаний в своей деятельности в условиях асимметрии информации.

В ближайшие пять лет Беларусь сосредоточится на семи главных направлениях своего социально-экономического развития. Во-первых, это укрепление демографической безопасности страны, что подразумевает сохранение численности населения, улучшение здоровья граждан и поддержку семей. Во-вторых, акцент делается на развитии человеческого потенциала через качественное образование и воспитание гармоничных, патриотичных личностей. В-третьих, планируется создание комфортной и удобной среды для жизни. Четвертым приоритетом названы повышение конкурентоспособности, ускорение технологического прогресса и повсеместное внедрение цифровых технологий. Пятым пунктом является развитие регионов, шестым — усиление обороноспособности и оборонного сектора экономики, а седьмым — полное раскрытие туристического потенциала.

Как подчеркнул Премьер-министр Александр Турчин, представляя эту программу, её реализация позволит белорусам ощутить заметные улучшения в качестве жизни уже в

течение пяти лет. Программа полностью обеспечена необходимым финансированием, источники которого тщательно просчитаны с учётом реальных экономических возможностей. Таким образом, выполнены ключевые условия: финансовая состоятельность и практическая осуществимость поставленных целей. Несмотря на глобальную геополитическую нестабильность и замедление мировой экономики, ожидается, что экономика Беларуси будет расти не менее чем на 3% ежегодно, достигнув общего прироста в 15,8% за пятилетие. Для сравнения, за текущий пятилетний период рост ВВП оценивается всего в 7%. Именно четвёртый приоритет – цифровая трансформация – призван стать основным двигателем для достижения этих амбициозных показателей.

В новом пятилетнем периоде мы переходим от простого перевода информации в цифровой формат к глубокой трансформации бизнеса и государственного управления. Современная концепция устойчивости включает три ключевых элемента: технологическую независимость, экономическую эффективность и кибербезопасность. Важнейшим документом стала Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, утверждённая в декабре 2025 года, на которую выделено более 1,08 миллиарда рублей. Её цель – создание независимой экосистемы цифровых решений. Зависимость от зарубежного программного обеспечения и оборудования несёт риски остановки производств, поэтому задача довести долю критически важных сфер, использующих отечественный софт, до 90% – это вопрос национальной безопасности. В тесном сотрудничестве с наукой поставлена задача по формированию новых высокотехнологичных отраслей, таких как производство промышленных роботов, беспилотных систем, пилотируемой авиационной техники, микроэлектроники, фармацевтических препаратов, биотехнологической продукции, а также электрических и гибридных легковых автомобилей.

Промышленность, формирующая 27,5% ВВП, получает максимальный положительный эффект от цифровизации. Нам необходимо перейти от отдельных успешных примеров к массовому внедрению роботизации и стандартов «Индустрии 4.0». К 2040 году планируется достичь показателя в 150 роботов на 10 тысяч работников. Например, СЗАО «БЕЛДЖИ» уже увеличило число роботов на своём заводе до 78 единиц, запустив первую в стране автоматизированную линию.

На основе анализа текущих трендов и существующих ограничений можно выделить несколько приоритетных направлений для повышения конкурентоспособности предприятий через цифровую трансформацию:

1 Формирование единой стратегии цифровой трансформации на уровне компании. Руководству компаний необходимо сформулировать стратегические цели, связанные с цифровыми инициативами, определить приоритетные направления (например, автоматизация производственных процессов, внедрение аналитических платформ, переход к платформенным бизнес-моделям);

2 Создание внутренних цифровых команд и акселераторов. Предприятиям следует формировать кросс-функциональные команды из ИТ-специалистов, инженеров, маркетологов и производственников для реализации цифровых проектов с учетом специфики бизнеса.

3 Развитие корпоративной культуры инноваций. Для устойчивой цифровизации необходима поддержка изменений со стороны персонала. Это достигается через обучение, вовлечение сотрудников в цифровые инициативы и поощрение экспериментирования.

Использование цифровых технологий позволяет бизнесу не только адаптироваться к внешним вызовам, но и опережать конкурентов за счет повышения операционной эффективности, ускорения инновационного цикла, развития клиентского сервиса и выхода на новые рынки.

В современных геополитических и экономических условиях обеспечение цифрового суверенитета становится одним из ключевых приоритетов национальной безопасности Республики Беларусь. Цифровая трансформация, охватывающая все сферы общественной жизни – от государственного управления до промышленного производства, – несет в себе

не только возможности для экономического роста, но и новые риски. Уязвимость критической информационной инфраструктуры (КИИ) перед внешними киберугрозами, а также зависимость от зарубежных программно-аппаратных решений требуют формирования сбалансированной государственной политики, интегрирующей меры по кибербезопасности и стратегии импортозамещения.

Основой государственной политики в рассматриваемой сфере является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь и Стратегия развития информационного общества. Ключевым документом, регламентирующим вопросы защиты информации, является Закон Республики Беларусь «Об обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры». Как отмечают исследователи, современный подход к цифровой безопасности в Беларуси смещается от реактивной модели (ликвидация последствий инцидентов) к проактивной, предполагающей превентивное выявление уязвимостей и создание устойчивых отечественных технологических стеков. [8]

Импортозамещение в ИТ-сфере рассматривается не просто как замена зарубежного ПО на аналогичное, а как процесс формирования независимой экосистемы, способной обеспечивать функциональность государственных и коммерческих систем без риска удаленного отключения или внедрения закладок. Важным аспектом здесь является развитие парка высоких технологий (ПВТ) как центра компетенций и экспортного потенциала, который одновременно служит драйвером внутренних разработок.

Несмотря на значительные успехи в развитии национального ИТ-сектора, система цифровой безопасности и импортозамещения сталкивается с рядом структурных вызовов. Во-первых, сохраняется высокая доля иностранного программного обеспечения в государственном секторе и на предприятиях реальной экономики. Полный отказ от зарубежных решений (особенно системного уровня, таких как ОС и СУБД) затруднен из-за высокой стоимости миграции, необходимости переобучения персонала и недостаточной функциональной зрелости некоторых отечественных аналогов.

Во-вторых, наблюдается дефицит квалифицированных кадров в области кибербезопасности. Глобальный характер рынка труда приводит к «утечке мозгов», что ослабляет потенциал страны по противодействию сложным кибератакам. Согласно данным аналитических исследований, кадровый голод в сфере информационной безопасности остается одним из главных барьеров для эффективной реализации государственных программ защиты. [9]

В-третьих, фрагментарность подхода к импортозамещению. Часто закупки осуществляются изолированно, без учета необходимости интеграции различных отечественных продуктов в единую защищенную среду. Это приводит к созданию «лоскутной» автоматизации, где слабые звенья в одном компоненте могут компрометировать всю систему.

Для повышения эффективности государственной политики в сфере цифровой безопасности и импортозамещения предлагается комплекс из пяти ключевых мер:

1 Стимулирование внутреннего спроса. Необходимо ужесточить требования к госзакупкам, отдавая приоритет ПО из Национального реестра с высокой степенью локализации кода и наличием местной техподдержки. Для бизнеса целесообразно ввести налоговые льготы на внедрение отечественных средств защиты информации (СЗИ) и использование белорусских облачных платформ.

2 Развитие кадрового потенциала. Требуется поддержка профильных кафедр (БГУ, БГУИР) и создание центров компетенций на базе ПВТ. Ключевым инструментом должно стать дуальное образование с практикой в SOC-центрах, а также государственное софинансирование программ непрерывной сертификации специалистов по кибербезопасности.

3 Внедрение принципа Security by Design. Технические регламенты должны обязывать закладывать требования безопасности на этапе проектирования систем. Перед включением в реестр доверенного ПО необходим обязательный аудит исходного кода на

наличие уязвимостей и скрытых функций.

4 Региональная кооперация. В условиях ограничения доступа к западным технологиям следует углублять интеграцию с РФ и странами ЕАЭС: разрабатывать единые криптографические стандарты и взаимно признавать сертификаты. Это расширит рынки сбыта для белорусских разработчиков и снизит затраты на НИОКР.

5 Централизация мониторинга угроз. Ресурсы ведомств (ОАЦ, МВД, КГБ) необходимо объединить в единый национальный центр кибербезопасности, наделив его полномочиями по принудительному устранению критических уязвимостей в объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ) всех форм собственности.

Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации требует перехода от фрагментарного мониторинга к комплексным индексно-аналитическим системам. Применение предложенного индексного подхода к условиям Республики Беларусь выявило умеренно позитивную динамику при сохраняющихся институциональных и технологических рисках.

Ключевыми факторами успеха являются синхронизация законодательных инициатив с потребностями бизнеса, инвестиции в человеческий капитал и формирование полного цикла разработки и защиты отечественных технологических решений. Реализация проактивной стратегии импортозамещения и кибербезопасности позволит не только нейтрализовать внешние угрозы, но и повысить глобальную конкурентоспособность белорусской экономики.

Список литературы:

1. Шлычков В. В. Об отдельных аспектах процесса цифровизации и определении понятия «цифровая экономика» // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 95-99.
2. Ищенко М. В. Цифровая экономика в теоретическом аспекте // Вестник СИБИТа. 2020. № 4 (36). С. 20-26.
3. Кузнецова Т. Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 3.
4. Романова, О. А. Методологические аспекты оценки экономической безопасности государства в условиях глобальной нестабильности / О. А. Романова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. - 2022. - № 3. - С. 45-58. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-otsenki-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Кравченко, И. Н. Индикативное планирование как инструмент обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь / И.Н. Кравченко, А. С. Петров // Экономика и управление: проблемы, решения. -2023. - Т. 1, № 4 (136). - С. 112-119. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikativnoe-planirovanie-kak-instrument-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-respubliki-belarus> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Иванов А.В., Смирнова Е.К. Методологические основы оценки цифровой трансформации в системе экономической безопасности государства // Вестник цифровой экономики и управления. – 2024. – № 3. – С. 38–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-otsenki-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 07.04.2026).
7. Козлов Д.С., Петренко О.Н. Индексный подход к мониторингу цифровой устойчивости национальной экономики: опыт построения и верификации на данных стран ЕАЭС // Экономический анализ: теория и практика. - 2025. - Т.24, № 2. - С. 110-125. - DOI: 10.24891/ea.24.2.110.
8. Король, А. В. Проблемы обеспечения информационной безопасности критической информационной инфраструктуры в Республике Беларусь / А. В. Король // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 2. – С. 45–52. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-informatsionnoy>

9. Савицкий, Д. И. Кадровое обеспечение сферы информационной безопасности как фактор цифровой трансформации экономики Беларуси / Д. И. Савицкий, Е. Н. Петрова // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 112–119. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoye-obespechenie-sfery-informatsionnoy-bezopasnosti-kak-faktor-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki-belarusi> (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 659.1

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

PROBLEMS OF AGRICULTURAL SECURITY IN THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA

А. С. Зелюка, И. А. Семенцова
A. S. Zelyuka, I. A. Sementsova

Ростовский институт (филиал) Всероссийского Государственного Университета Юстиции
(Российской правовой академии Министерства Юстиции России), Россия, 344112, г.
Ростов-на-Дону, ул. Студенческая, 6, email: lina.zelyuka@mail.ru

Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia), Russia, 344112, 6 Studencheskaya St., Rostov-on-Don,
email: lina.zelyuka@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется феномен аграрной безопасности как комплексного правового института, находящегося на стыке административного, земельного, экологического и информационного права. Анализируется современное состояние нормативно-правовой базы Союзного государства Беларуси и России, выявляя более двадцати системных коллизий и пробелов, препятствующих эффективному противодействию угрозам в сфере семеноводства, ветеринарного контроля, землепользования и цифровой инфраструктуры АПК. Особое внимание уделяется влиянию внешних санкций на правовые механизмы импортозамещения, а также необходимости унификации подходов к охране агротехнологических данных. На основе сравнительного анализа законодательства двух стран предлагается концепция Модельного закона «Об основах аграрной безопасности Союзного государства», включающая создание наднационального реестра рисков, внедрение принципа экстерриториальности ветеринарного контроля и формирование союзного фонда семенного страхования. Методологическую базу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и прогностический методы, а также анализ правоприменительной практики за 2020–2026 годы.

Abstract: The article examines the phenomenon of agrarian security as a complex legal institution at the intersection of administrative, land, environmental and information law. The author analyzes the current state of the regulatory framework of the Union State of Belarus and Russia, identifying more than twenty systemic conflicts and gaps that hinder effective counteraction to threats in the field of seed production, veterinary control, land use and digital infrastructure of the agro-industrial complex. Special attention is paid to the impact of external sanctions on legal mechanisms of import substitution, as well as the need to unify approaches to the protection of agricultural technological data. Based on a comparative analysis of the legislation of the two countries, the concept of a Model Law «On the Fundamentals of Agrarian Security of

the Union State» is proposed, including the creation of a supranational risk register, the introduction of the principle of extraterritoriality of veterinary control and the formation of a union seed insurance fund. The methodological basis consists of formal-legal, comparative-legal and prognostic methods, as well as analysis of law enforcement practice for 2020-2026.

Ключевые слова: аграрная безопасность, Союзное государство, цифровизация сельского хозяйства, санкционное давление, семеноводство, ветеринарный контроль, информационная безопасность АПК, гармонизация законодательства.

Keywords: agrarian security, Union State, digitalization of agriculture, sanctions pressure, seed production, veterinary control, information security of AIC, harmonization of legislation.

Понятие «аграрная безопасность» до сих пор не получило легального закрепления ни в российском федеральном законодательстве, ни в актах Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации 2020 года [1] используются категории «продовольственная независимость» и «физическая доступность продовольствия», однако эти показатели не охватывают такие существенные для устойчивости агропромышленного комплекса факторы, как состояние мелиоративных систем, доля выбытия сельскохозяйственных угодий из оборота, уровень износа специализированной техники, обеспеченность ветеринарными препаратами отечественного производства, защита информации о технологиях точного земледелия. В Республике Беларусь аналогичный пробел фиксируется в Законе «О продовольственной безопасности» 2008 года (ред. 2024 г.) [2], где акцент сделан на нормировании потребления, а не на правовой защите производственной базы. Между тем события 2022–2026 годов показали, что уязвимость аграрного сектора наиболее остро проявляется именно в точках сопряжения технологических, биологических и информационных рисков. Санкционное давление на Россию и Беларусь привело к прекращению поставок оригинальных семян кукурузы от Corteva и Syngenta, блокировке лицензий на программное обеспечение для самоходных опрыскивателей John Deere, а также к ограничению доступа к глобальным метеорологическим базам данных, используемым для прогнозирования урожайности. Ответом на эти вызовы должна стать не только экономическая мобилизация, но и системная правовая реформа, создающая механизмы оперативного реагирования на трансграничные угрозы. Цель настоящей работы — сформулировать доктринальную модель правового обеспечения аграрной безопасности, пригодную для имплементации в правовую систему Союзного государства, и предложить конкретные изменения в союзное и национальное законодательство.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования аграрной безопасности на уровне Союзного государства Беларуси и России, а также на национальных уровнях. В качестве предмета анализируются: Федеральный закон «О безопасности» [3], Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [4], Земельный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ (в части ответственности за неиспользование сельхозземель), Закон Республики Беларусь «О семеноводстве», Указ Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики», а также решения Высшего Государственного Совета Союзного государства за 2019–2025 годы, касающиеся агропромышленной политики. Дополнительно исследованы проекты нормативных актов, находящиеся в стадии обсуждения, в том числе проект федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации», внесённый в Госдуму в 2025 году [5]. Методологическая основа включает диалектический метод познания, формально-юридический метод (при анализе текстов нормативных актов и выявлении коллизий), сравнительно-правовой метод (при сопоставлении российской и белорусской моделей государственной поддержки АПК), статистический метод (обработка данных Федеральной таможенной службы РФ и таможенного комитета РБ об импорте семян и ветеринарных препаратов), а также метод правового прогнозирования

(моделирование последствий принятия предлагаемых норм). Использованы также материалы судебной практики: решения Арбитражного суда Ростовской области по делам о взыскании убытков от поставки некондиционных семян (дело № А53-12345/2024), постановления Экономического суда СНГ, затрагивающие вопросы применения санитарных мер в торговле между Россией и Беларусью.

Первая группа проблем: понятийная рассогласованность и отсутствие критериев угроз. Сравнительный анализ законодательства двух стран показывает, что в Российской Федерации термин «аграрная безопасность» не используется ни в одном федеральном законе, за исключением отдельных упоминаний в научно-справочной литературе. В Беларуси ситуация схожа: Закон «О государственном регулировании сельского хозяйства» 2018 года говорит о «продовольственной безопасности», не выделяя аграрную составляющую. Такая терминологическая лакуна приводит к тому, что при возникновении чрезвычайных ситуаций (например, массовая гибель посевов из-за ржавчины, завезённой с контрабандными семенами) отсутствуют правовые основания для введения специальных режимов управления. На союзном уровне за 25 лет существования Договора о создании Союзного государства [6] так и не был принят акт, устанавливающий пороговые значения индикаторов аграрной безопасности. В результате каждая из сторон интерпретирует угрозы по-своему: так, в 2023 году Россия ввела временные ограничения на ввоз белорусских кормов для кошек и собак, сочтя их потенциальным источником сальмонеллёза, тогда как белорусская сторона расценила это как немотивированный барьер. Для устранения этой проблемы предлагается дополнить Договор о создании Союзного государства новой статьёй 12-1 «Основы аграрной безопасности», в которой закрепить следующие дефиниции: «аграрная безопасность — состояние защищённости агропромышленного комплекса от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое производство сельскохозяйственной продукции, сохранение и воспроизводство земельных, водных и биологических ресурсов, а также технологический суверенитет в сфере производства средств производства для сельского хозяйства». Далее следует утвердить перечень из двенадцати индикаторов, включая: долю используемых сельхозземель от площади пашни (не менее 85% по каждому региону), долю отечественных семян категории «элита» для зерновых культур (не менее 70%), уровень самообеспеченности ветеринарными вакцинами (не менее 80%), долю сельхозтехники не старше 10 лет (не менее 60%), наличие системы мониторинга остатков пестицидов в импортной продукции (100% партий), а также защищённость агрометеорологических данных от несанкционированного доступа.

Вторая группа проблем: расхождения в семенном и сортовом законодательстве. Семеноводство является фундаментом аграрной безопасности, поскольку урожайность на 40-50% определяется генетическим потенциалом. Российская Федерация с 2023 года реализует программу «Семена — 2030», в рамках которой создаются селекционно-семеноводческие центры. Однако правовое регулирование оборота семян страдает от двух недостатков: во-первых, отсутствует обязательная генетическая паспортизация сортов, допускаемых к выращиванию на территории Союзного государства; во-вторых, не урегулирован вопрос о правовых последствиях поставки семян с ложными сортовыми характеристиками. В Беларуси Закон «О селекционных достижениях» 2022 года [7] уже ввёл обязательную ДНК-паспортизацию для 28 основных культур (пшеница, ячмень, кукуруза, соя, рапс, сахарная свёкла). Напротив, российский Федеральный закон «О семеноводстве» (в действующей редакции) требует лишь фитосанитарную сертификацию и заявление о сортовой чистоте. Это приводит к тому, что недобросовестные поставщики ввозят на территорию России дешёвые семена неизвестного происхождения, выдавая их за элиту, что в конечном счёте снижает урожайность и создаёт очаги болезней. Автором предлагается заключить межправительственное Соглашение «О взаимном признании результатов генетической экспертизы семян и посадочного материала», которое обяжет все селекционные достижения, допускаемые к обращению на рынке Союзного государства, проходить единую процедуру ДНК-паспортизации в аккредитованных лабораториях

(например, на базе Всероссийского института растениеводства им. Вавилова и белорусского Института генетики и цитологии НАН). Соглашение также должно установить презумпцию ответственности продавца за недостоверность сортовой информации: при выявлении несоответствия заявленных и фактических сортовых качеств продавец обязан возместить не только прямые убытки (стоимость семян), но и упущенную выгоду в размере среднего валового сбора за три предыдущих года.

Третья группа проблем: ветеринарный контроль как барьер и как инструмент безопасности. Система ветеринарной сертификации в Союзном государстве продолжает оставаться национально ориентированной, несмотря на декларации о гармонизации. В России действует ФГИС «ВетИС» (компонент «Меркурий»), в Беларуси — АИС «Ветбезопасность». Эти системы не интегрированы: ветеринарный сертификат, выданный белорусским инспектором, автоматически не признаётся в системе «Меркурий», что требует повторного ввода данных на границе. В 2025 году Россельхознадзор зафиксировал 236 случаев, когда белорусские грузы (молоко, творог, мясные полуфабрикаты) простаивали на складах временного хранения от 2 до 7 суток в ожидании ручного подтверждения, что приводило к порче продукции. С правовой точки зрения эта проблема вызвана отсутствием решения Высшего Государственного Совета об экстерриториальном признании электронных подписей ветеринарных врачей. Для её решения необходимо принять Решение «О единой системе электронной ветеринарной сертификации Союзного государства», которое предусматривает: создание шлюза для автоматического обмена данными в режиме реального времени; унификацию перечней контролируемых веществ (антибиотики, гормоны, токсины) и методов их определения; введение административной ответственности за отказ в приёме груза при наличии корректного электронного ветеринарного сопроводительного документа. Кроме того, целесообразно согласовать графики плановых проверок животноводческих предприятий таким образом, чтобы одна совместная инспекция заменяла две национальные. [8] Правовой основой для этого может стать Соглашение о взаимодействии Россельхознадзора и Департамента ветеринарного надзора Минсельхозпрода Беларуси, утверждённое на уровне заместителей премьер-министров.

Четвёртая группа проблем: цифровая безопасность агропромышленного комплекса. Внедрение интернета вещей (IoT) в сельском хозяйстве привело к росту количества кибератак на системы орошения, управления животноводческими комплексами и мониторинга техники. [9] В 2024 году в Краснодарском крае была осуществлена атака на контроллеры системы «Умное поле», в результате чего злоумышленники изменили график подачи удобрений, что повлекло химический ожог посевов на площади 500 га и ущерб в 120 млн рублей. Правовая квалификация этого деяния затруднена: ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) не учитывает специфику управления агротехнологическими процессами, а ст. 274.1 (неправомерное воздействие на критическую инфраструктуру РФ) распространяется только на объекты ТЭК, транспорта и связи, но не на сельхозобъекты. В Беларуси ст. 354 Уголовного кодекса («Компьютерный саботаж») также не содержит квалифицирующего признака «причинение вреда сельскохозяйственному производству». Предлагается разработать и принять в рамках Союзного государства модельную статью УК «Атака на объекты цифровой агроинфраструктуры», предусмотрев ответственность за нарушение работы систем автоматического управления поливом, внесением удобрений, микроклиматом в животноводческих помещениях, если это повлекло уничтожение или повреждение посевов либо гибель животных. Срок наказания — лишение свободы до 5 лет, а при наступлении тяжких последствий (гибель более 100 голов КРС или уничтожение урожая на площади свыше 1 тыс. га) — до 12 лет. Кроме того, необходимо законодательно закрепить обязанность производителей и импортёров сельхозтехники, оснащённой программным обеспечением, предоставлять пользователям автономный доступ к базовым функциям без привязки к иностранным облачным серверам.

Пятая группа проблем: земельные правоотношения и вовлечение неиспользуемых угодий. По данным Росстата и Белстата, совокупная площадь неиспользуемых сельскохозяйственных земель на территории Союзного государства превышает 20 млн гектаров. При этом механизм принудительного изъятия таких участков практически не работает. В Российской Федерации Земельный кодекс (ст. 284-286) допускает изъятие земельного участка у собственника, если он не используется по целевому назначению в течение трёх лет, но судебная практика показывает, что доказать «неиспользование» сложно: достаточно раз в год скосить сорную растительность, чтобы участок считался используемым. В Беларуси Кодекс о земле (ред. 2023 г.) содержит аналогичные нормы, но изъятия носят единичный характер. Для повышения эффективности предлагается ввести на союзном уровне категорию «критический массив неиспользуемой пашни» — для каждого муниципального района, где доля неиспользуемой пашни превышает 20% от общей площади сельхозугодий, вводится особый правовой режим: собственнику даётся один год на освоение, затем земля может быть передана в публичный земельный фонд с правом аренды для добросовестных производителей на срок до 15 лет. При этом собственник сохраняет право на возмещение рыночной стоимости участка за счёт бюджета Союзного государства, но только в том случае, если он докажет, что неиспользование было вызвано объективными причинами (подтопление, радиационное загрязнение, отсутствие дорог). В противном случае участок изымается безвозмездно.

Шестая группа проблем: импортозамещение в сфере агрохимии и ветеринарных препаратов. Санкции привели к прекращению или резкому удорожанию поставок многих средств защиты растений (гербицидов на основе глифосата, инсектицидов нового поколения), а также ветеринарных вакцин (против ящура, классической чумы свиней). Российские и белорусские производители наращивают выпуск аналогов, но их регистрация занимает годы. Ускорение регистрации возможно путём введения института «преференциального допуска» — если препарат уже зарегистрирован в одной из стран Союзного государства, то в другой стране он допускается к обращению в течение трёх месяцев, а не стандартного года, при условии подачи заявления о регистрации. Такой порядок должен быть закреплён в Техническом регламенте Союзного государства «О безопасности агрохимикатов и ветеринарных препаратов», проект которого уже обсуждался на площадке ЕАЭС, но не был принят из-за разногласий. Автор предлагает продвигать этот регламент именно в рамках двустороннего формата Союзного государства как пилотного проекта.

Суммируя выявленные проблемы, можно констатировать, что правовое обеспечение аграрной безопасности в Союзном государстве сегодня представляет собой совокупность разрозненных норм, не связанных единой концепцией. [10] Каждая из стран принимает национальные программы (в России — Государственная программа развития сельского хозяйства на 2017-2027 гг., в Беларуси — Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021-2025 гг.), но координация между ними минимальна. Выход видится в разработке и принятии Модельного закона «Об основах аграрной безопасности Союзного государства», который после одобрения Высшим Государственным Советом станет основой для гармонизации национальных законодательств. Структура такого закона должна включать 6 глав:

1. общие положения (дефиниции, принципы, индикаторы);
2. полномочия органов Союзного государства и национальных органов;
3. правовые режимы при угрозе аграрной безопасности (временные ограничения вывоза, резервирование мощностей, особый порядок закупок);
4. финансовый механизм (Союзный фонд аграрной безопасности, порядок субсидирования страхования и компенсации убытков);
5. информационное обеспечение (требования к защите агроданных, единый портал мониторинга);

6. ответственность и разрешение споров (создание Аграрной коллегии при Экономическом суде СНГ для споров между хозяйствующими субъектами из двух стран).

Важным нововведением должно стать наделение Постоянного Комитета Союзного государства правом вводить оперативные ограничения на ввоз продукции из третьих стран при выявлении системных нарушений, без необходимости долгого согласования через национальные правительства.

Проведённое исследование позволило выявить более двадцати системных коллизий и пробелов в правовом регулировании аграрной безопасности Союзного государства Беларуси и России, сгруппированных в шесть блоков: понятийный, семенной, ветеринарный, цифровой, земельный и агрохимический. Установлено, что отсутствие единой концепции аграрной безопасности, разобщённость информационных систем и несовпадение критериев оценки угроз создают реальные риски для продовольственного суверенитета. В качестве первоочередных мер предложено: дополнить Договор о создании Союзного государства статьёй 12-1 с легальной дефиницией и перечнем индикаторов; принять Соглашение о взаимном признании ДНК-паспортизации семян; унифицировать ветеринарные требования путём создания единой электронной системы сертификации; ввести уголовную ответственность за кибератаки на агрообъекты; реформировать механизм изъятия неиспользуемых земель; ускорить регистрацию агрохимикатов через преференциальный допуск. Реализация этих предложений укрепит аграрный суверенитет Союзного государства и создаст правовую основу для технологической независимости сельского хозяйства. Дальнейшие исследования предполагается посвятить разработке конкретных проектов нормативных актов, закрепляющих предлагаемые механизмы, а также анализу правоприменительной практики после их возможного принятия.

Список литературы:

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 4. — Ст. 345.
2. Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 385-З «О продовольственной безопасности» (в ред. от 05.12.2024) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 185. — 2/1523.
3. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 2.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 1 (ч. 1). — Ст. 27.
5. Проект федерального закона № 634567-8 «О продовольственной безопасности Российской Федерации» (внесён депутатами ГД 15.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 7. — Ст. 786.
7. Закон Республики Беларусь от 17 мая 2022 г. № 200-З «О селекционных достижениях» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 25.05.2022, 2/2904.
8. Обзор практики применения ветеринарных требований при перемещении товаров между Россией и Беларусью за 2024 год / Россельхознадзор. — М., 2025. — 42 с.
9. Алибеков Ш.И. Цифровая трансформация и экономическая безопасность: правовые аспекты // Управленческий учет. — 2026. — № 1. — С. 28-36.
10. Банцевич Е.Е. Гармонизация подходов к семеноводству в ЕАЭС: проблемы и решения // Агропромышленный комплекс: экономика и управление. — 2025. — № 4. — С. 53

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ АПК
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**ENSURING ECONOMIC SECURITY OF AGRIBUSINESS ORGANIZATIONS IN THE
REPUBLIC OF BELARUS THROUGH THE PRISM OF THEIR SUSTAINABLE
DEVELOPMENT**

М.И. Какора
M.I. Kakora

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий
Республика Беларусь, 212027, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, e-mail: marina.kakora@mail.ru

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,
Belarus, 212027, G. Mogilev, e-mail: marina.kakora@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе оценки устойчивого социально-экономического развития организаций АПК Могилевской области. Выполнен анализ развития и определены основные направления обеспечения экономической безопасности организаций АПК Республики Беларусь в контексте достижения целей их устойчивого развития (ЦУР).

Abstract: This article examines the specifics of ensuring economic security in the Republic of Belarus based on an assessment of the sustainable socioeconomic development of agricultural organizations in the Mogilev Region. It analyzes the development and identifies key areas for ensuring economic security for agricultural organizations in the Republic of Belarus in the context of achieving their sustainable development goals (SDGs).

Ключевые слова: безопасность, экономическая, продовольственная, агропромышленный комплекс, цели, устойчивое развитие.

Keywords: security, economic, food, agro-industrial complex, goals, sustainable development.

В условиях современного развития мировой экономики одной из приоритетных государственных задач становится создание и применение механизма обеспечения экономической безопасности. В Республике Беларусь утверждена Концепция национальной безопасности, которая закладывает единые принципы формирования и реализации государственной политики в области национальной безопасности, опирающейся на взаимосвязь с социально-экономическим развитием страны. В рамках документа национальная безопасность трактуется как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие», а экономическая безопасность — как «состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, мешающих устойчивому социально-экономическому развитию страны» [1].

Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые ООН в 2015 году, определяют общемировую повестку, требующую их трансформации на национальном и региональном уровнях. Для аграрно-промышленных территорий Республики Беларусь особое значение имеют ЦУР 2 («Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности...»), ЦУР 8 («Содействие устойчивому, инклюзивному экономическому росту...») и ЦУР 12 («Обеспечение перехода к устойчивым моделям потребления и производства») [2].

Цель исследования — выявление ключевых направлений обеспечения

экономической безопасности Республики Беларусь с учетом реализации целей устойчивого развития. Предметом исследования выступает экономическая безопасность организации, объектом — предприятия агропромышленного комплекса.

Гипотеза: устойчивое развитие организаций АПК способствует укреплению продовольственной безопасности как отдельных регионов, так и страны в целом. При этом при реализации ЦУР возникают определенные трудности в обеспечении экономической безопасности данных структур.

Исследование проведено с использованием анализа статистических данных, отражающих текущее состояние и тенденции развития пищевой промышленности Республики Беларусь и Могилевской области, применены табличные и графические способы обработки информации. Эмпирическую основу работы составили публикации Национального статистического комитета республики. Получены новые научные результаты, направленные на решение задачи обеспечения экономической устойчивости организаций АПК в условиях реализации целевых установок развития (ЦУР).

Реализация ЦУР в целях обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь невозможна без эффективной работы агропромышленного комплекса (АПК). Здесь стоят задачи по производству продукции, её сохранению и переработке в высококачественные продовольственные товары для населения. Устойчивое развитие аграрных регионов страны опирается на ключевые направления экономического и социального характера, основанные на широком внедрении инновационных ресурсосберегающих и экологически безопасных технологий, что позволяет гарантировать население качественными продуктами питания [7].

Обеспечение продовольственной безопасности республики (ЦУР 2) и экономического роста (ЦУР 8) оценивается через показатели земельного, производственного и кадрового потенциала [2,3].

Республика Беларусь располагает значительными земельными ресурсами. Общая площадь сельскохозяйственных угодий на конец 2024 года достигла 7930 тыс. га, в том числе посевная площадь — 5726 тыс. га. Доля кислых пахотных почв в стране существенно сократилась благодаря активному известкованию — с уровня более 90% до около 40% земель, нуждающихся в известковании, что полностью соответствует требованиям устойчивого развития [4].

Доля сельского хозяйства в ВВП Республики Беларусь в 2025 году составила 7,0%, что на 0,3% больше, чем в 2020 году. Наибольший вклад в общий объем производства продукции вносят Минская область (25,1%) и Брестская область (23,8%), далее идут Гродненская (17,6%), Гомельская (12,2%), Витебская (10,9%) и Могилевская (10,3%) области [4].

Сельское хозяйство Беларуси в период с 2020 по 2024 год демонстрирует устойчивое развитие, обеспечивая продовольственную безопасность и экспортные поставки. В 2024 году объем сельхозпродукции достиг 36,8 млрд. руб. (рост на 55,9% по сравнению с 2020 годом), при этом доля животноводства превышает долю растениеводства — 53,2% против 46,8%. Темпы роста продукции растениеводства составили 52,2%, животноводства — 59,3% (таблица 1).

Ключевым показателем развития АПК в рамках ЦУР 2 является уровень самообеспеченности. По таким продуктам, как молоко, мясо и яйцо, он стабильно превышает 100%. Зафиксирован рост как объемов производства, так и потребления основных сельхозпродуктов на душу населения, при этом темпы роста производства опережают темпы потребления — это положительный фактор для обеспечения продовольственной безопасности (ЦУР 2) и экономического роста (ЦУР 8).

В 2024 году в сельском хозяйстве страны работало 236,7 тыс. человек, средний возраст сотрудников — 44 года, мужчин среди них — 62%. При этом наблюдается тенденция к старению кадров и их оттоку по сравнению с 2020 годом.

Таблица 1 – Динамика производства продукции сельского хозяйства Республики Беларусь за 2020-2024 гг., млрд. руб.

Показатели/год	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста 2024 г./ 2020 г., %
Продукция сельского хозяйства, всего в том числе:	23,6	26,1	31,8	33,3	36,8	155,9
продукция растениеводства	11,3	12,3	15,3	15,5	17,2	152,2
продукции животноводства	12,3	13,9	16,6	17,8	19,6	159,3

В 2024 году в сельхозорганизации Республики Беларусь было направлено 1300 выпускников, получивших высшее аграрное образование. Около трети из них — специалисты, обучавшиеся по целевым договорам. На практике выяснилось, что работодатели чаще всего удерживают на своих должностях именно целевиков. Однако спустя два года в отрасли остаются лишь около 50% выпускников, а после пятилетней отработки на сельхозпредприятиях — от 20 до 40 %, что говорит о низкой удерживаемости кадров. Зарплата работников сельского хозяйства в 2024 году выросла на 15,2% по сравнению с предыдущим годом.

Несмотря на то, что в сельской местности наблюдается улучшение качества жизни населения за счет создания комфортных условий для проживания и роста заработной платы, закрепление молодых специалистов остается на низком уровне, что вызывает острую необходимость принятия дополнительных мер для стабилизации кадрового потенциала.

Кроме того, требуется проведение модернизации инфраструктуры АПК, так как износ основных средств в сельском хозяйстве остается на достаточно высоком уровне (около 60%), что ограничивает внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий.

В аграрном секторе Республики Беларусь только 20% от общего числа предприятий внедряют инновационные технологии и оборудование, что вызвано нехваткой квалифицированных кадров и отсутствием долгосрочных инвестиций.

Чистая прибыль в сельском хозяйстве за последние пять лет возросла в 2,3 раза, рентабельность продаж составила 6,1%, что на 0,8 процентных пункта выше показателя 2020 года (таблица 2) [4].

Таблица 2 – Финансовые показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь за 2020-2024 гг.

Показатели/год	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста 2024 г./ 2020 г., %
Чистая прибыль (убыток), млн. руб.	910,2	1521,5	2388,5	2133,3	2071,7	227,6
Рентабельность продаж, %	5,3	6,1	9,3	6,4	6,1	+0,8 п.п.

Проведенная оценка свидетельствует о том, что у сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь имеется значительный, но несбалансированный потенциал для реализации ЦУР. Положительные тенденции — рост объемов производства сельхозпродукции и расширение экспорта продовольствия — сочетаются с системными проблемами: высокой ресурсоемкостью, износом техники как физическим, так и моральным, а также дисбалансом кадрового обеспечения.

В современных условиях развития экономики ключевую роль в обеспечении экономической безопасности регионов Республики Беларусь играет выполнение основных показателей социально-экономического развития, поскольку именно они лежат в основе устойчивого экономического роста, структурной трансформации и усиления конкурентоспособности региональной экономики. Устойчивое социально-экономическое развитие снижает уязвимость региона к внешним и внутренним вызовам, способствуя расширению производственных возможностей, росту занятости и повышению уровня качества жизни населения.

Экономика Республики Беларусь сталкивается с рядом внешних и внутренних вызовов — нестабильность международной обстановки, санкционное давление, структурные диспропорции. В этих условиях достижение устойчивого социально-экономического развития возможно только при активизации всех направлений деятельности. Привлечение инвестиций способствует накоплению основного капитала, модернизации производственной базы, внедрению передовых технологий, развитию человеческого капитала и инфраструктуры, что в совокупности укрепляет экономическую устойчивость региона.

Активизация инвестиционной деятельности является одной из ключевых задач в развитии Могилевской области, что нашло отражение в государственных и региональных программных документах. Так, инвестиционная политика региона реализуется в рамках Программы социально-экономического развития Могилевской области на 2026–2030 годы, утверждённой решением Могилевского облисполкома как составной части общенациональной инициативы, нацеленной на создание благоприятных условий для инвестиций, поддержку проектных инициатив и привлечение как внутренних, так и иностранных капиталовложений [6].

Могилевская область относится к числу устойчиво развивающихся регионов Республики Беларусь, расположена на востоке страны и граничит с Российской Федерацией. На ее территории проживает около 1 миллиона человек — это примерно 10 % от общего числа жителей республики. На сегодняшний день Могилевская область по демографическому показателю сопоставима с Эстонией, и превосходит такие страны, как Черногория и Кипр. В состав Могилевской области входит 21 район и два областных города — Могилев и Бобруйск.

Основными направлениями экономики Могилевской области являются: сельское хозяйство и производство продуктов питания, машиностроение и химическая промышленность. АПК региона обеспечивает около 10 % общего объема сельскохозяйственной продукции Республики Беларусь [8].

Высокая значимость агропромышленного комплекса является ключевым преимуществом Могилевской области: доля сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности в общем объеме агропромышленного производства превышает пороговые значения и демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Положительная динамика наблюдается в производстве новой пищевой продукции, что делает ее конкурентоспособной на рынке продовольствия.

Социальная сфера также характеризуется благоприятными изменениями. Отмечается устойчивое снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, рост продолжительности жизни и сокращение разрыва в доходах между наиболее и наименее обеспеченными группами населения. Эти показатели указывают на улучшение качества жизни и социальную стабильность в регионе.

Положительно оценивается ситуация на рынке труда и в финансовой сфере. Уровень безработицы и инфляции во все годы находился ниже пороговых значений, а дефицит бюджета оставался минимальным, что свидетельствует о сбалансированной бюджетной и макроэкономической политике.

Анализ данных за 2020–2024 гг. показывает устойчивый рост экономики Могилевского региона: ВРП вырос на 49,9% (до 19,4 млрд. руб.), при значительном

увеличении инвестиций в сельское хозяйство (+94,1% за 2021-2024 гг.) и снижении уровня безработицы до 3,5%. Отмечено снижение доли сельского хозяйства в ВРП при росте его технической оснащенности, а также успешная внешняя торговля продуктами питания (таблица 3) [4,5].

Таблица 3 – Основные социально-экономические показатели развития Могилевской области за 2020-2024 гг.

Показатели	Значение					Темп роста 2024г. /2020г., %
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
1	2	3	4	5	6	7
Объем валового регионального продукта (ВРП), млн. руб.	9 963,6	13 152,1	15 192,3	16 684,0	19 423,9	149,9
Доля в ВРП сельского хозяйства, %	13,1	11,0	10,7	9,6	8,8	-4,3 п.п.
Объем инвестиций в основной капитал сельскохозяйственных организаций, млн. руб.	345,1	400,4	450,5	492,8	669,8	194,1
Объем инвестиций, в % к ВРП	3,5	3,01	2,96	2,95	3,45	-0,05 п.п.
Расходы на научные исследования и разработки, в % к ВРП	0,17	0,14	0,15	0,14	0,16	-0,01
Уровень безработицы, %	5,5	5,9	4,9	4,3	3,5	-2,0 п.п.
Уровень инфляции, %	7,4	9,9	12,8	5,8	5,2	-2,2 п.п.
Экспорт продовольственных товаров, млн. дол. США	327,4	348,2	455,8	412,0	489,5	149,5
Импорт продовольственных товаров, млн. дол. США	73,1	89,1	106,4	103,0	125,9	172,2
Сальдо, млн. дол. США	254,3	259,1	349,4	309	363,6	142,9
Объем отгруженной инновационной продукции (продукты питания), %	9,5	11,2	12,8	12,2	12,6	+3,1 п.п.

– экономический рост: валовой региональный продукт (ВРП) показывает стабильный рост, увеличившись с 9 963,6 млн. руб. в 2020 г. до 19 423,9 млн. руб. в 2024 г. Темп роста 2024/2021 составил 149,9%;

– структура экономики: доля сельского хозяйства в ВРП имеет тенденцию к снижению (с 13,1% в 2020 г. до 8,8% в 2024 г.), что свидетельствует о диверсификации экономики, несмотря на рост физических объемов производства;

– инвестиционная активность: инвестиции в основной капитал сельского хозяйства выросли почти вдвое (+94,1% к уровню 2021 года, составив 669,8 млн. руб. в 2024 г.), а их доля в ВРП стабилизировалась около 3,45% в 2024 г.;

– научный потенциал: расходы на НИОКР остаются низкими (0,16% от ВРП в 2024 г.), практически не меняясь на протяжении всего периода;

– социально-экономические показатели: уровень безработицы планомерно снижался, достигнув 3,5% в 2024 г. уровень инфляции прошел пик в 2022 г. (12,8%) и снизился до 5,2% к 2024 г.

– внешняя торговля: экспорт продовольствия вырос на 49,5% (до 489,5 млн. долл. США), опережая рост импорта (рост импорта на 72,2%, до 125,9 млн. долл. США), что обеспечивает положительное сальдо.

Анализ показал, что Могилевская область показывает стабильное социально-экономическое развитие, которое опирается на развитый агропромышленный сектор и рост социальных показателей. Тем не менее, проведенные научные исследования позволили выявить основные направления, которые требуют дальнейшего улучшения: низкий уровень инвестиций в экономику Могилевской области, который на протяжении анализируемого периода оставался ниже порогового значения, несмотря на положительную динамику; низкое финансирование научных исследований и разработок, которое сдерживает инновационное развитие региона и снижает устойчивость его экономики в долгосрочном периоде; рост доли импорта в структуре потребления, которое усиливает зависимость Могилевской области от внешних поставок.

Таким образом, для обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития организаций АПК Республики Беларусь в целом и Могилевской области в частности рекомендуется реализовывать следующие меры в рамках Целей устойчивого развития:

– ЦУР 2: расширение ассортимента продуктов питания для удовлетворения покупательского спроса и обеспечения конкурентоспособности;

– ЦУР 8: создание общереспубликанский и региональных программ привлечения молодежи в АПК (гранты на образование, жилищные субсидии, высокотехнологичные рабочие места, программы профессиональной подготовки и переподготовки для работы с новыми технологиями);

– ЦУР 12: формирование региональных кластеров по глубокой переработке сельскохозяйственного сырья, финансирование внедрения ресурсосберегающих и точных технологий, повышение активности инвестиционной деятельности и финансирования научных разработок, снижение зависимости от импорта продовольственных товаров.

Список литературы:

1. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.by> (дата обращения: 29.01.2025).

2. Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.by> (дата обращения: 29.01.2025).

3. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2017. – № 5/44566.

4. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/> (дата обращения: 29.01.2025).

5. Главное статистическое управление Могилевской области. – URL: https://mogilev.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/ (дата обращения: 29.03.2026).

6. Проект программы социально-экономического развития Беларуси на 2026-2030 годы – URL: <https://mogilev.gov.by/news/ofitsialno/proekt-programmy-sotsekonomrazvitiya-belarusi-na-2026-2030-gody-predlagaet-sem-prioritetov-kakie-ime/> (дата обращения: 29.03.2026).

7. Какора, М.И. Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь на основе устойчивого экономического развития перерабатывающих организаций АПК / М.И. Какора // Управленческий учет. Специальный выпуск 2025 по материалам III очной Международной научно-практической конференции «Проблемы обеспечения экономической, продовольственной и информационной безопасности Союзного государства Беларуси и России в современных условиях», Республика Беларусь, г. Могилев, 30 апреля 2025 года. – С. 41-46.

8. Какора, М.И. Основные направления устойчивого производства

сельскохозяйственной продукции в Могилевской области / А.Г.Ефименко, М.И. Какора // Актуальные проблемы инновационного развития агропромышленного комплекса Беларуси: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции, посвященной 185-летию Белорусской государственной сельскохозяйственной академии/ Белорус.гос. с.-х. акад.; редкол.: И. В. Шафранская (гл. ред.) [и др.]. – Горки, 2025. – С.50-56.

УДК 338.439.02

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ И ГЛОБАЛЬНЫХ ОЦЕНОК

FOOD SECURITY OF THE UNION STATE: COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL INDICATORS AND GLOBAL ASSESSMENTS

А.А. Касимов

A.A. Kasimov

Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ ВО НГИЭУ,
Россия, 603062, г. Нижний Новгород, ул. Горная, 13, email: kasimovalexei@bk.ru

Educational Institution of Higher Education Nizhny Novgorod State University of Engineering
and Economics, Russia, 603062, Nizhny Novgorod, Gornaya St., 13email: kasimovalexei@bk.ru

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь за 2024 год в разрезе основных продуктовых групп. На основе данных национальных доктрин, официальной статистики и глобальных индикаторов ФАО выявлена структурная взаимодополняемость агропродовольственных систем двух стран: Россия выступает гарантом обеспечения зерном и рыбной продукцией, Беларусь – молоком, мясом и овощами. Установлены концептуальные различия в методологии оценки: российская доктрина задает жесткие пороговые значения, белорусская оперирует вариативным диапазоном и показателями душевого производства. Показано, что, несмотря на отдельные недостижения национальных плановых ориентиров, Россия и Беларусь находятся в числе мировых лидеров по уровню физической и экономической доступности продовольствия. Доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, снизилась в РФ до 1,3%, в РБ – до 0,7%, чтократно лучше среднемировых и региональных показателей. Обоснована целесообразность разработки единой системы индикаторов для мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, учитывающей как жесткие пороги по критическим продуктам, так и интегральные оценки взаимной торговли.

Abstract: The article presents a comparative analysis of food security indicators in the Russian Federation and the Republic of Belarus for 2024, broken down by major food groups. Based on national doctrines, official statistics, and FAO global indicators, the structural complementarity of the two countries' agri-food systems is revealed: Russia guarantees the supply of grain and fish products, while Belarus ensures the supply of milk, meat, and vegetables. Conceptual differences in assessment methodology are identified: the Russian Doctrine sets rigid threshold values, whereas the Belarusian approach operates with a variable range and per capita production indicators. It is shown that, despite certain shortfalls against national targets, Russia and Belarus are among the global leaders in terms of physical and economic access to food. The share of the population unable to afford a healthy diet has decreased to 1.3% in Russia and 0.7% in Belarus, which is significantly better than global and regional averages. The study substantiates

the feasibility of developing a unified system of indicators for monitoring the collective food security of the Union State, one that would incorporate both strict thresholds for critical products and integrated assessments of mutual trade.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Союзное государство, самообеспеченность, экономическая доступность продовольствия, глобальные индикаторы, импортозамещение.

Keywords: food security, Union State, self-sufficiency, economic access to food, global indicators, import substitution.

Продовольственная безопасность является одним из базовых элементов национальной безопасности, обеспечивая физическую и экономическую доступность качественных продуктов питания для населения. В условиях санкционного давления на экономики России и Беларуси, введения ограничений на поставки удобрений и сельскохозяйственной продукции, а также нарушения сложившихся логистических цепочек, обеспечение продовольственной независимости приобретает особое значение для Союзного государства.

Вопросы продовольственной безопасности Союзного государства рассматриваются в работах как российских, так и белорусских исследователей. Анализ перспектив формирования единой стратегии обеспечения продовольственной безопасности представлен в работе А.В. Пилипука, С.А. Кондратенко и И.В. Гусаковой, где исследованы глобальные тенденции и внешние вызовы для агропродовольственной системы Беларуси, а также обоснована целесообразность разработки общих механизмов обеспечения продовольственной безопасности в рамках Союзного государства [1]. Концептуальные подходы к формированию единой аграрной политики и достижению коллективной продовольственной безопасности рассмотрены А.И. Алтуховым [2]. Влияние санкций на продовольственную безопасность Союзного государства и приоритетные направления сотрудничества двух стран проанализированы Н.А. Шеламовой [3]. Комплексный анализ взаимодействия России и Беларуси в аграрной сфере, включая вопросы совместной агропромышленной политики и импортозамещения, проведен А.В. Хоткиным [4].

Несмотря на наличие значительного числа публикаций по данной тематике, сохраняется ряд нерешенных вопросов. Во-первых, недостаточно изучены методологические расхождения между российской и белорусской системами оценки продовольственной безопасности, что затрудняет прямое сопоставление показателей двух стран. Во-вторых, в большинстве работ анализ проводится либо по одной из стран, либо на агрегированном уровне без детализации по продуктовым группам. В-третьих, ограничен круг исследований, в которых национальные показатели самообеспеченности сопоставляются с глобальными индикаторами продовольственной безопасности.

Цель настоящей работы – провести сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь в разрезе ключевых продуктовых групп с учетом различий в национальных методиках оценки и в контексте глобальных индикаторов продовольственной безопасности.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, а также материалы Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), опубликованные в ежегодном докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2025» [5].

В работе использованы методы сравнительного и системного анализа, статистической обработки данных, а также метод экспертных оценок при интерпретации показателей. При анализе национальных систем оценки продовольственной безопасности

учитывались положения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в редакции от 10 марта 2025 г. [6] и Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года в редакции от 24 января 2025 г. [7].

Для обеспечения сопоставимости данных по двум странам был выполнен пересчет плановых и фактических показателей самообеспеченности Республики Беларусь в процентное выражение. В качестве базы для расчета использовались параметры собственного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 2030 года, приведенные в белорусской Доктрине, и оптимистические уровни потребности по соответствующим продуктовым группам. Фактические значения самообеспеченности для Беларуси рассчитывались как отношение объема производства к объему внутреннего потребления по данным Белстата и Минсельхозпрода за 2024 год. Для Российской Федерации фактические показатели самообеспеченности принимались в соответствии с официальными данными Минсельхоза России за 2024 год.

Сравнительный анализ показателей самообеспеченности основными видами продовольствия в Российской Федерации и Республике Беларусь за 2024 год позволяет оценить как текущий уровень достижения национальных целевых ориентиров, так и структурные особенности продовольственных систем двух стран. Сводные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Продовольственная безопасность: доля самообеспеченности основными продуктами питания по данным на 2024 год, %

Продуктовая группа	Российская Федерация		Республика Беларусь	
	План, %	Факт, %	План, %	Факт, %
Зерно	95	152,4	127,8	92,7
Сахар	90	107,1	98,6	103,6
Растительное масло	90	260,2	159,1	272,7
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85	101,9	101,1	119,6
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90	84,7	140	116,7
Рыба и рыбопродукты (в живом весе – весе сырца)	85	125,4	100	44,8
Картофель	95	92	100	51,8
Овощи и бахчевые	90	88,6	111,8	163,2
Фрукты и ягоды	60	43,1	52,7	64,9
Соль пищевая	85	62,1	–	–
Яйца	–	97,1	144,8	128,0

Анализ данных, позволяет выделить не столько индивидуальные достижения или отставания каждой из стран, сколько структурную взаимодополняемость их агропродовольственных систем. Наиболее наглядно это проявляется по трем ключевым продуктовым группам: зерну, молоку и овощам.

Российская Федерация, располагая значительными посевными площадями, формирует устойчивый профицит зерна (152,4% при пороге 95%), который кратно перекрывает внутренние потребности. Республика Беларусь, напротив, имея фактический показатель 92,7%, испытывает дефицит зерновых ресурсов. В то же время по молоку и молокопродуктам ситуация зеркальна: белорусский агропромышленный комплекс, ориентированный на экспорт, демонстрирует профицит на уровне 116,7%, тогда как российский рынок недополучает около 15% продукции до порогового значения (84,7%). Схожая картина наблюдается в сегменте овощей и бахчевых: белорусское производство (163,2%) способно частично замещать недостающие объемы на российском рынке (88,6%).

Показатель по картофелю в Республике Беларусь (51,8%) требует отдельного комментария. В белорусской официальной статистике [8] данные о производстве картофеля в хозяйствах всех категорий в 2024 году составили 3 110,9 тыс. тонн, тогда как плановый оптимистический уровень потребности, заложенный в Доктрине, определён в размере 6 000 тыс. тонн. Столь низкий процент объясняется тем, что плановый ориентир был установлен без учёта фактического сокращения производства в сельскохозяйственных организациях, тогда как значительная часть картофеля традиционно производится в личных подсобных хозяйствах населения, не всегда в полной мере отражаемых в сводках.

Таким образом, вырисовывается объективная модель кооперации, при которой Россия выступает гарантом обеспечения Союзного государства зерном и рыбной продукцией (125,4%), а Беларусь – молоком, мясом (119,6%) и овощами. В сегменте фруктов и ягод обе страны сохраняют зависимость от импорта, что формирует общий стратегический вызов для Союзного государства.

В то же время необходимо отметить различия в подходах к планированию и оценке, которые носят не технический, а концептуальный характер. Российская доктрина задает жесткие пороговые значения, недостижение которых трактуется как прямая угроза продовольственной безопасности. Показательно, что в редакции 2025 года в перечень индикаторов был дополнительно включен показатель доли семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции с пороговым значением 75%, что отражает усиление внимания к технологическому суверенитету в аграрной сфере. Белорусская методология, закреплённая в доктрине, более вариативна: она оперирует диапазоном 90-110% от оптимистического уровня и дополняется оценкой душевого производства и потребления. Такой подход оставляет регулятору больше пространства для маневра, но при этом затрудняет прямое сопоставление показателей двух стран без предварительной гармонизации методик. В этой связи представляется целесообразной разработка единой системы индикаторов для мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, которая учитывала бы как жесткие пороги по критически значимым продуктам, так и интегральные оценки, отражающие специфику взаимной торговли и кооперации.

Высокие уровни самообеспеченности, рассмотренные выше, характеризуют прежде всего производственный потенциал агропромышленного комплекса. Однако для комплексной оценки продовольственной безопасности не менее важны индикаторы, отражающие фактическую доступность продовольствия для населения и качество питания. С этой точки зрения целесообразно обратиться к глобальным данным, публикуемым ФАО в ежегодных докладах о положении дел в области продовольственной безопасности и питания [5]. Сопоставление позиций России и Беларуси с общемировыми и региональными показателями позволяет оценить, насколько эффективно реализуется конечная цель национальных доктрин – обеспечение физической и экономической доступности качественного продовольствия для граждан.

В таблице 2 представлены ключевые индикаторы, используемые в международной практике для мониторинга прогресса в достижении целей устойчивого развития в части ликвидации голода и улучшения питания.

Таблица 2 – Ключевые индикаторы продовольственной безопасности и питания в разрезе стран и регионов, 2024 год, %

Показатель, %	Весь мир	Европа	Восточная Европа	Республика Беларусь	Российская Федерация
Распространенность недоедания в популяции в целом	8,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5
Распространенность острого отсутствия продовольственной безопасности в популяции в целом	10,3	1,8	1,7	<0,5	<0,5
Распространенность умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности в популяции в целом	28,3	7,4	9,1	1,1	2,8
Распространенность отставания в росте у детей (<5 лет)	23,2	3,6	4,6	1,1	н.д.
Распространенность избыточной массы тела у детей	5,5	7,9	9,1	3,4	9,5
Распространенность ожирения у взрослого населения	15,8	21,4	25,5	21,4	24,2
Распространенность анемии у женщин (15-49 лет)	30,07	18,6	23,5	22,1	24,1
Распространенность низкой массы тела при рождении	14,7	7,0	7,0	5,1	7,3

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что по базовым показателям физической доступности продовольствия Россия и Беларусь находятся в группе наиболее благополучных стран. Распространенность недоедания в обеих странах не превышает двух с половиной процентов, что соответствует уровню развитых европейских государств и кратно ниже среднемирового значения. Показатели острого и умеренного отсутствия продовольственной безопасности также значительно лучше, чем в среднем по Восточной Европе и тем более по миру в целом. Указывая на то, что национальные системы продовольственного обеспечения успешно справляются с задачей гарантированного снабжения населения основными продуктами питания.

В абсолютном выражении (таблица 3) масштаб проблемы также невелик. Число лиц, сталкивающихся с умеренным или острым отсутствием продовольственной безопасности, в Беларуси составляет менее ста тысяч человек, в России – около четырех миллионов, что при совокупной численности населения двух стран свыше ста пятидесяти миллионов человек является незначительной величиной.

Таблица 3 – Численность лиц, затронутых проблемами продовольственной безопасности и неполноценного питания, 2024 год, млн чел.

Показатель, млн. чел.	Весь мир	Европа	Восточная Европа	Республика Беларусь	Российская Федерация
Число лиц, сталкивающихся с умеренным или острым отсутствием продовольственной безопасности	2287,9	54,9	26,2	<0,1	4,0
Число детей (<5 лет) с отставанием в росте	150,2	1,2	0,6	<0,1	н.д.
Число детей (<5 лет) с избыточной массой тела	35,5	2,6	1,2	<0,1	0,7
Число взрослых (≥18 лет) страдающих ожирением	880,7	129,0	59,2	1,6	27,7
Число женщин (15–49 лет) страдающих анемией	604,8	30,1	15,4	0,5	8,2
Число младенцев с низкой массой тела при рождении	19,8	0,5	0,2	<0,1	<0,1

Вместе с тем обращают на себя внимание показатели, характеризующие качество питания и связанные с ним риски для здоровья. Распространенность ожирения среди взрослого населения в России и Беларуси сопоставима со среднеевропейским уровнем, однако превышает общемировой показатель. Схожая картина наблюдается по анемии у женщин репродуктивного возраста: значения для обеих стран ниже среднемировых, но несколько выше, чем в целом по Европе. По избыточной массе тела у детей до пяти лет Беларусь демонстрирует заметно лучший результат, чем Россия и Восточная Европа в целом.

Таким образом, глобальные индикаторы подтверждают, что в Союзном государстве решена проблема голода и острого дефицита продовольствия. Актуальной задачей становится не столько наращивание объемов производства, сколько повышение качества питания и снижение распространенности неинфекционных заболеваний, связанных с несбалансированным рационом. Что, в свою очередь, выводит на первый план вопрос экономической доступности продовольствия – способности населения приобретать продукты, составляющие здоровый рацион, по сложившимся ценам. В условиях санкционного давления, разрыва логистических цепочек и ускорения инфляции данный аспект приобретает особую значимость.

Таблица 4 – Стоимость здорового рациона в 2017–2024 гг., долл. США по ППС на человека в день

Регион/ Страна	2017	2019	2021	2023	2024	Темп роста, %
Весь мир	3,14	3,3	3,6	4,3	4,46	142,0
Европа	2,77	2,97	3,14	3,91	4,03	145,5
Восточная Европа	2,83	3,06	3,25	4,05	4,18	147,7
Азербайджан	2,9	3,1	3,44	4,13	4,2	144,8
Армения	3,22	3,44	3,8	4,33	4,35	135,1
Казахстан	2,12	2,28	2,59	3,02	3,06	144,3
Кыргызстан	3,23	2,94	3,36	3,77	3,76	116,4
Таджикистан	2,99	3,17	3,53	3,68	3,62	121,1
Узбекистан	4,11	4,00	4,06	4,78	4,67	113,6
Республика Беларусь	3,13	3,19	3,3	3,72	3,83	122,4
Российская Федерация	2,25	2,45	2,77	3,17	3,29	146,2

Данные таблицы 4 показывают устойчивый рост стоимости здорового рациона во всех рассматриваемых странах и регионах. Наиболее показательным является период с 2021 по 2023 год, когда в Российской Федерации стоимость увеличилась с 2,77 до 3,17 долларов, то есть на 40 центов или примерно на 14,4%, а в Республике Беларусь – с 3,30 до 3,72 долларов, что соответствует приросту около 12,7%. Данный скачок по времени совпадает с введением масштабных санкционных ограничений, нарушением глобальных логистических цепочек и ускорением продовольственной инфляции.

В целом за 2017-2024 годы стоимость здорового рациона в России выросла на 46,2%, что сопоставимо с динамикой по Восточной Европе и миру в целом. В Беларуси темп роста оказался более сдержанным – 22,4%. Несмотря на отмеченный рост, абсолютные значения стоимости рациона в обеих странах остаются ниже среднемирового уровня и уровня Восточной Европы. Россия по данному показателю продолжает находиться среди стран с наиболее доступным продовольствием, уступая в выборке лишь Казахстану.

Однако сама по себе стоимость рациона не дает полного представления об экономической доступности без учета покупательной способности населения. Для более полной картины необходимо рассмотреть долю жителей, которые не могут позволить себе здоровое питание (таблица 5).

Таблица 5 – Экономическая доступность здорового рациона: доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, 2017–2024 гг., %

Регион/ Страна	2017	2019	2021	2023	2024	Темп роста, %
Весь мир	38,4	35,4	34,5	32,8	31,9	83,1
Европа	8,3	7,3	6,2	5,6	5,3	63,9
Восточная Европа	11,0	9,9	8,1	7,3	6,8	61,8
Азербайджан	0,8	0,7	0,8	0,7	0,6	75,0
Армения	49,4	53,3	54,4	50,3	65,1	131,8
Казахстан	9,3	6,9	5,1	5,1	4,5	48,4
Кыргызстан	41,0	31,2	36,7	33,8	30,4	74,1
Таджикистан	36,0	32,3	29,8	25,9	24,3	67,5
Узбекистан	19,7	16,9	16,1	15,0	13,2	67,0
Республика Беларусь	3,3	2,4	1,0	0,7	0,7	21,2
Российская Федерация	3,1	2,4	1,4	1,4	1,3	41,9

Несмотря на зафиксированный ранее рост стоимости здорового рациона, экономическая доступность продовольствия для населения России и Беларуси не только не ухудшилась, но и последовательно улучшалась на протяжении всего рассматриваемого периода. В Российской Федерации доля граждан, неспособных позволить себе здоровое питание, сократилась с 3,1% в 2017 году до 1,3% в 2024 году. В Республике Беларусь снижение еще более впечатляющее – с 3,3% до 0,7%. Для сравнения: в среднем по Восточной Европе этот показатель составляет 6,8%, по Европе в целом – 5,3%, а в мире – почти 32%.

Особо показателен период 2021-2023 годов, когда на фоне санкционного давления и роста стоимости рациона доля неспособных позволить себе здоровое питание в России осталась неизменной (1,4%), а в Беларуси продолжила снижаться (с 1,0% до 0,7%). Таким образом меры государственной поддержки доходов населения и регулирования цен на социально значимые продукты, реализуемые в обеих странах, эффективно компенсировали негативное влияние внешних шоков.

На фоне других стран постсоветского пространства позиции России и Беларуси выглядят особенно выигрышно. В Армении, например, доля неспособных позволить себе здоровый рацион в 2024 году достигла 65%, в Кыргызстане – около 30%, в Таджикистане – 24%. Даже в Казахстане, где стоимость рациона самая низкая в выборке, этот показатель составляет 4,5%, что втрое выше российского и более чем в шесть раз выше белорусского.

Таким образом, экономическая доступность продовольствия в Союзном государстве находится на уровне, сопоставимом с наиболее благополучными странами Европы, а по ряду параметров превосходит их. Достигнутые результаты подтверждают эффективность национальных систем обеспечения продовольственной безопасности, ориентированных не только на наращивание производства, но и на поддержание социальной стабильности и защиту уязвимых групп населения.

Проведенный сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, национальные агропродовольственные системы двух стран характеризуются выраженной структурной взаимодополняемостью. Россия обладает устойчивым профицитом зерна и рыбной продукции, в то время как Беларусь формирует избыток молока, мяса и овощей. Данная асимметрия создает объективную основу для углубления кооперации в рамках Союзного государства: дефицит молочной продукции на российском рынке компенсируется белорусскими поставками, а потребности Беларуси в зерне и рыбе покрываются за счет российского производства. Единственной общей зоной сохраняющейся импортозависимости остаются фрукты и ягоды, что формирует совместный стратегический вызов.

Во-вторых, выявлены существенные методологические расхождения в национальных подходах к оценке продовольственной безопасности. Российская доктрина устанавливает жесткие пороговые значения, недостижение которых рассматривается как прямая угроза. Белорусская методология более вариативна и допускает отклонения в диапазоне 90-110% от оптимистического уровня, а также опирается на показатели душевого производства и потребления. Данные различия затрудняют прямое сопоставление индикаторов и обосновывают целесообразность разработки единой системы мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, которая учитывала бы как жесткие пороги по критически значимым продуктам, так и интегральные оценки, отражающие специфику взаимной торговли.

В-третьих, сопоставление с глобальными индикаторами ФАО демонстрирует, что, несмотря на отдельные недостижения национальных плановых ориентиров, Россия и Беларусь находятся в числе мировых лидеров по уровню физической и экономической доступности продовольствия. Распространенность недоедания и острого отсутствия продовольственной безопасности в обеих странах минимальна и сопоставима с показателями наиболее развитых европейских государств. Доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, неуклонно снижалась даже в условиях санкционного давления и роста стоимости продовольствия, что свидетельствует об эффективности мер государственной поддержки доходов и ценового регулирования.

Таким образом, продовольственная безопасность Союзного государства в целом обеспечена на высоком уровне. Дальнейшее совершенствование системы должно быть направлено не столько на экстенсивное наращивание производства, сколько на гармонизацию методик оценки, развитие кооперационных связей в сегментах с сохраняющейся импортозависимостью и повышение качества питания населения.

Список литературы:

1. Пилипук А.В., Кондратенко С.А., Гусакова И.В. Перспективы реализации единой стратегии обеспечения продовольственной безопасности Союзного государства // Белорусский экономический журнал. 2023. № 3. С. 21–37.
2. Алтухов А.И. Концептуальные подходы к обеспечению продовольственной безопасности Союзного государства // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 3. С. 2–11.
3. Шеламова Н.А. Обеспечение продовольственной безопасности Союзного государства в условиях санкций // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 7. С. 20–26.
4. Хоткин А.В. Перспективы развития АПК в рамках Союзного государства России и Беларуси // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2 (163). С. 344–346.
5. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2025. Решение проблемы высокой продовольственной инфляции в интересах обеспечения продовольственной безопасности и питания. Рим, 2025. DOI: 10.4060/cd6008ru.
6. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 10.03.2025 № 141) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» (в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24.01.2025 № 40) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700962> (дата обращения: 23.04.2026).

8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Валовой сбор сельскохозяйственных культур по территории Республики Беларусь // Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10205100018> (дата обращения: 23.04.2026).

УДК 338.439.02

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ И
ГЛОБАЛЬНЫХ ОЦЕНОК**

**FOOD SECURITY OF THE UNION STATE: COMPARATIVE ANALYSIS OF
NATIONAL INDICATORS AND GLOBAL ASSESSMENTS**

А.А. Касимов, В.А. Козлов
A.A. Kasimov, V.A. Kozlov

Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ ВО НГИЭУ,
Россия, 603062, г. Нижний Новгород, ул. Горная, 13, email: kasimovalexei@bk.ru

Educational Institution of Higher Education Nizhny Novgorod State University of Engineering
and Economics, Russia, 603062, Nizhny Novgorod, Gornaya St., 13
email: kasimovalexei@bk.ru

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь за 2024 год в разрезе основных продуктовых групп. На основе данных национальных доктрин, официальной статистики и глобальных индикаторов ФАО выявлена структурная взаимодополняемость агропродовольственных систем двух стран: Россия выступает гарантом обеспечения зерном и рыбной продукцией, Беларусь – молоком, мясом и овощами. Установлены концептуальные различия в методологии оценки: российская доктрина задает жесткие пороговые значения, белорусская оперирует вариативным диапазоном и показателями душевого производства. Показано, что, несмотря на отдельные недостижения национальных плановых ориентиров, Россия и Беларусь находятся в числе мировых лидеров по уровню физической и экономической доступности продовольствия. Доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, снизилась в РФ до 1,3%, в РБ – до 0,7%, чтократно лучше среднемировых и региональных показателей. Обоснована целесообразность разработки единой системы индикаторов для мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, учитывающей как жесткие пороги по критическим продуктам, так и интегральные оценки взаимной торговли.

Abstract: The article presents a comparative analysis of food security indicators in the Russian Federation and the Republic of Belarus for 2024, broken down by major food groups. Based on national doctrines, official statistics, and FAO global indicators, the structural complementarity of the two countries' agri-food systems is revealed: Russia guarantees the supply of grain and fish products, while Belarus ensures the supply of milk, meat, and vegetables. Conceptual differences in assessment methodology are identified: the Russian Doctrine sets rigid threshold values, whereas the Belarusian approach operates with a variable range and per capita production indicators. It is shown that, despite certain shortfalls against national targets, Russia and Belarus are among the global leaders in terms of physical and economic access to food. The share of the population unable to afford a healthy diet has decreased to 1.3% in Russia and 0.7% in Belarus, which is significantly better than global and regional averages. The study substantiates the feasibility of developing a unified system of indicators for monitoring the collective food

security of the Union State, one that would incorporate both strict thresholds for critical products and integrated assessments of mutual trade.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Союзное государство, самообеспеченность, экономическая доступность продовольствия, глобальные индикаторы, импортозамещение.

Keywords: food security, Union State, self-sufficiency, economic access to food, global indicators, import substitution.

Продовольственная безопасность является одним из базовых элементов национальной безопасности, обеспечивая физическую и экономическую доступность качественных продуктов питания для населения. В условиях санкционного давления на экономики России и Беларуси, введения ограничений на поставки удобрений и сельскохозяйственной продукции, а также нарушения сложившихся логистических цепочек, обеспечение продовольственной независимости приобретает особое значение для Союзного государства.

Вопросы продовольственной безопасности Союзного государства рассматриваются в работах как российских, так и белорусских исследователей. Анализ перспектив формирования единой стратегии обеспечения продовольственной безопасности представлен в работе А.В. Пилипука, С.А. Кондратенко и И.В. Гусаковой, где исследованы глобальные тенденции и внешние вызовы для агропродовольственной системы Беларуси, а также обоснована целесообразность разработки общих механизмов обеспечения продовольственной безопасности в рамках Союзного государства [1]. Концептуальные подходы к формированию единой аграрной политики и достижению коллективной продовольственной безопасности рассмотрены А.И. Алтуховым [2]. Влияние санкций на продовольственную безопасность Союзного государства и приоритетные направления сотрудничества двух стран проанализированы Н.А. Шелаковой [3]. Комплексный анализ взаимодействия России и Беларуси в аграрной сфере, включая вопросы совместной агропромышленной политики и импортозамещения, проведен А.В. Хоткиным [4].

Несмотря на наличие значительного числа публикаций по данной тематике, сохраняется ряд нерешенных вопросов. Во-первых, недостаточно изучены методологические расхождения между российской и белорусской системами оценки продовольственной безопасности, что затрудняет прямое сопоставление показателей двух стран. Во-вторых, в большинстве работ анализ проводится либо по одной из стран, либо на агрегированном уровне без детализации по продуктовым группам. В-третьих, ограничен круг исследований, в которых национальные показатели самообеспеченности сопоставляются с глобальными индикаторами продовольственной безопасности.

Цель настоящей работы – провести сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь в разрезе ключевых продуктовых групп с учетом различий в национальных методиках оценки и в контексте глобальных индикаторов продовольственной безопасности.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, а также материалы Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), опубликованные в ежегодном докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2025» [5].

В работе использованы методы сравнительного и системного анализа, статистической обработки данных, а также метод экспертных оценок при интерпретации показателей. При анализе национальных систем оценки продовольственной безопасности учитывались положения Доктрины продовольственной безопасности Российской

Федерации в редакции от 10 марта 2025 г. [6] и Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года в редакции от 24 января 2025 г. [7].

Для обеспечения сопоставимости данных по двум странам был выполнен пересчет плановых и фактических показателей самообеспеченности Республики Беларусь в процентное выражение. В качестве базы для расчета использовались параметры собственного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 2030 года, приведенные в белорусской Доктрине, и оптимистические уровни потребности по соответствующим продуктовым группам. Фактические значения самообеспеченности для Беларуси рассчитывались как отношение объема производства к объему внутреннего потребления по данным Белстата и Минсельхозпрода за 2024 год. Для Российской Федерации фактические показатели самообеспеченности принимались в соответствии с официальными данными Минсельхоза России за 2024 год.

Сравнительный анализ показателей самообеспеченности основными видами продовольствия в Российской Федерации и Республике Беларусь за 2024 год позволяет оценить как текущий уровень достижения национальных целевых ориентиров, так и структурные особенности продовольственных систем двух стран. Сводные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Продовольственная безопасность: доля самообеспеченности основными продуктами питания по данным на 2024 год, %

Продуктовая группа	Российская Федерация		Республика Беларусь	
	План, %	Факт, %	План, %	Факт, %
Зерно	95	152,4	127,8	92,7
Сахар	90	107,1	98,6	103,6
Растительное масло	90	260,2	159,1	272,7
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85	101,9	101,1	119,6
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90	84,7	140	116,7
Рыба и рыбопродукты (в живом весе - весе сырца)	85	125,4	100	44,8
Картофель	95	92	100	51,8
Овощи и бахчевые	90	88,6	111,8	163,2
Фрукты и ягоды	60	43,1	52,7	64,9
Соль пищевая	85	62,1	—	—
Яйца	—	97,1	144,8	128,0

Анализ данных, позволяет выделить не столько индивидуальные достижения или отставания каждой из стран, сколько структурную взаимодополняемость их агропродовольственных систем. Наиболее наглядно это проявляется по трем ключевым продуктовым группам: зерну, молоку и овощам.

Российская Федерация, располагая значительными посевными площадями, формирует устойчивый профицит зерна (152,4% при пороге 95%), который кратно перекрывает внутренние потребности. Республика Беларусь, напротив, имея фактический показатель 92,7%, испытывает дефицит зерновых ресурсов. В то же время по молоку и молокопродуктам ситуация зеркальна: белорусский агропромышленный комплекс, ориентированный на экспорт, демонстрирует профицит на уровне 116,7%, тогда как российский рынок недополучает около 15% продукции до порогового значения (84,7%). Схожая картина наблюдается в сегменте овощей и бахчевых: белорусское производство (163,2%) способно частично замещать недостающие объемы на российском рынке (88,6%).

Показатель по картофелю в Республике Беларусь (51,8%) требует отдельного комментария. В белорусской официальной статистике [8] данные о производстве картофеля

в хозяйствах всех категорий в 2024 году составили 3 110,9 тыс. тонн, тогда как плановый оптимистический уровень потребности, заложенный в Доктрине, определён в размере 6 000 тыс. тонн. Столь низкий процент объясняется тем, что плановый ориентир был установлен без учёта фактического сокращения производства в сельскохозяйственных организациях, тогда как значительная часть картофеля традиционно производится в личных подсобных хозяйствах населения, не всегда в полной мере отражаемых в сводках.

Таким образом, вырисовывается объективная модель кооперации, при которой Россия выступает гарантом обеспечения Союзного государства зерном и рыбной продукцией (125,4%), а Беларусь – молоком, мясом (119,6%) и овощами. В сегменте фруктов и ягод обе страны сохраняют зависимость от импорта, что формирует общий стратегический вызов для Союзного государства.

В то же время необходимо отметить различия в подходах к планированию и оценке, которые носят не технический, а концептуальный характер. Российская доктрина задает жесткие пороговые значения, недостижение которых трактуется как прямая угроза продовольственной безопасности. Показательно, что в редакции 2025 года в перечень индикаторов был дополнительно включен показатель доли семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции с пороговым значением 75%, что отражает усиление внимания к технологическому суверенитету в аграрной сфере. Белорусская методология, закреплённая в доктрине, более вариативна: она оперирует диапазоном 90-110% от оптимистического уровня и дополняется оценкой душевого производства и потребления. Такой подход оставляет регулятору больше пространства для маневра, но при этом затрудняет прямое сопоставление показателей двух стран без предварительной гармонизации методик. В этой связи представляется целесообразной разработка единой системы индикаторов для мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, которая учитывала бы как жесткие пороги по критически значимым продуктам, так и интегральные оценки, отражающие специфику взаимной торговли и кооперации.

Высокие уровни самообеспеченности, рассмотренные выше, характеризуют прежде всего производственный потенциал агропромышленного комплекса. Однако для комплексной оценки продовольственной безопасности не менее важны индикаторы, отражающие фактическую доступность продовольствия для населения и качество питания. С этой точки зрения целесообразно обратиться к глобальным данным, публикуемым ФАО в ежегодных докладах о положении дел в области продовольственной безопасности и питания [5]. Сопоставление позиций России и Беларуси с общемировыми и региональными показателями позволяет оценить, насколько эффективно реализуется конечная цель национальных доктрин – обеспечение физической и экономической доступности качественного продовольствия для граждан.

В таблице 2 представлены ключевые индикаторы, используемые в международной практике для мониторинга прогресса в достижении целей устойчивого развития в части ликвидации голода и улучшения питания.

Таблица 2 – Ключевые индикаторы продовольственной безопасности и питания в разрезе стран и регионов, 2024 год, %

Показатель, %	Весь мир	Европа	Восточная Европа	Республика Беларусь	Российская Федерация
1	2	3	4	5	6
Распространенность недоедания в популяции в целом	8,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5
Распространенность острого отсутствия продовольственной безопасности в популяции в целом	10,3	1,8	1,7	<0,5	<0,5

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Распространенность умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности в популяции в целом	28,3	7,4	9,1	1,1	2,8
Распространенность отставания в росте у детей (<5 лет)	23,2	3,6	4,6	1,1	н.д.
Распространенность избыточной массы тела у детей	5,5	7,9	9,1	3,4	9,5
Распространенность ожирения у взрослого населения	15,8	21,4	25,5	21,4	24,2
Распространенность анемии у женщин (15-49 лет)	30,07	18,6	23,5	22,1	24,1
Распространенность низкой массы тела при рождении	14,7	7,0	7,0	5,1	7,3

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что по базовым показателям физической доступности продовольствия Россия и Беларусь находятся в группе наиболее благополучных стран. Распространенность недоедания в обеих странах не превышает двух с половиной процентов, что соответствует уровню развитых европейских государств и кратно ниже среднемирового значения. Показатели острого и умеренного отсутствия продовольственной безопасности также значительно лучше, чем в среднем по Восточной Европе и тем более по миру в целом. Указывая на то, что национальные системы продовольственного обеспечения успешно справляются с задачей гарантированного снабжения населения основными продуктами питания.

В абсолютном выражении (таблица 3) масштаб проблемы также невелик. Число лиц, сталкивающихся с умеренным или острым отсутствием продовольственной безопасности, в Беларуси составляет менее ста тысяч человек, в России – около четырех миллионов, что при совокупной численности населения двух стран свыше ста пятидесяти миллионов человек является незначительной величиной.

Таблица 3 – Численность лиц, затронутых проблемами продовольственной безопасности и неполноценного питания, 2024 год, млн чел.

Показатель, млн. чел.	Весь мир	Европа	Восточная Европа	Республика Беларусь	Российская Федерация
1	2	3	4	5	6
Число лиц, сталкивающихся с умеренным или острым отсутствием продовольственной безопасности	2287,9	54,9	26,2	<0,1	4,0
Число детей (<5 лет) с отставанием в росте	150,2	1,2	0,6	<0,1	н.д.
Число детей (<5 лет) с избыточной массой тела	35,5	2,6	1,2	<0,1	0,7
Число взрослых (≥18 лет) страдающих ожирением	880,7	129,0	59,2	1,6	27,7
Число женщин (15–49 лет) страдающих анемией	604,8	30,1	15,4	0,5	8,2
Число младенцев с низкой массой тела при рождении	19,8	0,5	0,2	<0,1	<0,1

Вместе с тем обращают на себя внимание показатели, характеризующие качество питания и связанные с ним риски для здоровья. Распространенность ожирения среди взрослого населения в России и Беларуси сопоставима со среднеевропейским уровнем, однако превышает общемировую показатель. Схожая картина наблюдается по анемии у женщин репродуктивного возраста: значения для обеих стран ниже среднемировых, но несколько выше, чем в целом по Европе. По избыточной массе тела у детей до пяти лет Беларусь демонстрирует заметно лучший результат, чем Россия и Восточная Европа в целом.

Таким образом, глобальные индикаторы подтверждают, что в Союзном государстве решена проблема голода и острого дефицита продовольствия. Актуальной задачей

становится не столько наращивание объемов производства, сколько повышение качества питания и снижение распространенности неинфекционных заболеваний, связанных с несбалансированным рационом. Что, в свою очередь, выводит на первый план вопрос экономической доступности продовольствия – способности населения приобретать продукты, составляющие здоровый рацион, по сложившимся ценам. В условиях санкционного давления, разрыва логистических цепочек и ускорения инфляции данный аспект приобретает особую значимость.

Таблица 4 – Стоимость здорового рациона в 2017–2024 гг., долл. США по ППС на человека в день

Регион/ Страна	2017	2019	2021	2023	2024	Темп роста, %
1	2	3	4	5	6	7
Весь мир	3,14	3,3	3,6	4,3	4,46	142,0
Европа	2,77	2,97	3,14	3,91	4,03	145,5
Восточная Европа	2,83	3,06	3,25	4,05	4,18	147,7
Азербайджан	2,9	3,1	3,44	4,13	4,2	144,8
Армения	3,22	3,44	3,8	4,33	4,35	135,1
Казахстан	2,12	2,28	2,59	3,02	3,06	144,3
Кыргызстан	3,23	2,94	3,36	3,77	3,76	116,4
Таджикистан	2,99	3,17	3,53	3,68	3,62	121,1
Узбекистан	4,11	4,00	4,06	4,78	4,67	113,6
Республика Беларусь	3,13	3,19	3,3	3,72	3,83	122,4
Российская Федерация	2,25	2,45	2,77	3,17	3,29	146,2

Данные таблицы 4 показывают устойчивый рост стоимости здорового рациона во всех рассматриваемых странах и регионах. Наиболее показательным является период с 2021 по 2023 год, когда в Российской Федерации стоимость увеличилась с 2,77 до 3,17 долларов, то есть на 40 центов или примерно на 14,4%, а в Республике Беларусь – с 3,30 до 3,72 долларов, что соответствует приросту около 12,7%. Данный скачок по времени совпадает с введением масштабных санкционных ограничений, нарушением глобальных логистических цепочек и ускорением продовольственной инфляции.

В целом за 2017-2024 годы стоимость здорового рациона в России выросла на 46,2%, что сопоставимо с динамикой по Восточной Европе и миру в целом. В Беларуси темп роста оказался более сдержанным – 22,4%. Несмотря на отмеченный рост, абсолютные значения стоимости рациона в обеих странах остаются ниже среднемирового уровня и уровня Восточной Европы. Россия по данному показателю продолжает находиться среди стран с наиболее доступным продовольствием, уступая в выборке лишь Казахстану.

Однако сама по себе стоимость рациона не дает полного представления об экономической доступности без учета покупательной способности населения. Для более полной картины необходимо рассмотреть долю жителей, которые не могут позволить себе здоровое питание (таблица 5).

Таблица 5 – Экономическая доступность здорового рациона: доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, 2017–2024 гг., %

Регион/ Страна	2017	2019	2021	2023	2024	Темп роста, %
1	2	3	4	5	6	7
Весь мир	38,4	35,4	34,5	32,8	31,9	83,1
Европа	8,3	7,3	6,2	5,6	5,3	63,9
Восточная Европа	11,0	9,9	8,1	7,3	6,8	61,8
Азербайджан	0,8	0,7	0,8	0,7	0,6	75,0

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
Армения	49,4	53,3	54,4	50,3	65,1	131,8
Казахстан	9,3	6,9	5,1	5,1	4,5	48,4
Кыргызстан	41,0	31,2	36,7	33,8	30,4	74,1
Таджикистан	36,0	32,3	29,8	25,9	24,3	67,5
Узбекистан	19,7	16,9	16,1	15,0	13,2	67,0
Республика Беларусь	3,3	2,4	1,0	0,7	0,7	21,2
Российская Федерация	3,1	2,4	1,4	1,4	1,3	41,9

Несмотря на зафиксированный ранее рост стоимости здорового рациона, экономическая доступность продовольствия для населения России и Беларуси не только не ухудшилась, но и последовательно улучшалась на протяжении всего рассматриваемого периода. В Российской Федерации доля граждан, неспособных позволить себе здоровое питание, сократилась с 3,1% в 2017 году до 1,3% в 2024 году. В Республике Беларусь снижение еще более впечатляющее – с 3,3% до 0,7%. Для сравнения: в среднем по Восточной Европе этот показатель составляет 6,8%, по Европе в целом – 5,3%, а в мире – почти 32%.

Особо показателен период 2021-2023 годов, когда на фоне санкционного давления и роста стоимости рациона доля неспособных позволить себе здоровое питание в России осталась неизменной (1,4%), а в Беларуси продолжила снижаться (с 1,0% до 0,7%). Таким образом меры государственной поддержки доходов населения и регулирования цен на социально значимые продукты, реализуемые в обеих странах, эффективно компенсировали негативное влияние внешних шоков.

На фоне других стран постсоветского пространства позиции России и Беларуси выглядят особенно выигрышно. В Армении, например, доля неспособных позволить себе здоровый рацион в 2024 году достигла 65%, в Кыргызстане – около 30%, в Таджикистане – 24%. Даже в Казахстане, где стоимость рациона самая низкая в выборке, этот показатель составляет 4,5%, что втрое выше российского и более чем в шесть раз выше белорусского.

Таким образом, экономическая доступность продовольствия в Союзном государстве находится на уровне, сопоставимом с наиболее благополучными странами Европы, а по ряду параметров превосходит их. Достигнутые результаты подтверждают эффективность национальных систем обеспечения продовольственной безопасности, ориентированных не только на наращивание производства, но и на поддержание социальной стабильности и защиту уязвимых групп населения.

Проведенный сравнительный анализ показателей продовольственной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, национальные агропродовольственные системы двух стран характеризуются выраженной структурной взаимодополняемостью. Россия обладает устойчивым профицитом зерна и рыбной продукции, в то время как Беларусь формирует избыток молока, мяса и овощей. Данная асимметрия создает объективную основу для углубления кооперации в рамках Союзного государства: дефицит молочной продукции на российском рынке компенсируется белорусскими поставками, а потребности Беларуси в зерне и рыбе покрываются за счет российского производства. Единственной общей зоной сохраняющейся импортозависимости остаются фрукты и ягоды, что формирует совместный стратегический вызов.

Во-вторых, выявлены существенные методологические расхождения в национальных подходах к оценке продовольственной безопасности. Российская доктрина устанавливает жесткие пороговые значения, недостижение которых рассматривается как прямая угроза. Белорусская методология более вариативна и допускает отклонения в

диапазоне 90-110% от оптимистического уровня, а также опирается на показатели душевого производства и потребления. Данные различия затрудняют прямое сопоставление индикаторов и обосновывают целесообразность разработки единой системы мониторинга коллективной продовольственной безопасности Союзного государства, которая учитывала бы как жесткие пороги по критически значимым продуктам, так и интегральные оценки, отражающие специфику взаимной торговли.

В-третьих, сопоставление с глобальными индикаторами ФАО демонстрирует, что, несмотря на отдельные недостижения национальных плановых ориентиров, Россия и Беларусь находятся в числе мировых лидеров по уровню физической и экономической доступности продовольствия. Распространенность недоедания и острого отсутствия продовольственной безопасности в обеих странах минимальна и сопоставима с показателями наиболее развитых европейских государств. Доля населения, неспособного позволить себе здоровый рацион, неуклонно снижалась даже в условиях санкционного давления и роста стоимости продовольствия, что свидетельствует об эффективности мер государственной поддержки доходов и ценового регулирования.

Таким образом, продовольственная безопасность Союзного государства в целом обеспечена на высоком уровне. Дальнейшее совершенствование системы должно быть направлено не столько на экстенсивное наращивание производства, сколько на гармонизацию методик оценки, развитие кооперационных связей в сегментах с сохраняющейся импортозависимостью и повышение качества питания населения.

Список литературы:

1. Пилипук А.В., Кондратенко С.А., Гусакова И.В. Перспективы реализации единой стратегии обеспечения продовольственной безопасности Союзного государства // Белорусский экономический журнал. 2023. № 3. С. 21–37.
2. Алтухов А.И. Концептуальные подходы к обеспечению продовольственной безопасности Союзного государства // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 3. С. 2–11.
3. Шеламова Н.А. Обеспечение продовольственной безопасности Союзного государства в условиях санкций // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 7. С. 20–26.
4. Хоткин А.В. Перспективы развития АПК в рамках Союзного государства России и Беларуси // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2 (163). С. 344–346.
5. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2025. Решение проблемы высокой продовольственной инфляции в интересах обеспечения продовольственной безопасности и питания. Рим, 2025. DOI: 10.4060/cd6008ru.
6. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 10.03.2025 № 141) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» (в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24.01.2025 № 40) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700962> (дата обращения: 23.04.2026).
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Валовой сбор сельскохозяйственных культур по территории Республики Беларусь // Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10205100018> (дата обращения: 23.04.2026).

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ
ДАННЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА**

**ON THE IMPACT OF PERSONAL DATA PROTECTION ON THE ECONOMIC
SECURITY OF THE UNION STATE**

В.А. Козлова
V.A. Kozlova

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Россия, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я
Линия/Советская, д.2/32, email: lera.konf@yandex.ru

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the
Ministry of Justice of the Russian Federation), Russia, 344019, Rostov-on-Don, 9th
Line/Sovetskaya Street, 2/32, email: lera.konf@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние обеспечения сохранности персональных данных на экономическую безопасность Союзного государства России и Республики Беларусь. В условиях цифровизации защита данных становится стратегическим элементом безопасности, влияющим на доверие к цифровым сервисам, стабильность экономики и суверенитет. Анализируются правовые основы, включая Концепцию информационной безопасности Союзного государства, национальные законы и межгосударственное сотрудничество. Особое внимание уделено экономическим рискам утечек: финансовым потерям, санкционным последствиям и замедлению интеграции. Подчеркивается необходимость гармонизации законодательства, развития киберинфраструктуры и создания единого безопасного информационного пространства. Автор приходит к выводу, что эффективная защита персональных данных способствует устойчивому развитию цифровой экономики, снижению рисков и укреплению экономической безопасности Союзного государства в условиях внешних вызовов и технологических трансформаций.

Abstract. The article examines the impact of ensuring the safety of personal data on the economic security of the Union State of Russia and the Republic of Belarus. In the context of digitalization, data protection is becoming a strategic element of security, affecting trust in digital services, economic stability and sovereignty. The legal framework is analyzed, including the Concept of Information Security of the Union State, national laws and interstate cooperation. Special attention is paid to the economic risks of leaks: financial losses, sanctions consequences and a slowdown in integration. The need for harmonization of legislation, development of cyber infrastructure and creation of a single secure information space is emphasized. The author concludes that effective protection of personal data contributes to the sustainable development of the digital economy, reducing risks and strengthening the economic security of the Union State in the face of external challenges and technological transformations.

Ключевые слова. Кибербезопасность, персональные данные, экономическая безопасность, Союзное государство, Российская Федерация, Республика Беларусь.

Keywords. Cybersecurity, personal data, economic security, Union State, Russian Federation, Republic of Belarus.

Вопрос обеспечения сохранности персональных данных в современном мире приобретает особую значимость и напрямую связан с экономической безопасностью

государства, в том числе России. В эпоху цифровизации практически все сферы жизни общества – от финансов и торговли до здравоохранения и государственного управления – опираются на обработку больших массивов информации, значительная часть которой содержит персональные данные граждан. Их утечка или неправомерное использование способно нанести ущерб не только отдельным лицам, но и экономике страны в целом.

Экономическая безопасность подразумевает устойчивость национальной экономики к внутренним и внешним угрозам, способность сохранять стабильный рост и защищать интересы государства и его граждан [1]. Персональные данные выступают здесь как ценный актив: они используются в маркетинговых исследованиях, системах идентификации, финансовых операциях, таргетированной рекламе и многих других процессах, формирующих современную экономику. Утечка таких данных подрывает доверие к цифровым сервисам, снижает активность пользователей в онлайн-среде и может привести к прямым финансовым потерям.

Целью исследования является изучение современных тенденций развития совместного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь по вопросам обеспечения безопасности персональных данных в контексте экономической безопасности с учетом актуальной проблематики и международного опыта.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили научные публикации отечественных и зарубежных ученых по современным проблемам сохранения персональных данных в аспекте экономической безопасности государств.

Масштабные утечки персональных данных провоцируют целый ряд негативных последствий для экономики. Во-первых, они влекут за собой прямые убытки для компаний, чьи базы данных были скомпрометированы: это расходы на устранение последствий инцидента, выплаты компенсаций пострадавшим, штрафы со стороны регуляторов. Во-вторых, снижается потребительский спрос на цифровые услуги – люди начинают с осторожностью относиться к онлайн-платежам, регистрации на платформах и предоставлению личной информации. В-третьих, репутационные потери могут ослабить позиции российских компаний на международном рынке, особенно в условиях растущей конкуренции в сфере IT-услуг и электронной коммерции.

Кроме того, утечка персональных данных создаёт благоприятные условия для мошенничества. Злоумышленники используют украденную информацию для фишинга, социальной инженерии, несанкционированного доступа к банковским счетам и другим противоправным действиям. Это не только увеличивает нагрузку на правоохранительные органы и финансовые учреждения, но и снижает общую финансовую грамотность населения, заставляя людей избегать цифровых инструментов, которые могли бы повысить их экономическую активность [2].

С другой стороны, эффективное обеспечение сохранности персональных данных способствует укреплению экономической безопасности. Строгие нормы защиты информации, современные технологии шифрования и аутентификации, а также чёткое правовое регулирование создают благоприятную среду для развития цифровой экономики. Компании, демонстрирующие высокий уровень информационной безопасности, вызывают больше доверия у клиентов и партнёров, что стимулирует инвестиции и инновации. Кроме того, надёжная защита данных позволяет активнее внедрять электронные государственные услуги, цифровые платформы и системы безналичных расчётов – ключевые элементы современной экономической инфраструктуры.

В России регулирование в сфере защиты персональных данных осуществляется на основе Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и сопутствующих нормативных актов. Государство последовательно усиливает контроль за обработкой информации, вводит требования к локализации данных, развивает системы киберзащиты и совершенствует механизмы реагирования на инциденты. Эти меры направлены не только на соблюдение прав граждан, но и на снижение экономических рисков, связанных с утечками информации.

Важную роль играет и международное сотрудничество [3]. В условиях глобализации данные свободно перемещаются через границы, а киберугрозы носят транснациональный характер. Участие России в международных соглашениях по кибербезопасности, обмен опытом с другими странами и синхронизация законодательства позволяют эффективнее противостоять угрозам и создавать благоприятные условия для внешнеэкономической деятельности.

Однако несмотря на высокий уровень значимости сохранения персональных данных сохраняется значительное число проблем, требующих дальнейшего решения. Этому свидетельствует и статистика утечки персональных данных. В период с 2022 по 2026 год в России наблюдался значительный рост числа инцидентов, связанных с утечками персональных данных, что отражает как увеличение киберугроз, так и усиление контроля со стороны регуляторов. По данным Роскомнадзора, количество зафиксированных утечек ежегодно увеличивалось, особенно в секторах, активно подвергшихся цифровизации – финансовых услугах, электронной коммерции, здравоохранении и образовании. В 2022 году было зафиксировано около 1 200 инцидентов с утечками, к 2024 году эта цифра превысила 2 500 случаев, а в 2025–2026 годах количество сообщений стабилизировалось на уровне 2 800–3 000 в год, что связано как с ростом осведомлённости организаций, так и с введением обязательных требований по уведомлению о киберинцидентах.

Основными источниками утечек стали взломы информационных систем, утеря носителей данных, ошибки сотрудников и несанкционированный доступ извне. Особенно острой проблемой оказалась компрометация данных через сторонние сервисы – например, в 2023 году масштабная утечка затронула пользователей нескольких крупных маркетплейсов, затронув более 15 миллионов записей. В 2024 году внимание регуляторов было привлечено к утечкам в госструктурах и медицинских учреждениях, что привело к ужесточению требований к защите критической информационной инфраструктуры.

Роскомнадзор ввёл систему обязательного уведомления об утечках в течение 24 часов, что способствовало прозрачности и оперативному реагированию. В 2025 году было выдано более 400 предписаний и наложено штрафов на сумму свыше 5 миллиардов рублей. В 2026 году началась активная автоматизация мониторинга утечек с использованием ИИ, что позволило выявлять инциденты быстрее и точнее. Несмотря на рост числа зарегистрированных случаев, эксперты отмечают, что это отражает не ухудшение ситуации, а повышение уровня контроля и ответственности организаций перед пользователями и государством.

Однако здесь важно учесть, что утечки персональных данных перестали быть исключительно технической или правовой проблемой. Они приобретают всё более серьёзные экономические последствия для компаний, государств и общества в целом. В условиях цифровой экономики, где данные становятся стратегическим активом, их компрометация ведёт к прямым финансовым потерям, снижению доверия со стороны клиентов и партнёров, а также к долгосрочным репутационным издержкам [4].

Прямые экономические потери включают расходы на расследование инцидента, уведомление пострадавших, восстановление систем, судебные издержки и штрафы. Например, в соответствии с GDPR, компании могут быть оштрафованы на сумму до 4% от глобального годового оборота. В России за нарушение требований к защите персональных данных предусмотрены штрафы до 75 миллионов рублей для юридических лиц. Эти суммы способны нанести серьёзный удар по финансовой устойчивости даже крупных организаций.

Однако более значительными зачастую оказываются косвенные последствия. Потеря доверия со стороны потребителей приводит к оттоку клиентов, снижению выручки и падению рыночной доли. Исследования показывают, что после масштабной утечки компании теряют до 20% клиентов в течение года. Кроме того, падает капитализация акций на фондовом рынке – инвесторы реагируют на рост рисков и неопределённости. Утечки данных также могут повлечь за собой увеличение стоимости киберстрахования и отказ

партнёров от сотрудничества, особенно в секторах с высокими требованиями к безопасности.

На макроуровне массовые утечки подрывают доверие к цифровым сервисам, замедляют развитие электронной коммерции и цифровизации экономики. Государству приходится увеличивать расходы на кибербезопасность, правоприменение и защиту граждан. В итоге экономический эффект утечек персональных данных оказывается комплексным – от индивидуальных издержек компаний до системных рисков для национальной экономики. Это делает инвестиции в защиту данных не просто мерой соблюдения законодательства, а стратегической необходимостью для устойчивого экономического роста.

Утечки персональных данных перестают быть исключительно корпоративной проблемой, приобретая системное значение для национальной экономики. На макроуровне такие инциденты оказывают комплексное негативное воздействие, подрывая доверие к цифровой инфраструктуре, увеличивая транзакционные издержки и замедляя темпы цифровизации экономики. В условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером роста, киберугрозы, связанные с компрометацией данных, превращаются в фактор экономической нестабильности [5].

Одним из главных последствий является снижение доверия граждан и бизнеса к онлайн-сервисам. При массовых утечках потребители начинают избегать электронных платежей, отказываются от использования цифровых платформ и ограничивают взаимодействие с госуслугами, что ведёт к сокращению объёмов электронной коммерции и снижению налоговых поступлений. Это особенно критично для секторов, зависящих от онлайн-продаж, логистики и цифровых финансовых услуг. По оценкам аналитиков, после крупных инцидентов объём онлайн-транзакций в России может временно падать на 10–15%, что напрямую влияет на ВВП.

Государству приходится увеличивать расходы на кибербезопасность, создание национальных систем мониторинга и реагирования на утечки. Вводятся дополнительные нормативы, ужесточаются требования к обработке данных, что повышает издержки бизнеса, особенно малого и среднего. Это может замедлять инновации и отпугивать инвестиции, включая иностранные, поскольку инвесторы оценивают уровень киберрисков при входе на рынок. Кроме того, утечки данных становятся инструментом экономического шпионажа и диверсий, что угрожает стратегическим отраслям – энергетике, транспорту, обороне.

Международные санкции и ограничения также могут усугублять ситуацию: при недостаточном уровне защиты данных страны могут быть исключены из глобальных цифровых цепочек поставок или сталкиваться с ограничениями на трансграничный обмен информацией. В долгосрочной перспективе это снижает конкурентоспособность национальной экономики в глобальном контексте. Таким образом, защита персональных данных становится не просто вопросом прав человека, а важнейшим элементом экономической безопасности и устойчивого развития государства [6].

Более того, в условиях глобализации цифрового пространства утечки персональных данных стали трансграничной проблемой, требующей согласованных усилий на международном уровне. Разные страны и регионы разработали собственные правовые и технические механизмы противодействия утечкам, формируя устойчивую практику, ориентированную на защиту прав граждан, ответственность организаций и оперативное реагирование на киберинциденты. Наиболее развитой моделью признана система, действующая в рамках Европейского союза, где с 2018 года применяется Общий регламент по защите данных (GDPR). Он устанавливает строгие требования к обработке персональной информации, включая обязательное уведомление регулятора и пострадавших лиц в течение 72 часов после выявления утечки. Нарушения влекут штрафы до 4% от глобального годового оборота компании, что создаёт мощный стимул к соблюдению норм.

В США отсутствует единый федеральный закон, регулирующий защиту данных,

однако действуют отраслевые нормы, такие как HIPAA в здравоохранении и GLBA в финансовой сфере. Кроме того, многие штаты, включая Калифорнию с её CCPA, внедрили собственные законы, обязывающие компании раскрывать утечки и предоставлять пользователям право на удаление данных. Агентства, такие как FTC, активно привлекают компании к ответственности за недостаточную защиту информации, что формирует прецедентную базу.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай утвердил Закон о защите персональной информации (PIPL), близкий по духу к GDPR, с жёсткими требованиями к трансграничной передаче данных. Япония и Южная Корея также имеют развитые правовые системы, сочетающие административную ответственность с обязательным уведомлением. Международное сотрудничество усиливается через организации вроде OECD, Совета Европы и Интерпола, которые вырабатывают стандарты, обмениваются информацией и координируют расследования. Растёт роль международных соглашений о признании юрисдикции и взаимной правовой помощи в киберпреступлениях. Эти подходы демонстрируют, что эффективная борьба с утечками требует сочетания правовых норм, технологических решений и трансграничного взаимодействия.

Россия и Республика Беларусь, объединённые тесными экономическими, политическими и культурными связями, активно развивают сотрудничество в сфере защиты персональных данных. Это взаимодействие обусловлено интеграционными процессами в рамках Союзного государства, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и других форматов сотрудничества. Обмен информацией, цифровизация госуслуг, трансграничная торговля и развитие общих цифровых платформ требуют согласованных подходов к обеспечению безопасности персональных данных граждан обеих стран.

Основа взаимодействия заложена в нормативной базе. В России действует Федеральный – закон № 152-ФЗ «О персональных данных», а в Беларуси – Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-З «О защите персональных данных». Оба документа во многом ориентированы на международные стандарты, в т.ч. на принципы GDPR, хотя и имеют национальные особенности. Сближение законодательных подходов позволяет формировать общие правила обработки и защиты данных, что особенно важно для компаний, работающих на территории обоих государств [7].

Важным направлением сотрудничества выступает развитие цифровой инфраструктуры Союзного государства. Реализация совместных проектов в области электронного правительства, межведомственного обмена данными и создания общих информационных систем требует единых требований к защите персональных данных. Например, при интеграции государственных информационных ресурсов необходимо обеспечить соответствие стандартам кибербезопасности, исключить риски несанкционированного доступа и гарантировать конфиденциальность информации.

Значимую роль играет и экономическое взаимодействие. Белорусские IT-компании активно сотрудничают с российскими заказчиками, а российские организации расширяют присутствие на белорусском рынке. В условиях трансграничной передачи данных критически важно определить правила их обработки, хранения и локализации. Обе страны уделяют внимание вопросам локализации данных: в России действует требование хранить персональные данные россиян на территории страны, а Беларусь стремится обеспечить безопасность информации своих граждан, что создаёт предпосылки для выработки общих подходов к размещению и защите данных [8].

Международное сотрудничество в сфере кибербезопасности также служит платформой для совместной работы. Россия и Беларусь участвуют в мероприятиях Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где обсуждаются вопросы противодействия киберугрозам, включая защиту персональных данных. Совместные учения, обмен опытом и методиками расследования киберпреступлений позволяют повышать уровень защищённости информационных систем и оперативно реагировать на инциденты.

Однако на пути углубления сотрудничества возникает ряд проблем. Прежде всего, это различия в законодательстве. Несмотря на общую направленность норм, детали регулирования могут расходиться: сроки хранения данных, требования к согласиям на обработку, порядок уведомления регуляторов о нарушениях. Такие расхождения создают сложности для бизнеса, вынужденного адаптироваться к двум правовым режимам, и повышают издержки на соблюдение требований.

Ещё одна проблема связана с технологическим обеспечением. Уровень внедрения современных средств защиты данных в организациях двух стран неодинаков. Не все компании обладают достаточными ресурсами для внедрения передовых решений по шифрованию, мониторингу угроз и аутентификации. Это повышает риски утечек и снижает общую устойчивость информационной инфраструктуры. Кроме того, зависимость от иностранного программного обеспечения и оборудования в некоторых секторах создаёт дополнительные уязвимости, требующие совместных мер по импортозамещению и развитию отечественных технологий.

Не менее важен вопрос доверия между регуляторами. Эффективная защита персональных данных невозможна без оперативного обмена информацией о кибератаках, новых видах угроз и методах их нейтрализации. Однако механизмы такого взаимодействия пока не полностью отлажены: могут возникать задержки в передаче данных, бюрократические барьеры или ограничения, связанные с конфиденциальностью информации.

Перспективы сотрудничества выглядят многообещающе. В первую очередь, ожидается дальнейшее сближение законодательства. Разработка модельных законов и рекомендаций в рамках ЕАЭС, а также двусторонние соглашения между Россией и Беларусью могут унифицировать требования к обработке и защите персональных данных, упростить трансграничный обмен информацией и снизить нагрузку на бизнес.

Развитие совместных технологических решений – ещё одно перспективное направление. Создание общих платформ для обмена данными с встроенными средствами защиты, внедрение единых стандартов шифрования и аутентификации, а также совместные проекты в области искусственного интеллекта для выявления киберугроз позволят повысить уровень кибербезопасности. Особое внимание может быть уделено развитию отечественных программных продуктов и оборудования, что снизит зависимость от иностранных поставщиков и укрепит технологический суверенитет.

Укрепление институционального взаимодействия также открывает новые возможности. Создание постоянно действующих рабочих групп, проведение регулярных консультаций между уполномоченными органами по защите данных и организация совместных учебных программ для специалистов помогут отладить механизмы обмена информацией и повысить квалификацию кадров. Важным шагом может стать заключение отдельного соглашения между Россией и Беларусью по вопросам защиты персональных данных, которое закрепит принципы взаимного признания сертификатов безопасности и упростит процедуры трансграничной передачи информации.

Наконец, перспективным выглядит расширение международного сотрудничества. Участие в глобальных инициативах по кибербезопасности, обмен опытом с другими странами и адаптация лучших практик позволят России и Беларуси укрепить свои позиции в этой сфере. Совместные усилия в рамках ОДКБ, СНГ и ЕАЭС могут привести к формированию региональных стандартов защиты данных, которые будут учитывать специфику постсоветского пространства и соответствовать современным вызовам.

Таким образом, обеспечение сохранности персональных данных – это не просто вопрос соблюдения приватности, а стратегический элемент экономической безопасности России. Надёжная защита информации укрепляет доверие к цифровым технологиям, стимулирует развитие бизнеса, снижает риски финансовых потерь и повышает устойчивость экономики к внешним вызовам. В долгосрочной перспективе инвестиции в кибербезопасность и совершенствование нормативной базы способны принести

значительный экономический эффект, обеспечив стране конкурентные преимущества в глобальной цифровой среде. Совместная деятельность России и Республики Беларусь по защите персональных данных имеет прочный фундамент и значительный потенциал для развития. Преодоление существующих проблем через гармонизацию законодательства, технологическое сотрудничество и укрепление доверия между регуляторами позволит создать надёжную систему защиты информации, отвечающую интересам граждан и бизнеса обеих стран, а также укрепит их позиции в глобальной цифровой экономике.

Список литературы:

1. Гудкова О.В., Ермакова Л.В. Защита персональных данных клиентов как обеспечение безопасности банка в системе регионального экономического развития // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 4. С. 131-134.
2. Халтурина О.А., Терешкина Н.Е. Защита персональных данных как фактор обеспечения экономической безопасности граждан России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12-2. С. 329-334.
3. Имыхелов И.С. Онтологическая модель угроз утечки конфиденциальной информации при взаимодействии пользователя с веб-ресурсами в условиях цифровой экономики // Международный студенческий научный вестник. 2026. № 1. С. 62.
4. Скипин Д.Л., Кольцова Т.А., Шаргина А.В. Система электронных государственных услуг населению: состояние и развитие // Агропродовольственная политика России. 2025. № 1 (114). С. 10-19.
5. Козлова В.А. Цифровизация и тенденции развития автоматизированных система контроля в практике налоговых органов // Государствоведение в XXI веке: эпоха вызовов и перемен. Сборник научных трудов по материалам Межвузовской научной конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 192-198.
6. Голубцова О.А., Пампура А.В., Бросева Е.С. Цифровой суверенитет и защита данных в российской федерации: экономико-правовые аспекты обеспечения технологической независимости Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 22-29.
7. Авдийский В.И., Иванов А.В. Особенности влияния деструктивных событий цифрового пространства на экономическую безопасность в условиях цифрового суверенитета государства // Развитие и безопасность. 2024. № 3 (23). С. 4-25.
8. Жуков В.Ю., Козлова В.А. Перспективы реализации и развития Союзного государства // Государство и право. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2025. С. 118-120.

УДК 338.1

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ ЧЕРЕЗ ЗАЩИТУ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

STATE GOVERNANCE THROUGH THE PROTECTION OF INFORMATION SPACE

М.А. Кудрицкая
M.A. Kudrytskaya

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3. email: manakudrina@gmail.com

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Mogilev, Republic of
Belarus, 3 Schmidt Ave. email: manakudrina@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется защита информационного пространства как ключевой инструмент государственного управления в Республике Беларусь. В контексте стратегического планирования рассматриваются задачи Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, включая подпрограмму «Цифровой суверенитет» по формированию независимой ИТ-экосистемы. Раскрыты содержание подпрограмм «Экономика данных» и «Цифровое государство», нацеленных на внедрение технологий искусственного интеллекта и электронных услуг. Показано, как блокировка деструктивного контента, защита национального сегмента интернета, развитие государственных цифровых платформ и создание многоуровневой системы кибербезопасности позволяют поддерживать управляемость обществом. Приведены данные о росте кибератак на промышленный сектор и государственные учреждения, а также о низкой доле успешных атак на финансовые организации как индикаторе эффективности защиты. На основе анализа белорусской модели формулируются выводы о её действенности в противодействии различным угрозам.

Abstract: This article analyzes the protection of the information space as a key tool of public administration in the Republic of Belarus. Within the context of strategic planning, the objectives of the State Program "Digital Belarus" for 2026–2030 are considered, including the "Digital Sovereignty" subprogram aimed at forming an independent IT ecosystem. The article also explores the content of the "Data Economy" and "Digital State" subprograms, aimed at implementing artificial intelligence technologies and electronic services. It demonstrates how blocking destructive content, protecting the national internet segment, developing state digital platforms, and creating a multi-layered cybersecurity system help maintain social governance. Data on the increase in cyberattacks on the industrial sector and government agencies is presented, as well as the low percentage of successful attacks on financial institutions as an indicator of protection effectiveness. Based on an analysis of the Belarusian model, conclusions are drawn regarding its effectiveness in countering various threats.

Ключевые слова: кибербезопасность, Республика Беларусь, государственное управление, цифровой суверенитет, информационная безопасность.

Keywords: Cybersecurity, the Republic of Belarus, public administration, digital sovereignty, information security.

В условиях обострения новых угроз, включающих целенаправленное деструктивное информационно-психологическое воздействие, кибератаки на критическую инфраструктуру и попытки подрыва национальной идентичности, способность государства обеспечивать защиту собственного информационного поля становится не просто задачей, а базовым критерием эффективности управления.

Актуальность обращения к тематике управления государством через призму защиты информационной сферы продиктована несколькими взаимообусловленными трендами. Во-первых, происходит стремительное расширение спектра цифровых угроз, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации и дискредитацию институтов власти. Информационные потоки, распространяемые в глобальной сети, все чаще используются как оружие для манипуляции общественным сознанием и провоцирования социальных конфликтов. Во-вторых, зависимость современного государственного аппарата от цифровых платформ и баз данных делает его уязвимым перед лицом внешнего технологического давления и санкционных ограничений. В-третьих, стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных создает новые угрозы для правового регулирования и нравственных устоев общества, требуя от государства немедленных управленческих решений.

В этом контексте особый научный и практический интерес представляет белорусская модель обеспечения национальной безопасности в цифровой среде, которая демонстрирует последовательный и системный подход к укреплению информационного суверенитета. Республика Беларусь одной из первых приступила к преобразованию защиты

информационного пространства как неотъемлемой функции государственного управления. В рамках стратегического планирования ключевые параметры этой политики заложены в новой редакции Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, особое место в которой отведено подпрограмме «Цифровой суверенитет». Данный документ предусматривает комплекс мер, направленных на формирование независимой и безопасной ИТ-экосистемы, способной гарантировать устойчивость государственных институтов в условиях внешнего информационного давления.

Анализ белорусского опыта показывает, что управление государством через защиту информационного пространства реализуется в рамках триединой задачи: блокировка деструктивного и противоправного контента, угрожающего общественному порядку; технологическая защита и укрепление национального сегмента сети Интернет для обеспечения бесперебойного функционирования государственных и социально значимых сервисов; а также проактивное развитие собственных цифровых платформ, выступающих инструментом обратной связи между властью и обществом. Именно совокупность этих мер позволяет поддерживать управляемость общественными процессами, нейтрализуя попытки внешнего вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

Однако, несмотря на наличие ясно выраженной государственной политики и нормативной правовой базы, сохраняется дефицит методологических подходов к комплексной оценке результативности подобной управленческой деятельности. Существующие методики, как правило, сосредоточены на технических показателях кибербезопасности (количество отраженных атак, объем заблокированного трафика), тогда как качественная взаимосвязь между состоянием защищенности информационного поля и эффективностью государственного управления остается слабо изученной. Возникает объективная потребность в разработке аналитической модели, позволяющей измерять влияние мер по защите информационного суверенитета на стабильность политической системы и уровень доверия граждан к государству.

Целью настоящего исследования является концептуальное обоснование защиты информационного пространства как ключевого инструмента государственного управления в Республике Беларусь и разработка модели оценки ее эффективности в контексте противодействия гибридным угрозам.

Методологическую и нормативную основу исследования составляет комплекс законодательных актов и нормативных документов Республики Беларусь, формирующих систему защиты цифрового поля.

Ключевым моментом в сфере организационно-технической защиты сведений является Указ Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» [6], который установил единые требования к обращению со служебной информацией ограниченного распространения и персональными данными.

В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 673 «Об информационных ресурсах, информационных системах и государственных цифровых платформах» (с изменениями и дополнениями) [2] по структуре государственные информационные ресурсы подразделяются на:

- базовые;
- республиканские;
- региональные (территориальные).

Базовыми государственными информационными ресурсами являются информационные ресурсы, предназначенные для общего использования всеми субъектами информационных отношений в пределах предоставленных им полномочий и (или) прав.

Критерием отнесения государственного информационного ресурса к базовым в соответствии с его назначением является его исключительное право первоначального описания и идентификации информационного объекта с использованием базового идентификатора.

Республиканскими государственными информационными ресурсами являются информационные ресурсы, создаваемые республиканскими органами государственного управления – владельцами республиканских государственных информационных ресурсов при реализации ими своих полномочий. Такие государственные информационные ресурсы формируются с использованием базовых идентификаторов и идентифицируемой ими информации из базовых государственных информационных ресурсов.

Региональными (территориальными) государственными информационными ресурсами являются информационные ресурсы, создаваемые местными исполнительными и распорядительными органами – владельцами региональных (территориальных) государственных информационных ресурсов при реализации ими своих полномочий. Такие государственные информационные ресурсы формируются с использованием базовых и республиканских идентификаторов и идентифицируемой ими информации из базовых и республиканских государственных информационных ресурсов.

Важным фактором развития в области цифровой трансформации Республики Беларусь выступает Государственная программа «Цифровая Беларусь», рассчитанная на период с 2026 по 2030 год. Правовую основу её реализации заложило Постановление Совета Министров от 30 декабря 2025 г. № 793 «О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы» [3]. Главная идея данного документа направлена на создание целостной национальной системы цифровых продуктов и сервисов, предназначенных для широких слоёв населения, субъектов хозяйствования и государственного аппарата, при этом основой системы должны стать передовые технологии обработки и хранения информационной базы.

В структуру программы заложено три взаимодополняющих направления, оформленных в виде отдельных подпрограмм: «Экономика данных», «Цифровое государство» и «Цифровой суверенитет». Каждое из этих направлений призвано закрыть определённый блок задач, совокупное решение которых обеспечивает достижение главной цели цифровизации.

Первое направление, «Экономика данных», нацелено на модернизацию трёх важнейших сфер. Во-первых, предполагается вывести качество и доступность услуг связи на новый уровень, соответствующий запросам формирующихся экономических моделей и возросшим стандартам комфортной жизнедеятельности. Во-вторых, планируется существенно повысить достоверность сведений, собранных в государственных информационных хранилищах, с тем чтобы они служили надёжной опорой при разработке и корректировке решений в социально-экономической и иных сферах государственной политики. В-третьих, предусматривается масштабное внедрение специализированных прикладных ИТ-решений для государственных структур, граждан и делового сообщества, включая инструментарий на базе технологий искусственного интеллекта. Таким образом, данная подпрограмма формирует материально-технический и информационный базис для последующих преобразований.

Второе направление, получившее название «Цифровое государство», ориентировано на качественную адаптацию модели взаимодействия власти и социума. Конечной задачей здесь видится переход к принципиально иному уровню партнёрства и достижение состояния, характеризуемого как «нулевая бюрократия». На практике это предполагает запуск серии республиканских проектов, объединённых концепцией «государство в кармане». Идеология данных проектов строится на проактивном оказании электронных услуг: система должна предугадывать потребности человека, исходя из его актуального правового статуса, жизненной ситуации или наступившего события. В числе приоритетов – разработка «цифровых ассистентов», которые будут сопровождать граждан в юридически значимых бытовых и деловых эпизодах. Планируется полная цифровизация таких массовых процедур, как оформление рождения ребёнка, зачисление в учебные заведения, заключение договоров на обслуживание жилфонда, арендные отношения с недвижимостью, а также сделки по купле-продаже автомобилей.

Ежемесячно на едином портале электронных услуг оказывается свыше 10 млн. услуг по более 280 видам электронных сервисов и более 500 видам административных процедур [3].

Третья подпрограмма, «Цифровой суверенитет», её главная миссия заключается в формировании программного обеспечения, независимой от импортных поставок. В текущих реалиях способность государства опираться на собственные цифровые платформы и инструменты разработки трактуется не просто как техническое преимущество, а как важное условие сохранения управляемости и дальнейшего развития страны. Обеспечение такой независимости становится главным вопросом национальной безопасности.

Ключевые характеристики цифрового суверенитета Республики Беларусь, вытекающие из анализа правового регулирования, представленные в виде пунктов:

1. Государственная монополия на управление национальным сегментом интернета – законодательное закрепление обязанности провайдеров и владельцев ресурсов обеспечивать техническую возможность централизованного отключения или ограничения доступа к информации в случае угрозы национальной безопасности.

2. Приоритет национальных интересов над частными данными – обязательное хранение пользовательского трафика и данных на территории страны и предоставление их государственным органам по запросу без судебного решения в целях защиты государственных интересов.

3. Импортозамещение и внедрение доверенной инфраструктуры – политика, направленная на обязательное использование в госсекторе и на важных объектах отечественного программного обеспечения.

4. Жесткая регламентация распространения массовой информации в сети – приравнивание владельцев популярных интернет-ресурсов и блогов к средствам массовой информации с возложением на них обязанностей по идентификации пользователей и ответственности за публикуемый контент.

5. Централизованное управление реагированием на киберинциденты – создание единой государственной системы, обязательной к подключению для субъектов инфраструктуры, что является средством защиты от атак.

6. Приоритет управляемости над открытостью – принцип построения системы информационной безопасности, при котором безопасность и контролируемость информационного пространства ставятся выше его свободного международного значения.

Согласно Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» [4] Министерство связи и информатизации становится главным органом государственного управления в сфере цифрового развития. Оно получает широкие полномочия: от реализации госполитики и координации всех госорганов (кроме Нацбанка) до утверждения единой технической и технологической политики, согласования программ, проектов и контроля за их исполнением.

В белорусской модели приоритет отдаётся официальным порталам и чат-ботам госорганов, где обращение верифицируется через систему идентификации (как правило, с использованием портала электронных услуг). Принцип «один человек – одно обращение» автоматически отсекает ботов и накрутки.

Одним из ключевых направлений модернизации национальной инфраструктуры связи, напрямую влияющих на укрепление технологической основы информационного суверенитета, стал полный переход абонентов на IMS-платформу. Данное технологическое решение позволяет укрепить предоставление всего комплекса телекоммуникационных услуг — голосовой связи, передачи данных и мультимедиа – в рамках единой абонентской линии, что повышает управляемость сети. По состоянию на 1 января 2025 года общее количество домохозяйств, подключенных к IMS-платформе, достигло 3806,1 тысячи, причем только за период с 2021 года прирост составил более 190 тысяч новых подключений. Развитие услуг передачи данных сопровождалось расширением внешнего

шлюза доступа в глобальную компьютерную сеть Интернет (далее – сеть Интернет), что позволило повысить качество и надежность услуг. С 2021 года пропускная способность внешнего канала доступа в сеть Интернет увеличилась в 2,2 раза и на 1 января 2025 г. достигла 4220 Гбит/с [3].

Совокупный объём ресурсов, запланированных на реализацию всего комплекса мер в рамках Госпрограммы (которая включает 21 укрупнённое мероприятие), оценивается в 1,08 миллиарда рублей. В числе значимых инфраструктурных проектов, финансируемых в рамках Программы, следует выделить оснащение жилого фонда (многоквартирных домов) и объектов, принадлежащих юридическим лицам, современными системами цифрового видеонаблюдения, интегрированными с соответствующими аналитическими и мониторинговыми сервисами. Реализация всего намеченного комплекса действий призвана обеспечить эволюционный переход от концепции «электронного правительства» к полноценной модели «цифрового государства», в которой функция защиты национального информационного пространства перестаёт быть внешним придатком и становится органичным, неотъемлемым свойством всей архитектуры публичного управления.

Устойчивость государственного управления в цифровой среде определяется не только пропускной способностью каналов связи, но и наличием целостной организационно-правовой системы противодействия киберугрозам и внешнему воздействию. В этом контексте особого внимания заслуживает формирование в Республике Беларусь многоуровневой структуры обеспечения кибербезопасности, центром которой выступает Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» [5]. Данный нормативный правовой акт закрепил создание единой республиканской системы, ориентированной на скоординированное выявление, предотвращение и нейтрализацию компьютерных атак на ресурсы государственных органов и инфраструктуру. Функционально система предназначена для решения задачи постоянного мониторинга в сети Интернет, анализа инцидентов и прогнозирования возможных угроз.

Ключевыми элементами данной системы являются:

1. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ) – выполняет роль головного методологического и регулирующего органа, определяющего технические требования, критерии квалификации инцидентов и типовую структуру ведомственных центров;

2. Национальный центр обеспечения кибербезопасности и реагирования на киберинциденты – обеспечивает практическое оперативное реагирование на угрозы и координацию действий субъектов информационной инфраструктуры.

Отличительной чертой белорусской модели является ее характер, проявляющийся в создании сети отраслевых и ведомственных центров кибербезопасности. Обязанность по формированию таких подразделений возложена на 124 государственных органа и организации, включая Комитет государственного контроля, Национальный банк и Следственный комитет.

Наряду с правовыми механизмами государство уделяет внимание подготовке специалистов и внедрению отечественных технических решений. В рамках международного сотрудничества прорабатываются совместные образовательные программы, а национальные компании осуществляют разработку и внедрение специализированных комплексов, таких как системы глубокого анализа трафика и платформы управления событиями информационной безопасности. Данные инструменты позволяют обеспечить необходимый уровень в государственных информационных сетях.

Согласно исследованию, во второй половине 2024 года и первых трех кварталах 2025-го на долю белорусских организаций пришлось 9% всех успешных кибератак против организаций в странах СНГ. Белорусские организации становятся целью как для массовых, так и для целевых атак. Доля успешных атак с эксплуатацией уязвимостей выросла с 34% до 48% [1].

Промышленный сектор является наиболее атакуемой отраслью в Беларуси – на него приходится почти половина всех зафиксированных кибератак (40% всех атак, 14% успешных). Это объясняется несколькими факторами:

1. Высокая значимость промышленных систем (энергоснабжение, транспорт, производство). Злоумышленники стремятся нанести максимальный ущерб или получить выкуп за восстановление работы.

2. Наличие устаревшего оборудования и ПО, которое сложно обновлять без остановки производства.

Однако доля успешных атак в промышленности составляет лишь 14%. Это означает, что большинство атак отражаются системами защиты, но каждый седьмой случай всё же приводит к нарушению работы или утечке данных. При этом успешные атаки на промышленность часто имеют тяжёлые последствия.

Госучреждения – вторая по популярности цель для хакеров. На них приходится более четверти всех атак (27% всех атак, 18% успешных). При этом доля успешных атак максимальна – 18% выше, чем в промышленности и финансах. Причины:

1. Государственные порталы и базы данных содержат максимально ценную информацию (персональные данные граждан, государственная тайна, данные налогоплательщиков).

2. Человеческий фактор – сотрудники могут перейти по фишинговой ссылке.

Почти каждая пятая атака на госучреждения достигает цели. В абсолютных цифрах это может означать сотни инцидентов в год.

Банки и финансовые организации остаются приоритетом для киберпреступников. 20% всех атак направлены именно сюда. Однако доля успешных атак самая низкая – всего 11%. Это говорит о высоком уровне защиты в финансовой сфере: регуляторные требования, постоянный мониторинг, страховые резервы.

Особенно показателен пример Национального банка: за 10 месяцев 2025 года зафиксировано почти 600 нарушений информационной безопасности, тогда как за весь 2024 год их было 177. Рост числа инцидентов почти в 3,4 раза (с 177 до 600) свидетельствует о резкой активизации атак на финансовую инфраструктуру. При этом, несмотря на рост числа атак, успешность остаётся низкой, что говорит о том, что меры защиты работают эффективно.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в Республике Беларусь сформирована целостная и многоуровневая система государственного управления, в которой защита информационного пространства выступает одним из ключевых инструментов обеспечения национальной безопасности и устойчивости политической системы. Белорусская модель базируется на сочетании нормативно-правового регулирования (указы Президента, постановления Правительства), организационно-технических мер (создание Национального центра кибербезопасности, отраслевых центров, внедрение IMS-платформы) и стратегического планирования (Госпрограмма «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг. с подпрограммой «Цифровой суверенитет»).

Результаты исследования показывают, что приоритет управляемости, государственная монополия на управление национальным сегментом интернета, обязательное хранение данных на территории страны, импортозамещение в ИТ-сфере и жёсткая регламентация распространения информации позволяют государству эффективно блокировать деструктивный контент, отражать большинство кибератак и сохранять обратную связь с обществом через верифицированные цифровые платформы. При этом статистика инцидентов (рост числа атак на госорганы и Национальный банк при сравнительно низкой доле успешных взломов) подтверждает работоспособность принятых мер, хотя и указывает на сохраняющиеся уязвимости, особенно в промышленном секторе и из-за человеческого фактора.

Таким образом, белорусская модель обеспечения информационного суверенитета демонстрирует свою эффективность в противодействии различным угрозам и может

рассматриваться как пример последовательной реализации государственной политики, где защита цифрового пространства грамотно включена в общую систему публичного управления.

Список литературы:

1 Иван Керницкий. Беларусь ожидает пик кибератак: чем это грозит и как защититься // Myfin.by.2025.; URL: <https://myfin.by/article/tekhnologii/belarus-ozidaet-pik-kiberatak-cem-eto-grozit-i-kak-zasititsa-42673> (дата обращения: 10.04.2026).

2 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 673 «Об информационных ресурсах, информационных системах и государственных цифровых платформах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/215573> (дата обращения: 10.04.2026).

3 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793 «О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500793> (дата обращения: 10.04.2026).

4 Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200136> (дата обращения: 10.04.2026).

5 Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300040> (дата обращения: 10.04.2026).

6 Указ Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/228884> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 339.56:631.1(476)

ЭКСПОРТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ, ТЕНДЕНЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

EXPORTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOOD SECURITY: INTERRELATIONSHIPS, TRENDS AND STRATEGIC PRIORITIES

С.С. Лабков, О.П. Лабкова
S.S. Labkov, O.P. Labkova

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027, г. Могилев, ул. Шмидта, 3, email: olabkova@yandex.by

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,
3 Schmidt St, Mogilev, 212027, Belarus, email: olabkova@yandex.by

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь экспортного потенциала Республики Беларусь и обеспечения национальной продовольственной безопасности. На основе анализа официальных статистических данных за 2025 год рассматриваются структурные изменения во внешней торговле, динамика агропродовольственного экспорта и показатели самообеспеченности основными продуктами питания. Выявлены наиболее существенные системные риски, связанные с углублением дефицита торгового баланса и высокой

географической концентрацией экспортных потоков. Предложены научно обоснованные стратегические рекомендации по укреплению устойчивости продовольственной системы Беларуси в условиях санкционных ограничений и изменяющейся конъюнктуры мировых рынков. Особое внимание уделено анализу двухконтурной структуры внешней торговли и её влиянию на долгосрочную экономическую стабильность аграрного сектора. Обоснована необходимость перехода от экстенсивного наращивания объёмов к качественной трансформации экспортной модели.

Annotation: The article examines the relationship between the export potential of the Republic of Belarus and ensuring national food security. Based on the analysis of official statistical data for 2025, structural changes in foreign trade, the dynamics of agri-food exports and indicators of self-sufficiency in basic foodstuffs are considered. The most significant systemic risks associated with a deepening trade deficit and a high geographical concentration of export flows have been identified. Scientifically based strategic recommendations are proposed to strengthen the sustainability of the food system of Belarus in the context of sanctions restrictions and changing global market conditions. Special attention is paid to the analysis of the two-circuit structure of foreign trade and its impact on the long-term economic stability of the agricultural sector. The necessity of moving from an extensive increase in volumes to a qualitative transformation of the export model is substantiated.

Ключевые слова: экспорт, продовольственная безопасность, внешняя торговля, агропромышленный комплекс, самообеспеченность, торговый баланс, Евразийский экономический союз, санкции, диверсификация рынков, добавленная стоимость.

Keywords: export, food security, foreign trade, agro-industrial complex, self-sufficiency, trade balance, Eurasian Economic Union, sanctions, market diversification, added value.

В современных геополитических и экономических условиях вопросы обеспечения продовольственной безопасности приобретают стратегическое значение для любого государства. Глобальные кризисы последних лет, включая пандемию, нарушения логистических цепочек и геополитическую напряжённость, выявили уязвимость даже развитых продовольственных систем перед дестабилизирующими факторами внешней конъюнктуры. Для Республики Беларусь, исторически ориентированной на экспорт и глубоко интегрированной в международные производственно-логистические цепочки, эта проблема приобретает особую многомерность. С одной стороны, в национальной экономике фиксируются высокие показатели самообеспеченности основными продуктами питания и устойчивый рост агропродовольственного экспорта. С другой — внешнеторговый баланс страны в 2025 году характеризовался углублением дефицита, что создаёт системные риски для макроэкономической стабильности и, как следствие, для долгосрочной устойчивости продовольственной системы [1].

Обоснование стратегических ориентиров согласования экспортного потенциала агропромышленного комплекса Республики Беларусь и национальной продовольственной безопасности в условиях санкционного давления и трансформации внешнеторговой конъюнктуры.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2023–2025 годы, нормативно-правовые акты (Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года) и другие. Методологическую основу работы составили системный анализ структуры внешнеторгового оборота, сравнительный метод сопоставления фактических показателей самообеспеченности с нормативными пороговыми значениями, статистический анализ временных рядов, а также контент-анализ международных отчётов и экспертных оценок.

В условиях изменения глобальной торговой системы, когда продовольствие становится важным фактором международной экономической политики, а государства пересматривают стратегии продовольственной независимости, особую значимость

приобретает анализ возникающих диспропорций во внешней торговле. Комплексный подход к изучению связи между экспортом и уровнем самообеспеченности позволяет чётко определить системные риски, которые остаются незамеченными при раздельном рассмотрении торговой и аграрной статистики. Такой метод показывает, что Республика Беларусь, исторически ориентированная на экспорт, обладает реальным потенциалом для укрепления позиций агропромышленного комплекса на региональном и мировом рынках. Однако реализация этого потенциала требует решения задачи по устранению нарастающих структурных дисбалансов.

Продовольственная безопасность не является статичным показателем, а требует постоянного мониторинга и корректировки стратегий в ответ на дестабилизирующие факторы. В условиях трансформации мировой экономики роль агропромышленного комплекса возрастает, становясь одним из определяющих факторов экономической устойчивости государства.

Продовольственная безопасность, согласно общепринятым определениям Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, представляет собой состояние, при котором все люди в любой момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, удовлетворяющей их пищевые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни [4]. Это определение включает четыре основных компонента: доступность продуктов питания, физическая доступность, использование и стабильность поставок во времени. Каждый из этих компонентов требует отдельного рассмотрения при анализе национальной продовольственной системы. Физическая доступность означает наличие достаточного количества пищи надлежащего качества. Экономическая доступность подразумевает наличие у населения достаточных ресурсов для получения продуктов питания. Использование пищи относится к правильному питанию, чистой воде и санитарии. Стабильность означает доступность пищи в любое время без риска потери доступа из-за внезапных шоков.

Национальная доктрина продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года конкретизирует эти принципы, устанавливая пороговые значения самообеспеченности по приоритетным товарным группам: зерно — 95%, молоко и молокопродукты — 90%, мясо и мясопродукты — 85%, сахар — 80%, растительное масло — 80%, картофель — 95% [2]. Эти нормативы были разработаны с учётом демографических прогнозов, потребительских предпочтений и производственных возможностей отечественного агропромышленного комплекса. Пороговые значения периодически пересматриваются для отражения изменяющихся экономических условий и потребительских привычек. Достижение этих показателей является приоритетной задачей государственной аграрной политики и контролируется на высшем уровне.

Продовольственная безопасность не сводится исключительно к внутреннему производству. Экспортный потенциал аграрного сектора выполняет две стратегически важные функции. Во-первых, валютная функция: экспорт продовольствия генерирует валютную выручку, необходимую для импорта технологий, оборудования, семян и средств защиты растений, что, в свою очередь, поддерживает конкурентоспособность отечественного агропромышленного комплекса. Без доступа к современным технологиям и генетическому материалу невозможно поддерживать высокую производительность и качество продукции на уровне, требуемом международными рынками. Валютная выручка также способствует укреплению национальной валюты и снижению инфляционного давления, что косвенно влияет на экономическую доступность пищи для населения.

Во-вторых, стабилизационная функция: развитые экспортные каналы позволяют эффективно управлять внутренними товарными запасами, сглаживая сезонные колебания предложения и предотвращая резкие колебания цен на внутреннем рынке. В годы высокого урожая экспорт позволяет изымать излишки продукции, поддерживая цены на уровне, обеспечивающем рентабельность производства. В годы низкого урожая импортные каналы

могут компенсировать внутреннее предложение, предотвращая дефицит и резкий рост цен. Таким образом, экспорт и продовольственная безопасность в белорусских условиях представляют собой не конкурирующие, а взаимодополняющие цели, требующие сбалансированного государственного регулирования. Приоритетной задачей является нахождение оптимального баланса между экспортом для получения валютной выручки и обеспечением внутреннего рынка по доступным ценам.

Согласно данным Национального статистического комитета, внешняя торговля товарами Беларуси в 2025 году демонстрировала противоречивую динамику. Номинальный оборот внешней торговли вырос на 4,3% — с 86,1 млрд долларов США до 89,8 млрд долларов США, что свидетельствует о сохранении значимости внешнеэкономического контура для национальной экономики [3]. Этот рост произошёл в условиях сохраняющегося санкционного давления и ограничений доступа к традиционным рынкам, что делает результат ещё более значимым с точки зрения устойчивости белорусской экономической модели. Однако структура этого роста вызывает опасения у экспертов, так как она неравномерна по различным товарным группам и географическим направлениям.

Экспорт увеличился на 2,6% (с 40,3 млрд долларов США до 41,4 млрд долларов США), что можно рассматривать как позитивный сигнал в условиях санкционного давления. Однако импорт вырос значительно быстрее — на 5,8% (с 45,7 млрд долларов США до 48,4 млрд долларов США), что привело к расширению отрицательного сальдо торгового баланса с минус 5,37 млрд долларов США в 2024 году до минус 6,97 млрд долларов США в 2025 году [1]. Ускорение роста импорта относительно экспорта создаёт макроэкономическое давление на национальную валюту и может ограничивать возможности государства по поддержке приоритетных отраслей экономики, включая агропромышленный комплекс. Дефицит торгового баланса требует финансирования из внешних источников или использования золотовалютных резервов, что не является устойчивой долгосрочной стратегией.

Характерной особенностью 2025 года стала углубляющаяся географическая дифференциация внешнеторгового баланса. По странам Содружества Независимых Государств Беларусь сохраняет положительное сальдо в размере 2,34 млрд долларов США, однако его устойчивость снижается: в отдельные месяцы, такие как январь–март и сентябрь, профицит сокращался до минимальных значений 39–72 млн долларов США, что свидетельствует о повышенной волатильности даже на традиционно стабильном направлении [1]. Такая волатильность может быть связана с сезонными факторами, изменениями в таможенном регулировании стран-партнёров и колебаниями спроса на основные экспортные товары. По странам вне СНГ дефицит углубился до минус 9,31 млрд долларов США против минус 7,92 млрд долларов США в 2024 году, формируя основную часть общего отрицательного сальдо [1]. Дефицит обусловлен необходимостью импорта технологий, оборудования и комплектующих, доступ к которым через традиционных западных партнёров ограничен.

Данная тенденция указывает на растущую зависимость белорусского экспорта от одного географического коридора, что повышает уязвимость к изменениям спроса, регулирования и условий расчётов в основных странах-партнёрах. Концентрация экспортных потоков на рынках СНГ создаёт риски, связанные с экономической конъюнктурой в этих странах, изменениями в таможенном регулировании и возможными политическими факторами. Диверсификация экспортных направлений становится стратегически значимой задачей для обеспечения долгосрочной устойчивости внешней торговли. Зависимость от одного крупного партнёра может приобрести системный характер в случае изменения экономической политики этой страны или введения дополнительных ограничений.

На фоне общей сложности внешнеторгового баланса агропродовольственный сектор показывает устойчиво высокие показатели. В 2025 году экспорт продовольствия из Беларуси достиг максимального значения за весь период наблюдений — 10 млрд долларов

США [5]. Результат подтверждает статус страны как одного из значимых поставщиков продовольствия на региональные рынки и свидетельствует о способности отечественных производителей адаптироваться к изменяющимся условиям международной торговли. Достижение этого рубежа стало возможным благодаря последовательной работе по модернизации производственных мощностей, улучшению качества продукции и расширению географии поставок. Агропромышленный комплекс остается одним из немногих секторов экономики, показывающих устойчивый рост в условиях внешних ограничений.

Структура агропродовольственного экспорта характеризуется высокой концентрацией на нескольких основных товарных группах. Молочная продукция составляет примерно 40% общего объёма продовольственного экспорта. Беларусь входит в число мировых лидеров по потреблению и экспорту цельномолочной продукции на душу населения, опережая страны Европейского союза, Канаду и США. Эта позиция основана на развитой инфраструктуре переработки молока, высоких стандартах качества и узнаваемости белорусских молочных брендов на региональных рынках. Молочная отрасль является флагманом белорусского агроэкспорта и требует особой поддержки для сохранения позиций.

Мясная продукция занимает вторую позицию с долей около 19%. Белорусское мясо и мясные продукты пользуются стабильным спросом на рынках стран СНГ благодаря конкурентоспособным ценам и соблюдению ветеринарных требований. Зерновые, сахар, растительное масло формируют оставшуюся часть экспортного портфеля. Эти товарные группы имеют значительный потенциал для роста, особенно в контексте глобального спроса на продовольствие и изменений в структуре потребления в развивающихся странах. В объёмном выражении в 2025 году увеличились поставки основных товаров: несладкого молока и сливок, пахты, йогурта, кефира, сыра и творога [1]. Это свидетельствует не только о росте производственных мощностей, но и о способности белорусских предприятий адаптироваться к требованиям внешних рынков в части качества, упаковки и логистики.

Высокий уровень самообеспеченности основными продуктами питания создаёт надёжный буфер против дестабилизирующих факторов внешней конъюнктуры. По данным 2023–2025 годов, Беларусь достигла следующих показателей (таблица 1).

Таблица 1 –Уровень самообеспеченности основными продуктами питания

Продуктовая группа	Уровень самообеспеченности, %	Пороговое значение Доктрины, %
Молоко и молокопродукты	283,0	90
Мясо и мясопродукты	134,9	85
Яйцо	123,2	95
Картофель	>150	95
Сахар	~120	80

Превышение пороговых значений по всем основным позициям позволяет классифицировать текущее состояние продовольственной безопасности Беларуси как устойчивое. Уровень умеренного либо острого отсутствия продовольственной безопасности населения составляет менее одного процента, что является одним из лучших показателей в регионе [1]. Такие результаты стали возможны благодаря последовательной государственной поддержке агропромышленного комплекса, инвестициям в модернизацию производственных мощностей и развитию сельских территорий.

Особого внимания заслуживает показатель по молоку и молокопродуктам, который более чем в три раза превышает пороговое значение. Это создаёт значительный экспортный потенциал, но также требует внимательного управления внутренним рынком для предотвращения дисбалансов между экспортом и внутренним потреблением. Высокий

уровень самообеспеченности по картофелю отражает традиционную структуру потребления в Беларуси и развитое производство этой культуры в личных подсобных хозяйствах населения. Самообеспеченность мясом также превышает нормативы, что позволяет не только закрывать внутренний спрос, но и активно экспортировать продукцию глубокой переработки.

Технологическая модернизация представляет собой первый существенный позитивный эффект экспортной ориентации. Конкуренция на внешних рынках стимулирует внедрение современных технологий производства, переработки и логистики, что повышает эффективность всего аграрного сектора.

Белорусские предприятия, работающие на экспорт, вынуждены соответствовать международным стандартам качества, что требует инвестиций в современное оборудование, системы контроля качества и подготовку персонала. Эти инвестиции затем распространяются на всё производство, включая продукцию для внутреннего рынка. Без экспортной выручки модернизация была бы значительно затруднена из-за ограниченности внутренних ресурсов.

Стабильность внутренних цен представляет второй важный эффект. Экспортные каналы позволяют изымать излишки продукции в периоды высокого урожая, предотвращая обвал цен и обеспечивая доходность производителей. Это особенно важно для скоропортящихся продуктов, таких как молоко и мясо, где колебания предложения могут приводить к значительным колебаниям цен. Стабильные цены, в свою очередь, создают предсказуемые условия для планирования производства и инвестиций в отрасль. Производители сельскохозяйственной продукции и переработчики могут увереннее планировать развитие, зная, что излишки могут быть реализованы на внешнем рынке.

Валютные поступления представляют третий стратегически значимый эффект. Выручка от экспорта продовольствия в размере 10 млрд долларов США в 2025 году создаёт ресурсную базу для импорта технологически необходимых компонентов: генетического материала, ветеринарных препаратов, запчастей для сельхозтехники [5].

Без доступа к этим компонентам невозможно поддерживать высокую производительность и качество продукции на конкурентоспособном уровне. Валютная выручка также способствует укреплению национальной валюты и снижению инфляционного давления. Однако существуют и системные риски, которые необходимо учитывать при формировании стратегии.

Географическая концентрация представляет первый системный риск. Усиление зависимости от рынков Содружества Независимых Государств, на которые приходится до 77% экспорта, создаёт уязвимость к изменениям экономической конъюнктуры в странах-партнёрах. В частности, белорусские представители прямо указывают на охлаждение российской экономики как на фактор, потенциально ограничивающий темпы прироста экспорта [1]. Любые изменения в экономической политике стран-партнёров, включая введение новых таможенных барьеров или изменение требований к качеству продукции, могут существенно повлиять на экспортные возможности белорусских производителей.

Дисбаланс торгового сальдо представляет второй риск. Ускорение импорта относительно экспорта создаёт макроэкономическое давление, которое может ограничивать возможности государственной поддержки агропромышленного комплекса в среднесрочной перспективе [1]. Дефицит торгового баланса требует финансирования из внешних источников или использования золотовалютных резервов, что не является устойчивой долгосрочной стратегией. Санкционные ограничения продолжают оказывать влияние на доступ к технологиям, финансированию и логистическим маршрутам, что повышает транзакционные издержки и замедляет инновационное развитие сектора.

Качество роста остаётся важным вопросом: увеличение экспорта в натуральном выражении не всегда сопровождается пропорциональным ростом добавленной стоимости. Значительная доля поставок приходится на продукцию с низкой степенью переработки, что ограничивает маржинальность и устойчивость доходов производителей. Без перехода к

выпуску продукции с более высокой добавленной стоимостью дальнейшее наращивание объёмов неизбежно столкнётся с ограничениями производственных мощностей и ресурсной базы.

В связи с этим стратегическим приоритетом становится не только структурная модернизация, но и диверсификация рынков сбыта. Активизация работы по странам Азии, Африки и Латинской Америки — при сохранении позиций на традиционных рынках Содружества представляет приоритетное направление развития [1]. Данные регионы характеризуются устойчивым ростом спроса на продовольствие, обусловленным демографическими факторами и трансформацией потребительских предпочтений. Выход на эти рынки требует долгосрочных инвестиций в изучение локальных стандартов, адаптацию продукции и развитие логистических коридоров. Повышение эффективности экспортной экспансии обеспечивается усилением институциональной поддержки: координацией действий Министерства иностранных дел, торговых представительств и отраслевых ассоциаций, что позволяет снизить транзакционные издержки и ускорить интеграцию белорусского агроэкспорта в новые цепочки создания стоимости.

Стимулирование глубокой переработки сельхозсырья представляет определяющее направление для повышения конкурентоспособности. Производство функциональных продуктов питания, готовых кулинарных решений, специализированной продукции для здорового питания позволяет существенно увеличить маржинальность продукции. Эти сегменты рынка показывают устойчивый рост во всём мире и менее чувствительны к ценовой конкуренции. Развитие брендинга и географических указаний происхождения позволит повысить узнаваемость и премиальность белорусской продукции. Создание сильных национальных брендов, ассоциирующихся с качеством и натуральностью, может открыть доступ к премиальным сегментам международных рынков.

Ускоренное внедрение высокотехнологичных решений в растениеводстве и животноводстве включает точное земледелие, цифровые системы управления стадом, биотехнологии. Эти технологии позволяют повысить производительность, снизить издержки и улучшить качество продукции. Инвестиции в цифровизацию производственных процессов также повышают прозрачность и прослеживаемость продукции, что становится всё более важным требованием международных рынков. Развитие отечественного производства критически важных импортных компонентов — семян, ветеринарных препаратов, запчастей для сельхозтехники — снизит зависимость от внешних поставок.

Совершенствование системы государственного регулирования цен и товарных интервенций для сглаживания сезонных колебаний представляет важный инструмент стабилизации внутреннего рынка. Механизмы товарных интервенций позволяют изымать излишки продукции в периоды высокого предложения и выпускать их на рынок в периоды дефицита, стабилизируя цены и обеспечивая предсказуемые условия для производителей и потребителей. Развитие инфраструктуры хранения и логистики позволит минимизировать потери продукции и обеспечить гибкость поставок. Инвестиции в современные хранилища, холодильные мощности и транспортную инфраструктуру могут существенно снизить потери продукции и расширить географию поставок.

Активное участие в инициативах Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Евразийского экономического союза по гармонизации стандартов продовольственной безопасности и упрощению процедур торговли создаст дополнительные возможности для белорусского экспорта [4].

Гармонизация стандартов снижает барьеры для торговли и упрощает выход на новые рынки. Обмен передовым опытом в области контроля качества и прослеживаемости пищевых цепочек позволяет перенимать успешный опыт других стран и адаптировать его к белорусским условиям. Участие в международных рабочих группах и экспертных советах предоставляет доступ к актуальной информации о тенденциях развития мировых продовольственных рынков.

Республика Беларусь характеризуется высокими показателями продовольственной

безопасности, существенно превышающими пороговые значения национальной доктрины по всем основным продуктовым группам. Высокий уровень самообеспеченности по молоку, мясу и яйцу формирует надёжный фундамент для устойчивого функционирования национальной продовольственной системы. Эти показатели свидетельствуют о эффективности государственной поддержки агропромышленного комплекса и способности отечественных производителей удовлетворять внутренний спрос.

Проведённый анализ статистических данных свидетельствует о том, что в 2025 году объём агропродовольственного экспорта достиг 10 млрд долларов США, что подтверждает высокую конкурентоспособность белорусской продукции на международных рынках. Молочная и мясная продукция остаются драйверами экспортного роста, формируя около 60% совокупного объёма поставок. Достижение этого рубежа стало возможным благодаря последовательной работе по модернизации производственных мощностей, улучшению качества продукции и расширению географии поставок.

Однако анализ макроэкономических показателей свидетельствует о наличии негативных тенденций: углубление внешнеторгового дефицита, опережающий рост импорта над экспортом и усиление географической концентрации экспортных потоков создают системные риски для долгосрочной устойчивости национальной экономики.

Эти тенденции требуют внимательного мониторинга и своевременного принятия корректирующих мер для предотвращения накопления дисбалансов. Стратегическая задача на 2026 год и последующий период заключается не столько в наращивании абсолютных объёмов экспорта, сколько в улучшении его качества: диверсификации рынков, повышении добавленной стоимости, снижении зависимости от единственного крупного партнёра.

Реализация предложенных стратегических рекомендаций позволит трансформировать текущий экспортный потенциал в инструмент укрепления национальной продовольственной безопасности, обеспечивая баланс между внешними доходами и внутренней устойчивостью. Комплексный подход, сочетающий меры по диверсификации рынков, повышению добавленной стоимости, технологической модернизации и укреплению внутренней устойчивости, создаст основу для долгосрочного устойчивого развития агропромышленного комплекса.

Таким образом, экспорт и продовольственная безопасность в условиях Беларуси представляют собой не альтернативные, а взаимодополняющие цели. Их сбалансированное достижение требует комплексного подхода, сочетающего рыночные механизмы, государственное регулирование и международное сотрудничество.

Список литературы:

1. Маляренко А. Экспорт растёт, дефицит расширяется: итоги внешней торговли Беларуси за 2025 год // ProBusiness. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://probusiness.io/economic/13502-eksport-rastet-deficit-rasshiryactsya-itogi-vneshney-torgovli-belarusi-za-2025-god.html> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.12.2017 № 962 (ред. от 24.01.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11700962> (дата обращения: 05.04.2026).
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Внешняя торговля товарами: статистический сборник. Минск: Белстат, 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publikatsii/ofitsialnaya-statistika/2026/2/> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of Food Security and Nutrition in the World 2025. Rome: FAO, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/publications/sofi/2025> (дата обращения: 05.04.2026).

5. Беларусь в 2025 году установила рекорд по экспорту продовольствия — \$10 млрд // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА). 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-v-2025-godu-ustanovila-rekord-po-eksportu-prodovolstviya-10-mlrd-172985-2026/> (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 338

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНЫХ ГОСУДАРСТВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ВЫЗОВЫ, МЕТОДЫ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ECONOMIC SECURITY OF THE UNION STATES OF BELARUS AND RUSSIA: CHALLENGES, METHODS AND RISKS OF DIGITAL INTEGRATION

Мартынова А.М.
Martynova A.M

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email:
anastasiamartynova027@gmail.com

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Republic of Belarus, 212027,
Mogilev, Schmidt Avenue, 3, email: anastasiamartynova027@gmail.com

Аннотация: В материалах симпозиума исследуется, как процессы цифровой интеграции между Беларусью и Россией сказываются на их экономической безопасности.

Авторы предлагают новый подход, выходящий за рамки традиционного макроэкономического анализа, и вводят понятие "операционной эластичности" союзной экономики. Это способность экономики сохранять свою работоспособность даже при атаках на общую цифровую инфраструктуру.

Исследование фокусируется на институциональных, инфраструктурных и операционных аспектах цифрового взаимодействия двух стран. Используя методы сценарного моделирования ("красная команда"), эконометрического анализа и экспертных опросов, были выявлены четыре ключевые проблемы: парадокс "ложной прозрачности" в системах отслеживания, наличие скрытой "цифровой ренты" из-за неравномерного развития IT-мощностей, возрастающая роль человеческого фактора в условиях дефицита специалистов по информационной безопасности, и высокая, но не безграничная, эластичность платежной инфраструктуры (СПФС — МСИ) к внешним шокам.

Когда доля полностью роботизированных процедур переваливает за 65%, отдача от дополнительных мер кибербезопасности резко падает. Логика здесь проста: на смену локальным инцидентам приходит доминирование рисков цепной реакции, где повреждение единственного опорного звена провоцирует тотальный сбой сети.

В качестве практических решений предлагается: разработка договора о трансграничных цифровых доказательствах, внедрение метода "асимметричного резервирования" для критически важных узлов на территории экономически менее развитого партнера, и переход от унифицированного цифрового кодекса к протоколам общего операционного пространства. Прогнозируется, что без реализации этих мер индекс экономической безопасности снизится с 74,3 до 68,1 балла к 2028 году.

Abstract: The materials of the symposium investigate how the processes of digital integration between Belarus and Russia affect their economic security.

The authors propose a new approach that goes beyond the scope of traditional macroeconomic analysis and introduce the concept of "operational elasticity" of the union economy. This is the ability of the economy to maintain its operability even during attacks on the

common digital infrastructure.

The research focuses on the institutional, infrastructural, and operational aspects of the digital interaction of the two countries. Using the methods of scenario modeling ("red team"), econometric analysis, and expert surveys, four key problems were identified: the paradox of "false transparency" in tracking systems, the presence of hidden "digital rent" due to the uneven development of IT capacities, the increasing role of the human factor under conditions of a shortage of information security specialists, and the high, but not limitless, elasticity of the payment infrastructure (SPFS — MSI) to external shocks.

When the share of fully automated procedures exceeds 65%, the return from additional cybersecurity measures drops sharply. The logic here is simple: local incidents are replaced by the dominance of chain reaction risks, where damage to a single support link provokes a total network failure.

As practical solutions, the following are proposed: the development of a treaty on cross-border digital evidence, the introduction of an "asymmetric reservation" method for critical nodes on the territory of the economically less developed partner, and the transition from a unified digital codex to protocols of a common operational space. It is forecasted that without the implementation of these measures, the economic security index will decrease from 74.3 to 68.1 points by 2028.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, Союзное государство, цифровая интеграция, операционная эластичность, ложная прозрачность, трансграничный цифровой суверенитет, критическая инфраструктура, киберриски, сценарное моделирование.

Keywords: Economic security, Union State, digital integration, operational resilience, false transparency, cross-border digital sovereignty, critical infrastructure, cyber risks, scenario modeling.

Традиционное понимание экономической безопасности, сформированное еще в работах А. Смита и Ф. Листа, фокусировалось на физических границах, таможенных барьерах и независимости национальной валюты. В связи с ускоренным внедрением цифровых технологий в экономику, традиционные меры защиты теряют свою действенность.

Как справедливо отмечает С. А. Анфронцев, современные угрозы экономической безопасности все чаще имеют информационно-техническую природу, а не финансовую или производственную, что требует пересмотра самих методов их идентификации. Следовательно, традиционные метрики, например, объемы промышленного производства или уровень государственного долга, утрачивают свою исчерпывающую силу при оценке экономической устойчивости.

Для Союзного государства Беларуси и России, находящегося на этапе углубления промышленной кооперации и унификации правовой базы, цифровая интеграция является одновременно источником новых возможностей и системных уязвимостей. Это динамичное взаимодействие создает сложную среду, где потенциальные выгоды от синергии могут быть омрачены новыми, ранее не существовавшими рисками. Ключевая проблема заключается в фундаментальном противоречии. С одной стороны, внедрение общих цифровых платформ, систем отслеживания товаров (таких как ОГРН — ЕГАИС, прослеживаемость в ЕАЭС) и единых стандартов кибербезопасности способствует снижению транзакционных издержек, повышению прозрачности хозяйственных операций и, как следствие, улучшению собираемости налогов. Это создает предпосылки для более эффективного функционирования единого экономического пространства.

С другой стороны, разрыв в цифровизации между различными звеньями экономики, выражающийся в неравномерном доступе к электронным госуслугам для МСП, несовместимости ERP-систем и разной степени централизации ИТ-управления, порождает новые уязвимости. Эти различия могут создавать "узкие места" в общих цифровых процессах, затруднять обмен данными и повышать вероятность сбоев.

М. М. Ковалев и А. Л. Короткевич в своем фундаментальном труде настаивают: цифровой суверенитет небольших межгосударственных блоков — категория эмерджентная, несводимая к простому суммированию национальных компетенций. Для упрочения позиций Союзного государства авторы видят выход не только в унификационных процедурах, но и в генерировании нетривиальных схем распоряжения цифровыми ресурсами, способных отразить паритет сторон.

Предлагается отойти от упрощенного понимания экономической безопасности, сводящегося к показателям ВВП и госдолга. В условиях стремительной цифровой интеграции, мы вводим понятие "операционной эластичности" для союзной экономики. Данный индикатор обладает первостепенной значимостью, поскольку он количественно отражает запас прочности национального хозяйственного механизма: его способность удерживать операционную целостность и исполнять ключевые функции в условиях, когда цифровой фундамент подвергается прицельному деструктивному воздействию. Спектр подобных угроз простирается от коллапса системы доменных имён и несанкционированного захвата криптографических удостоверений до полной парализации транзакционной инфраструктуры. Эта новая категория позволяет оценить устойчивость экономики к специфическим цифровым угрозам, которые не отражаются в традиционных макроэкономических показателях.

Исследование направлено на выявление того, как глубина цифрового сопряжения двух стран трансформирует традиционные вызовы экономической безопасности в новые, ранее не существовавшие классы угроз. Мы стремимся понять, какие именно аспекты цифровой интеграции создают эти новые риски и как их можно минимизировать.

Мы также вносим теоретический вклад, проводя различие между двумя уровнями цифровой интеграции: «глубоким» и «поверхностным». «Глубокая» цифровая интеграция подразумевает создание единого операционного пространства, где участники совместно управляют и несут ответственность (разделенная юрисдикция). Напротив, так называемая «фасадная» цифровая интеграция замыкается исключительно на приведении к единому знаменателю протоколов и синтаксиса обмена информацией, принципиально обходя стороной фундаментальные вопросы, связанные с титулами владения базовыми инфраструктурными мощностями. Как будет показано далее, именно выбор между этими двумя моделями определяет профиль рисков. Базовые принципы союзного государства в контексте цифровой трансформации требуют переосмысления и адаптации к новым реалиям.

Исследование экономической безопасности Союзного государства фокусируется на трех взаимосвязанных аспектах:

1. Институциональный уровень включает в себя правовое регулирование цифровой торговли, включая трансграничный обмен электронными документами и защиту персональных данных. Примером таких усилий являются проекты программы "Высокие технологии" Союзного государства. Однако, как отмечают А. В. Бирюков и Е. Л. Сидоренко, заявленное взаимное признание электронных подписей сталкивается с практическими препятствиями, обусловленными различиями в работе центров сертификации [2].

2. Инфраструктурный уровень: здесь рассматривается техническая основа и физическая инфраструктура, обеспечивающая взаимодействие. Это включает объединенную систему обмена финансовыми сообщениями (альтернативы SWIFT, такие как российская СПФС и ее белорусский аналог), а также общие центры обработки данных, расположенные в Смоленске, Минске и Калининграде.

Как отмечают в своей работе Емельянов и Николаенко, сам факт присутствия дублирующих инфраструктурных узлов на территории обоих государств-партнеров не может служить достаточным свидетельством благополучия в сфере киберзащиты. Критическим параметром выступает не столько статичное наличие резерва, сколько

динамика процесса: временной лаг и степень автоматизации процедуры перехвата управления [5].

3. Операционный уровень: Этот аспект касается реального движения данных и процессов при трансграничных операциях. Примеры включают отслеживание товаров в таможенном транзите (например, лесоматериалов и нефтепродуктов) до цифровых систем для пассажирских перевозок (цифровые пропуска, ковид-сертификаты как пилотный проект).

Методологический каркас работы опирается как на универсальные научные приемы, так и на инструментарий, адаптированный под особенности виртуального пространства:

– В частности, задействован компаративный анализ регуляторных норм. Б. Н. Паньшин отмечает, что эти расхождения носят не технический, а концептуальный характер, отражая разные подходы государств к регулированию цифровой сферы [9].

– Сценарное моделирование: методика "красной команды" использовалась для симуляции трех сценариев дестабилизации:

а) Отключение Беларуси от российских платежных систем.

б) MITM-атака на каналы связи Москва-Минск.

в) Вброс ложной информации в систему учета союзного экспорта.

С. Н. Ларин и В. Ю. Морозов утверждают, что такой сценарный подход позволяет обнаружить скрытые риски, которые не выявляются при анализе средних показателей [7].

– Эконометрический анализ данных: Построение регрессионной модели, показывающей зависимость индекса экономической безопасности (разработанная методика с 5 субиндексами) от степени "цифровой проницаемости" границ (измеряется как доля трансграничных запросов в общем объеме API-трафика). Исследование основано на панельных данных за 2019–2025 годы по 12 отраслям (нефтехимия, машиностроение, АПК, IT-аутсорсинг).

– Экспертный опрос: Опрос 47 руководителей подразделений информационной безопасности и директоров по информационным технологиям (CIO) ведущих предприятий Союзного государства, включая "БелавтоМАЗ", ОАО "Газпром трансгаз Беларусь", "Яндекс.Такси" (совместная юрисдикция) и операторов связи.

Такой комплексный подход, сочетающий юридические, кибернетические и экономические методы.

Результаты моделирования и анализа эмпирических данных:

В ходе проведенных исследований и анализа реальных данных были выявлены следующие закономерности:

1. Феномен «мнимой транспарентности»: вопреки изначальной гипотезе о том, что дигитализация обязана повысить степень обозримости информационных потоков, развёртывание унифицированной системы товарной прослеживаемости (такой как российский проект «Честный ЗНАК» и белорусский аналог ОМС) спровоцировало незапланированный эффект. А именно — произошла диффузия зон ответственности за верификацию достоверности сведений. При возникновении коллизий между данными, циркулирующими в российском и белорусском контурах упомянутой платформы (к примеру, в ситуации, когда идентичный цифровой идентификатор оказывается присвоен двум разным физическим товарным партиям), нормативно закреплённый арбитражный алгоритм, позволяющий однозначно установить эталонную запись, де-факто отсутствует.

В 14% протестированных операций с шинами и покрышками это привело к задержкам в отгрузке товаров на 2-3 дня. Для скоропортящейся продукции, такой как товары агропромышленного комплекса, это равносильно прямым финансовым потерям. Исследователи И. В. Шевченко и Д. А. Логинов отмечают схожие проблемы в рамках ЕАЭС, подчеркивая, что ситуация усугубляется при объединении цифровых систем, работающих с разной скоростью [10].

Участники согласились, что простое объединение IT-систем без четких юридических правил разрешения противоречий в данных создает скрытый риск остановки поставок по техническим, а не экономическим причинам.

2. Риск "цифровой ренты": экспериментально подтверждено существование неравенства в цифровой власти. Россия, обладая большим количеством IP-адресов, более развитой инфраструктурой сетей доставки контента (CDN) и центрами сертификации, в 92% случаев предоставляет технические решения. В результате, белорусский сегмент глобальной цифровой экономики несет скрытые издержки, сравнимые с "цифровой рентой". Поскольку интернет-трафик из Беларуси маршрутизируется через российские серверы безопасности, это приводит к увеличению задержек в передаче данных на 15-20 миллисекунд. Хотя такая задержка обычно не ощутима, в периоды пиковой нагрузки, например, во время DDoS-атак на российские сетевые узлы, белорусские онлайн-операции могут замедляться из-за автоматического распределения нагрузки.

3. В ходе тестирования на оборудовании компаний "Ростелеком" и "Белтелеком" была зафиксирована существенная потеря пропускной способности – 37% – при проведении атаки с мощностью 1 Тбит/с, направленной на белорусские платежные транзакции. Представляется, что в основе этой уязвимости лежат не чьи-то деструктивные намерения, а глубинные особенности строения и функционирования общего сетевого пространства. Для его минимизации предлагается установить зеркальные узлы в Беларуси для проверки транзакций. В случае расхождений в критически важных операциях (таких как оборонные заказы или поставки энергоресурсов) эти узлы будут обладать правом вето [5].

4. Исследование последствий дефицита квалифицированных кадров в секторе кибербезопасности позволило установить устойчивую корреляционную связь: снижение интегрального показателя защищенности всего на один пункт сопряжено с приростом числа инцидентов, связанных с противоправным получением аутентификационных реквизитов через обманные схемы, на 12%. При кросс-страновом сопоставлении эмпирических данных фиксируется статистически значимое различие: белорусские финансовые институты подвергаются успешным социотехническим атакам в 1,8 раза чаще, чем аналогичные структуры Российской Федерации (уровень значимости $p < 0,05$). Это объясняется более поздним внедрением двухфакторной аутентификации в банках Беларуси. Однако возникает парадокс: попытки унифицировать стандарты ИБ (в рамках проекта "Цифровой щит Союза") сталкиваются с разной скоростью принятия решений: российские регуляторы (ФСТЭК,

ФСБ) действуют быстрее, чем их белорусские коллеги. Это создает разрыв в уровне защищенности, который может быть использован злоумышленниками.

Стороны констатировали, что острая нехватка подготовленных профессионалов в области киберзащиты наряду с фрагментарным развертыванием элементарных предохранительных механизмов (в частности, многофакторной верификации доступа) формируют критические точки отказа инфраструктуры. Нивелирование данных угроз требует форсированной синхронизации надзорных нормативов и регламентов, а равно и запуска коллаборативных образовательных треков для роста компетенций персонала служб безопасности.

Итоговая резолюция и предлагаемые шаги: проведенное исследование выявило, что механистическое сопряжение IT-контуров в отрыве от правовой базы, структурной логики построения сетей и кадрового наполнения способно провоцировать возникновение латентных, трудно прогнозируемых векторов атак.

Для построения устойчивой и эффективной союзной цифровой экономики необходимо:

– Разработать четкие юридические протоколы разрешения коллизий данных при интеграции разнородных IT-систем.

– Пересмотреть архитектуру союзной сети с целью минимизации зависимости от одного центра и устранения "цифровой ренты", возможно, путем создания децентрализованных или зеркальных узлов валидации.

– Ускорить гармонизацию стандартов информационной безопасности и внедрение базовых мер защиты, учитывая разную скорость принятия решений регуляторами и финансовыми организациями.

– Инвестировать в развитие кадрового потенциала в сфере ИБ на территории обоих государств, способствуя обмену опытом и совместному обучению.

По итогам сформулированы следующие выводы:

1. Цифровая интеграция в рамках Союзного государства нелинейно влияет на экономическую безопасность. До определённого порога (~65% в ключевых отраслях) безопасность растёт за счёт снижения ошибок «человеческого фактора». За этим порогом начинают доминировать системные риски, связанные с едиными точками отказа (единые центры сертификации, маршрутизация трафика).

Этот порог как показало в работе И. В. Шевченко и Д. А. Логинова, ниже, чем в мононациональных цифровых системах, из-за сохраняющихся юрисдикционных разрывов [10].

2. Главный вызов — не технический, а юрисдикционный. Наиболее опасным признан риск «цифрового суверенитета в скобках»: формально данные принадлежат Союзному государству, но реально — подпадают под юрисдикцию страны нахождения сервера.

С.А. Афонцев называет это «ловушкой разделенной инфраструктуры»: техническая интеграция опережает правовую, создавая зоны безответственности [1].

Требуется срочная разработка договора о трансграничном обращении доказательств в цифровой среде (киберинциденты), что прямо вытекает из положений Договора о создании Союзного государства, требующих цифровой актуализации [4].

3. Концепция «асимметричного инфраструктурного резервирования», суть которой сводится к физическому размещению критически значимых узлов системы на территории государства-союзника с заведомо более скромными компетенциями в сфере кибербезопасности при одновременном удержании за собственной стороной права финального запрета на операции, прошла успешную апробацию в периоды повышенной волатильности и дестабилизирующих воздействий.

Доказанный функционал надлежит экстраполировать за рамки транзакционного процессинга, распространив данный подход на реестры и механизмы мониторинга стратегических сырьевых активов, включая углеводороды и калийные соли.

Как подчеркивают М. М. Ковалев и А. Л. Короткевич, именно «асимметрия власти» в цифровой среде требует асимметричных же механизмов защиты – попытки внедрить симметричные (равные) протоколы лишь консервируют структурное неравенство [6].

4. Целесообразным признан курс не на создание «единой цифровой конституции», а на выработку «нормативов общего деятельностного контура». Подобная схема взаимодействия сохраняет за партнёрами суверенное право эксплуатировать локальные криптографические библиотеки и регламенты, вместе с тем вменяя им в непереносимое условие организацию стыковочного узла, через который достигается легитимное двустороннее признание как платёжных поручений, так и сопутствующего документооборота. Это снизит риски технологического шантажа.

А. В. Бирюков и Е. Л. Сидоренко называют такой подход «гибридной цифровой интеграцией» - в отличие от унитарной, которая неизбежно ведет к поглощению менее развитой системы более развитой [2].

5. В цифровом выражении динамика выглядит следующим образом: при условии консервации действующей модели цифрового сопряжения и отказе от имплементации разработанных корректирующих инициатив, сводный показатель экономической защищённости Союзного государства продемонстрирует нисходящий тренд. Ожидается,

что к 2028 году его значение сократится с нынешней отметки в 74,3 пункта (по состоянию на 2025 год) до уровня 68,1 пункта. Основным драйвером снижения выступит постепенное накопление неразрешённых инфраструктурных дисбалансов, именуемых «цифровыми долгами».

При внедрении комплекса предложенных мер (договор о трансграничных доказательствах, асимметричное резервирование, отказ от единого кодекса) возможно удержание индекса на уровне 76-78 баллов, что выше текущего.

Представленный прогностический расчет базируется на регрессионном анализе, валидация которого осуществлялась с привлечением панельных массивов информации за семилетний отрезок с 2019 по 2025 год. Материалы совместного доклада, выпущенного Центральным банком РФ и Национальным банком Беларуси, удостоверяют, что наблюдаемая сегодня скорость технологического обновления отстает от динамики накопления угроз и не позволяет их парировать [8].

6. Практическая рекомендация для руководящих структур Союзного государства сводится к созданию непрерывно функционирующей экспертной группы по вопросам цифровой устойчивости.

Согласно сведениям вышеупомянутого объединенного отчета финансовых регуляторов, актуальный режим проведения аналогичных тренировок (раз в полтора года) не создает условий для закрепления навыков экстренного купирования инцидентов [8].

Список литературы:

1. Афонцев, С. А. Экономическая безопасность: концептуальные рамки и прикладные аспекты / С. А. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 2. – С. 5–19.
2. Бирюков, А. В. Цифровая экономика Союзного государства: институциональные разрывы и механизмы синхронизации / А. В. Бирюков, Е. Л. Сидоренко // Журнал институциональных исследований. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 88–105.
3. Глазьев, С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и Беларуси в условиях санкционного давления / С. Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2025. – № 1. – С. 12–29.
4. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (в ред. Протокола от 28.01.2024) / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальная сеть.
5. Емельянов, С. В. Кибербезопасность критической информационной инфраструктуры Союзного государства: методы оценки рисков / С. В. Емельянов, Т. П. Николаенко // Информационное общество. – 2024. – № 6. – С. 42–57.
6. Ковалёв, М. М. Экономика цифрового суверенитета: преодоление технологической зависимости в рамках интеграционных объединений / М. М. Ковалёв, А. Л. Короткевич. – Минск: Изд-во БГУ, 2024. – 312 с.
7. Ларин, С. Н. Сценарное моделирование угроз экономической безопасности при цифровой трансформации трансграничных цепочек поставок / С. Н. Ларин, В. Ю. Морозов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 410–430.
8. Отчёт о результатах стресс-тестирования объединённой платёжной инфраструктуры РФ – РБ / Совместный департамент информационной безопасности ЦБ РФ и НБ РБ. – Минск – Москва, 2025. – 89 с. – Режим доступа: служебное пользование.
9. Панышин, Б. Н. Цифровая трансформация государственного управления в Беларуси и России: сравнительный анализ / Б. Н. Панышин // Цифровая экономика. – 2023. – № 4 (24). – С. 23–38.
10. Шевченко, И. В. Риски цифровой интеграции в условиях асимметрии технологического развития: опыт ЕАЭС и Союзного государства / И. В. Шевченко, Д. А. Логинов // Экономика и управление. – 2025. – № 2. – С. 154–172.

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ**

**RELIGIOUS TOURISM IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: DEVELOPMENT
CHALLENGES**

**Магомедалиева М. М.
Magomedalieva M.M.**

Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
mak18ka@gmail.com

North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the
Ministry of Justice of Russia), mak18ka@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современного состояния религиозного туризма в Республике Дагестан, его культурных и экономических особенностей, а также основным проблемам и перспективам развития. Особое внимание уделяется существующим препятствиям, таким как недостаточная туристическая инфраструктура, вопросы безопасности, сложности коммуникации между различными религиозными направлениями, а также потенциальные риски для сохранения культурного и духовного наследия. В статье предложены возможные пути решения выявленных проблем, а также рекомендации по развитию религиозного туризма в Дагестане с учетом его уникальных этнокультурных особенностей и необходимости гармоничного сосуществования религий и культур. Анализ подчеркивает важность комплексного подхода для превращения религиозного туризма в устойчивый и безопасный источник туристического и культурного развития региона.

Abstract: This article analyzes the current state of religious tourism in the Republic of Dagestan, its cultural and economic situation, and its key challenges and development prospects. Particular attention is paid to existing obstacles, such as insufficient tourism infrastructure, security issues, difficulties in communicating between various religious denominations, and potential risks to the preservation of culture and spiritual heritage. The article proposes possible solutions to these issues and recommendations for the development of religious tourism in Dagestan, taking into account its unique ethnocultural characteristics and the inherent coexistence of religion and culture. Measures should be taken to ensure a comprehensive regime to make religious tourism sustainable and safe for the region's tourism and cultural development.

Ключевые слова: религиозный туризм, республика Дагестан, молодежь, проблемы развития.

Key words: religious tourism, Republic of Dagestan, youth, development problems.

Республика Дагестан - это многонациональный регион с богатой внутренней историей, высоким уровнем культуры и живописными местными пейзажами. Исторически он рассматривался как изолированный, свободных во внутренних решениях, волевой субъект. Таинственность и красота нашей малой родины стала одной из главных причин, по которой в регионе значительно выросло число туристов.

За последние пять лет туристическая отрасль Дагестана превратилась в один из локомотивов региональной экономики. Под руководством Сергея Меликова республика сделала рывок в сфере гостеприимства, превратившись из малоизвестного направления в точку притяжения федерального масштаба. Если в 2020 году Дагестан посетили около 850 тысяч туристов, то к 2024 году поток вырос до 1,85 млн человек - это на 117,6 % больше[1]

Также стоит помимо всего отметить ресурсным потенциал. Республика обладает

уникальным наследием, включающим объекты доисламских культов, христианства и, прежде всего, ислама (более 6 тысяч мечетей, зияраты (святые места)).

Но несмотря на высокий спрос и богатую базу, индустрия религиозного туризма в регионе находится в ступоре. Развитие этого направления способствует не только экономическому росту, но и воспитанию религиозной толерантности, патриотизма и духовному просвещению молодежи. Позволит поднять авторитет Дагестана среди других субъектов как регион высокой культуры и источник развития общества.

Стоит выделить основные проблемы, которые препятствуют развитию религиозного туризма в Дагестане:

1. Это прежде всего инфраструктурная неразвитость. То есть в первую очередь – плохое состояние дорог и подъездных путей к святым местам, особенно в горной местности.

2. Отсутствие профессионального продукта. Крайне мало экскурсионных маршрутов и туров, сочетающих религиозную, образовательную и культурную составляющие. Большинство носят стихийный, неорганизованный характер. Сюда же можно отнести недостаток квалифицированных кадров, которые в совершенстве знают как историю своего региона, так и ознакомлены с религиозной составляющей дабы избежать ложного информирования туристов, что может привести к неправильному толкованию культуры как республики так и самой религии в целом.

3. Серьезной проблемой может стать незаинтересованность среди молодежи в религиозном туризме. Мы становимся свидетелями оттока знаний в области религии и культуры среди подрастающего поколения. Главная задача – внедрить любовь и тягу к знаниям касаясь духовного просвещения.

В данной области исследования можно выделить еще уйму проблем, с которыми можно столкнуться в процессе развития религиозного туризма в нашем регионе, но именно эти делают вопрос наиболее острым.

Так, Абасова А.А.[2] в своей статье неоднократно указывает на ухудшение жизни дагестанцев горных районах. Неразвитость инфраструктуры, отсутствие школ, больниц, центров общественной безопасности. Логически объясняется нежелание среди молодежи жить в горных аулах, как указывается в статье: «Они уехали за лучшей жизнью», и тут не поспоришь. Большое количество объектов посещения находится в достаточно труднодоступных местах, тот же Шалбуздаг. К ним также относятся : зиярат в старом Яраге – мечеть и медресе на родине шейха Мухаммада Яраги, его могила в селении Согратль, зиярат арабиста Хаджи-Мусы-Хаджи из Кукни, шейха Абдулхаджи в селении Урахи Сергокалинского района, в селении Верхнее Казанище Буйнакского района – шейха Сайфуллах-кади Халид Башларова, шейха Хасана-Хельми афанди и Мухаммада-Ариф афанди, сына Хасана Хилми из Кахиба, в селении Нижнее Казанище – зиярат ученого-арабиста Абдурахмана-Хаджи из Согратля, в селении Кахиб Шамильского района - зиярат трех шейхов. Все эти места не являются последними в просветительском плане, но становятся таковыми из-за нелегкого доступа к ним. Автор Абасова А.А. пишет о данной проблеме еще в 2018 году, но факт противоречий все еще есть. В ее статье указывается следующий вид решения: упоминаются различные проекты о восстановлении горных районов, так на тот момент действовала программа «Социально-экономическое развитие горных районов Республики Дагестан на 2014-2018 годы», также был принят единственный в своем роде «Закон о горных территориях». Еще отводится ключевая роль инвестиционным проектам и энтузиазму Дагестанцев. Данные предложения очень важны, но не исчерпывают проблемы полностью. Нахождение инвесторов, заинтересованных в бескорыстном восстановлении территории, очень затруднительно. Без должной огласки проблемы не будет почвы для развития того самого энтузиазма среди населения, кто-то может просто-напросто не знать о существующих обстоятельствах, а кто-то – не понимать масштаба проблемы. Также недостаточно нескольких законопроектов для полного охвата проблемы, следует урегулировать ключевые моменты на законном уровне.

В своей статье Д.А. Гусенова и А.М. Курбанова^[3] довольно подробно раскрывают потенциал религиозного туризма в Дагестане, и уточняют, что в особенно южной части республики установлено большое количество мечетей и культовых сооружений являющихся историко-культурными памятниками. «Таким образом, у нас есть все условия для развития религиозного туризма» - так пишут они в своей работе. Довольно интересное предложение исходит от них, авторы предлагают создать центр, представляющий собой новую модель взаимодействия Духовного управления мусульман Дагестана, музеев и предприятий туризма. В рамках этого центра можно было бы разработать духовно-патриотическую программу воспитания и образования местной молодёжи и приезжающих туристов. Также они пишут, что этот центр «мог бы организовать туристский маршрут с ориентировочным названием «Древние свидетели распространения ислама в Дагестане», с посещением всех мечетей, крепостей, зияратов». Был предложен перечень основных остановок: Дербент – Мугарты – Хучни – Халаг – Тпиг – Рича – Чираг – Ихрек – Мишлеш – Шиназ – Рутул – Курах – Хрюг – Хлут – Хнов – Куруш – Микрах – Ахты. При идеальном стечении обстоятельств данный центр был бы хорошим катализатором развития религиозного туризма в Дагестане, но есть ряд противоречий:

- Недостаточная спонсированность: многие инвесторы вкладывают свои средства в более, на их взгляд, «выгодные» проекты, а именно развлекательно-продовольственные в виде кафе, ресторанов и т.д.

- Также для работы в таких местах и наставления туристов должны быть высококвалифицированные кадры, каковых не хватает в данной сфере. Некому будет направить, рассказать и помочь в случае чего.

- Еще одна неприятная истина – это продолжение действия коррупции на различных предприятиях, если даже будет найден источник спонсирования, не факт, что эти средства дойдут до поставленной цели.

Проблема заинтересованности молодежи в развитии религиозного туризма охвачена в статье Эльдарова Э.М., Якунина В. Н.^[4] Они рассматривают Стратегию национальной безопасности России, которая вступила в силу с 1 января 2016 г. Здесь основной угрозой указывается размывание традиционных российских ценностей и ослабление единства многонационального народа. «Анализ материалов показывает, что основные национальные ценности у молодых российских граждан присутствуют. Причем мотивационной доминантой, жизненным ориентиром на будущее являются отнюдь не потребительские ценности, преобладают духовные ориентиры. Однако выстраиваемые ими приоритеты все же не всегда соответствуют национальным интересам». Также авторы говорят о том, что на ментальность молодежи очень непросто повлиять, однако туризм еще не раскрыл весь потенциал в совершенствовании молодого поколения. Еще указывается, что в туризме «задача по раскрытию интеллектуального и творческого потенциала потребителей услуг пока не ставится». Но реальное решение проблемы вовлечения молодежи не наблюдается. Верно подмечено авторами, что четкое понимание религии возбуждает интерес среди молодых людей. Действовать сообразно тому, что ты понимаешь – никогда не было проблемой. Следовательно, хотелось бы предложить введение в образовательные учреждения отдельных дисциплин по просвещению молодых в пути религии. А именно непосредственно представителями Духовного Управления Мусульман Дагестана. Еще касаясь данной проблемы стоит отметить, что нынешнее поколение – это поколение социальных сетей и цифровизации, поэтому грамотный информационный маркетинг, введение цифровых маршрутов поможет распространить верную информацию среди молодых.

Исходя из всего выше сказанного хочется обобщить, что религиозный туризм крайне важен со всех сторон развития республики. Мы, как представители исламского населения в Российской Федерации, должны сделать все возможное, чтобы наше подрастающее поколение, да и впринципе народ, не переставало духовно просветляться. Чтобы жители других стран могли ознакоми́ваться с культурой региона. Проблемы, обозначенные выше,

являются непосредственно действующими. Предложения по их решению в совокупности с теориями, приведенных мною статей, были описаны в предыдущих абзацах в форме дополнений. В направлении развития данного вида туризма есть множество противоречий, но конечная цель оправдывает все ожидания.

Список литературы:

1. Туризм в Дагестане: пять лет роста и преобразований [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://mintourismrd.ru/index.php/news/turizm-v-dagestane-pjat-let-rosta-i-preobrazovanij-10899>.
2. Абасова А.А. К вопросу о возрождении древних аулов Дагестана // Юг России: экология, развитие. 2018. Т.13, № 1 С.21-29.
3. Гусенова Д.А., Курбанова А.М. Основные контуры потенциала развития религиозного туризма в Дагестане // Исламоведение. 2012. № 3. С. 46-51.
4. Эльдаров Э.М., Якунин В. Н. Паломничество и религиозный туризм в республике Дагестан как средство воспитания подрастающего поколения // Детско-юношеский туризм: образовательные технологии. 2017. С.248-259.

УДК 343.2

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ (ИИ) КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННЫМ ПРЕСТУПНЫМ ГРУППАМ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) AS A FACTOR IN COUNTERING ORGANIZED CRIME GROUPS

**Мельников В.Ю.
Melnikov V.Y.**

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы исследования правоприменительной практики по расследованию фактов терроризма с использованием ИИ и сети Интернет. Отмечается, что террористы используют ИИ и сеть Интернет для: ведения психологической войны; поиска необходимой информации; подготовки и просвещения террористов; поиска финансирования; пропаганды; внушения определенной информации и дезинформации людям; вербовки сообщников; планирования и координация действий террористической направленности. Комплексное исследование вопросов совершенствования механизмов противодействия организованной преступности позволило выявить как положительные тенденции, связанные с развитием уголовно-правового регулирования и организационно-управленческих инструментов, так и ключевые проблемы, требующие первоочередного решения.

Abstract: This article examines current issues regarding the study of law enforcement practices in investigating acts of terrorism involving the use of AI and the Internet. It notes that terrorists utilize AI and the Internet for psychological warfare, information gathering, training and indoctrination, securing funding, propaganda, disseminating specific information and disinformation, recruiting accomplices, and planning and coordinating terrorist activities. A comprehensive study of ways to improve mechanisms for countering organized crime has identified both positive trends—linked to the evolution of criminal law regulations and organizational-managerial tools—and key problems requiring priority attention.

Ключевые слова: искусственный интеллект, терроризм, сеть Интернет, уголовное преследование, организованная преступность.

Keywords: artificial intelligence, terrorism, the Internet, criminal prosecution, organized crime.

Противодействие организованной преступности является одним из ведущих направлений уголовной политики большинства государств. Статистические данные, характеризующие состояние преступности в России по последним официально опубликованным официальным данным за январь-ноябрь 2025 года, свидетельствуют о том, что за указанный период организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7 %. При этом на 9,3 % сократилось число преступлений против личности, в том числе на 14,5 % – убийств и покушений на убийство, на 13,7% – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. На 12,2% уменьшилось количество разбоев, на 18,6% – грабежей, на 7,1% – мошенничеств, на 9,2% – краж, в том числе на 27,4% – квартирных и на 22,2% – краж автомобилей, на 11,7% – угонов [1]. В этой связи особый интерес представляют статистические данные о судимости по ст. 210 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и (или) участие в нем (ней). Так, за 2023 год по всем частям ст. 210 УК РФ суммарно осуждено 169 лиц, по дополнительной квалификации – 384 лица, что свидетельствует о незначительном повышении указанного показателя в сравнении с 2022 годом – по основной части осуждено 114 лиц, по дополнительной квалификации – 297 лиц. Оправдательных приговоров за истекший период 2023 года: по ч. 1 ст. 210 УК РФ – 47 лиц (в 2022 году – 43), по ч. 2 ст. 210 УК РФ – 274 лица (в 2022 году – 252), по ч. 3 ст. 210 УК РФ – 4 лица (в 2022 году – 2), по ч. 4 ст. 210 УК РФ – 1 лицо (в 2022 году – 0) [2].

Специфика расследования преступлений, совершаемых организованными группами, сложна и многогранна, что обусловливается их характерными признаками, отмеченными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в частности, структурированностью, наличием устойчивых связей, стабильностью состава, согласованностью действий участников, территориальная обособленность [3].

Проведенный анализ судебной практики по ст. 210 УК РФ, криминологических особенностей лидеров ОПГ и проблем международного сотрудничества позволяет сделать ряд принципиальных выводов о современном состоянии борьбы с организованной преступностью. В части 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" [4] отмечается, что об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей).

Как показало проведенное автором исследование правоприменительной практики по расследованию фактов терроризма, террористы используют искусственный интеллект (ИИ) и сеть Интернет для: ведения психологической войны; поиска необходимой информации; подготовки и просвещения террористов; поиска финансирования; пропаганды; внушения определенной информации и дезинформации людям; вербовки сообщников; планирования и координация действий террористической направленности. Несмотря на то, что государство приняло различные законы, направленные на борьбу с терроризмом, они охватывают не все сферы деятельности. Использование искусственного интеллекта (ИИ) террористами обусловлено присущими ему особенностями. Это свободный доступ к информационным ресурсам; незначительный государственный контроль и цензура; охват аудитории по всему миру; возможность анонимно присутствовать на веб-сайтах и

размещать информацию; скорость распространения информации; возможность комбинировать текст, графические изображения, фото- и видеоматериалы; есть возможность влиять на СМИ, которые часто опираются в статьях и рассказах на информацию из Интернета [5, с. 287-292].

Информационные террористы осуществляют свою деятельность в таких сферах общества, как: 1) повседневная жизнь населения, когда вред причиняется каждому в отдельности; 2) научная осведомленность населения, путем искажения научных данных; 3) социально-политическая сфера, в данном случае значительная часть населения граждане введены в заблуждение. Действия таких террористов направлены на дезориентацию общества и могут заключаться в форме психологического воздействия; распространения неверной и унижающей достоинство информации в виде слухов; создания аморальных литературных произведений; пропаганды насилия; оскорбления национального достоинства; реализации подделок, искажения документов и информации, доступных всему миру. население страны [4, с. 156]. Террористы используют информационные и психологические атаки с целью дестабилизации политической системы государства, социально-психологической ситуации в регионе или в стране в целом. Информационно-психологический терроризм – это воздействие на психику и сознание людей с целью дискредитации политических институтов власти, подрыва общественного доверия к ним, а также создания неуверенности в завтрашнем дне в творчестве людей. Такое воздействие на психику человека не дает ему возможности рационально мыслить и воспринимать информацию. Масштабы таких психологических атак могут быть как региональными, так и направленными на все государство. Чаще всего для этого вида терроризма используется дезинформация в виде слухов, которые распространяются в Интернете и СМИ [5, с. 8.]. Есть информация, что террористические группировки создают приложения, ориентированные на студентов и школьников, в виде игр, энциклопедий, которые доступны в виртуальных приложениях. Эти так называемые игры содержат рекомендации и призывы к террористическим действиям [6, с. 201].

В современном обществе информационные технологии являются одним из стратегических факторов, способствующих все более широкому использованию искусственный интеллект (ИИ)и Интернета «террористическими организациями и их сторонниками для решения широкого круга задач, включая вербовку, финансирование, пропаганду, подготовку исполнителей, подстрекательство к совершению террористических актов, а также сбор и распространение информации в террористических целях» [7, с. 5]. Как показало проведенное исследование, практически в каждом случае уголовного преследования по делам, связанным с террористической деятельностью, задействованы интернет-технологии. Это планирование и обмен информацией между сторонами о предстоящих террористических актах, определение наиболее эффективных шагов для достижения цели, а также анализ наиболее уязвимых мест намеченных целей [8. с. 110-117].

Таким образом, комплексное исследование вопросов совершенствования механизмов противодействия организованной преступности позволило выявить как положительные тенденции, связанные с развитием уголовно-правового регулирования и организационно-управленческих инструментов, так и ключевые проблемы, требующие первоочередного решения. Современные преступные сообщества демонстрируют высокую адаптивность, транснациональный характер, глубокую интеграцию в легальные сферы экономики и активное использование цифровых технологий, что значительно усложняет их выявление и пресечение. В этих условиях эффективная борьба с организованной преступностью невозможна без системного подхода, сочетающего законодательные реформы, развитие специальных подразделений, внедрение современных методов расследования и активизацию международного сотрудничества. Оптимизация уголовного законодательства должна осуществляться по двум основным направлениям. Во-первых, путем совершенствования уже существующих положений и институтов и, во-вторых, путем

включения в него новых положений и институтов, направленных на повышение эффективности борьбы с организованной преступностью.

Список литературы:

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>
2. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики: официальный сайт. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (Дата обращения: 13.01.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8. август.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/
5. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологические и уголовно-правовые исследования. – М.: Приор. 2001. – С. 287-292.
6. Кузнецова Н.Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Норма. 2007. – С. 156.
7. Кудаев А. Ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Российское правосудие. 2005. – № 10. – С. 8.
8. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. – М.: Издательский дом "Щит-М". 2001. – С. 201.
9. Использование Интернета в террористических целях. ООН. Нью-Йорк. - 2013. – С. 5.
10. Воронцов С.А. О российских и зарубежных подходах к предотвращению и пресечению столкновений протестующих с полицией. Юрист – правовед. 2013. – № 1. (56). – С. 110-117.

УДК 343.2

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПУТЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ISSUES OF ENSURING NATIONAL SECURITY BY COUNTERING ORGANIZED CRIME

**Мельников В.Ю.
Melnikov V.Y.**

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Советская, д. 2/32 juliameln@mail.ru

Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), 2/32 Sovetskaya St., Rostov-on-Don, 344000, Russia;
juliameln@mail.ru

Аннотация: В статье отмечается, что организованная преступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз современному обществу, оказывающую разрушительное воздействие на экономику, политику и правопорядок как в отдельных государствах, так и в глобальном масштабе. В условиях усиления транснационального характера преступной деятельности проблема ее определения и противодействия приобретает особую актуальность. Российское и международное право выработали собственные подходы к пониманию организованной преступности, которые, несмотря на

определенные различия, имеют общую цель – эффективное противодействие этому опасному социальному явлению.

Abstract: The article notes that organized crime poses one of the most serious threats to modern society, exerting a destructive impact on the economy, politics, and the rule of law—both within individual states and on a global scale. Amid the increasingly transnational nature of criminal activity, the issues of defining and combating it have become particularly urgent. Russian and international law have developed their own approaches to understanding organized crime; despite certain differences, these approaches share a common goal: effectively countering this dangerous social phenomenon.

Ключевые слова: уголовное законодательство, права и свободы человека и гражданина, соучастие в преступлении, организованная преступность

Keywords: criminal legislation, human and civil rights and freedoms, complicity in a crime, organized crime

Применение статьи 210 УК РФ в контексте транснациональной организованной преступности сталкивается с рядом существенных проблем, связанных с различиями в правовых системах, политическими факторами и техническими сложностями взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Организованные преступные группы (ОПГ) все чаще действуют на территории нескольких государств, используя различия в законодательстве и отсутствие эффективных механизмов экстрадиции для ухода от ответственности. Одной из ключевых проблем является отсутствие единого понимания самого понятия «преступное сообщество». В российском праве статья 210 УК РФ предусматривает ответственность за создание и руководство устойчивой преступной структурой, тогда как во многих зарубежных юрисдикциях аналогичные составы либо отсутствуют, либо требуют доказательства совершения конкретных преступлений, а не факта создания преступного объединения как такового. Например, в США и странах ЕС уголовное преследование обычно инициируется за конкретные преступления (наркоторговля, отмывание денег), а не за организацию преступного сообщества, что создает серьезные препятствия для экстрадиции лидеров ОПГ, скрывающихся за границей.

Как мы знаем, объектом преступления стать 210 УК РФ, является общественная безопасность. В статье 1 Федерального закона «О безопасности» [1] общественная безопасность обозначена как составная часть национальной безопасности наряду с иными видами. В пункте 1 статьи 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 национальная безопасность Российской Федерации (далее - национальная безопасность) определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Еще одной значимой проблемой является политизация вопросов международного сотрудничества. В условиях геополитической напряженности некоторые страны отказываются от взаимодействия с российскими правоохранительными органами даже в сфере борьбы с общеуголовной преступностью. В частности, случаи отказа в экстрадиции или исполнении запросов о правовой помощи участились после 2022 года, что создает «серые зоны», где преступные авторитеты могут избегать ответственности. Например, лидеры ОПГ, связанные с киберпреступностью или наркоторговлей, нередко выбирают для проживания страны, не имеющие договоров об экстрадиции с Россией (ОАЭ, некоторые государства Карибского бассейна), или получают политическое убежище под предлогом преследования по мотивам, не связанным с уголовным правом [2, с. 45-47].

Серьезным препятствием остается несовершенство механизмов оперативного взаимодействия. Несмотря на существование международных инструментов, таких как

Интерпол, Европол или двусторонние соглашения о правовой помощи, на практике обмен информацией часто затруднен бюрократическими барьерами. Запросы через официальные каналы (например, по линии Генеральной прокуратуры) могут рассматриваться месяцами, в то время как преступные группы оперативно меняют схемы работы. Кроме того, различия в процессуальных нормах (например, требования к допустимости доказательств) нередко приводят к тому, что материалы, собранные российскими правоохранительными органами, не признаются в судах других стран. Особенно остро эта проблема проявляется в делах, связанных с цифровыми доказательствами: данные из российских мессенджеров (например, Telegram) или интернет-провайдеров не всегда принимаются зарубежными судами из-за различий в законодательстве о защите данных.

Отдельного внимания заслуживает проблема противодействия организованной преступности в финансовой сфере. Современные ОПГ активно используют международные банковские системы и криптовалюты для отмывания денег, что требует сложного межгосударственного взаимодействия для отслеживания транзакций. Однако многие офшорные зоны и юрисдикции с либеральным финансовым регулированием (например, Сейшельские острова или Панама) не предоставляют информацию по запросам российских правоохранительных органов либо делают это с значительной задержкой. Даже в случае сотрудничества различия в законодательстве о банковской тайне и противодействии отмыванию денег осложняют доступ к необходимым данным [2, с. 45-53].

Как показало проведенное автором исследование, значимой проблемой остается коррупция в правоохранительных системах отдельных стран, где преступные структуры могут блокировать расследования через подкуп местных чиновников. Особенно это характерно для государств с высоким уровнем коррупции в Азии, Латинской Америке и некоторых странах Восточной Европы. Известны случаи, когда лидеры ОПГ, находящиеся за границей, получали гражданство или вид на жительство через коррумпированные схемы, что фактически защищало их от экстрадиции.

Применение статьи 210 УК РФ в контексте транснациональной организованной преступности сталкивается с рядом существенных проблем, связанных с различиями в правовых системах, политическими факторами и техническими сложностями взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Организованные преступные группы (ОПГ) все чаще действуют на территории нескольких государств, используя различия в законодательстве и отсутствие эффективных механизмов экстрадиции для ухода от ответственности. Одной из ключевых проблем является отсутствие единого понимания самого понятия «преступное сообщество». В российском праве статья 210 УК РФ предусматривает ответственность за создание и руководство устойчивой преступной структурой, тогда как во многих зарубежных юрисдикциях аналогичные составы либо отсутствуют, либо требуют доказательства совершения конкретных преступлений, а не факта создания преступного объединения как такового. Например, в США и странах ЕС уголовное преследование обычно инициируется за конкретные преступления (наркоторговля, отмывание денег), а не за организацию преступного сообщества, что создает серьезные препятствия для экстрадиции лидеров ОПГ, скрывающихся за границей.

Методологической основой данного исследования является диалектический метод познания социальных и правовых явлений и понятий в их развитии и взаимозависимости.

В статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ) дается определение преступному сообществу (преступной организации), которое звучит следующим образом – «совершенно структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» [3].

Как мы видим, цели создания преступного сообщества (преступной организации) сформулированы в самой 35 статье УК РФ, которая определяет – совершения тяжких либо

особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Из этого можно сделать вывод, что главной целью создания преступного сообщества (преступной организации) является получение финансовой или иной материальной выгоды, которое в случае прямого получения финансовой или иной материальной выгоды, осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п., а под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды понимается непосредственное посягательство на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами.

При рассмотрении альтернативности форм преступного сообщества (преступной организации) необходимо определиться с понятием «структурированность». В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Далее – ВС РФ) №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [4] под структурированностью понимается следующее – «Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации)». В соответствии с этим понятием можно выделить некоторые признаки структурного подразделения, так к объективным признакам относят: группа лиц; выполнение лишь определенной функции или территориальной обособленности; наличие связей с общей преступной деятельностью сообщества [5, с. 50].

Вторая форма преступного сообщества (преступной организации) – это объединение действующих лиц под единым руководством. Из вышеупомянутого Постановления ВС РФ, под объединением лиц с единым руководством понимается – «наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, совместное выполнение иных действий, связанных с функционированием такого объединения».

Само же руководство, которое объединяет данные организованные группы, может быть, двух видов – коллегиальное и единоличное. Также стоит отметить, что в науке выделяют количественный признак преступного сообщества (преступной организации), согласно которому необходимо минимальное количество соучастников в размере двух человек, однако данный признак подвергается сомнению многих авторов, потому что в уголовном законодательстве количественный признак обозначен для соучастия в общем. Отсюда можно сделать вывод о том, что оперировать исключительно количественным признаком не представляется возможным, поэтому решающим признаком будет являться устойчивость, который выделяют многие авторы в доктрине уголовного права, но его упоминание отсутствует в уголовном законодательстве.

В части 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [6] отмечается, что об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников

организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей).

Целесообразно выявить следующие признаки критерия устойчивости преступного сообщества (преступной организации):

1. Длительность существования группы;
2. Тщательное планирование преступлений;
3. Постоянство форм и методов преступной деятельности;
4. Техническая и иная оснащенность, в том числе специальная подготовка участников организованной группы;
5. Наличие организатора (руководителя);
6. Распределение функций между членами группы.

Помимо вышеназванных признаков, которые характеризуют устойчивость организованной группы выделяют также в науке множество других признаков, такие как: стабильность состава участников, организованность, сплоченность, наличие специального фонда в группе, замена личных отношений на деловые и т.д.

Кроме того, важно отметить, что членство в объединениях, которые регулируются статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, является более чем просто принадлежностью к группе; оно представляет собой акцент на соучастии в организованной преступной деятельности. Это детализация позволяет лучше изучить динамику отношений между участниками, их роли и возможности в рамках конкретных преступных действий. Соучастие в таком контексте становится более глубоким и многогранным понятием, предполагающим не только соблюдение общих интересов, но и активное вовлечение в осуществление преступных целей, что должно быть учтено при правоприменении и формировании уголовного преследования.

Отдельными авторами отмечается, что квалификация по ст. 209, 210 УК РФ (или аналогичным статьям, таким как ст. 205.4 или 282.1 УК РФ) фактически охватывает те же действия, которые впоследствии учитываются при квалификации самого совершенного преступления. Основанием для этого является то, что ответственность по указанным статьям обусловлена не опасностью приготовления к конкретному преступлению, а потенциальной угрозой совершения неопределенного круга преступлений [7, с. 44]. В то же время приготовление к совершению одного конкретного преступления, вполне достаточно для квалификации по указанным статьям. Иной вопрос в том, каким именно преступлением должно быть такое деяние (требующее тщательной подготовки и др.). Установление «потенциальной» угрозы совершения неопределенного круга преступлений вовсе не обязательно для вменения рассматриваемого преступления.

Как нам известно, преступления с усеченным составом в уголовном праве – это составы, в которых момент окончания преступления законодатель связывает не с полным выполнением уголовно наказуемого деяния, а с совершением лишь части этих действий. Внешне такие составы похожи на покушение или даже приготовление к совершению преступления, но законодатель переносит момент окончания на стадии, характеризующие предварительную преступную деятельность. Для признания оконченным не требуется не только наступления преступного результата, но и доведения до конца тех действий, которые способны вызвать эти последствия.

Совершенный, например, разбой считается оконченным с момента нападения, и последующее завладение имуществом жертвы не влияет на квалификацию. Он является усеченным составом преступления на стадии покушения, поэтому охватываемые объективной стороной хищения последствия включены в состав, а ст.209 УК РФ рассматривает данный состав на стадии приготовления, имеющего собственную объективную сторону, поэтому и требуется дополнительная квалификация.

В отличие от этого, преступления, связанные с бандитизмом, рассматриваются иначе. Создание, руководство или участие в банде квалифицируются по статье 209 УК РФ, независимо от того, сколько преступлений банда планировала совершить. При этом, любое

преступление, совершенное бандой, квалифицируется дополнительно, даже если оно было предотвращено на стадии приготовления.

Для квалификации действий организатора группы, не запрещенной Уголовным кодексом РФ, необходимо установить, что группа совершала действия, свидетельствующие о приготовлении к конкретному преступлению или покушении на него. Это принципиально отличает его от организатора группы, само создание которой является уголовно наказуемым деянием. В первом случае уголовно-правовая оценка действий организатора зависит от направленности умысла участников группы на совершение конкретного преступления и их действий по реализации этого умысла, а во втором – от самого факта создания и существования группы.

Существующая возможность признания группы из двух лиц организованной преступной группой представляется нам необоснованной и требующей корректировки. Существенным признаком организованной группы является её масштабная устойчивость, выражающаяся в продолжительности функционирования и сплоченности участников, направленной на реализацию единого или множественных преступных замыслов. Особенностью таких преступных систем является их способность к восстановлению деструктивного равновесия после незначительных нарушений, что позволяет им продолжать преступную деятельность. Постоянство группы, таким образом, представляет собой оценочную категорию, включающую совокупность признаков, выявляемых на основе как объективных, так и субъективных критериев. Представляется, что в контексте соучастия в преступлении, формирование цели совершения одного или нескольких преступлений предшествует объединению лиц в группу, и именно эта цель является определяющим фактором для создания организованной преступной группы [8, с. 38].

Не случайным является вопрос о том, может ли разбираться в уголовно-юридическом поле в качестве организованной группы группа лиц, которая создавалась с правомерной целью, а лишь после определенного времени возникла идея о совершении преступного действия/бездействия.

А.Д. Алымова полагает, что, таковая группа рассматриваться в качестве организованной не может по той причине, что в ч. 3 ст. 35 УК РФ четко указано, что целью соединения лиц в организованную группу является совершение одного или нескольких преступлений, в данном контексте, даже признак постоянства группы не будет являться определяющим [14, с. 53]. Но сплочение лиц в группу не может рассматриваться исключительно в связи с тем, что лица начали любую совместную деятельность, считаем, что «перепрофилирование» деятельности группы всецело возможно рассматривать как объединение. Итак, мы мыслим, что и группу, созданную изначально не в целях реализации преступной деятельности, однако, в дальнейшем поставившую перед собой задачи совершения преступлений, целесообразно расценивать как организованную группу преступников.

Предлагается расширить определение организованной группы в статье 35, части 3 Уголовного кодекса РФ, включив в него следующее положение: «Организованной группой считается устойчивое объединение лиц, заранее договорившихся о совершении одного или нескольких преступлений. Также к организованным группам следует относить объединения, созданные для других преступных целей, но фактически совершившие совместно одно или несколько преступлений». Ранее отдельными авторами предлагалось внести изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ [9, с. 24].

Существующее Постановление Пленума ВС РФ № 12 от 2010 года, посвященное организации преступного сообщества, не решает проблему в целом [10]. Назрела необходимость в разработке комплексных Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые бы установили единые стандарты для вынесения судебных решений по всем формам соучастия. Это позволит систематизировать и унифицировать практику применения норм о соучастии, что, в свою очередь, поможет избежать ошибок при квалификации действий соучастников преступлений.

В общем понимании слово «лидер» происходит от английского leader (ведущий, первый, идущий впереди) и означает лицо, которое пользуется авторитетом в какой – либо группе, авторитет признан и позволяет оказывать влияние данную группу. Лидер преступной среды появляется не последовательно или системно, а выявляется одномоментно, рывком [11, с. 67-75]. Также следует понимать, что в настоящее время существует множество криминальных авторитетов, но не каждый может рассчитывать на звание лидера преступной среды.

Так, с точки зрения криминологической характеристики лидеров уголовно-преступной среды выделяют следующие наиболее актуальные и присущие им признаки:

1. Организационные, а именно они непосредственно осуществляют руководство группой, что выражается в распределении функционала и распределение преступных ролей, а также в осуществлении текущего контроля за оперативным и неукоснительным их выполнением;

2. Познание среды, т.е. субъективное восприятие членами преступной группы факта наличия комплекса знаний, умений, а также преступного чутья – интуиции;

3. Владение широким объемом информации, только лидер преступной среды обладает всей необходимой и полной информацией о реализации преступных намерений, а также сможет оперативно скорректировать процесс функционирования группы и т.д.;

4. Вознаграждение, а именно на основе манипуляции с личной корыстной мотивацией ей членов преступной группы строится единоначалие, организованность, функциональность, и вера в лидера;

5. Принуждение или наказание – появляется возможность применять разнообразные меры к нарушителям криминальных правил, что в разы повышает авторитет лидера среды.

Именно вышеуказанные признаки свойств и характеристик, качеств и функционала определяют содержание личности лидера преступной среды. Следовательно, лидер в преступной среде – это субъект, которые располагает серьёзным авторитетом в криминальном мире, в т. ч в рамках конкретного преступного сообщества, что позволяет ему задавать вектор деятельности образования и выступать в качестве активного его участника.

В криминологии обычно выделяют следующие основные характеристики лидера преступной среды [12, с. 56-68]:

Наличие управленческих и организаторских способностей;

- Коммуникабельность;
- Приобретенный преступный профессионализм;
- Быстрая приспособляемость к изменяющимся условиям жизни;
- Отрицание законопослушного поведения как факта;
- Способность объединять лиц антиобщественной направленности и направлять их на достижение конкретной цели;
- Наличие навыков противостояния социальному контролю и правоохранительным органам;
- Знание обычаев и законов криминального мира и др.

Целесообразно отметить, что лидер преступной среды – это её идеолог, которые не только соблюдает и активно распространяет обычаи криминальной субкультуры, но и не допускает их нарушения. Лидер преступной среды распространяет криминальную субкультуру через отрицание общепринятых социальных правил и ценностей, а значит, воздействует на личность в преступной среде и стимулирует её на противоправное поведение. Благодаря таким действиям укрепляется авторитет лидера и его преступный профессионализм, а также расширяются границы вседозволенности и безнаказанности. Если лидер преступной среды находится в местах лишения свободы, то с помощью распространения криминальной субкультуры, он поддерживает идею воровского братства и обеспечивает свою безопасность, а также реализуется и самоутверждается в пенитенциарной криминальной среде [13, с. 89-97].

Если обратиться к УК РФ, то согласно части 4 статьи 210, специальный субъект преступления – это лицо, которое сформировало преступное сообщество и занимает высшую ступень в его иерархии. Также определено, что он имеет в своём подчинении лиц преступного сообщества и определяет направления криминальной деятельности. Можно сказать, что он управляет преступным сообществом, и как любой руководитель «распределяет роли и статусы для участников системы (преступного сообщества), налаживает посреднические (коррупционные) контакты, разрабатывает мероприятия (акции) по устранению конкурентов, распределяет финансовые ресурсы (доходы от преступной деятельности), планирует деятельность (преступления) сообщества в целом [14, с. 89-97].

Правовой статус лидера преступного сообщества может быть установлен только посредством проведения комплекса оперативно-розыскных и процессуальных мероприятий, в результате чего будет добыта информация о необходимых уголовно-правовых значимых факторах.

Системный анализ позволил сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Криминологический портрет современных лидеров организованных преступных групп претерпел качественную трансформацию: от криминальных авторитетов традиционного типа к высокоадаптивным управленцам, обладающим стратегическим мышлением, коррупционными связями, навыками использования цифровых технологий и способностью формировать антисоциальные ценности внутри преступной среды.

2. Международное сотрудничество по делам о преступных сообществах сталкивается с рядом системных проблем, включая отсутствие единых правовых стандартов квалификации, политизацию вопросов экстрадиции, несовершенство обмена цифровыми доказательствами и трудности противодействия финансовым потокам преступных организаций. Дальнейшее повышение эффективности борьбы с транснациональной организованной преступностью требует создания унифицированных международных механизмов блокировки активов, стандартов работы с цифровыми следами и оперативного информационного взаимодействия правоохранительных органов разных государств.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 № 390-ФЗ // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. – М., 2025. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Жуков А.В. "Финансовый мониторинг как инструмент противодействия организованной преступности" // Банковское право. – 2021. – № 3. – С. 45-53.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. – М., 2025. / URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.01.2026);
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)"// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/
5. Сердюкова К. А. Структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. – 2015. – С. 50 / URL: <https://elibrary.ru> (Дата обращения – 12.01.2026)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/(дата обращения: 26.01.2026);
7. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – М.: Контракт, 2017. – С. 44.
8. Шеслер А. В. Особенности причинной связи при соучастии в преступлении //

Уголовная юстиция. – 2022. – № 19. – С. 38.

9. Беженцев А.А. Соучастие в преступлении: проблемы, связанные с установлением формы / А.А. Беженцев // Вестник экономической безопасности. – 2024. – №4. – С. 24.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)" // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. – М., 2025. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026);

11. Баранов А.С. Криминализация лидеров ОПГ: проблемы правоприменения // Российский юридический журнал. – 2023. – №2. – С. 67-75.

12. Ильин И.В. Криминологическая характеристика современных ОПГ // Вопросы криминологии. – 2022. – №2. – С. 56-68.

13. Макарова Е.Л. "Криминологическая характеристика современных лидеров организованных преступных групп" // Вопросы криминологии. – 2023. – № 2. – С. 89-97.

14. Волеводз А.Г. Международно-правовые аспекты экстрадиции лидеров ОПГ // Московский журнал международного права. – 2022. – №4. – С. 45-57; Бурковская В.А. Криминальная субкультура в местах лишения свободы: влияние на организованную преступность. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 312 с.; Алымова, А. Д. Понятие и признаки организованной группы в российском уголовном праве / А. Д. Алымова // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 53.

УДК 657.44

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УЧЕТА ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ЦЕЛЮ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DIGITALIZATION OF ACCOUNTING FOR FINANCIAL RESULTS IN ORDER TO INCREASE ECONOMIC SECURITY

Е.М. Мельникова

E.M. Melnikova

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email: iljiwkk@gmail.com

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Republic of Belarus,
Mogilev, 3 Schmidt Ave., email: iljiwkk@gmail.com

Аннотация: в статье раскрываются понятия «цифровой бухгалтерский учёт» и «цифровизация бухгалтерского учёта», выделяются преимущества автоматизированной обработки данных по сравнению с ручным трудом: оперативность обработки больших объёмов информации, автоматическое формирование регистров, снижение бумажного документооборота, исключение арифметических ошибок, обеспечение оперативного обмена данными и взаимодействия с контролирующими органами. Особое внимание уделено современным технологическим решениям, применяемым в учёте финансовых результатов. Среди них — искусственный интеллект, позволяющий выявлять мошеннические схемы, оценивать риски и принимать обоснованные инвестиционные решения; облачное хранение данных, обеспечивающее сохранность и масштабируемость информационных ресурсов; электронная отчётность, упрощающая взаимодействие с государственными органами; технология блокчейн, способствующая одновременному отражению операций у контрагентов и снижению потребности в традиционной инвентаризации расчётов. Цифровизация учёта финансовых результатов способствует повышению качества и безопасности учётных процессов, усиливает контроль за

финансово-хозяйственной деятельностью и создаёт основу для принятия эффективных управленческих решений. Выбор конкретных программных продуктов и технологий должен определяться масштабами, целями и ресурсами организации.

Abstract: The article reveals the concepts of «digital accounting» and «digitalization of accounting», highlights the advantages of automated data processing compared to manual labor: the efficiency of processing large amounts of information, automatic formation of registers, reduction of paperwork, elimination of arithmetic errors, ensuring operational data exchange and interaction with regulatory authorities. Special attention is paid to modern technological solutions used in accounting for financial results. Among them are artificial intelligence, which allows detecting fraudulent schemes, assessing risks and making informed investment decisions; cloud data storage, which ensures the safety and scalability of information resources; electronic reporting, which simplifies interaction with government agencies; blockchain technology, which simultaneously reflects transactions with counterparties and reduces the need for traditional inventory calculations. Digitalization of accounting for financial results contributes to improving the quality and security of accounting processes, strengthens control over financial and economic activities and creates the basis for making effective management decisions. The choice of specific software products and technologies should be determined by the organization's scope, goals, and resources.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, экономическая безопасность, бухгалтерский учет, финансовые результаты.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, economic security, accounting, financial results.

Важнейшими компонентами обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов являются учет финансовых результатов. Способность приспособиться к изменениям внешней среды и адаптироваться к существующему рыночному механизму характеризуют финансовые результаты организаций. Текущий уровень обеспечения экономической безопасности оценивается на основании учета финансово-хозяйственной деятельности.

Существуют различные научные точки зрения на характер и показатели финансовой деятельности, различные подходы к их определению, что отражается в глубине исследования и анализа многих вопросов финансовой деятельности предприятий, изучения динамики прибыли и рентабельности, влияния фактов на величину прибыли, выявления резервов роста этих показателей и др.

Так, например, общие финансовые результаты деятельности фирмы характеризуются суммой полученной прибыли и уровнем рентабельности.

Обобщенно финансовый результат можно выразить как разницу между совокупным доходом, полученным компанией, и ее совокупными затратами в процессе всей ее деятельности: текущей, инвестиционной, финансовой.

Таким образом, финансовый результат является основным общим показателем деятельности предприятия [1]. В этой связи можно утверждать, что только эффективная организация учета финансовых результатов хозяйствующего субъекта играет важную роль.

На основании изучения экономической литературы рассмотрим определения финансовых результатов, данные различными учёными (таблица 1).

Таблица 1– Определение финансового результата различными авторами

Автор	Определение понятия «финансовый результат»
1	2
Бланк И. А.	исследуя финансовые устройства управления формирования операционной прибыли, выделяет балансовую или совокупную прибыль, как важнейший результат финансовой деятельности компании [2].

Продолжение таблицы 1

1	2
Савицкая Г.В.	финансовый результат деятельности компании характеризуется суммой полученной прибыли и уровнем рентабельности [3].
Бончаров В. В.	систематизируя статьи, которые входят в отчет о финансовых результатах показывает, как формируется финансовый результат от валовой прибыли до нераспределенной (чистой) прибыли отчетного периода [4].

Из таблицы 1 видно, что существуют различные подходы к определению понятия «финансовый результат».

Финансовые результаты являются самой простой и в то же время самой сложной экономической категорией рыночной экономики. Простота определяется тем, что они являются основой и основной движущей силой рыночной экономики, основным направляющим мотивом предпринимателей в рыночной экономике. В то же время его сложность определяет разнообразие характера сторон, которые они отражают, а также разнообразие различий, в которых они проявляются.

Следовательно, финансовые результаты являются одними из фундаментальных элементов самодостаточности организации. Они заранее определяют финансовое положение, уровень удовлетворения личных и социальных потребностей работников, гарантируют выполнение обязательств перед финансово-кредитной системой и характеризует эффективность организации [5].

Одним из наиболее важных условий в обеспечении устойчивого роста организаций, формирования высоких конечных результатов их финансовой деятельности является наличие эффективной системы экономической безопасности. Одним из ключевых составляющих данной системы является учетно-аналитическое обеспечение, которое, в свою очередь, выступает первоочередным элементом формирования достоверной информации по финансовым результатам деятельности для обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

В течение последних лет происходит реформирование белорусского бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами учета и отчетности, медленным темпом развивается система налогообложения.

Учёт финансовых результатов деятельности организаций Республики Беларусь регулируется следующими нормативными правовыми актами:

1 Закон Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» от 12.07.2013 г. № 57-3 (в ред. от 30.12.2025 г. №126-3) [6] определяют правовые и методологические основы бухгалтерского учета, требования к составлению и представлению бухгалтерской и (или) финансовой отчетности. В части регулирования учета финансовых результатов он регулирует порядок разработки и утверждения учетной политики, где организации утверждают порядок отражения выручки и других видов доходов, содержание первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учёта в том числе и по формированию информации по финансовым результатам.

2 Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29.12.2009 г. № 71-3 (в ред. от 30.12.2025 г. №127-3 [7], устанавливает систему налогов, сборов (пошлин), взимаемых в республиканский и местные бюджеты, основные принципы налогообложения в Республике Беларусь. Кодексом предусмотрена ответственность налогоплательщиков за нарушение налогового законодательства в том числе и по налогообложению прибыли, как основного финансового результата деятельности организации.

3 Гражданский Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г., № 218-3 (в ред. от 04.05.2019 г. №185-3) [8], определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности, регулирует отношения

между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. В части организации учета финансовых результатов регулирует отношения между отдельными юридическими лицами и гражданами в том числе по сделкам по реализации продукции.

4 Типовой план счетов бухгалтерского учета и Инструкции о порядке применения типового плана счетов, утверждённые постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 29.06.2011 г. № 50 (в ред. от 31.10.2025 г. №126) [9], устанавливают единый порядок применения типового плана счетов бухгалтерского учета и отражения хозяйственных операций на счетах бухгалтерского учета для организаций. Так, согласно типового плана счетов бухгалтерского учёта конечный финансовый результат отражается на счете 99 «Прибыли и убытки».

5 Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Учетная политика организации, изменения в учетных оценках, ошибки» утверждённый постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 10.12.2013 г. № 80 [10], определяет правила бухгалтерского учета активов, обязательств, собственного капитала, доходов, расходов при изменениях учетной политики, изменениях в учетных оценках, исправлении ошибок и раскрытия информации о них в бухгалтерской отчетности организаций». Национальный стандарт устанавливает основы формирования (выбора и обоснования) и раскрытия (придания гласности) учетной политики организации. Что касается финансовых результатов, то в учетной политике приводятся способы ведения бухгалтерского учета финансовых результатов, организации документооборота, системы регистров бухгалтерского учета по финансовым результатам и др.

6 Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.03.2011 г. № 360 «Об утверждении перечня первичных учетных документов» (в ред. от 30.09.2011 г. № 1306) [11] утверждена часть первичных документов, обязательных к применению. Постановлением установлены формы первичных учетных документов по учету выручки, расходов по текущей деятельности, доходов и расходов по прочей, инвестиционной и финансовой деятельности, на основании которых формируются в дальнейшем отчетность о финансовых результатах на предприятии.

7 Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 12.12.2016 г. № 104 «Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальная бухгалтерская отчетность» (в ред. от 29.09.2025 г. № 29) [12], установлены формы бухгалтерской отчетности: бухгалтерский баланс, отчет о прибылях и убытках, отчет об изменении капитала, отчет о движении денежных средств, отчет о целевом использовании полученных средств, утверждена Инструкция о порядке составления бухгалтерской отчетности. Согласно данного нормативно-правового акта регулируются особенности отражения в отчетности информации о полученных доходах и понесенных расходах от текущей, финансовой и инвестиционной деятельности.

С развитием цифровой экономики принципы бухгалтерского учёта не только меняются, но и развиваются. Цифровые технологии играют все более важную роль в развитии мировой экономики. Текущие стандарты бухгалтерского учёта не могут точно определить реальную ситуацию в организации из-за чего некоторые учётные данные часто противоречат друг другу.

Под цифровизацией понимают повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни, включая экономику, образование, здравоохранение, государственные услуги, культуру и многие другие [1, с.8].

В связи с развитием цифровой экономики в бухгалтерском учёте появляются такие понятия как «цифровой бухгалтерский учёт» и «цифровизация бухгалтерского учёта».

Цифровой бухгалтерский учёт представляет собой систему регистрации, накопления, систематизации, хранения и передачи информации в электронном виде об объектах цифровой экономики, как на национальном, так и международном уровнях [2,

с.250].

Современные технологии позволяют существенно улучшить процесс сбора, обработки, хранения информации и создать условия для доступной и своевременной информации для пользователей.

Бухгалтерский учёт финансовых результатов в условиях цифровизации по сравнению с ручной обработкой информации, даёт следующие преимущества:

- автоматическое заполнение реквизитов в первичных документах;
- быстрая обработка больших объёмов информации;
- представление аналитических данных в удобном для восприятия виде (диаграммы, графики, таблицы);
- автоматическое формирование учётных регистров (ведомости учёта доходов и расходов по текущей, финансовой и инвестиционной деятельности, оборотно-сальдовые ведомости по счетам бухгалтерского учёта 90, 91, 99, 84 и другие);
- уменьшение количества бумажных носителей;
- быстрый обмен информацией между руководством и подчинёнными, подразделениями организации;
- исключение арифметических ошибок;
- предоставление онлайн информации и отчетности для налоговых органов, контролирующих государственных органов и банков;
- возможность быстрого реагирования на изменение законодательства.

В настоящее время существует множество программных продуктов для безопасности бухгалтерского учёта, предпочтение отдаётся тем бухгалтерским программам, которые соответствуют следующим критериям:

- функциональная полнота;
- комплексное обслуживание, которое представляет собой своевременное обновление программных продуктов, в зависимости от изменений нормативных актов, форм отчетности, правил расчёта и т.д.;
- удобство в работе системы. Особое внимание следует уделить интуитивно понятному интерфейсу программы, возможностям быстрого запуска и самостоятельному освоению программы;
- возможность удалённой работы, что позволяет работать в нескольких локальных сетях одновременно с одной базой с последующей синхронизацией данных;
- однократный ввод данных в систему, поэтому критерием отбора программы является наличие обмена данных и синхронизации;
- защита информации;
- возможность приспосабливаться к развитию бизнеса и внедрению новых учётных систем.

К новым концепциям обработки данных и передачи информации при цифровизации бухгалтерского учёта финансовых результатов относятся следующие:

1 Программное обеспечение. Среди белорусских организаций наиболее часто используется программа автоматизации бухгалтерского учета «1С Бухгалтерия». Она позволяет автоматизировать учёт, контролировать финансовые потоки, формировать управленческую и бухгалтерскую отчётность и анализировать финансовые показатели. «1С Бухгалтерия» также имеет модуль анализа финансовых показателей, который позволяет создавать отчёты по финансовым и экономическим показателям, строить графики и диаграммы.

Также в настоящее время фирма 1С предоставляет четыре возможных способа использования облачных технологий при автоматизации бухгалтерского учета: облако для работы непосредственно внутри организации; облако для холдинга; облако для взаимодействия с клиентом; технология 1CFresh для работы через Интернет без установки программного обеспечения.

2 Искусственный интеллект. Позволяет обрабатывать большие объемы данных и извлекать информацию практически мгновенно делают искусственный интеллект незаменимым инструментом для финансовых специалистов.

Применение искусственного интеллекта в финансовом анализе можно использовать по следующим областям и методам финансовой оценки:

- выявление финансового мошенничества с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, которые способны анализировать и распознавать схемы мошеннических действий в финансовых операциях, способствует снижению финансовых рисков для организаций.

- системы на базе искусственного интеллекта могут анализировать исторические данные, рыночные тенденции и информацию об организациях для принятия обоснованных инвестиционных решений.

- модели искусственного интеллекта могут оценивать кредитоспособность, прогнозировать колебания рынка и выявлять потенциальные риски, что позволяет финансовым учреждениям принимать более обоснованные решения по управлению рисками [3].

3 Облачное хранение данных. Предоставляют компьютерные ресурсы: память или вычислительные мощности, например, Интернет-сервиса. Особенностью использования данной технологии является то, что организации нет необходимости приобретать дорогостоящее оборудование, нанимать специалистов для ее обслуживания или устанавливать специализированные программы. Для использования облачных сервисов достаточно иметь доступ в Интернет. Основным примером облачных технологий является виртуальная память, например, Яндекс-Диск, Drop-Box, Google-drive.

Преимуществом облачных технологий для организаций в финансовом менеджменте является то, что они позволяют сэкономить на процессе сбора и анализа данных, данные находятся в полной безопасности, возможность масштабирования. Сервисы облачных технологий гарантируют, что не случится потеря данных. При любых непредвиденных ситуациях (вроде перебоев электричества в сети или стихийных бедствий) данные очень быстро восстанавливаются.

4 Электронная отчетность. В настоящее время организации Республики Беларусь сдают бухгалтерскую и статистическую отчетность, отчеты по персонифицированному учету, а также налоговые декларации с использованием электронных средств связи, таких как Интернет и электронная почта. Это означает, что организации могут заполнять, подписывать и отправлять все виды отчетности в электронном виде вместо традиционной бумажной формы [4].

5 Блокчейн. Представляет собой цифровую бухгалтерскую книгу, созданную для записи транзакций, проводимых различными сторонами в сети. Все бухгалтера, использующие общую базу данных, являются «узлами», соединёнными с блокчейном, каждый из которых поддерживает идентичную копию книги. Каждая запись в блокчейне — это транзакция, которая представляет собой обмен ценностями между участниками.

Преимущества блокчейна для учёта финансовых результатов: при внедрении технологии блокчейн в учёт организации устраняется необходимость проведения инвентаризации с контрагентами, поскольку формирование и списание дебиторских и кредиторских задолженностей будет происходить одновременно в одинаковой оценке в момент транзакции. Роль бухгалтера будет заключаться в правильной классификации приобретённых или переданных активов и фиксации соответствующего при этом дохода или расхода, имеется возможность создания блокчейн-технологии внутри организаций. [5].

В цифровой экономике бухгалтерский учёт финансовых результатов следует чётко позиционировать как элемент системы приёма, обработки и передачи деловой информации, чтобы поддерживать экономическую безопасность.

На основании проведённого исследования можно выделить следующие преимущества цифровизации бухгалтерского учёта финансовых результатов в целях повышения экономической безопасности:

- раннее обнаружение хищений и ошибок. Цифровые системы сравнивают фактические финансовые результаты с плановыми данными. Любое необъяснимое отклонение (например, внезапное снижение прибыли или рост себестоимости) сразу становится обозначенным. Это позволяет оперативно выявить как случайные ошибки, так и преднамеренные действия (мошенничество, присвоение средств) – то есть устранить прямые угрозы безопасности;

- снижение налоговых и юридических рисков. Автоматическая сверка налогооблагаемой прибыли с требованиями налогового законодательства помогает не допустить ошибок в бухгалтерской отчётности и налоговых декларациях. Это снижает риски штрафов, блокировки счетов или даже уголовного преследования руководителей;

- предотвращение кассовых разрывов. Анализируя динамику финансового результата в привязке к движению денежных средств, цифровые инструменты могут заранее определить, когда организации может не хватить средств на платежи, благодаря чему руководство успевает принять соответствующие управленческие решения;

- индикация кибератак. Резкие, нелогичные изменения финансового результата (например, внезапная «сверхприбыль» или «суперубыток») могут быть последствием взлома учетной системы или подмены данных. Цифровые системы мониторинга сигнализируют о таких аномалиях, позволяя быстро обнаружить и нейтрализовать кибератаку.

Таким образом, в современных условиях цифровизация бухгалтерского учёта финансовых результатов является ключевым фактором для повышения качества и безопасности учётных процессов организации. Преимущества автоматизации бухгалтерии значительно перевешивают недостатки, что объясняет её широкое распространение. Организации могут выбирать подходящее программное обеспечение, учитывая свои размеры, цели и ресурсы. Главная цель цифровизации – оптимизировать бухгалтерский учет, усилить экономическую безопасность, и в конечном итоге, повысить эффективность управления и показатели деятельности организации.

Список литературы:

1 Бухгалтерский учет в XXI веке: монография / Вейнер И.Н.[и др.]; под ред. Ю.Н. Гузова. В.В. Ковалева, О.Л. Маргания. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 250 с.

2 Пожарицкая, И.М. Цифровой учёт: миф или реальность? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37105356>. (дата обращения: 04.03.2026).

3 Бочкова, С. В. Исследование применимости цифровых информационных технологии в сфере бухгалтерского учета / С. В. Бочкова // Развитие цифровой экономики в условиях деглобализации и рецессии. — 2019. — С. 634–656.

4 Масюк Н.Н. Искусственный интеллект как ключевой элемент цифровой трансформации экономики / Н.Н. Масюк, А.Е. Кирьянов, М.А. Бушуева [и др.] // Фундаментальные исследования. — 2021. — № 10. — С. 54.

5 Миронова, Н. А. О перспективах технологии блокчейн / Н. А. Миронова, В. К. Мукминов // Сб. статей XVI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — 2018. — С. 136–139.

6 О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013г., № 57-З //Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] — Режим доступа: [http://pravo.by/main.aspx?guid=3871 &p2=2/2055](http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/2055)(дата обращения: 22.04.2026).

7 Налоговый кодекс Республики Беларусь. Особенная часть: Кодекс Респ. Беларусь, 29.12.2009 г., № 71-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г., № 277-З) // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2026.

8 Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. №218-3 (изм. и доп. от 18.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.–(дата обращения: 22.04.2026).

9 Об установлении типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении Инструкции о порядке применения типового плана счетов бухгалтерского учета: постановление М-ва фин. Респ. Беларусь от 29.06.2011 г. № 50 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026;

10 Учетная политика организации, изменения в учетных оценках, ошибки: Нац. стандарт бухгалтерского учета и отчетности утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь от 10 дек. 2013 г., № 80 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2026.

11 Об утверждении перечня первичных учетных документов: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24.03.2011 г. № 360 (в ред. от 30.09.2011 г. № 1306) // КонсультантПлюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

12 Индивидуальная бухгалтерская отчетность: Нац. стандарт бухгалтерского учета и отчетности : утв. Постановлением Мин-ва фин. Респ. Беларусь, 12 дек. 2016 г., № 104. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://minfin.gov.by/upload/accounting/acts/postmf_290611_104.pdf. (дата обращения: 22.04.2026).

УДК 331.108

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: РИСКИ, ВЗАИМОСВЯЗИ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

PERSONNEL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: RISKS, INTERCONNECTIONS, AND SPECIALIST TRAINING

А.А. Миренков

A.A. Mirenkov

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий
Республика Беларусь, г. Могилев, пр. Шмидта, 3

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,
Belarus, 3 Shmidta Ave., Mogilev, Republic of Belarus

Аннотация: В статье исследуется роль кадрового потенциала в обеспечении экономической, информационной и продовольственной безопасности Республики Беларусь. Обосновано положение о том, что кадровая безопасность не должна рассматриваться исключительно как направление управления персоналом отдельной организации. Систематизированы основные кадровые риски, связанные с дефицитом квалифицированных специалистов, демографическими изменениями, территориальной и отраслевой диспропорцией трудовых ресурсов, цифровой трансформацией и изменением требований работодателей. Предложен подход к оценке межсистемной критичности кадровых рисков, учитывающий способность кадровых угроз трансформироваться в экономические, информационные и отраслевые последствия. Разработаны рекомендации по формированию компетентностной модели специалиста по обеспечению безопасности, включающей экономический, аналитический, информационно-цифровой, отраслевой и риск-ориентированный блоки компетенций. Предложено рассматривать кадровый риск не только как самостоятельную угрозу кадровой безопасности, но и как источник межсистемной трансформации рисков, способный формировать совокупные последствия

для экономической, информационной и продовольственной безопасности. Для данного подхода введен показатель межсистемной кадровой критичности.

Abstract: The article examines the role of human resource potential in ensuring the economic, information, and food security of the Republic of Belarus. It substantiates the premise that personnel security should not be viewed solely as an aspect of human resource management within an individual organization. The study systematizes key personnel-related risks associated with a shortage of qualified specialists, demographic shifts, territorial and sectoral imbalances in labor resources, digital transformation, and changing employer requirements. An approach is proposed for assessing the cross-system criticality of personnel-related risks, taking into account the potential for personnel threats to transform into economic, information-related, and industry-specific consequences. Recommendations have been developed for creating a competency model for security specialists, comprising competency blocks focused on economic, analytical, digital-information, industry-specific, and risk-oriented aspects. It is proposed to view personnel risk not only as a distinct threat to personnel security but also as a source of the cross-system transformation of risks, capable of generating cumulative consequences for economic, information, and food security. An indicator of cross-system personnel criticality has been introduced for this approach.

Ключевые слова: кадровая безопасность, трудовые ресурсы, кадровый потенциал, кадровые риски, межсистемная критичность, экономическая безопасность, информационная безопасность, продовольственная безопасность.

Keywords: personnel security, labor resources, human resource potential, personnel risks, inter-system criticality, economic security, information security, food security.

Современная трансформация экономических отношений сопровождается изменением характера угроз, воздействующих на устойчивость организаций, отраслей и национальных экономик. Если традиционно вопросы безопасности связывались преимущественно с состоянием финансов, материальных ресурсов, производственной инфраструктуры и внешнеэкономических отношений, то в настоящее время все большее значение приобретает человеческий фактор. Именно человек формирует, использует и контролирует практически все остальные ресурсы экономической системы.

В связи с этим кадровую безопасность целесообразно рассматривать не как изолированный элемент системы управления персоналом, а как один из базовых факторов устойчивости экономической системы. Недостаток специалистов, снижение качества профессиональной подготовки, высокая зависимость от отдельных работников, неспособность персонала работать с цифровыми технологиями способны создавать цепочку взаимосвязанных угроз.

Для Республики Беларусь данная проблематика имеет особое значение. Государственная кадровая политика предусматривает совершенствование механизмов работы с кадровым потенциалом, развитие профессионализма и компетентности работников, прогнозирование кадровых потребностей и повышение эффективности использования трудовых ресурсов. Соответствующие направления закреплены в Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь. [1].

Одновременно белорусский рынок труда характеризуется относительно невысоким уровнем безработицы. По данным Белстат, выборочное обследование домохозяйств во II квартале 2026 г. показало, что уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, составлял 2,1% рабочей силы, тогда как уровень занятости населения в возрасте 15–74 лет достиг 69%. Уровень безработицы в трудоспособном возрасте выше в городах (2,2%), чем на селе (1,9%) [2].

Это означает, что проблема кадровой безопасности в большей степени смещается от количественного показателя наличия рабочих мест к качественным характеристикам трудовых ресурсов: квалификации, возрастной структуре, мобильности, производительности, способности осваивать новые технологии.

Отчетливо данная проблема проявляется в стратегически значимых сферах. Для промышленности важное значение имеют инженерные и технологические компетенции, для информационной сферы — цифровые и знания в области информационной безопасности, для агропромышленного комплекса — сочетание агрономических, инженерных, управленческих и цифровых знаний. Поэтому подготовка специалистов должна учитывать не только отраслевую специфику, но и взаимосвязь различных видов рисков.

Цель исследования состоит в развитии методических подходов к обеспечению кадровой безопасности Республики Беларусь посредством выявления межсистемного характера кадровых рисков и формирования интегрированной компетентностной модели специалиста по обеспечению безопасности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- систематизировать основные кадровые риски;
- определить взаимосвязь кадровой безопасности с другими видами безопасности;
- выявить особенности кадрового обеспечения;
- разработать подход к оценке межсистемной критичности кадровых рисков.

В научной литературе кадровая безопасность рассматривается с различных позиций: как состояние защищенности организации от негативного воздействия кадровых угроз, как направление работы с персоналом либо как процесс управления кадровым потенциалом. Различие подходов обусловлено тем, что кадровая безопасность одновременно характеризует состояние трудовых ресурсов, деятельность системы управления персоналом и результат этой деятельности.

В исследованиях кадровой безопасности организации особое внимание уделяется необходимости выявления и оценки угроз, связанных с персоналом, а также разработке методических подходов к определению их актуальности [3].

Такой подход позволяет рассматривать кадровую безопасность не только как характеристику кадрового состава, но и как систему предупреждения возможных негативных последствий.

Рассматривая кадровую безопасность, как способность организации поддерживать необходимый уровень численности, качества, профессиональной структуры и устойчивости трудовых ресурсов, кадровая безопасность включает:

количественный компонент — наличие необходимого количества работников;
качественный компонент — соответствие знаний, навыков и квалификации требованиям экономики;

структурный компонент — соответствие профессиональной, отраслевой, возрастной и территориальной структуры кадров потребностям экономики;

динамический компонент — способность системы подготовки и использования кадров своевременно адаптироваться к изменению технологий и структуры спроса на труд.

Последний компонент приобретает особое значение. Даже достаточная численность работников не обеспечивает кадровую безопасность, если их компетенции не соответствуют изменяющемуся характеру производства, вследствие, возникает важный переход от понятия «обеспеченность кадрами» к понятию «обеспеченность необходимыми компетенциями».

Ключевыми угрозами кадровой безопасности Республики Беларусь могут выступать:

сокращение трудового потенциала вследствие демографических процессов;

- несоответствие структуры подготовки специалистов потребностям экономики;
- дефицит работников по отдельным профессиям и территориям;
- отток квалифицированных специалистов;
- старение кадров;
- недостаточная скорость обновления профессиональных компетенций;
- неготовность части работников к цифровой трансформации;

- высокая зависимость отдельных организаций от высококлассных специалистов;
- недостаточная преемственность знаний между поколениями работников;
- снижение привлекательности отдельных видов профессиональной деятельности;
- дисбаланс между ожиданиями молодых специалистов и возможностями работодателей.

Взаимосвязь различных видов безопасности можно представить как последовательность: кадры — компетенции — деятельность — результат — устойчивость.

Один и тот же кадровый риск может иметь различную значимость в зависимости от того, сколько функциональных подсистем он затрагивает и насколько сильно передается из кадровой сферы в другие сферы безопасности.

Например: уход рядового работника - локальная кадровая проблема, но уход единственного специалиста по автоматизированным системам управления — кадровый риск — риск остановки (снижения эффективности) производства — экономический риск — информационный риск — потенциальный риск продовольственной устойчивости. То есть одинаковое по формальным параметрам увольнение имеет принципиально разную системную значимость.

Кадровый потенциал определяет способность организации выполнять производственные, управленческие и аналитические функции. От уровня компетенций зависит эффективность использования капитала, технологий, материальных ресурсов и информации. Поэтому дефицит необходимых специалистов способен усиливать целый комплекс экономических, информационных и производственных рисков.

Кадровая безопасность → экономическая безопасность. Экономическая безопасность организации предполагает способность обеспечивать устойчивое функционирование и развитие при воздействии неблагоприятных факторов. Одним из условий такой устойчивости является наличие работников, способных обеспечивать производственные процессы, управление затратами, инвестиционную деятельность, финансовое планирование и риск-менеджмент.

Таким образом, кадровый дефицит способен проявляться через экономические последствия: рост затрат на подбор и обучение, снижение производительности, увеличение простоев, ухудшение качества продукции, нарушение логистики.

Кадровый дефицит или низкая квалификация рабочей силы, например, в аграрном секторе, напрямую ведут к снижению урожайности, потерям при хранении и переработке сырья и к срыву поставок. Так, обеспечение продовольственной безопасности или стабильности предприятий пищевой отрасли невозможно без формирования защищенного, профессионального и устойчивого кадрового ядра.

Исследования кадровой безопасности показывают, что кадровые угрозы могут рассматриваться в качестве факторов, оказывающих влияние на устойчивость организации и результаты ее хозяйственной деятельности [3].

Кадровая безопасность → информационная безопасность. В условиях цифровизации значительная часть информационных угроз связана не только с техническими уязвимостями, но и с человеческим фактором. Ошибки пользователей, нарушение регламентов доступа, недостаточная цифровая грамотность, ненадлежащее обращение с корпоративной информацией способны создавать угрозы даже при наличии современных технических средств защиты.

Н. Н. Ковалева, А. С. Анисимова, И. В. Шахновская и П. В. Соловьев рассматривают цифровую грамотность населения как одно из средств обеспечения информационной безопасности и подчеркивают значение повышения цифровой грамотности в условиях развития информационного общества [4].

Следовательно, специалист по информационной безопасности должен обладать не только техническими знаниями, но и пониманием поведения работников, организационной структуры и экономических последствий информационных инцидентов.

Кадровая безопасность → продовольственная безопасность. Для продовольственной

безопасности наличие ресурсов имеет значение лишь в сочетании со способностью эффективно их использовать. Земельные ресурсы, техника, производственные мощности и финансовые средства требуют квалифицированного персонала.

В сельском хозяйстве это особенно очевидно: современные производственные технологии требуют сочетания агрономических знаний, инженерной подготовки, навыков эксплуатации автоматизированного оборудования, использования информационных систем и экономического анализа.

Белорусская Доктрина национальной продовольственной безопасности до 2030 г. ориентирована на обеспечение населения качественным и доступным продовольствием через развитие конкурентоспособного аграрного производства и соответствующей социально-экономической среды [5].

Так кадровое обеспечение АПК необходимо рассматривать как одно из условий устойчивого функционирования сельскохозяйственного производства и реализации продовольственной безопасности.

Исследование В. П. Драницы показывает, что прогнозирование потребности сельского хозяйства Республики Беларусь в трудовых ресурсах связано с необходимостью устранения дефицита труда, рационализации структуры рабочих мест и совершенствования системы подготовки кадров [6].

О. А. Пашкевич также рассматривает вопросы занятости и использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Беларуси, что подтверждает необходимость учитывать структурные изменения трудовых ресурсов при планировании кадрового обеспечения отрасли [7].

Таким образом, кадровая безопасность обладает сквозным характером: она одновременно воздействует на экономическую результативность, информационную устойчивость и способность агропромышленного комплекса обеспечивать продовольственные потребности.

Для практического использования категории кадровой безопасности целесообразно перейти от общего описания угроз к системе их оценки.

Первый этап — идентификация кадровых рисков. На этом этапе определяются потенциальные источники угроз. Для организации целесообразно анализировать не только увольнения и вакансии, но и возрастную структуру персонала, дефицит отдельных компетенций, зависимость от ключевых работников, качество подготовки молодых специалистов, уровень цифровых компетенций.

Второй этап — оценка вероятности риска. Вероятность может определяться экспертно либо на основе статистических данных. Для этого используются показатели текучести, длительности закрытия вакансий, доли дефицитных профессий, возраста работников, уровня текучести по отдельным подразделениям.

Третий этап — оценка потенциальных последствий. Последствия кадрового риска предлагается оценивать не только в денежном выражении. Для специалиста по безопасности необходимо учитывать четыре группы последствий: финансовые; производственные; информационные; стратегические. Например, увольнение одного специалиста может иметь небольшие финансовые последствия, но, если этот специалист является ключевым (единственным носителем), ущерб может быть значительным.

Четвертый этап — определение интегрального уровня кадрового риска.

Для практического применения может использоваться следующая модель:

$$КР = В \times П \times К,$$

где КР — оценка кадрового риска;

В — вероятность возникновения риска;

П — масштаб потенциальных последствий;

К — коэффициент критичности.

Коэффициент критичности позволяет учитывать специфику конкретной должности. Для рядовой позиции его значение может быть минимальным, тогда как для специалиста, обладающего ключевыми знаниями, коэффициент должен быть выше.

Данный подход имеет преимущество: он позволяет учитывать не просто количество сотрудников, а значимость конкретных компетенций для функционирования организации.

Предлагается дополнить оценку кадрового риска показателем межсистемной кадровой критичности, отражающим способность кадрового риска трансформироваться в угрозы других функциональных подсистем безопасности организации. В отличие от традиционной оценки вероятности и потенциального ущерба, данный показатель учитывает не только непосредственные последствия кадрового риска, но и количество затрагиваемых им сфер деятельности.

Межсистемную кадровую критичность предлагается определять по формуле:

$$\text{МКК} = \text{КР} \times (1 + \alpha\text{Э} + \beta\text{И} + \gamma\text{П}),$$

где МКК — межсистемная кадровая критичность кадрового риска;

КР — базовая оценка кадрового риска;

α — коэффициент трансформации кадрового риска в экономические последствия;

β — коэффициент трансформации в информационные последствия;

γ — коэффициент трансформации в последствия для продовольственной устойчивости;

Э, И, П — индикаторы наличия соответствующего вида взаимосвязи.

В простейшем варианте значения Э, И и П могут принимать значения от 0 до 1: 0 — отсутствие существенной взаимосвязи, 1 — наличие прямой взаимосвязи. Значения коэффициентов α , β и γ могут устанавливаться экспертным путем с учетом отраслевой специфики организации.

Предлагаемый показатель позволяет перейти от оценки кадрового риска как локальной угрозы к оценке его системного эффекта. Например, потеря работника, не обладающего уникальными компетенциями, может иметь преимущественно кадровое значение, тогда как потеря специалиста, одновременно являющегося носителем значимых производственных, цифровых и отраслевых знаний, способна создавать взаимосвязанные экономические, информационные и производственные последствия.

Таким образом, межсистемная кадровая критичность характеризует не только вероятность и масштаб ущерба от кадрового риска, но и его способность инициировать последовательную передачу негативных последствий между различными подсистемами безопасности. Это позволяет обосновать приоритетность мер по сохранению и развитию тех компетенций, утрата которых способна вызвать совокупный эффект для устойчивости организации.

В качестве ключевого объекта управления следует рассматривать не просто «рабочую силу», а трудовой ресурс требуемого качества.

Предлагается выделять три уровня кадрового дисбаланса.

Первый — количественный, при котором отсутствует достаточное количество работников.

Второй — качественный, при котором работники имеются, но уровень их подготовки не соответствует требованиям рабочих мест.

Третий — структурный, при котором общая численность трудовых ресурсов может быть достаточной, но их распределение по профессиям, территориям, возрасту и уровню квалификации не соответствует потребностям экономики.

Для Республики Беларусь актуальной становится задача синхронизации трех процессов: образование → рынок труда → стратегические потребности экономики.

Если образовательная система реагирует на изменения спроса с существенным временным лагом, возникает структурный дефицит специалистов. Поэтому

прогнозирование кадровой потребности должно становиться постоянным элементом образовательной политики.

В. П. Драница на примере сельского хозяйства Республики Беларусь показывает, что результаты прогнозирования потребности в трудовых ресурсах могут использоваться для разработки направлений ликвидации дефицита труда, рационализации структуры рабочих мест и совершенствования системы подготовки кадров [6].

При этом прогноз должен учитывать не только текущие вакансии, но и ожидаемые изменения технологий. Подготовка специалиста сегодня должна учитывать содержание его профессиональной деятельности в среднесрочной перспективе.

В соответствии с целью настоящего исследования предлагается изменить сам принцип подготовки специалистов в сфере безопасности.

Традиционная модель предполагает разделение подготовки на относительно самостоятельные направления: экономическая безопасность, информационная безопасность, продовольственная безопасность и др. Однако реальные угрозы не являются настолько обособленными.

Так, дефицит квалифицированных специалистов в сельском хозяйстве одновременно является кадровой, экономической и продовольственной проблемой. Недостаток специалистов по защите информации имеет кадровое и информационное измерение, а нарушение информационной безопасности способно вызвать финансовые последствия.

В связи с этим целесообразно формировать интегрированную компетентностную модель специалиста по обеспечению безопасности, которая должна включать пять блоков.

1. Экономико-аналитический блок. Специалист должен уметь: анализировать экономические показатели; выявлять отклонения и угрозы; оценивать экономические последствия рисков; проводить сценарный анализ; рассчитывать эффективность защитных мероприятий; работать с экономическими и статистическими данными.

2. Кадрово-управленческий блок. В него должны входить: оценка кадрового потенциала; анализ трудовых ресурсов; прогнозирование кадровой потребности; оценка текучести; формирование кадрового резерва; управление профессиональными компетенциями; оценка кадровых рисков; управление знаниями организации.

3. Информационно-цифровой блок. Специалисту необходимы: цифровая грамотность; понимание принципов информационной безопасности; работа с базами данных; визуализация информации; анализ больших массивов данных; понимание киберрисков; оценка человеческого фактора в информационной безопасности [4].

4. Отраслевой блок. В зависимости от профиля подготовки должны формироваться специальные знания в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, транспорта, энергетики или других сфер.

Для специалиста по продовольственной безопасности особенно важны знания организации аграрного производства, логистики продовольствия, оценки устойчивости сельскохозяйственного производства и управления рисками АПК.

5. Риск-ориентированный блок. Специалист должен владеть методами: идентификации угроз; оценки вероятности рисков; определения последствий; построения карт рисков; разработки сценариев реагирования; мониторинга индикаторов безопасности; оценки эффективности защитных мероприятий.

Именно последний блок позволяет перейти от специалиста, который только фиксирует проблему, к специалисту, способному управлять риском.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что кадровая безопасность является одним из фундаментальных условий устойчивости экономической системы Республики Беларусь. Ее значение выходит за рамки традиционного управления персоналом, поскольку состояние трудовых ресурсов определяет возможности развития производства, использования технологий, защиты информации и обеспечения продовольственной устойчивости.

Для белорусской экономики целесообразно выделять количественный, качественный и структурный кадровые дисбалансы. Каждый из них способен трансформироваться в другие виды угроз. Недостаток квалифицированного специалиста может привести к снижению производительности, потере знаний, нарушению информационной безопасности или снижению устойчивости производственного процесса.

Особую роль приобретает кадровое обеспечение агропромышленного комплекса, поскольку национальная продовольственная безопасность основывается на устойчивости аграрного производства, не малую роль при этом играет подготовка и закрепление квалифицированных кадров в сельском хозяйстве. В статье предложено рассматривать специалиста по обеспечению безопасности как профессионала, обладающего одновременно экономическими, кадровыми, информационно-цифровыми, отраслевыми и риск-ориентированными компетенциями. В развитие данного подхода введено понятие межсистемной кадровой критичности, характеризующее способность кадрового риска трансформироваться в совокупность экономических, информационных и отраслевых последствий. Такой подход позволяет перейти от оценки кадрового риска как локальной проблемы управления персоналом к выявлению критических компетенций, утрата которых способна инициировать цепную передачу рисков между функциональными подсистемами безопасности. Практическим результатом применения данного подхода может стать формирование приоритетов кадрового резерва, программ развития компетенций и мер по сохранению критически значимых знаний организации.

Список литературы:

1. О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 г. № 1.[Электронный ресурс].URL:<https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-3-yanvarya-2024-g>(дата обращения: 10.04.2026).
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2026 -[Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/public_compilation/index_57394/?ysclid=lh3tef41zd984313998 (дата обращения: 15.09.2026)
3. Кузнецова Н. В., Марасанова А. А. Методические подходы к оценке актуальности угроз кадровой безопасности организации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 4 (29).
4. Ковалева Н. Н., Анисимова А. С., Шахновская И. В., Соловьев П. В. Цифровая грамотность населения как средство обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь и Российской Федерации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 118–124. DOI: 10.52928/2070-1632-2023-63-1-118-124.
5. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 января 2025 г. № 40) .[Электронный ресурс].URL:<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700962> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.(дата обращения: 10.04.2026)
6. Драница В. П. Прогнозирование потребностей сельского хозяйства Республики Беларусь в кадрах на период до 2025 года // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 3. С. 49–55.
7. Пашкевич О. А. Занятость трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Беларуси: структурно-динамические параметры, прогнозные тенденции // Экономика и прогнозирование. 2020. № 3. С. 97–114.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УЧЕТА ЗАПАСОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ DIGITALIZATION OF STOCK ACCOUNTING IN MODERN CONDITIONS

В.Д. Моисеенко, В.Ю. Глаз
V.D. Moiseenko, V.Y. Glaz

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, Беларусь,
212027, г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email: volend.demor.2018@gmail.com

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Belarus, 212027, Mogilev,
Schmidt Avenue, 3, email: volend.demor.2018@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена цифровизации учёта материально-производственных запасов в современных условиях. Рассматриваются проблемы традиционного бумажного учёта, такие как ошибки при ручном вводе данных, дублирование информации, расхождение фактических остатков с учётными данными, низкая оперативность контроля и большие затраты времени сотрудников на рутинную работу. Анализируются основные цифровые инструменты автоматизации учёта запасов, включая ERP-системы, специализированные WMS-системы, технологии штрихкодирования, RFID-метки и терминалы сбора данных. На примере белорусских компаний показывается, как внедрение таких решений меняет учётные процессы. Отдельное внимание уделяется автоматизации расчёта резерва под обесценение запасов по правилам МСФО (IAS) 2, а также требованиям системы прослеживаемости товаров, включая регистрационный номер партии товара и обязательный электронный документооборот. Обосновывается, что цифровизация позволяет повысить точность учёта, сократить объём ручного труда, обеспечить прозрачность движения запасов и снизить предпринимательские риски. Делается вывод, что автоматизация учёта запасов становится необходимым условием достоверности финансовой отчётности и эффективного управления предприятием в цифровой экономике.

Abstract: This article explores the digitalization of inventory accounting in the modern world. It examines the challenges of traditional paper-based accounting, such as errors in manual data entry, duplicate information, discrepancies between actual balances and accounting data, poor control efficiency, and the significant time employees spend on routine work. It analyzes key digital inventory automation tools, including ERP systems, specialized WMS systems, barcode technologies, RFID tags, and data collection terminals. Using examples from Belarusian companies, it demonstrates how the implementation of such solutions is changing accounting processes. Special attention is given to the automation of inventory impairment reserve calculations in accordance with IAS 2, as well as the requirements of a product traceability system, including batch registration numbers and mandatory electronic document management. It is argued that digitalization improves accounting accuracy, reduces manual labor, ensures inventory transparency, and mitigates business risks. It is concluded that automation of inventory accounting is becoming a prerequisite for the reliability of financial reporting and effective enterprise management in the digital economy.

Ключевые слова: цифровизация, учёт, запасы, автоматизация, ERP, WMS, штрихкодирование, RFID, прослеживаемость.

Keywords: digitalization, accounting, inventory, automation, ERP, WMS, barcoding, RFID, traceability.

В современных экономических условиях, когда рынки нестабильны, логистические цепочки нарушены, а налоговый контроль становится жёстче, вопросы достоверного и быстрого учёта материально-производственных запасов приобретают особое значение. Исследователи справедливо отмечают, что запасы нередко составляют до шестидесяти процентов всех оборотных активов предприятия. Именно от качества учётной информации о движении запасов зависит экономия ресурсов, снижение себестоимости и в конечном счёте прибыль организации.

Традиционный бумажный учёт с ручным вводом данных и разрозненными документами имеет много недостатков. Это и ошибки при оприходовании и списании, и расхождения между фактическими остатками и учётными данными, и низкая оперативность контроля, и дублирование информации, и нерациональная трата времени сотрудников на рутинную работу. В то же время современные вызовы — пандемия, санкционное давление, риски обесценения запасов и переход на международные стандарты учёта — требуют от предприятий совсем иных подходов.

В работе поставлено несколько взаимосвязанных целей. Во-первых, обобщить теоретические основы бухгалтерского учёта материально-производственных запасов в условиях цифровой трансформации. Во-вторых, выявить главные проблемы традиционного учёта запасов и обосновать необходимость его автоматизации. В-третьих, проанализировать современные цифровые инструменты учёта запасов, такие как ERP-системы, WMS, штрихкодирование, RFID и терминалы сбора данных, и оценить их эффективность на примере белорусских компаний. В-четвёртых, рассмотреть возможности автоматизации расчёта резерва под обесценение запасов по правилам МСФО (IAS) 2. И в-пятых, показать, как система прослеживаемости товаров влияет на организацию цифрового учёта и налоговый контроль.

Объектом исследования выступает бухгалтерский учёт материально-производственных запасов (МПЗ) на предприятиях в условиях цифровой трансформации. Как справедливо отмечают А.А. Иманалиева и Н.М. Алиева, под МПЗ понимаются активы, которые берут в качестве сырья и материалов при выпуске продукции. В каждом производственном цикле они используются полностью и переносят всю свою стоимость на готовый товар [1]. Согласно мнению И.С. Урванцевой, МПЗ — это самая крупная часть оборотных активов. В зависимости от того, чем занимается предприятие, доля запасов может достигать до 60% от всех активов [4]. Поэтому очень важно, чтобы данные о движении запасов были полными и достоверными.

В Беларуси учёт МПЗ ведётся по Закону «О бухгалтерском учёте и отчетности» и национальным стандартам. Сейчас идёт активное сближение наших правил с международными подходами. Как пишет Т.Е. Назарова, в сегодняшней непростой экономической ситуации запасы становятся объектом учёта, который требует особого внимания, особенно когда меняются законы и правила учёта [5].

Предмет исследования — это теоретические и практические вопросы учёта запасов, а также то, как цифровые технологии меняют этот учёт. А.В. Рогова указывает, что от того, насколько правильно и быстро определяются производственные запасы, зависит их экономия, а значит, и снижение себестоимости, и рост прибыли [3]. То есть предмет работы охватывает как обычные учётные действия (оформление документов, оценку, калькулирование), так и новые цифровые инструменты.

В основе исследования лежит анализ документов, по которым ведётся учёт МПЗ. В Беларуси есть четыре уровня таких документов: законы (например, Закон «О бухгалтерском учёте и отчетности»), национальные стандарты, методические рекомендации и внутренние бумаги предприятия (учётная политика, план счетов, график движения документов).

По мнению М.С. Махмутовой и А.Т. Айдарбековой, запасы принимают к учёту по той стоимости, которая сложилась фактически. Это все затраты на покупку за вычетом НДС и других возвратных налогов [7]. Когда запасы отпускают в производство или списывают,

их оценивают одним из трех способов: по стоимости каждой единицы, по средней стоимости или по методу ФИФО. Для каждой группы запасов в течение отчетного периода нужно использовать один и тот же способ [7].

О.П. Полонская, А.А. Овсиенко и А.А. Кулак отмечают, что произошли заметные перемены в правилах учета запасов. Новые стандарты стали ближе к международным правилам МСФО (IAS) 2 «Запасы» [6]. В Беларуси тоже идет сближение наших стандартов с мировыми.

Т.Е. Назарова подчеркивает, что из-за пандемии, сложной обстановки в мире и санкций у запасов появились новые риски. Это риски, связанные с хранением, перевозками, обесценением и переходом на новые стандарты. Если учет не будет показывать реальную картину, то невозможно ни нормально контролировать запасы, ни управлять ими [5].

Чтобы хорошо организовать учет и контроль, нужна продуманная группировка запасов. В зависимости от того, какую роль запасы играют в производстве, их делят на группы. В таблице 1 показано, как группируют МПЗ по общепринятым правилам. Эта таблица составлена по материалам статьи П.М. Османовой и А.А. Шамхаловой [2].

Таблица 1 – Классификация материально-производственных запасов

Группа материально-производственных запасов	Характеристика	Примеры
Сырье и основные материалы	Предметы труда, из которых изготавливают продукт, составляющие его материальную основу	Металл, древесина, ткань, зерно
Вспомогательные материалы	Используются для воздействия на основные материалы или для обслуживания производства	Смазочные материалы, красители, химикаты
Покупные полуфабрикаты	Материалы, прошедшие несколько стадий обработки, но не являющиеся готовой продукцией	Заготовки, детали, комплектующие
Возвратные отходы	Остатки сырья и материалов, потерявшие часть потребительских свойств	Стружка, обрезки, опилки
Топливо	Вещества, выделяющие энергию при сгорании для обеспечения производства	Уголь, газ, нефтепродукты
Тара и тарные материалы	Предметы для упаковки и транспортировки продукции	Ящики, контейнеры, упаковка
Запасные части	Предметы для ремонта и замены изнашивающихся деталей	Детали для оборудования
Инвентарь и хозяйственные принадлежности	Средства труда со сроком службы менее 12 месяцев	Инструменты, спецодежда

Как видно из таблицы 1, такая группировка охватывает все основные виды запасов, которые встречаются на производстве и в хозяйственной деятельности. Это помогает не только разложить объекты учета по полочкам в зависимости от их роли, но и создает основу для детального учета, выбора способов оценки и настройки программ автоматизации. Исследователи подтверждают, что именно наличие запасов дает возможность улучшать работу предприятия в целом [9]. Правильная группировка – это база для организации детального учета и выбора методов оценки, что при переходе на цифру позволяет хорошо настроить параметры учета в компьютерных программах.

В работе использовался метод сравнения, который помог увидеть главные отличия между обычным (ручным) и цифровым учетом и инвентаризацией запасов. Обычный учет,

где много бумаг и ручного ввода, страдает от ряда недостатков. Н.В. Палешева заметила, что вложения в запасы – это большая часть активов многих торговых фирм, поэтому управлять ими нужно с умом, чтобы не замораживать лишние деньги [8]. Но при обычном учете добиться этого трудно.

Среди главных проблем обычного учета можно назвать: ошибки при ручном вводе, из-за которых данные расходятся с реальностью; большие затраты времени на пересчет запасов; невозможность быстро отследить движение запасов; дублирование данных, когда нет связи между разными программами; неправильное распределение времени сотрудников, которые вынуждены делать много скучной ручной работы.

И.С. Урванцева перечисляет еще такие типичные проблемы, которые возникают при настройке контроля над МПЗ: нет договоров о материальной ответственности или они составлены неверно; ошибки в документах на приход и расход; неправильные проводки по счетам; неверная оценка запасов при оприходовании; плохой оперативный контроль или его отсутствие; редкая сверка данных бухгалтерии со складом; инвентаризация только на бумаге; накопление на складах ненужных запасов; неверное списание стоимости по статьям расходов; неправильное применение методов оценки при списании [4].

Цифровой учет, в отличие от обычного, позволяет автоматизировать работу с документами, вводить данные один раз и потом использовать их многократно, быстро следить за движением запасов, а также автоматически считать себестоимость и оценивать запасы при списании. Опыт показывает, что цифровые решения серьезно повышают эффективность учета. Например, при автоматизации учета в белорусской компании «ООО ПРАЙМ-ЛБ» (г. Брест) ушли ошибки в остатках, перестали расходиться фактические запасы и данные в системе; заказы стали оформляться автоматически, что сэкономило время и снизило число ошибок; создали общую базу клиентов и заказов; договоры, счета, накладные и акты теперь формируются сами [11]. В итоге стало меньше рутины, учет стал прозрачнее, улучшилась аналитика по бизнесу, сократились ручные операции, повысилось качество работы с клиентами, а у сотрудников появилось свободное время для более полезной работы.

Похожий опыт автоматизации склада и управления запасами есть у частного торгового унитарного предприятия «Павигор» (Беларусь). Там внедрили «1С:Розница для Беларуси». В ходе проекта автоматизировали управление складскими запасами, продажами, ценообразованием, учет расчетов с покупателями, а также настроили систему, обучили персонал и сделали удобные интерфейсы [12].

В исследовании также использовали метод группировки программ по их назначению, чтобы разобраться, какие решения есть на рынке для автоматизации учета МПЗ и управления запасами. Н.В. Палешева пишет, что многие крупные производители программ теперь дают демо-версии для бесплатного доступа, а есть и специальные сайты, где можно вести учет прямо в интернете [8]. Но выбирать программу нужно с учетом многих вещей: чем именно занимается предприятие, насколько оно большое, можно ли связать новую программу с уже существующими.

Если группировать программы для учета и управления МПЗ по их назначению, то можно выделить: ERP-системы для полной автоматизации всего учета, специальные WMS-системы для склада, отраслевые решения для конкретных видов бизнеса, а также облачные сервисы, которые работают через интернет.

Для учета запасов в бухгалтерии используют несколько синтетических счетов. Как пишут А.А. Иманалиева и Н.М. Алиева, это счета: 10 «Материалы», 11 «Животные на выращивании и откорме», 15 «Заготовление и приобретение материальных ценностей», 16 «Отклонение в стоимости материальных ценностей», 41 «Товары», 43 «Готовая продукция» [1]. А для запасов, которые не принадлежат организации, есть забалансовые счета: 002 «Товарно-материальные ценности, принятые на ответственное хранение», 003 «Материалы, принятые в переработку», 004 «Товары, принятые на комиссию». При переходе на цифровой учет очень важно правильно настроить детальный учет по этим счетам.

Современные программы (например, «1С:Бухгалтерия» для Беларуси) позволяют вести многомерный учет по видам товаров, партиям, складам и материально-ответственным лицам. Это сильно повышает прозрачность и контроль за движением МПЗ.

В работе также применяли методы анализа и управления запасами, которые сегодня все чаще работают с помощью цифровых инструментов. Главная цель контроля запасов – держать их на таком уровне, чтобы затраты были минимальными. Для этого нужно знать две вещи: сколько заказывать и когда [10]. Чтобы решить эту задачу, используют ABC-анализ. Он делит запасы на группы по тому, насколько они важны для предприятия. В его основе лежит правило 20/80: на 20% запасов приходится 80% продаж или закупок. Запасы из группы А нужно проверять и контролировать строже всего, потому что именно в них вложено больше всего денег, и для них обязательно надо рассчитывать оптимальный размер заказа [10].

За рубежом используют две основные системы контроля запасов. Первая – система моментального повторного заказа (еще ее называют системой двух лотов). Здесь размер заказа всегда заранее считают по формуле (1), момент заказа определен для всех типов запасов, и когда запасы падают до определенного уровня, отправляют новый заказ. Вторая система – периодической инвентаризации. Здесь уровень запасов всех видов проверяют через одинаковые промежутки времени, заказы делают по мере необходимости, а их размер не считают заранее по формуле, а определяют исходя из прогноза спроса, текущих остатков и цикла заказа [10].

Расчет оптимального размера заказа (EOQ) производится по формуле:

$$EOQ = \sqrt{\frac{2KD}{K_c}}, \quad (1)$$

где D – спрос (потребность) в запасах за период,

K_c – расходы по хранению одной единицы запасов,

K – расходы на размещение и выполнение одного заказа.

Как показывает анализ чувствительности модели EOQ, изменения оптимального размера заказа намного меньше возможных изменений спроса или расходов, поэтому не совсем точная, но достаточно разумная оценка компонентов модели позволяет получить удовлетворительный результат для принятия управленческих решений [10].

Важнейшим элементом анализа и управления запасами является оценка их оборачиваемости. Для целей управленческого анализа более точная оценка оборачиваемости подразумевает рассмотрение движения запасов на различных стадиях производства. Оборачиваемость материалов в днях рассчитывается как отношение количества дней производства в периоде к коэффициенту оборачиваемости $ЗМ$, где коэффициент оборачиваемости $ЗМ$ равен использованию материалов, деленному на среднюю величину запасов материалов за период [10]. Принятие решений по изменению периода оборачиваемости запасов основывается на принципе, что ускорение оборачиваемости сопровождается дополнительным вовлечением средств в оборот, а замедление – отвлечением средств, их относительным замораживанием в виде запасов [10].

В контексте цифровизации в качестве объектов исследования дополнительно выступают современные программно-аппаратные средства автоматизации учета запасов. Ключевыми цифровыми инструментами учета запасов в современных условиях выступают:

- ERP-системы, обеспечивающие комплексную автоматизацию всех участков учета, включая складской, и интеграцию данных в единую информационную базу. В Республике Беларусь широкое распространение получили продукты фирмы «1С» в различных модификациях, адаптированных под требования белорусского законодательства;

- WMS - системы (Warehouse Management System) – специализированное программное обеспечение для управления складскими процессами, позволяющее

оптимизировать размещение запасов, маршрутизацию персонала и контроль остатков в режиме реального времени;

- технологии автоматической идентификации, включая штрихкодирование и RFID-метки, позволяющие ускорить приемку, перемещение и инвентаризацию запасов. По данным международных исследований, штрихкодирование и RFID-системы обеспечивают точность учета запасов на уровне 98-99% по сравнению с 63% при ручном подсчете;

- терминалы сбора данных (ТСД) –мобильные устройства для сканирования штрихкодов и RFID-меток, позволяющие сотрудникам склада в режиме реального времени фиксировать операции по движению МПЗ.

В условиях современной экономической нестабильности, вызванной санкционным давлением и нарушением логистических цепочек, запасы предприятий подвержены рискам обесценения. Они могут морально устаревать, терять свои первоначальные качества или снижаться в рыночной цене, что требует от организации адекватной реакции в системе бухгалтерского учета. Как справедливо отмечают Васильева Н.К., Болотнова Е.А., Бойко И.П. и Сергеева В.А., запасы занимают значительную часть активов, и их стоимость должна соответствовать текущим рыночным условиям, а формирование резерва под обесценение выступает в качестве дополнительного инструмента управления ограниченными ресурсами, позволяя снизить риск отвлечения из оборота как финансовых, так и материальных ресурсов организации [13].

В цифровой среде этот процесс выходит на новый уровень. Если раньше расчет резерва производился вручную раз в год при инвентаризации, то современные ERP-системы позволяют автоматизировать эту процедуру. По правилам МСФО (IAS) 2, резерв рассчитывается как разница между фактической себестоимостью и чистой стоимостью продажи, то есть предполагаемой ценой реализации за вычетом затрат на продажу [13].

В автоматизированных системах можно настроить регламентное задание, которое ежеквартально или ежемесячно будет сравнивать себестоимость единицы запасов с актуальными рыночными ценами, загружаемыми из внешних источников, и при выявлении отклонений формировать бухгалтерские проводки [13].

Цифровая система, отслеживая динамику цен и оборачиваемости, может заранее сигнализировать менеджменту о необходимости создания такого резерва. Авторы исследования подчеркивают, что если запасы потеряют свою ценность, то организация понесет большие убытки, так как их закупка потребует отвлечения из оборота дополнительных ресурсов, а их обесценение не окупит все затраты на их формирование [13]. Таким образом, автоматизация расчета резерва под обесценение переводит учет из сугубо исторического в справедливый рыночный режим, что значительно повышает достоверность финансовой отчетности и эффективность риск-менеджмента.

Помимо внутренних задач эффективности и достоверности оценки, цифровизация учета запасов в современных условиях сталкивается с жесткими требованиями со стороны государства. С 1 июля 2021 года в Российской Федерации введена национальная система прослеживаемости товаров, которая представляет собой дополнительный метод налогового контроля за полнотой уплаты НДС и легальностью ввоза импортной продукции. Как отмечают Комарова Г.П., Змановская О.В. и Касаткина Г.М., прослеживаемость вводится именно для контроля за операциями по реализации товаров для обеспечения полноты учета данных операций в налогообложении [14]. Эта система распространяется на определенный перечень товаров, ввозимых из-за границы, включая холодильное оборудование, детские кресла, стиральные машины, автопогрузчики и другие позиции [14].

Ключевым элементом здесь становится регистрационный номер партии товара (РНПТ), который присваивается каждой ввозимой партии и должен фигурировать во всех первичных документах, в частности в счетах-фактурах. Для бухгалтерских служб и складов это нововведение повлекло за собой серьезную цифровую нагрузку. Как указано в исследовании, счета-фактуры на такие товары выставляются строго в электронной форме через операторов электронного документооборота, а в их содержание добавлены новые

реквизиты: регистрационный номер партии товара и количественная единица измерения товара, используемые для контроля прослеживаемости [14].

Если продавец не укажет эти данные, покупатель потеряет право на налоговый вычет по НДС. Особенно интересным является тот факт, что обязанность подавать отчеты об операциях с прослеживаемыми товарами возложена даже на те организации и индивидуальных предпринимателей, которые применяют специальные налоговые режимы и не являются плательщиками НДС [14].

Авторы исследования справедливо замечают, что данные изменения существенно влияют на сумму расходов субъектов малого и среднего бизнеса, так как при наличии прослеживаемых товаров они обязаны организовать учет с указанием реквизитов прослеживаемости, провести инвентаризацию, получить электронную подпись, настроить программы и подавать в налоговые органы дополнительную отчетность [14]. Тем не менее, несмотря на рост издержек, система прослеживаемости имеет и положительный эффект: она существенно снижает количество недобросовестных схем с НДС.

Материально-производственные запасы остаются ключевым объектом бухгалтерского учёта, напрямую влияющим на финансовые результаты предприятия. Традиционная система учёта, построенная на бумажном документообороте и ручном вводе данных, страдает от низкой оперативности, частых ошибок, дублирования информации и недостаточной прозрачности. Типичные проблемы – отсутствие оперативного контроля, редкая сверка данных с бухгалтерией и формальная инвентаризация – требуют перехода к автоматизированным решениям.

Цифровизация учёта запасов, которая реализуется через ERP-системы, специализированные WMS-системы, штрихкодирование, RFID-метки и терминалы сбора данных, позволяет заметно повысить эффективность учётных процессов. Практические примеры внедрения в белорусских компаниях «ООО ПРАЙМ-ЛБ» в Бресте и ЧТУП «Павигор» показывают, что автоматизация устраняет ошибки в остатках, ускоряет документооборот, сокращает рутинные операции и делает учёт прозрачнее. Точность учёта при использовании штрихкодирования и RFID достигает 98 – 99 процентов, тогда как при ручном подсчёте она составляет лишь 63 процента.

В условиях экономической нестабильности и рисков обесценения запасов цифровые системы позволяют автоматизировать расчёт резерва под обесценение по правилам МСФО (IAS) 2. Настройка регламентных заданий в ERP-системах даёт возможность ежемесячно или ежеквартально сравнивать фактическую себестоимость с чистой стоимостью продажи, формировать нужные проводки и вовремя сигнализировать руководству о необходимости создать резерв. Это превращает учёт из исторического в справедливый рыночный.

Внешним стимулом для цифровизации становятся государственные требования по прослеживаемости товаров, введенные с 1 июля 2021 года. Регистрационный номер партии товара, обязательный электронный документооборот и отчетность даже для тех, кто не платит налог на добавленную стоимость, вынуждают предприятия донстраивать учётные системы. Хотя для бизнеса это означает рост издержек, система прослеживаемости снижает число недобросовестных схем с налогом на добавленную стоимость и повышает прозрачность оборота импортных товаров.

Таким образом, цифровизация учёта запасов в современных условиях становится не просто инструментом повышения эффективности, а необходимым условием достоверности финансовой отчетности, снижения предпринимательских рисков и соблюдения жестких требований налогового контроля. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методик оценки экономической эффективности внедрения конкретных цифровых решений с учётом масштаба и отраслевой принадлежности предприятия

Список литературы:

1 Иманалиева, А. А. Материально-производственные запасы: учет и оценка / А.А. Иманалиева, Н.М. Алиева // Международный журнал гуманитарных и естественных

наук. – 2020. – № 3-2. – С. 1-3.

2 Долгова Ю.В.. Материально-производственные запасы (МПЗ): учет и оценка // Молодой ученый. – 2017. – №1. – С. 159-161.

3 Османова, П. М. Бухгалтерский учёт материально-производственных запасов / П.М. Османова, А.А. Шамхалова // Экономика и социум. – 2020. – № 4(71). – С. 727-730.

4 Рогова, А.В. Особенности бухгалтерского учета материально-производственных запасов / А.В. Рогова // Экономика и социум. – 2021. – № 3. – С. 1-3.

5 Урванцева, И. С. Организация бухгалтерского учета и контроля материальных запасов / И.С. Урванцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 3-2. – С. 105-114.

6 Назарова, Т. Е. Эволюционные подходы к учету запасов в современной экономике: проблемы и риски / Т.Е. Назарова // Бизнес. Образование. Право. – 2023. – № 2(63). – С. 70-76.

7 Полонская, О. П. Основные вопросы учета запасов по новому федеральному стандарту / О.П. Полонская, А.А. Овсиенко, А.А. Кулак // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 10. – С. 1-4.

8 Махмутова, М. С. Оценка материально-производственных запасов / М. С. Махмутова, А.Т. Айдарбекова // Экономика и социум. – 2016. – № 4. – С. 1-3.

9 Палешева, Н. В. Использование программных продуктов для управления товарными запасами на предприятии торговли / Н.В. Палешева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 36. – С. 1-8.

10 Адаменко, А. А. Материально-производственные запасы как значимый объект учета и анализа / А.А. Адаменко, И.В. Заставенко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 124. – С. 257-274.

11 Современные методы анализа и управления запасами предприятия // Экономика и управление. – 2009. – С. 1-7.

12 Компания «СофтСервис» автоматизировала учет «ООО ПРАЙМ-ЛБ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rarus-soft.ru/press/news/394894/> (дата обращения: 05.04.2026).

13 Внедрение ПП «1С:Предприятие 8. Розница для Беларуси» в Частное торговое унитарное предприятие «Павигор» [Электронный ресурс] // Справочник «Внедренные решения» – Фирма «1С». – Режим доступа: <https://1c.ru/solutions/public/details/1396833> (дата обращения: 02.04.2026).

14 Васильева, Н.К. Формирование резерва под обесценение запасов как инструмент управления рисками организации / Н.К. Васильева, Е.А. Болотнова, И.П. Бойко, В.А. Сергеева // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № 1. – С. 217-223.

15 Комарова, Г. П. Прослеживаемость товаров в системе налогового контроля / Г.П. Комарова, О.В. Змановская, Г.М. Касаткина // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 2.

**ТАМОЖЕННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ**

**CUSTOMS AND LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING FOOD SECURITY OF THE
UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA UNDER SANCTIONS**

**Назаренко Н.Н.
Nazarenko N. A.**

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)), доцент кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, li-las@yandex.ru

Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Associate Professor, Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, li-las@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию таможенно-правовых механизмов, применяемых для обеспечения продовольственной безопасности Союзного государства Беларуси и России в условиях санкционного давления. Под продовольственной безопасностью Союзного государства в настоящей статье понимается состояние, при котором обеспечивается устойчивое снабжение населения обоих государств-участников основными видами продовольствия при минимальной зависимости от импорта из третьих стран. На основе анализа действующего законодательства ЕАЭС и Союзного государства, включая Таможенный кодекс ЕАЭС, Договор о создании Союзного государства 1999 года, Декрет Высшего Государственного Совета № 7 от 6 декабря 2024 года и Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации (в ред. 2025 года), рассматриваются двусторонние и наднациональные инструменты таможенного регулирования. Систематизированы доктринальные подходы российских правоведов к соотношению таможенного регулирования и продовольственной безопасности. Критически оценивается эффективность защитных мер ЕАЭС, института уполномоченного экономического оператора и механизма навигационных пломб. Выявлено системное противоречие между правовыми режимами ЕАЭС и Союзного государства в сфере таможенного регулирования. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Abstract: The article examines customs and legal mechanisms applied to ensure the food security of the Union State of Belarus and Russia under sanctions pressure. For the purposes of this article, the food security of the Union State is understood as a condition in which a stable supply of the main types of food to the population of both participating states is ensured with minimal dependence on imports from third countries. Based on analysis of current EAEU and Union State legislation — including the EAEU Customs Code, the Union State Treaty of 1999, Decree No. 7 of the Supreme State Council of December 6, 2024, and the Russian Federation Food Security Doctrine (as amended in 2025) — bilateral and supranational customs regulation instruments are analyzed. Doctrinal approaches of Russian legal scholars to the relationship between customs regulation and food security are systematized. The effectiveness of EAEU protective measures, the authorized economic operator institution, and the navigation seals mechanism is critically assessed. A systemic contradiction between the EAEU and Union State legal regimes in customs regulation is identified, and concrete legislative proposals are formulated.

Ключевые слова: таможенное право, продовольственная безопасность, Союзное

государство, ЕАЭС, санкции, навигационные пломбы, уполномоченный экономический оператор, нетарифное регулирование, коллизия правовых режимов.

Keywords: customs law, food security, Union State, EAEU, sanctions, navigation seals, authorized economic operator, non-tariff regulation, conflict of legal regimes.

Вопросы продовольственной безопасности давно вышли за рамки сугубо экономической проблематики, трансформировавшись в полноценный объект правового регулирования. Ещё первая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации 2010 года (Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120) закрепила продовольственную безопасность как «одно из главных направлений обеспечения национальной безопасности». Принятая в 2020 году актуализированная Доктрина, утверждённая Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 и изменённая Указом от 10 марта 2025 г. № 141, развила и конкретизировала это положение, закрепив целевые показатели продовольственной независимости и расширив задачи в сфере глобальной продовольственной безопасности [1]. Санкционное давление на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, планомерно нараставшее с 2014 года и достигшее нового масштаба в 2022 году, обнажило структурные уязвимости продовольственных цепочек обоих государств и поставило под сомнение адекватность существовавших таможенно-правовых инструментов. В этих условиях таможенное право перестаёт выполнять исключительно фискальную функцию и становится инструментом обеспечения экономического суверенитета и продовольственного самообеспечения Союзного государства.

В российской правовой доктрине сложились как минимум два подхода к соотношению таможенного регулирования и продовольственной безопасности, существенно различающихся по методологическим основаниям. Первый из них, представленный преимущественно специалистами в области таможенного права — А.Н. Козыриным, С.В. Халиповым, Д.В. Чермяниновым, — рассматривает таможенные инструменты как элемент общей системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности [2; 3; 4]. В данной концепции продовольственная безопасность выступает одной из возможных целей тарифной политики — наряду с пополнением бюджета и защитой отечественного производителя, — но не образует самостоятельного предмета таможенно-правового регулирования.

Второй подход, развиваемый в рамках аграрно-правовой науки — в частности, в исследованиях М.И. Козыря — принципиально иначе расставляет акценты: продовольственная безопасность рассматривается как конституционно значимая ценность, а таможенные механизмы — как публично-правовой инструментарий её обеспечения [5]. Данная концепция методологически корреспондирует с позицией Доктрины продовольственной безопасности, закрепляющей целевые показатели самообеспеченности по основным группам продовольственных товаров.

Принципиальное значение для рассматриваемой проблематики имеет вопрос о правовой природе механизмов таможенного регулирования в рамках наднациональных объединений. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС), являющийся приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 года и вступивший в силу 1 января 2018 года, выстроил многоуровневую систему таможенного регулирования [6]. В этой системе полномочия государств-членов существенно ограничены в пользу наднационального уровня — Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК). Вместе с тем указанная система не снимает, а в определённой мере усугубляет коллизионную проблему: продовольственная безопасность традиционно остаётся в сфере национальной компетенции, тогда как таможенно-тарифная политика в отношении третьих стран отнесена к ведению союзной структуры, что порождает правовую напряжённость, преодоление которой требует специального нормативного регулирования.

Методологическую основу настоящего исследования составляют формально-

юридический метод, позволяющий раскрыть содержание нормативных предписаний, сравнительно-правовой метод, применяемый при анализе законодательства России и Беларуси на двустороннем и наднациональном уровнях, а также системный подход к изучению механизмов правового регулирования. Нормативную базу образуют: Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года [7]; Таможенный кодекс ЕАЭС (в силе с 01.01.2018) [6]; решения ЕЭК в области защитных мер; Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 7 от 6 декабря 2024 года [8]; Соглашение о промышленной кооперации от 15 ноября 2024 года [9]; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (в ред. Указа Президента РФ от 10.03.2025 № 141) [1]; национальное законодательство обоих государств.

Отправной точкой анализа служит Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. Его ст. 17 относит к исключительному ведению Союзного государства «единую торговую и таможенно-тарифную политику в отношении третьих стран, международных организаций и объединений» [7]. Уже здесь необходимо сделать принципиальную оговорку: данная норма охватывает именно торгово-тарифную политику применительно к внешним контрагентам — она не распространяется на таможенное регулирование в его полном объёме. Совершенно иная логика заложена в ст. 28 того же Договора: единое таможенное пространство с едиными мерами нетарифного регулирования отнесено там к области совместного, а не исключительного ведения. Граница между этими двумя режимами в доктрине зачастую стирается, хотя именно она предопределяет допустимый объём нормотворческих полномочий органов Союзного государства.

Существенным шагом к практическому наполнению интеграции стало завершение в 2022 году Союзной программы по гармонизации налогового и таможенного законодательства. На её базе был заключён Договор о гармонизации таможенного законодательства и сотрудничестве в таможенной сфере, который затронул сразу несколько ключевых направлений: организацию информационного взаимодействия таможенных служб, проведение совместного таможенного контроля, унификацию статуса уполномоченного экономического оператора (УЭО) и выработку общих критериев категорирования участников внешнеэкономической деятельности. Г.В. Матвиенко справедливо указывает, что согласованность контрольных процедур составляет функциональную основу любого единого таможенного пространства [10]. С этой точки зрения значимость Договора трудно переоценить: он переводит интеграцию из сферы политических деклараций в плоскость юридически обязывающих норм.

Наиболее острой коллизийной проблемой остаётся параллельное участие Беларуси и России в двух разноуровневых интеграционных структурах. В рамках ЕАЭС таможенное законодательство формируется решениями ЕЭК; в рамках Союзного государства — декретами Высшего Государственного Совета. Само по себе многоуровневое регулирование не является патологией, однако здесь оно осложняется обстоятельством, которое в научной литературе нередко отходит на второй план: Республика Беларусь до сих пор не вступила в ВТО, тогда как Россия является её членом с 2012 года. Из этого вытекает, что при введении совместных защитных мер стороны действуют в разных системах международно-правовых обязательств — и никакого специального коллизийного механизма для урегулирования подобных ситуаций на сегодняшний день не существует.

Конец 2024 года ознаменовался существенным обновлением инструментария борьбы с незаконным импортом. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 7 от 6 декабря 2024 года обязал использовать навигационные пломбы при транзите отдельных категорий товаров из третьих стран через территорию одного из государств-участников [8]. Мера адресована конкретной практике: схемам реэкспорта, когда груз формально соответствует таможенному законодательству, но фактически служит каналом обхода санкций либо ввоза запрещённой продукции, в первую очередь продовольственной. Для понимания правовой природы этого инструмента важна его

история: с 2019 года навигационные пломбы проходили апробацию в рамках ЕАЭС при автомобильном и железнодорожном транзите. Декрет № 7 не вводит принципиально нового механизма — он распространяет уже проверенное решение на двусторонний формат Союзного государства применительно к конкретным товарным группам. По данным ФТС России, внедрение этой системы контроля позволило сократить выявляемые схемы «серого» реэкспорта в ряде товарных категорий более чем на 30%.

Защитный арсенал ЕАЭС в продовольственной сфере выстроен прежде всего вокруг системы специальных, антидемпинговых и компенсационных мер. Полномочиями по их введению наделена ЕЭК. Показательным примером их применения служит Решение Совета ЕЭК от 17 октября 2022 г. № 160, которым утверждён перечень скоропортящихся товаров — в том числе продовольственных, — по которым таможенные операции проводятся в приоритетном порядке. Единообразие подходов здесь, безусловно, достигается; однако именно оно обнажает уже упомянутую проблему: при введении защитных мер в расчёт не принимается разница в торговых обязательствах государств-членов, прежде всего асимметрия, связанная с членством России в ВТО. К.А. Бекашев и Е.Г. Моисеев фиксируют, что эффективное применение таких мер предполагает зрелую административную инфраструктуру и устойчивую межгосударственную координацию [11] — условия, которые в полной мере пока не обеспечены.

Самостоятельного рассмотрения требует Межгосударственный центр управления рисками (МГЦ), действующий в структуре Таможенного комитета Союзного государства. К его функциям относятся мониторинг таможенных операций, выявление узких мест при трансграничном перемещении товаров и выработка рекомендаций по согласованным подходам к таможенному администрированию. В нынешних условиях санкционного давления аналитический потенциал МГЦ мог бы быть весьма востребован. Между тем правовой статус этого органа в действующем праве не определён: неясны ни его место в системе институтов Союзного государства, ни характер полномочий, ни то, в какой мере национальные таможенные органы обязаны принимать его рекомендации во внимание. Такая нормативная неопределённость неизбежно ведёт к снижению практической отдачи от деятельности МГЦ и открывает почву для ведомственных разногласий.

Заслуживает внимания и Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о промышленной кооперации от 15 ноября 2024 года [9], создающее новые стимулы для совместного агропромышленного производства. Соглашение предусмотрело автоматическое взаимное признание продукции в реестрах обоих государств, 30-процентную преференцию при государственных закупках, а также распространение этих льгот на товары с долей локализации не менее 50%. С правовой точки зрения перед нами нетипичный инструмент: в одном механизме объединены нормы таможенного регулирования, промышленной политики и законодательства о государственных закупках. Подобное слияние правовых режимов, традиционно существовавших отдельно, представляет интерес не только с практической, но и с доктринальной стороны — оно свидетельствует о формировании нового типа интеграционного регулятора, выходящего за рамки классической отраслевой классификации.

Изложенный материал даёт основания для нескольких взаимосвязанных выводов. Прежде всего бросается в глаза общая динамика регулирования: таможенно-правовые инструменты обеспечения продовольственной безопасности Союзного государства неуклонно смещаются от классических тарифных мер к многоуровневым системам контроля, в которых нетарифные меры, технические решения (навигационные пломбы), информационный обмен и преференциальные режимы образуют единый комплекс. Эта трансформация не случайна: она отражает постепенное стирание традиционных границ между таможенным правом, правом промышленной политики и законодательством о национальной безопасности.

Центральной нерешённой проблемой остаётся коллизия между правовыми

режимами ЕАЭС и Союзного государства, отягощённая асимметрией международных обязательств: Россия связана правилами ВТО, Беларусь — нет. Нормативным способом устранения этой коллизии *de lege ferenda* могло бы стать специальное Соглашение, определяющее иерархию и разграничение компетенций двух интеграционных структур в части таможенного регулирования продовольственных товаров, — с обязательным разделом, посвящённым порядку разрешения ситуаций, обусловленных указанной асимметрией торговых обязательств.

Наконец, нормативная неопределённость правового положения МГЦ управления рисками должна быть ликвидирована. Предлагается урегулировать его статус специальным Положением, принятым декретом Высшего Государственного Совета. Такой акт должен чётко зафиксировать место МГЦ в системе органов Союзного государства (статус вспомогательного консультативного органа ВГС), исчерпывающий перечень его полномочий, процедуру рассмотрения его рекомендаций национальными таможенными службами и последствия их игнорирования. Без такой нормативной основы МГЦ обречён оставаться декоративной структурой, тогда как в условиях сохраняющегося санкционного давления его координирующий потенциал мог бы использоваться в полной мере.

Список литературы:

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 (в ред. Указа Президента РФ от 10 марта 2025 г. № 141) // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
2. Козырин А.Н. Таможенные процедуры: таможенное законодательство ЕАЭС и Российской Федерации. М.: Ред. «Российской газеты», 2016. 176 с.
3. Халипов С.В. Таможенное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009. 457 с.
4. Чермянинов, Д. В. Таможенное право : учебник / Д. В. Чермянинов ; под ред. С. И. Абрамова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстиция, 2018. 444 с.
5. Козырь М.И. Аграрное право России: состояние, проблемы и тенденции развития: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 336 с.
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (вступил в силу 1 января 2018 г.) // Официальный сайт ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3. С. 52–67.
8. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 года № 7 «Об отдельных мерах по противодействию незаконному импорту товаров на территорию Союзного государства» // СПС КонсультантПлюс.
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о промышленной кооперации от 15 ноября 2024 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Матвиенко Г.В. Производство таможенного обложения: понятие, структура, стадии // Финансовое право. 2011. № 4. С. 22–27.
11. Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Таможенное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 336 с.

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЛОК СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ
РЕЗУЛЬТАТАМИ ПО КРИТЕРИЯМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОДУКТОВОГО
ПОРТФЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ**

**INFORMATION AND ANALYTICAL COMPONENT OF THE FINANCIAL RESULTS
MANAGEMENT SYSTEM BASED ON PRODUCT PORTFOLIO EFFICIENCY
CRITERIA**

**Л.В. Наркевич
L.V. Narkevich**

Белорусско-Российский университет, г. Могилев, Беларусь,
e-mail: lora1166@yandex.ru

Belarusian-Russian University, Mogilev, Belarus, e-mail: lora1166@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты аналитического блока управления результативными параметрами предприятия, сложность проектирования которого заключается в многопродуктовой линейке производственной системы, многообразии номенклатуры выпускаемой продукции, формирующих итоговые результаты. Стратегический набор продуктов выступает объектной областью исследования в финансовом блоке экономической безопасности организации. Именно данные позиции ассортимента формируют основу производственной программы и определяют структуру результативных параметров эффективности продуктовой линейки производственной системы. Исследована сфера данных рентабельности продукции (работ, услуг) аудиторской организации.

Abstract: The article presents the results of the analytical block of the enterprise performance management, the complexity of which design is in the many-product line of the production system, the diversity of the nomenclature of the products produced, forming the final results. The strategic set of products is the object area of research in the financial block of the economic security of the organization. It is these product positions that form the basis of the production program and determine the structure of the performance parameters of the product line of the production system. The sphere of data on the profitability of products (works, services) of an audit organization has been studied.

Ключевые слова: информационно-аналитическая система, вид услуг, цена, переменные затраты, маржинальный доход, рентабельность, оптимизация, динамика

Keywords: information and analytical system, type of service, price, variable costs, marginal income, profitability, optimization, dynamics

В статье поставлена концепция зависимости эффективности управления результативными параметрами организации (выпуском, выручкой, издержкостемкостью, материалоемкостью продукции, ценой, прибылью и рентабельностью продукции) от ассортиментных сдвигов по номенклатуре производимой продукции (работ, услуг) [4, 9]. Для обеспечения объективности и гибкости управленческих процедур при проектировании информационно-аналитической платформы введен блок детального анализа объектов оптимизации результативных параметров отдельных видов продукции (работ, услуг) по методике комбинации ABC- и XYZ-анализа, что позволило выделить номенклатурные позиции, вносящие наибольший вклад в результативные показатели и характеризующиеся стабильной динамикой потребления [7].

Цель исследования заключается в разработке теоретических основ и практического применения информационно-аналитической системы управления рентабельностью

организации, выступающей гарантом обеспечения ее долгосрочного устойчивого развития на рынке, неотъемлемым компонентом устойчивости и ключевым направлением в системе комплексного экономического анализа деятельности. Основная задача – внедрение подсистем структурированного, целостного, комплексного, многоаспектного анализа прибыли и рентабельности с целевым вектором поиска стратегических моделей устойчивого развития организации.

Основой исследования являются методы системного анализа, специальные методы (методы факторного анализа, финансового и экономического анализа, статистического анализа, экономико-математического моделирования) [6]. Применена методология проектно-целевого управления на основе информационно-аналитических систем, теории экономического и финансового анализа [7]. Практическая разработка информационно-аналитического комплекса поддержки принятия решений ориентирована на использование потенциальных возможностей по извлечению аналитической информации, на основе которой можно осуществлять оптимизацию, мониторинг и прогнозирование параметров [2].

Объект исследования – информационно-аналитическая система управления прибылью ООО «Б1 Аудиторские услуги». Предмет исследования – механизмы системного управления прибылью организации по критериям устойчивого развития.

Регламент формирования информационно-аналитической системы управления прибылью включает блок анализа финансовых результатов по видам аудиторских услуг [1], выполняемых ООО «Б1 Аудиторские услуги» в целях выставления порогов по уровню финансовой безопасности в системе устойчивого развития организации. Необходима детализация анализа общих параметров прибыли и рентабельности в сегментах выполняемых аудиторских услуг, ранжирование видов услуг по уровню маржинальности, доходности, позволяющее разработать обоснованные рекомендации по оптимизации структуры портфеля аудиторских услуг, особенностью которого являются внутренние многосторонние взаимосвязи и взаимозависимости системы услуг [3, 5].

Спектр аудиторских услуг организации включает: консультационные услуги в областях, связанных с осуществлением аудиторской деятельности и оказанием профессиональных услуг; аудит финансовой отчетности в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) и национальными стандартами бухгалтерского учета; обзорные проверки; содействие в подготовке финансовой отчетности; консультационные услуги по ведению бухгалтерского учета; организацию процесса перехода на МСФО; специальные заключения и выполнение согласованных процедур.

Информационно-аналитическая система управления прибылью аудиторской организации широкого и глубокого спектра услуг предусматривает сегментный анализ по видам услуг, позволяющий: выявить стратегические приоритеты среди видов аудиторских услуг в системе поддержки принятия решений при управлении прибылью; оптимизировать номенклатуру услуг с акцентом на комплексные взаимосвязанных аудиторских услуг с долгосрочной перспективой развития деловых отношений; сформировать информационно-аналитический блок управления перечнем видов аудиторских услуг по критериям роста рентабельности организации; повысить эффективность системы управления прибылью и рентабельностью услуг организации; перераспределить усилия персонала в системе управления прибылью и рентабельностью в зависимости от его квалификации и имеющегося опыта по критерию значимости отдельных видов услуг. Сформирован информационный динамический базис системы исходных оперативных данных в разрезе видов аудиторских услуг ООО «Б1 Аудиторские услуги». Анализ структурной динамики портфеля аудиторских услуг показал высокий уровень концентрации в сегменте аудиторских услуг (удельный вес в периоде 2021-2024 гг. 50; 51; 51; 50 %), услуг в области налогообложения (доля по годам 23; 24; 23; 23 %), консультационных услуг (доля по годам 19; 15; 15; 19 %), что соответствует стабильной структуре видов услуг и долгосрочностью делового обслуживания в отраслевых секторах.

На рис. 1 наглядно просматривается структурная стабильность портфеля услуг организации: в 2024 г. относительно 2023 г. отмечено снижение доли аудиторских услуг на 1 п.п., консультационных услуг по сделкам на 3 п.п. за счет роста консультационных услуг в целом на 4 п.п.

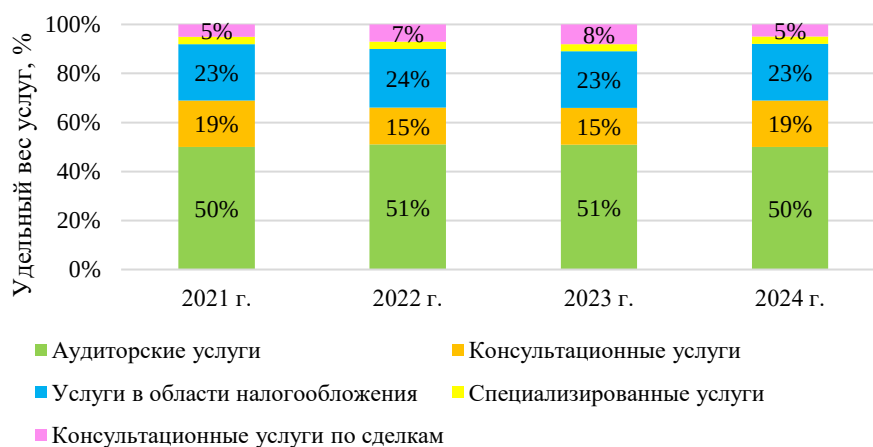

Рисунок 1– Динамика структуры продуктового портфеля ООО «Б1 Аудиторские услуги» за 2021-2024 гг.

Для проведения АВС-анализа рассчитан кумулятивный процент по видам услуг в рамках исследуемого периода 2021-2024 гг. к группе продуктов А относятся аудиторские услуги (долевое участие соответственно 50; 51; 51; 50 %), услуги в области налогообложения (долевое участие соответственно 73; 75; 74; 73 %); к группе продуктов В отнесены консультационные услуги (долевое участие соответственно 92; 90; 89; 92 %); в группу продуктов С вошли специализированные услуги и консультационные услуги по сделкам. Следует отметить особенность продуктового портфеля ООО «Б1 Аудиторские услуги», состоящую во взаимосвязях услуг, которые определяются как основные и сопутствующие, ориентированные на придание уверенности клиенту в ведении бизнеса по юридическим, учетным, документальным (составление различной отчетности) аспектам, аналитике деятельности в блоках бизнес-процессов и др. В связи с этим произведено исследование во всех укрупненных позициях продуктового портфеля организации.

Динамический тренд объемов оказанных услуг по количеству договоров изучен во взаимосвязи с динамикой средних цен на услуги в интервале 2021-2024 гг. и представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Трендовый анализ объема, средней цены по видам услуг организации

Вид услуг	Индекс объема оказанных услуг			Индекс средних цен по видам услуг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Аудиторские услуги	1,121	0,992	1,077	1,135	1,561	1,166
Консультационные услуги	0,868	0,992	1,393	1,111	1,417	1,173
Услуги в области налогообложения	1,145	0,952	1,099	1,145	1,386	1,037
Специализированные услуги	1,101	0,987	1,107	1,096	1,556	1,052
Консультационные услуги по сделкам	1,539	1,136	0,687	1,143	1,848	1,052
Итого	1,099	0,992	1,099	1,187	1,058	1,051

Представленная аналитическая информация показывает значительный разброс индексов объема произведенных услуг в динамике: отмечено снижение показателей масштаба деятельности в 2023 г. и одновременно значительный рост цен в данном периоде.

В 2024 г. установлен наибольший прирост консультационных услуг (цепной индекс роста 1,393) при одновременном росте цен на 17,3 %, при этом доля данного вида услуг составила 19 % и отнесена на группу В.

Продукты группы А в отчетном периоде характеризуются опережающим ростом цен: аудиторские услуги (индекс объема и индекс цен: 1,077; 1,166); услуги в области налогообложения (1,099; 1,037). По аудиторским услугам, в период 2021-2022 гг., средняя цена выросла на 13,5 %, а в период 2023-2024 гг. – интенсивнее до 16,6 %. По консультационным услугам в период 2021-2022 гг. прирост средней цены составил 11,1 %, а в период 2023-2024 гг. – 17,3 %. По услугам в области налогообложения прирост в 2021-2022 гг. составил 14,5 %, а в следующий период еще на 38,6 %. По специализированным услугам прирост за период 2021-2022 гг. составил 9,6 %, а в период 2023-2024 гг. – 5,2 %. Наиболее яркое движение параметров динамики отмечено по аудиторским, консультационным услугам, консультационным услугам по сделкам. С позиций информационно-аналитической платформы управления прибылью к динамике изменений параметров объема и цен необходимо добавить динамику параметров затрат в разрезе маржинального анализа – переменных и постоянных (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика переменных и постоянных затрат по видам услуг организации

Вид услуг	Переменные затраты на единицу услуг, тыс. руб.				Постоянные затраты на весь объем услуг, тыс. руб.			
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Аудиторские услуги	1,144	1,240	1,240	1,251	529,50	675,24	763,98	786,45
Консультационные услуги	1,143	1,239	1,239	1,250	201,21	198,60	224,70	298,85
Услуги в области налогообложения	1,143	1,241	1,240	1,251	243,57	317,76	344,54	361,77
Специализированные услуги	1,146	1,239	1,246	1,257	31,77	39,72	44,94	47,19
Консультационные услуги по сделкам	1,146	1,241	1,240	1,251	52,95	92,68	119,84	78,65
Итого	-	-	-	-	1059,00	1324,00	1498,00	1572,90

Данные табл. 2 дополнены параметрами динамики переменных и постоянных затрат по видам услуг (табл. 3): индексы роста постоянных затрат опережают индексы роста переменных затрат.

Таблица 3 – Трендовый анализ переменных и постоянных затрат по видам услуг ООО «Б1 Аудиторские услуги»

Вид услуг	Индекс переменных затраты на единицу услуг			Индекс постоянных затрат по видам услуг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Аудиторские услуги	1,084	1,000	1,009	1,275	1,131	1,029
Консультационные услуги	1,084	1,000	1,009	0,987	1,131	1,330
Услуги в области налогообложения	1,086	0,999	1,009	1,305	1,084	1,050
Специализированные услуги	1,081	1,006	1,009	1,250	1,131	1,050
Консультационные услуги по сделкам	1,083	0,999	1,009	1,750	1,293	0,656
Итого	-	-	-	1,250	1,131	1,050

Темп прироста для аудиторских услуг по постоянным затратам, на период 2021-2022 гг., составил 27,5 %, а в период 2023-2024 гг. – 2,9 %. В период 2022-2023 гг. наблюдается увеличение постоянных затрат на консультационные услуги на 13,1 %, а в период 2023-2024 гг. – на 33,0 %. Наибольший рост наблюдается по постоянным затратам консультационных услуг в области сделок в 2021-2022 гг.: составил 75 %. Отмечено постоянство по индексу переменных затрат 2024 г. в соответствии с предоставленными оперативными данными по уровню удельных переменных затрат в разрезе видов услуг организации (размер 1,009). Данный рост затрат выше, чем 2023 г. относительно 2022 г. и ниже уровня роста в 2022 г. Наибольшее значение индекса постоянных затрат в 2024 г. отмечено по группе консультационных услуг (прирост 33 %), что носит условных характер разброса управленческих расходов по видам услуг организации.

Методическое обеспечение анализа системы факторов изменения рентабельности продукции, услуг отмечено классическим подходом [8]. Исходные данные для проведения анализа сгруппированы на рис. 2.

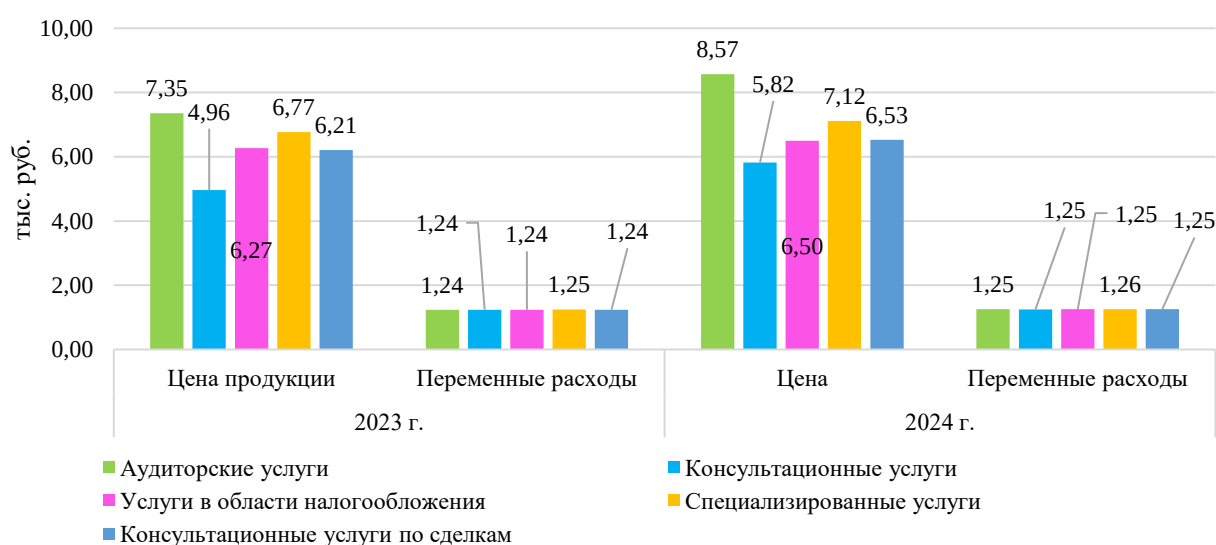

Рисунок 2 –Динамика средних цен и переменных затрат по видам услуг за 2023-2024 гг.

На рис. 2 наглядно виден значительный уровень маржинального дохода в разрезе всех видов услуг организации (наибольшее значение приходится на аудиторские услуги 7,32 тыс. руб.); отмечен рост маржинального дохода по всем позициям услуг в 2023-2024 гг., что актуализирует приоритетность развития данного направления деятельности ООО «Б1 Аудиторские услуги».

Динамика факторов, формирующих прибыль от реализации услуг, за период 2023-2024 гг. представлена на рис. 3.

Рост объемов услуг в продуктах группы А (аудиторских и консультационных услуг) выступает мультипликатором роста прибыли в данных секторах услуг при условии выявленной ранее высокой маржинальности данных направлений деятельности организации и требует поиска решений проектного расширения на географических сегментах внутреннего рынка. В 2023-2024 гг. отмечено снижение объемов консультационных услуг по сделкам на 31,3 % при высоком уровне маржинальности данного сектора продуктового портфеля, что также требует развития и поиска расширения в географических сегментах.

Представленная выше в таблицах и графиках информационно-аналитическая платформа показывает: наибольшее количество услуг в период с 2021 по 2024 годы приходится на аудиторские услуги, также в данном портфельном сегменте отмечены

наибольшие значения средних цен на единицу оказанных услуг и наибольший маржинальный доход, при этом наиболее существенное значение постоянных затрат отнесено на аудиторские услуги.

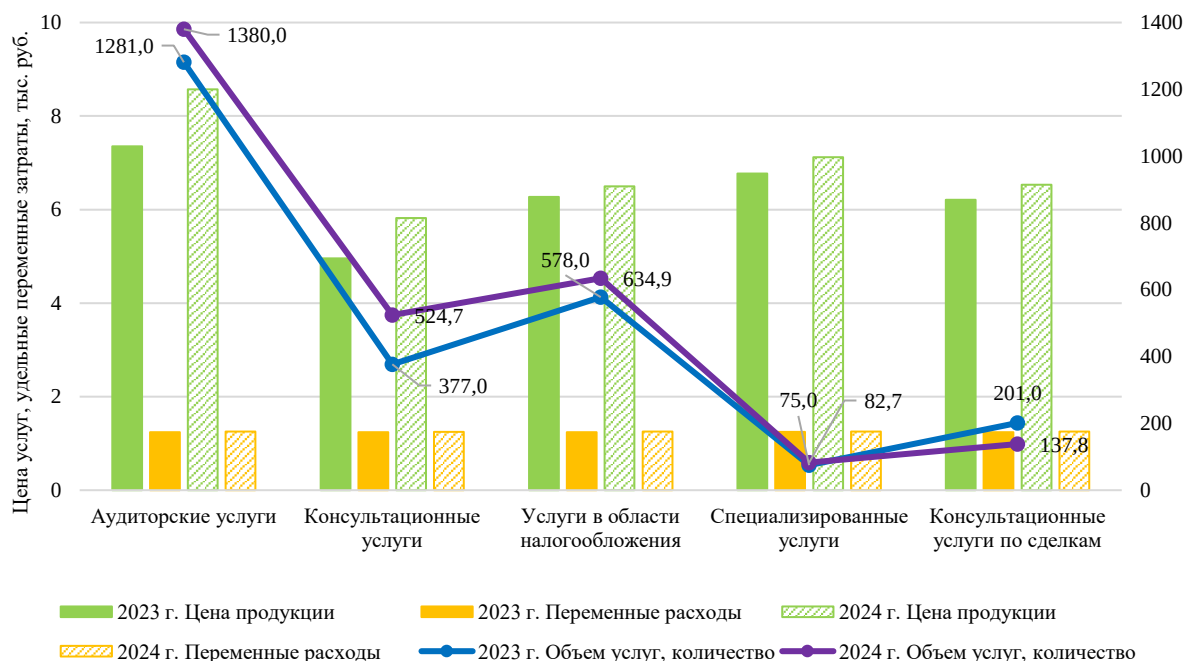

Рисунок 3 –Динамика параметров по видам услуг в системе «цена-переменные затраты-маржинальный доход» за 2023-2024 гг.

Данная группа услуг рассмотрена как стратегическая и с учетом высокого уровня маржинальности в перспективной линейке требует географической диверсификации интегрированной системы. По данному аналитическому блоку сделан вывод, что факторы прибыли от реализации услуг, в период 2021-2024 гг., в основном, имели тенденцию роста, что имеет определенное направление влияния на прибыль организации. В связи с этим разработан информационно-аналитический блок диагностики факторов изменения прибыли и рентабельности по видам услуг продуктового портфеля ООО «Б1 Аудиторские услуги». Представлена информационно-аналитическая платформа рентабельности по видам услуг организации. Для анализа рентабельности затрат по видам услуг с помощью метода цепной постановки произведен расчет цепочки показателей за 2023-2024 гг. в табл. 4; выполнены аналогичные расчеты в смежных периодах 2021-2023 гг. Информационная база показывает высокий уровень рентабельности затрат по видам услуг ООО «Б1 Аудиторские услуги», исчисленные значениями выше 100 %.

Таблица 4 – Промежуточный кластер расчетов условных показателей в системе факторного анализа рентабельности затрат в разрезе услуг за 2023-2024 гг. за 2023-2024 гг.

Вид услуг	Рентабельность затрат, %				
	2023 г.	усл 1	усл 2	усл 3	2024 г.
Аудиторские услуги	300,241	309,787	377,789	374,796	370,551
Консультационные услуги	170,297	197,494	249,262	246,911	219,971
Услуги в области налогообложения	241,487	251,718	264,749	262,450	257,050
Специализированные услуги	266,898	278,275	297,794	295,285	289,407
Консультационные услуги по сделкам	238,195	194,323	209,510	207,861	258,383
Итого	261,272	268,697	316,590	313,965	307,797
Исходная факторная модель: $P_{zi} = \frac{V_i \cdot (C_i - b_i) - \text{Зпост}_i}{V_i \cdot b_i + \text{Зпост}_i}$					

Рентабельность затрат по аудиторским, консультационным услугам, услугам в области налогообложения в 2024 г. составила 370,551; 219,971; 257,050 % и приросла к уровню 2023 г. на 70,310; 49,675; 15,563 %. Результаты расчета количественного влияния факторов на динамику рентабельности затрат по видам услуг за 2021-2023 гг. внесены в таблицу 5.

Таблица 5 – Факторный анализ рентабельности затрат в разрезе услуг за 2023-2024 гг.

Вид услуг	Фактор изменения рентабельности затрат, п.п.				
	объем услуг	цена услуг	переменные затраты	постоянные затраты	итого
Аудиторские услуги	9,546	68,002	-2,993	-4,245	70,310
Консультационные услуги	27,197	51,768	-2,350	-26,940	49,675
Услуги в области налогообложения	10,231	13,031	-2,299	-5,400	15,563
Специализированные услуги	11,377	19,519	-2,509	-5,878	22,509
Консультационные услуги по сделкам	-43,872	15,187	-1,650	50,522	20,188
Итого	7,425	47,894	-2,625	-6,169	46,525

По данным таблицы 5 установлено, что прирост рентабельности затрат по видам услуг в отчетном периоде 2023-2024 гг. произошел в основном за счет роста цен на услуги (размер влияния по аудиторским, консультационным услугам, услугам в области налогообложения соответственно составил 68,002; 51,768; 13,031 п.п., противоположную направленность проявил фактор роста переменных затрат (размер влияния соответственно составил -2,993; -2,350; -2,299 п.п. Отмечена значительная разбежка в порядке аналитических цифр и высокий уровень положительного суммарного влияния данных факторов. В итоге с учетом незначительного влияния остальных факторов данная пропорция определила общее увеличение рентабельности затрат по рассматриваемому продуктовому портфелю 70,310; 49,675; 15,563; 22,509; 20,188 п.п.

Графическое представление влияния факторов на рентабельность затрат по видам услуг отражено на рис. 4. На диаграмме виден значительный прирост рентабельности затрат в результате роста цен, объемов оказанных услуг (за исключением консультационных услуг по сделкам). Отмечен незначительный уровень отрицательного влияния переменных и постоянных затрат.

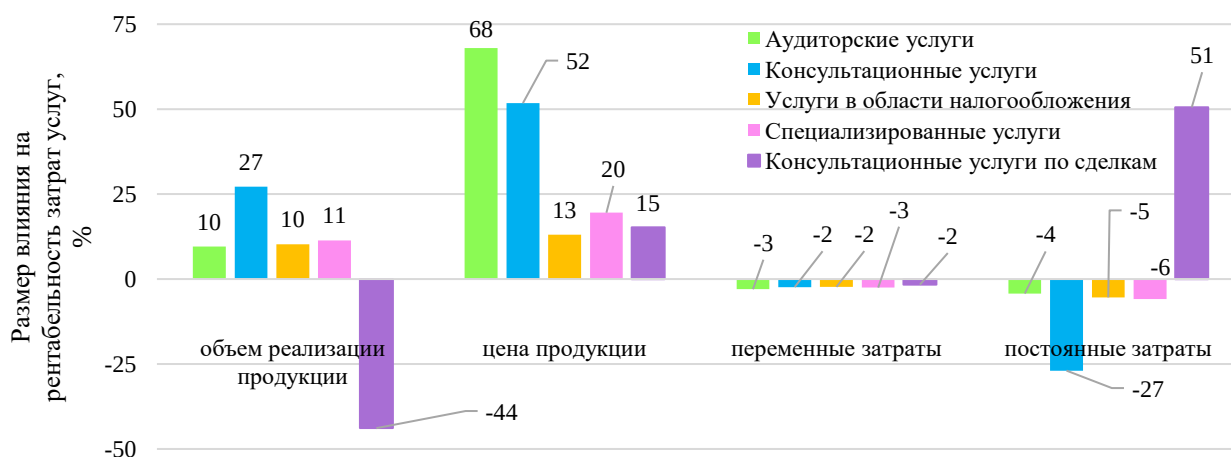

Рисунок 4– Факторный анализ рентабельности затрат в разрезе услуг за 2023-2024 гг.

Информационно-аналитическая система поддержки принятия решений при управления прибылью и рентабельностью ООО «Б1 Аудиторские услуги» выявила высокий уровень и стабильности роста данных финансовых параметров в системе устойчивого развития организации. Благодаря адаптации к новым условиям и программам поддержки экономики, в 2021-2024 гг. организация продемонстрировала значительный рост в объемах услуг и выручке от реализации услуг, прибыли от реализации услуг и рентабельности по видам услуг и в целом по организации. Сформированная информационно-аналитическая платформа систематизирована в подсистемах по направлениям: анализ общих параметров прибыли и рентабельности в целом по пред-приятию; анализ и выявление стратегических групп услуг методом ранжирования ABC-анализа; анализ прибыли и рентабельности по видам услуг продуктового портфеля организации с детализацией в целях выбора стратегии развития и вертикально интегрированной диверсификации организации.

Анализ в подсистеме исследования прибыли от реализации и рентабельности позиций продуктового портфеля показал наибольший уровень значимости факторов цен реализации и объемов оказанных услуг по видам в структуре факторов прибыли от реализации услуг: при этом отмечены положительные пропорции по всем позициям; размер положительного влияния цен оказался выше отрицательного влияния роста переменных затрат, что и определило ее прирост по всем видам услуг. По всем позициям услуг наблюдается опережение положительного влияния роста цен на услуги относительно роста переменных затрат, и одновременно данный результат растет под значительным влиянием роста объемов оказанных услуг. Результаты исследования в данном блоке проектируют вектор развития ООО «Б1 Аудиторские услуги» по продуктовым секторам с точки зрения географической диверсификации вертикально интегрированной системы в целях поддержания стабильного устойчивого развития в долгосрочной перспективе. В качестве проектного базиса рекомендована стратегия расширения аудиторской деятельности организации в географических сегментах внутреннего рынка аудиторских услуг.

Список литературы:

1. Брускин, С.Н. Системы поддержки принятия решений в корпоративном планировании с использованием информационной бизнес-аналитики: практика и перспективы / С.Н. Брускин // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2015. – №11. – С. 593-598.
2. Забодаева, И.В. Формирование интегрированной корпоративной информационной системы как инновационное направление совершенствования внутрифирменного планирования и управления/ И.В. Забодаева // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2019. – № 6. – С. 51-53.
3. Зиборева, О.Ю. Тенденции развития международной аудиторской деятельности в эпоху глобализации экономики / О.Ю.Зиборева, А.В. Распутин // Известия БГУ. – 2018. – №3. – С. 442-451.
4. Наркевич, Л.В. Ретроспективный блок аналитической системы управления прибылью организации/ / Л.В. Наркевич, В.В. Решетов // Эффективность организации и управления промышленными предприятиями: проблемы и пути решения, посвященная празднованию юбилея ВГТУ: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященная празднованию юбилея ВГТУ; 27 марта 2026 года; - Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. – 389 с. (С. 297-304).
5. Овчаренко, А.В. Стратегические и операционные маркетинговые решения аудиторского бизнеса: специфика, содержание и эффективность / А.В. Овчаренко // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – №4 (62). – С. 87-92.
6. Панков, Д. А. Актуализация новых направлений экономического анализа / Д. А.

Панков, Л. С. Маханько // Бухгалтерский учет и анализ. – 2021. – № 8. – С. 3-7.

7. Полухина, И.В. Информационно-аналитическое обеспечение управления финансовыми результатами экономического субъекта / И.В. Полухина // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2020. – №2. – С. 90-104.

8. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности / Г.В. Савицкая – Минск: ООО «Новое знание», 2022. – 688 с.

9. Хромова, И.Н. Информационно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений по оптимизации прибыли экономических субъектов / И.Н. Хромова, А.А. Кулак, А.А. Овсиенко // ЕГИ. – 2021. – №5 (37). – С. 395-401.

УДК: 343.9

КИБЕРУГРОЗЫ КАК ФАКТОР РИСКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CYBER THREATS AS A RISK FACTOR FOR ECONOMIC SECURITY

А.А.Оленцова

A.A.Olentsova

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д. 2/32, email: geliolentsova@yandex.ru

Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, 344000, Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, st. 9th line/Soviet, 2/32, email: geliolentsova@yandex.ru

Аннотация: В контексте глобализации и возрастающей цифровизации экономических процессов вопросы обеспечения кибербезопасности приобретают критическое значение. Данная статья представляет собой всестороннее исследование влияния кибератак на экономическую стабильность, интегрируя теоретические основы кибербезопасности и экономической устойчивости, методологию анализа и моделирования киберугроз, а также, в рамках исследования, предлагаются стратегии и рекомендации по укреплению экономической безопасности. В работе рассматривается классификация кибератак и их потенциальное воздействие на экономические системы; проводится статистический анализ и моделирование сценариев кибератак; а также формулируются подходы к повышению устойчивости экономики к киберугрозам, включая внедрение передовых технологий киберзащиты и разработку политических и организационных механизмов.

Abstract: In the context of globalization and increasing digitalization of economic processes, the issue of cybersecurity has become critical. This article provides a comprehensive study of the impact of cyberattacks on economic stability, integrating the theoretical foundations of cybersecurity and economic resilience, the methodology of analyzing and modeling cyber threats, and offering strategies and recommendations for strengthening economic security. The paper examines the classification of cyberattacks and their potential impact on economic systems; conducts statistical analysis and modeling of cyberattack scenarios; and formulates approaches to improving the economy's resilience to cyber threats, including the implementation of advanced cyber defense technologies and the development of policy and organizational mechanisms.

Ключевые слова кибербезопасность, экономическая стабильность, кибератаки, устойчивость экономики, междисциплинарный анализ, моделирование киберугроз, стратегии кибербезопасности, информационные технологии и экономика.

Keywords: cybersecurity, economic stability, cyberattacks, economic resilience, interdisciplinary analysis, cyberthreat modeling, cybersecurity strategies, information technology,

and economics.

В современных условиях, когда вопросы кибербезопасности приобретают статус критически важного компонента для поддержания стабильности и устойчивости экономических систем, проникновение информационных технологий во все сферы жизни порождает новые вызовы и угрозы для экономической безопасности государств, корпораций и частных лиц. Кибератаки способны нанести существенный ущерб, который может выражаться как в подрыве доверия к финансовым учреждениям, так и в прямых финансовых убытках и дестабилизации макроэкономических процессов [1].

Настоящая статья призвана проанализировать механизмы влияния кибератак на экономическую стабильность, изучить векторы этого воздействия и рассмотреть потенциальные методы защиты и смягчения последствий.

Целью работы является интеграция теоретических и прикладных аспектов кибербезопасности и экономики для предоставления всестороннего анализа текущей ситуации и выработки рекомендаций по повышению устойчивости экономических структур перед киберугрозами.

В рамках данного исследования кибератаки трактуются как целенаправленные нарушения нормального функционирования информационных систем, что может повлечь за собой прямые и косвенные экономические издержки для отдельных предприятий и целых отраслей. К таким атакам относятся вирусные воздействия, фишинг, DDoS-атаки, а также более изощренные формы цифрового шпионажа и киберсаботажа.

Задачи исследования включают анализ конкретных инцидентов кибератак и их последствий, разработку моделей для оценки влияния киберугроз на экономическую устойчивость, а также выдвижение мер по снижению уязвимости экономических систем перед подобными воздействиями.

В современных условиях кибербезопасность и экономическая устойчивость демонстрируют возрастающую взаимозависимость. Интеграция информационных технологий во все сферы жизнедеятельности стимулировала новый вектор экономического роста, однако одновременно породила и новые риски. Успешные кибератаки способны вызвать значительные финансовые убытки, парализовать операционную деятельность организаций и подорвать общественное доверие к цифровой экономике [2].

Кибератаки классифицируются по ряду ключевых параметров:

- по направлению атаки (например, вредоносное программное обеспечение, фишинг, атаки типа «отказ в обслуживании» и т.п.),
- по намерениям субъектов неправомерных действий (включая хищение данных, саботаж или шпионаж),
- по потенциальному ущербу для объектов защиты.

Каждый выявленный тип угрозы выдвигает специфические вызовы перед системами киберзащиты и требует применения соответствующего, специализированного комплекса мер обеспечения безопасности.

Исследования свидетельствуют о том, что последствия кибератак выходят за рамки прямого материального ущерба активам и расходов на восстановление, включая такие косвенные издержки, как падение потребительского доверия, снижение рыночной капитализации и удорожание заимствований. Экономическая стабильность в условиях цифровой экономики критически зависит от результативности мер по обеспечению кибербезопасности, охватывающих как технологические разработки, так и правовые, организационные и образовательные инициативы.

Как отмечает Алексеев А.В., на макроэкономическом уровне воздействие кибератак может выражаться в замедлении темпов экономического роста, увеличении государственных расходов на защиту от киберугроз и негативном влиянии на инвестиционный климат. Тем не менее, развитие сектора кибербезопасности одновременно создает новые рабочие места и стимулирует технологический прогресс, что позиционирует

его как ключевой элемент экономической устойчивости [3].

Таким образом, проведенный обзор позволяет заключить, что кибербезопасность представляет собой фактор первостепенной важности для экономической стабильности. Эффективное противодействие киберугрозам требует слаженной кооперации между государственным сектором и бизнесом, а также активного внедрения передовых инновационных решений в данной области.

Увеличение числа кибератак представляет собой существенный фактор, оказывающий давление на экономическую устойчивость. В частности, хотя замедление темпов экономического роста не носит катастрофического характера, выявленная тенденция свидетельствует о потенциальной уязвимости экономических систем перед лицом киберугроз. Подобное замедление способно иметь долгосрочные последствия для общего благосостояния экономики, затрагивая такие аспекты, как инвестиции в инновации и инфраструктуру, уровень занятости и покупательную способность населения [4].

Особого внимания заслуживает тот факт, что даже незначительное снижение темпов роста, вызванное кибератаками, может в совокупности повлечь за собой значительные экономические потери как на национальном, так и на глобальном уровнях. Следовательно, возникает острая необходимость в увеличении инвестиций в сферу кибербезопасности и разработке комплексных стратегий защиты, направленных на минимизацию рисков для экономической стабильности и содействие устойчивому развитию.

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы, которые могут послужить основанием для рекомендаций по укреплению экономической устойчивости перед лицом кибератак.

В частности, установлена статистически значимая отрицательная корреляция между увеличением числа кибератак и темпами экономического роста, что свидетельствует о негативном влиянии киберугроз на экономическое развитие. В среднем, крупный инцидент может повлечь убытки в размере 2,5% годового дохода для пострадавших организаций, а для крупных экономик общий ущерб может достигать 0,5% ВВП ежегодно. Наиболее уязвимыми секторами признаны финансовая отрасль, здравоохранение и розничная торговля, поскольку именно в них вероятность серьезных последствий кибератак является максимальной.

В связи с этим предлагается разработка и усиление законодательной базы, обязывающей осуществлять информирование о кибератаках для всех предприятий, функционирующих в критически важных секторах экономики. Кроме того, целесообразно внедрение стандартов кибербезопасности и проведение обязательных аудитов для уязвимых отраслей. Также рекомендуется активизация государственных и частных инвестиций в развитие технологий кибербезопасности, включая предоставление грантов и налоговых преференций для инновационных стартапов в данной сфере.

Также необходимо инициировать запуск национальных образовательных программ по основам кибербезопасности для населения, а также специализированных курсов для персонала организаций, обеспечивающих функционирование критической инфраструктуры.

На основании проведенного анализа было установлено, что кибербезопасность представляет собой неотъемлемый элемент экономической безопасности в современных условиях. Обеспечение эффективной киберзащиты способно не только оградить экономические активы и инфраструктуру, но и содействовать устойчивому развитию, инновационной активности и глобальной конкурентоспособности.

Основными направлениями укрепления киберустойчивости экономики признаются создание и имплементация актуальных нормативно-правовых актов, приумножение инвестиций в технологии и инфраструктуру кибербезопасности, а также повышение уровня образования и осведомленности как населения, так и профессионального сообщества [5]. Исследование акцентирует внимание на том, что противодействие киберугрозам требует комплексного подхода, интегрирующего технологические, организационные и

образовательные меры.

Достижение существенного прогресса в защите экономических систем от кибератак и обеспечение их дальнейшего устойчивого функционирования возможны лишь посредством совместных усилий. Таким образом, данная работа представляет собой значимый вклад в понимание сложной взаимосвязи между кибербезопасностью и экономической стабильностью.

Список литературы:

1. Количество кибератак на промышленность выросло на 38% в I квартале 2026 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/analytics/kolichestvo-kiberatak-na-promyshlennost-vyroslo-na-38-v-i-kvartale-2026-goda/> (дата обращения: 19.04.2026)
2. Мировая экономика страдает из-за кибератак // Финам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/mirovaya-ekonomika-stradaetiz-za-kiberatak-20240219-0900/> (дата обращения: 19.04.2026)
3. Алексеев Евгений Владимирович Моделирование влияния кибератак на экономическую стабильность // Инновации и инвестиции. 2024. №4.
4. Эксперты спрогнозировали рост числа кибератак на российские компании на треть [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/551722-eksperty-sprognozirovali-rost-cisla-kiberatak-na-rossijskie-kompanii-na-tret>
5. Информационный портал по безопасности. SecurityLab [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru> (дата обращения: 19.04.2026)

УДК 340

НЕЙРОДААННЫЕ КАК УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

NEURODATA AS A THREAT TO STATE INFORMATION SECURITY: LEGAL GAPS AND RISK MANAGEMENT MECHANISMS

Ю.И. Пантюшенко, В.А. Агаян
Yu. I. Pantyushenko, V.A. Agayan

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, 344000, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д.
2/32,, email: rf@rpa-mjust.ru

Rostov Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Russia, 344000, Rostov Region, Rostov-on-Don, 9th Line/Sovetskaya St., 2/32, email:
rf@rpa-mjust.ru

Аннотация: В статье исследуются правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в условиях активного внедрения нейроинтерфейсов. Обосновывается, что нейроданные становятся новым объектом уязвимости, способным подрвать информационный суверенитет государства. Анализируются недостатки российского законодательства о персональных данных, в части регулирования нейроинформации, а также риски её неправомерного использования для скрытого воздействия на принятие решений гражданами. Предлагаются направления совершенствования правового режима защиты нейроданных как элемента системы информационной безопасности, обеспечивающего эффективное управление государством.

Abstract: This article examines the legal aspects of information security in the context of

the widespread adoption of neural interfaces (brain-computer interfaces). It argues that neural data is becoming a new vulnerability capable of undermining the state's information sovereignty. It analyzes the shortcomings of Russian legislation on personal data, particularly in its regulation of neural information, as well as the risks of its misuse for covert influence on citizens' decision-making. It also proposes ways to improve the legal framework for protecting neural data as an element of the information security system, ensuring effective governance.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы, нейроданные, информационная безопасность, управление государством, биометрические данные, защита информации, правовое регулирование, угрозы цифровой эпохи.

Keywords: neural interfaces, neural data, information security, government, biometric data, information protection, legal regulation, threats of the digital age

Активное развитие нейротехнологий, прежде всего неинвазивных интерфейсов «мозг–компьютер», меняет ландшафт информационной безопасности. Сегодня нейроинтерфейсы (brain-computer interfaces) (далее - BCI-устройства) применяются не только в медицине (реабилитация пациентов с инсультом или боковым амиотрофическим склерозе (далее - БАС)), но и в быту, образовании, на транспорте [1, С. 110]. Генерируемые ими сведения — нейроданные — представляют собой информацию о биоэлектрической активности мозга, гемодинамике и других физиологических процессах. В отличие от традиционных персональных данных, нейроинформация способна раскрывать когнитивные состояния, эмоциональные реакции и даже невысказанные намерения человека, что делает её критически значимой для сохранения информационной безопасности как отдельной личности, так и государства в целом.

С позиции управления государством, обеспечение информационной безопасности включает защиту национальных информационных ресурсов от несанкционированного доступа, манипулирования и уничтожения. Нейроданные, будучи новым типом таких ресурсов, сегодня выпадают из системы правового контроля. Это создаёт канал потенциальных угроз: от массовой дискредитации граждан на основе их «мыслепреступлений» до тотальной манипуляции электоральным поведением.

Основной нормативный акт в сфере защиты информации — Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [3] — определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определённом физическому лицу. Нейроданные, безусловно, подпадают под это определение, поскольку паттерны мозговой активности обладают уникальностью, сравнимой с отпечатками пальцев [4, С. 86–87].

Однако ключевая правовая коллизия заключается в квалификации нейроданных как биометрических персональных данных (ч. 1 ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ). Формально электроэнцефалография (далее – ЭЭГ) или функциональная магнитно-резонансная томография (далее – фМРТ) характеризуют физиологические особенности человека, однако закон не учитывает, что нейроинформация часто используется не для идентификации, а для мониторинга функционального состояния или управления внешними устройствами. Строгий режим биометрии, требующий письменного согласия и разрешённый лишь в исключительных случаях, неоправданно затрудняет легитимное применение BCI. И наоборот — в отсутствие чёткого разграничения, нейроданные могут обрабатываться без специальной защиты, что нарушает информационную безопасность государства.

Проблема усугубляется тем, что классические методы обезличивания (удаление ФИО, адреса) неэффективны: нейроданные сами по себе являются псевдонимным идентификатором, позволяющим при сопоставлении с другими базами восстановить личность субъекта [5, С. 119]. Таким образом, даже «анонимизированные» нейроданные представляют собой угрозу информационной безопасности, если попадают к злоумышленникам.

Особого внимания заслуживает риск манипулятивного воздействия. Используя

нейроинтерфейсы или скрытое считывание мозговой активности, третьи лица могут воздействовать на принятие решений человеком против его воли. Как отмечается в научной литературе, «повышается риск попадания данных ограниченного доступа в руки третьих лиц, которые могут использовать их не по назначению и в корыстных целях» [6, С. 108]. В контексте управления государством такие манипуляции способны подрывать демократические процедуры, свободу волеизъявления и основы национальной безопасности. Фрагментарность существующих норм и отсутствие единого подхода законодателя усиливают правовую неопределённость [7, С. 72].

Для превращения защиты нейроданных в действенный механизм управления государством в сфере информационной безопасности необходимо реализовать следующие меры:

1. Законодательно разделить нейроданные, используемые для идентификации личности (биометрический режим по ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ), и нейроданные, отражающие функциональные состояния и когнитивные процессы. Для второй категории разработать специальный правовой режим с повышенными требованиями к защите, но без избыточных ограничений для технологического развития.

2. Закрепить понятийный аппарат в отдельном федеральном законе (например, «О нейротехнологиях и защите нейроданных»), включив определения «нейроинтерфейс», «нейроданные», «психофизиологическая информация».

3. Ввести многоуровневое информированное согласие, где оператор обязан разъяснять не только цели сбора, но и возможные последствия утечки нейроданных (дискриминация, манипуляция). Предусмотреть безусловное право отзыва согласия с уничтожением данных.

4. Установить уголовную ответственность за скрытое нейровоздействие на принятие решений человеком. Предлагается дополнить главу 19 УК РФ [8] статьёй «Неправомерное использование нейротехнологий для воздействия на принятие решений человеком против его воли и интересов» (в редакции, предложенной в исходной статье, санкции — штраф до 1 млн руб. или лишение свободы до 8 лет).

Реализация указанных предложений позволит не только закрыть существующие правовые пробелы, но и использовать обеспечение информационной безопасности как эффективный способ управления государством — через защиту критически важной нейроинформации, предотвращение манипуляций и укрепление доверия граждан к цифровой среде. В противном случае нейротехнологии создадут новый канал уязвимости национального суверенитета, что недопустимо в условиях современных гибридных угроз.

Список литературы:

1. Шепелев Д.В. Цифровизация и право: современное состояние и перспективы взаимовлияния // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-pravo-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-vzaimovliyaniya> (дата обращения: 27.09.2025).

2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. 2006. 28.07.

4. Кузнецов А.А. Правовые основы биометрических методов аутентификации личности // ЭПИ. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-biometricheskih-metodov-autentifikatsii-lichnosti> (дата обращения: 27.09.2025).

5. Селюк А.С. Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-ramkah-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 27.09.2025).

6. Мельников В.Ю., Агаян В.А. Актуальные вопросы уголовного права и процесса.

Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2023. 520 с. ISBN 978-5-98615-581-4. EDN HJENWG. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60039658> (дата обращения: 27.09.2025).

7. Агаян В.А. Реалии новой цифровой преступности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : Сборник статей участников XV научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2023 года. М.: Университет прокуратуры РФ, 2023. С. 68-72. EDN QMOUYB. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65437467> (дата обращения: 27.09.2025).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 27.09.2025).

УДК 658.5

**ЦИФРОВАЯ АДАПТИВНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ:
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОСТИ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ И КЛИМАТИЧЕСКИМ ВЫЗОВАМ**

**DIGITAL ADAPTABILITY OF FOOD SYSTEMS: INNOVATION POTENTIAL OF
ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF RESILIENCE TO ECONOMIC CHALLENGES**

**А.Р. Пархоменко
A.R. Parkhomenko**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027, г. Могилев, пр. Шмидта, 3, email:
angelinaromanovna090702@gmail.com

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,
Shmidta Ave., 3, Mogilev, 212027, Republic of Belarus, email:
angelinaromanovna090702@gmail.com

Аннотация: В условиях растущей глобальной неопределенности, обусловленной комплексом экономических и климатических вызовов, обеспечение устойчивости продовольственных систем и национальной продовольственной безопасности приобретает первостепенное значение. Данная статья посвящена исследованию влияния цифровых технологий на развитие инновационного потенциала организаций АПК и его роли в повышении устойчивости продовольственных систем к внешним шокам.

Актуальность исследования определяется необходимостью адаптации продовольственных систем к ускоряющимся темпам изменений и возрастающей волатильности. В работе анализируется, каким образом внедрение цифровых технологий – таких как точное земледелие, искусственный интеллект, Big Data, блокчейн и цифровые платформы – трансформирует традиционные бизнес-модели агропредприятий, стимулируя развитие их инновационного потенциала. Рассматриваются ключевые аспекты цифровой адаптивности: способность к внедрению новых решений, гибкость операционных процессов, оптимизация использования ресурсов и сокращение потерь.

Статья демонстрирует, что организации с развитым инновационным потенциалом, активно использующие цифровые инструменты, демонстрируют повышенную устойчивость к экономическим колебаниям (через снижение издержек, повышение конкурентоспособности, развитие новых каналов сбыта) и климатическим изменениям (через оптимизацию ресурсов, внедрение адаптивных технологий). В свою очередь, повышение устойчивости организаций агропродовольственного сектора прямо способствует укреплению продовольственной безопасности государств путем обеспечения

доступности, наличия и качества продовольствия, а также снижения зависимости от внешних факторов.

Abstract: Amid growing global uncertainty caused by a combination of economic and climate challenges, ensuring the resilience of food systems and national food security is of paramount importance. This article examines the impact of digital technologies on the development of innovative capacity in agrifood organizations and their role in increasing the resilience of food systems to external shocks.

The relevance of this study is determined by the need for food systems to adapt to accelerating change and increasing volatility. The paper analyzes how the introduction of digital technologies—such as precision agriculture, artificial intelligence, big data, blockchain, and digital platforms—is transforming traditional business models of agribusinesses, stimulating the development of their innovative potential. Key aspects of digital adaptability are discussed: the ability to implement new solutions, flexibility of operational processes, optimization of resource use, and loss reduction. The article demonstrates that organizations with developed innovative potential and active use of digital tools demonstrate increased resilience to economic fluctuations (through reduced costs, increased competitiveness, and the development of new distribution channels) and climate change (through resource optimization and the introduction of adaptive technologies). In turn, increased resilience in agrifood organizations directly contributes to strengthening national food security by ensuring the accessibility, availability, and quality of food, as well as reducing dependence on external factors.

Ключевые слова: цифровая адаптивность, продовольственная безопасность, экономическая безопасность, инновационный потенциал, цифровые технологии, экономические вызовы, климатические вызовы.

Keywords: digital adaptability, food security, economic security, innovation potential, digital technologies, economic challenges, climate challenges.

Современный мир характеризуется ускоряющимся темпом изменений, где экономическая нестабильность, глобальные климатические сдвиги и геополитические трансформации создают беспрецедентное давление на все сферы жизнедеятельности, в особенности на продовольственные системы. Обеспечение продовольственной безопасности государств, являясь краеугольным камнем их экономической и социальной стабильности, сталкивается с новыми, многогранными вызовами. Традиционные подходы к производству и распределению продовольствия зачастую оказываются неспособными противостоять этим турбулентным условиям, что диктует необходимость поиска новых, более устойчивых и адаптивных моделей.

В этом контексте цифровые технологии выступают в роли мощного катализатора трансформаций, открывая горизонты для повышения эффективности, оптимизации процессов и снижения уязвимости. Цифровизация продовольственных систем – от поля до потребителя – обещает революционизировать сельское хозяйство, логистику, управление цепочками поставок и взаимодействие с потребителями. Однако, сам по себе технологический прогресс не гарантирует устойчивость.

Ключевым фактором, определяющим способность продовольственных систем адаптироваться к вызовам и эффективно использовать возможности цифровизации, является инновационный потенциал организаций, действующих в данном секторе [1].

В данной статье будут проанализированы механизмы, посредством которых цифровые технологии стимулируют инновационную активность, и как эта активность трансформируется в устойчивость к внешним шокам, обеспечивая долгосрочное благополучие продовольственных систем.

Основная цель данного исследования: исследовать, каким образом цифровые технологии, способствуя развитию инновационного потенциала организаций АПК, выступают ключевым фактором формирования их цифровой адаптивности и, как следствие, обеспечивают устойчивость продовольственных систем к экономическим и

климатическим вызовам, тем самым укрепляя продовольственную и экономическую безопасность государств.

Данная цель включает в себя несколько взаимосвязанных задач;

- анализ влияния цифровых технологий на инновационный потенциал организаций;
- исследование формирования цифровой адаптивности продовольственных систем;
- оценка роли инновационного потенциала в обеспечении устойчивости к вызовам;
- установление связи между устойчивостью организаций и безопасностью государств.

В рамках данного исследования в качестве материалов были использованы статистические данные, научная и аналитическая литература, практические кейсы (примеры успешного внедрения цифровых технологий в агропредприятиях, которые привели к развитию их инновационного потенциала и повышению устойчивости), нормативно-правовые акты.

В работе был применен комплексный подход, включающий теоретические, эмпирические и методы моделирования. Из теоретических методов были использованы системный и сравнительный анализ (рассмотрение продовольственных систем как сложных, взаимосвязанных систем, а также сопоставление различных подходов к цифровизации). Среди эмпирических методов для исследования были выбраны статистический анализ (анализ статистических данных для выявления оценки динамики показателей), контент-анализ (анализ научных публикаций, отчетов, кейсов и т.д.), SWOT-анализ (анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз). Основным методом моделирования, который был использован в ходе написания статьи, стало сценарное моделирование (прогнозирование развития продовольственных систем при различных сценариях).

Внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство Республики Беларусь за последние годы привело к существенному повышению производительности труда и общей эффективности отрасли. Этот прогресс наглядно демонстрируется через ряд ключевых экономических показателей.

Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024 году выпуск продукции во всех категориях хозяйств достиг 36,8 млрд. белорусских рублей, демонстрируя уверенный темп роста к предыдущему году на уровне 103,4%. Рост во многом обусловлен не только традиционными факторами, но и активной интеграцией современных цифровых решений.

Параллельно с увеличением объемов производства, наблюдается заметное улучшение финансово-экономических результатов. Рентабельность продаж в сельскохозяйственном секторе возросла до 6,1%, что является значительным улучшением по сравнению с показателем 5,3%, зафиксированным в 2020 году. Данный рост рентабельности свидетельствует о повышении эффективности использования ресурсов, снижении издержек и лучшей монетизации производимой продукции, что во многом является следствием внедрения технологий точного земледелия, автоматизации процессов и оптимизации логистики.

Кроме того, индекс производства продукции по сравнению с 2020 годом увеличился на 4%, при этом динамика внутри отраслей была неоднородной. В растениеводстве рост составил 0,9%, что может отражать более медленную адаптацию к цифровым технологиям или специфические климатические условия. Однако, в животноводстве наблюдается более динамичное увеличение индекса на 6,5%, что может быть связано с активным внедрением цифровых систем мониторинга и управления стадом, автоматизации кормления и доения, а также использованием аналитики больших данных для оптимизации кормовых рационов и ветеринарного обслуживания.

Эти показатели подтверждают, что цифровизация сельского хозяйства Республики Беларусь становится значимым фактором повышения его конкурентоспособности и устойчивости, напрямую влияя на экономическую и продовольственную безопасность

страны [2].

Для понимания текущего состояния и перспектив цифровой трансформации агропромышленного комплекса Республики Беларусь, имеет смысл обратиться к статистическим данным, отражающим динамику использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровых технологий в сельскохозяйственных организациях.

Таблица 1 наглядно иллюстрирует вовлеченность сельского хозяйства в использование ИКТ в период с 2022 по 2024 год. Данные в таблице позволяют проследить, как изменялись показатели проникновения базовых ИКТ, таких как интернет и локальные вычислительные сети, а также динамика внедрения более продвинутых цифровых решений, включая большие данные (big data), Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI) и технологию цифрового двойника.

Анализ представленной информации дает основу для оценки уровня цифровой зрелости сектора и определения направлений, где внедрение цифровых технологий идет наиболее активно, а где наблюдается стагнация или замедление. Эти данные служат отправной точкой для более глубокого изучения того, как технологические тренды влияют на операционную деятельность и инновационный потенциал сельскохозяйственных предприятий [3].

Таблица 1 –Вовлеченность сельского хозяйства в использование ИКТ

Сфера использования	Ед. измерения	Год	
		2022	2024
1	2	3	4
Использование ИКТ в организациях:	В процентах к общему числу обследованных организаций	-	-
Локальные вычислительные сети		81,2	80,7
Интернет		100,0	100,0
Облачные сервисы	В процентах к общему числу обследованных организаций	22,7	22,7
Использование цифровых технологий:	Число организаций, использовавших цифровые технологии, единиц	-	-
Большие данные (big data)		62	77
Интернет вещей (IoT)		268	336
Искусственный интеллект (artificial intelligence)		12	15
Цифровой двойник (digital double)		4	1

Анализ данных позволяет сделать ряд важных выводов. Показатель использования интернета остается на уровне 100,0% в обеих рассматриваемых годах. Это подчеркивает абсолютную необходимость наличия доступа к интернету для подавляющего большинства сельскохозяйственных организаций, что является базовым условием для дальнейшей цифровизации. Наблюдается незначительное снижение использования ЛВС с 81,2% до 80,7%. Это может свидетельствовать о смещении акцентов (организации могли перенаправить ресурсы на внедрение более передовых цифровых технологий). Показатель использования облачных сервисов остался неизменным на уровне 22,7%. Это говорит о стагнации или очень медленном росте проникновения облачных решений. Принимая во внимание мировой тренд к облачным технологиям, этот показатель может свидетельствовать о высокой стоимости внедрения (несмотря на потенциальную экономию, начальные инвестиции во внедрение облачных сервисов могут быть значительными).

Исходя из таблицы 1 замечен значительный рост использования передовых цифровых технологий. Отмечается существенный рост больших данных (Big Data) – с 62

до 77 организаций, что составляет примерно 24% прироста. Это указывает на растущее понимание ценности анализа больших объемов данных для принятия более обоснованных решений в сельском хозяйстве (например, для прогнозирования урожайности, оптимизации использования ресурсов). Наблюдается самый значительный абсолютный рост интернета вещей (IoT) – с 268 до 336 организаций, прирост составляет 25%. Это свидетельствует об активном внедрении IoT-решений (датчики для мониторинга почвы, погоды, состояния животных, систем полива), которые позволяют собирать данные в режиме реального времени и автоматизировать процессы. Показатель использования AI также демонстрирует рост – с 12 до 15 организаций (прирост 25%). Хотя абсолютное значение остается низким, это указывает на начало внедрения AI для более сложных задач, таких как распознавание болезней растений, роботизация, оптимизация селекции. Показатель использования цифровых двойников остается крайне низким, с минимальным ростом с 4 до 1 организации. Это говорит о том, что данная технология находится на очень ранней стадии внедрения в сельском хозяйстве, возможно, из-за ее сложности, высокой стоимости или недостатка экспертных знаний.

В рамках данного исследования была установлена прямая и многогранная связь между устойчивостью отдельных организаций агропродовольственного сектора и обеспечением продовольственной и экономической безопасности государств. Полученные данные свидетельствуют о том, что повышение уровня устойчивости на микроуровне (на уровне организаций) приводит к укреплению безопасности на макроуровне (на уровне государства).

В Республике Беларусь, стремясь не только поддерживать, но и укреплять свои позиции в сфере продовольственной безопасности и повышать конкурентоспособность агропромышленного комплекса на мировом рынке, государство предпринимает целенаправленные шаги в рамках стратегического планирования. Ярким примером такого подхода является утверждение Государственной программы «АПК будущего» на 2026–2030 годы постановлением Совета Министров Республики Беларусь 31 декабря 2025 г. № 814. Эта масштабная программа, гармонично вписывающаяся в долгосрочную стратегию государственной аграрной политики, заданную Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347, ставит своей целью построение высокопроизводительного сельскохозяйственного производства и промышленной переработки. Реализация программы призвана обеспечить не только поддержание продовольственной безопасности страны, но и гарантировать населению доступ к высококачественным продуктам питания, а также существенное расширение экспортного потенциала.

Ключевым аспектом, обеспечивающим достижение этих целей, является цифровизация. Документом запланировано проведение более 85 мероприятий, среди которых особое место занимает разработка и сопровождение инновационной информационно-аналитической системы «Цифровая платформа точного земледелия». Эта платформа олицетворяет собой комплексный подход к внедрению передовых цифровых технологий, таких как IoT, Big Data, AI, которые позволяют перейти от традиционных методов к высокоточному управлению всеми этапами производственного цикла – от посева до сбора урожая. Такая цифровая трансформация, стимулируемая на государственном уровне, не только повысит эффективность использования ресурсов, снизит издержки и минимизирует негативное воздействие на окружающую среду, но и, что крайне важно в контексте данной статьи, непосредственно будет способствовать развитию инновационного потенциала организаций, вовлекая их в разработку, адаптацию и применение новых цифровых решений. Это, в свою очередь, является основой для повышения их цифровой адаптивности и, как следствие, общей устойчивости к экономическим и климатическим вызовам, что является предметом настоящего исследования [4].

В рамках данного исследования была проведена оценка роли инновационного потенциала организаций в обеспечении устойчивости продовольственных систем к

экономическим и климатическим вызовам. Полученные результаты подтверждают, что наличие и активное использование инновационного потенциала являются критически важными факторами, позволяющими организациям агропродовольственного сектора эффективно противостоять внешним шокам и адаптироваться к изменяющимся условиям [5].

Устойчивость к экономическим вызовам проявляется в снижении издержек и повышении эффективности, разработке новых продуктов и рынков, адаптации к изменениям спроса, повышении рентабельности.

Организации с высоким инновационным потенциалом, активно инвестирующие в НИОКР и разработку новых технологий, способны оптимизировать производственные процессы. Это выражается в более эффективном использовании ресурсов (земля, вода, удобрения, корма), автоматизации рутинных операций, внедрении передовых логистических решений. В результате снижаются операционные издержки, что делает их более конкурентоспособными в условиях рыночной волатильности и ценового давления.

Инновационный потенциал позволяет организациям создавать новые, более востребованные продукты питания, а также находить новые рынки сбыта. Это диверсифицирует источники дохода и снижает зависимость от одного продукта или рынка, повышая устойчивость к экономическим спадам.

Как показал анализ рентабельности продаж в Республике Беларусь (выросшая до 6,1%), эффективное использование инновационных подходов и технологий приводит к прямому улучшению финансовых показателей, что является основой устойчивости.

Устойчивость к климатическим вызовам отражается в адаптации к неблагоприятным условиям, оптимизации использования ресурсов, снижении зависимости от внешних факторов, управлении рисками.

Инновационный потенциал позволяет организациям разрабатывать и внедрять новые сорта культур, устойчивые к засухе, заморозкам, болезням. Также это включает в себя разработку и применение передовых систем орошения, защиты растений, мониторинга климатических параметров.

Методы точного земледелия, основанные на инновационных технологиях (IoT, AI), позволяют максимально эффективно использовать воду и удобрения, снижая их расход и минимизируя негативное воздействие на окружающую среду.

Разработка и внедрение альтернативных методов производства (например, вертикальные фермы, гидропоника), менее зависимых от климатических условий и качества почвы, является прямым проявлением высокого инновационного потенциала [6].

Инновационный потенциал позволяет использовать инструменты прогнозирования и моделирования климатических изменений, чтобы заблаговременно планировать производственные процессы, снижая риски потерь урожая.

В результате исследования было выявлено, что в условиях стремительного глобального развития, характеризующегося экономической нестабильностью, климатическими изменениями и геополитическими вызовами, цифровая адаптивность продовольственных систем выступает в качестве критически важного фактора обеспечения их устойчивости и, как следствие, национальной продовольственной и экономической безопасности.

Ключевым элементом, лежащим в основе этой адаптивности, является инновационный потенциал организаций АПК. Исследование выявило, что цифровые технологии, выступая мощным катализатором, стимулируют развитие этого потенциала. Они обеспечивают информационную прозрачность, гибкость операционных процессов, возможности предиктивной аналитики и автоматизации, что позволяет организациям быстрее и эффективнее реагировать на возникающие вызовы. В свою очередь, организации с высоким инновационным потенциалом способны не только успешно внедрять и адаптировать цифровые решения, но и создавать на их основе новые бизнес-модели, повышая свою устойчивость как к экономическим (снижение издержек, выход на новые

рынки, повышение рентабельности), так и к климатическим (адаптация к неблагоприятным условиям, оптимизация ресурсов, снижение зависимости от внешних факторов) вызовам.

Успешное формирование цифровой адаптивности на уровне отдельных организаций, подкрепленное государственной политикой, направленной на поддержку цифровизации и инноваций (ярким примером которой служит Государственная программа «АПК будущего» в Республике Беларусь), приводит к укреплению всей продовольственной системы. Устойчивость производителей, переработчиков и логистических операторов трансформируется в стабильность поставок, доступность и качество продовольствия для населения, а также в расширение экспортного потенциала страны.

Таким образом, инвестиции в развитие инновационного потенциала и цифровизацию агропродовольственного сектора являются не просто мерами повышения эффективности, но стратегическими императивами для обеспечения устойчивости государств в долгосрочной перспективе. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на преодолении существующих барьеров (таких как недостаток кадров, инфраструктурные ограничения, высокая стоимость внедрения), разработке более совершенных моделей оценки влияния цифровых технологий на безопасность, а также на изучении роли государства в формировании благоприятной экосистемы для цифровой трансформации и инноваций в сельском хозяйстве.

Список литературы:

1 Советникова, О. П. Цифровая трансформация в сельском хозяйстве Республики Беларусь / О. П. Советникова // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем: сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, Гомел. обл. орг. о-ва «Знание»; под ред. Н. В. Сычёвой. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2021. – С. 133–135.

2 Сельское хозяйство Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : – Минск, 2025. — Текст : электронный // Белстат [сайт]. — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/selskoe-hozyaistvo/selskoe-khozyaistvo/statisticheskie-izdaniya/> (дата обращения: 23.04.2026).

3 Информационное общество в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : – Минск, 2025. — Текст : электронный // Белстат [сайт]. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/ (дата обращения: 23.04.2026).

4 АПК будущего // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : – Минск, 2026. — Текст : электронный // Pravo.by [сайт]. — URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2026/january/91981/> (дата обращения: 23.04.2026).

5 Байчорова Д.Н., Папова Л.В. Инновационные процессы в АПК: современные вызовы и перспективы // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-protsessy-v-apk-sovremennyye-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.04.2026).

6 Лазаревич И. Направления цифрового развития АПК Республики Беларусь в современных условиях // Аграр. экономика. 2022. №5. – С. 3–13. URL: <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2022-5-3-13> (дата обращения: 25.04.2026).

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО
БУХГАЛТЕРСКОМУ УЧЕТУ И ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ БИЗНЕСА**

**SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO IMPLEMENTING
DIGITAL COMPETENCIES IN THE TRAINING OF ACCOUNTING AND LEGAL
SUPPORT SPECIALISTS**

**С.Н.Петренко
S.N.Petrenko**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 283050, РФ, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Щорса, 31. email: petrenko777@yandex.ru

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", 283050, Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk, Shchorsa Street, 31. email: petrenko777@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен научно-методический подход к формированию цифровых компетенций на двух уровнях — базовом и продвинутом, а также карта их реализации в учебных дисциплинах и профессиональных компетенциях. Подчёркивается, что внедрение цифровых навыков становится стратегической необходимостью для подготовки гибких, адаптивных специалистов, способных эффективно функционировать в цифровой среде. Описанная модель обеспечивает соответствие федеральным стандартам, учитывает запросы рынка труда и способствует развитию как профессиональных, так и трансверсальных компетенций выпускников. Обозначены перспективы дальнейшего развития образовательного процесса, включая интеграцию искусственного интеллекта и создание единой цифровой экосистемы между вузом, бизнесом и государством.

Abstract: The article presents a scientific and methodological approach to the formation of digital competencies at two levels — basic and advanced, as well as a map of their implementation in academic disciplines and professional competencies. It is emphasized that the introduction of digital skills is becoming a strategic necessity for training flexible and adaptive specialists who can effectively function in a digital environment. The described model ensures compliance with federal standards, takes into account the demands of the labor market, and contributes to the development of both professional and transversal competencies of graduates. The prospects for further development of the educational process, including the integration of artificial intelligence and the creation of a unified digital ecosystem between universities, businesses, and the government, have been outlined.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровой учёт, правовое обеспечение бизнеса, ключевые компетенции, цифровые компетенции, образовательные стандарты, интеграция компетенций.

Keywords: digital economy, accounting, legal support for business, key competencies, digital competencies, educational standards, and integration of competencies.

Современная экономика переживает фундаментальную трансформацию под влиянием цифровизации. Переход к цифровой экономике, как это закреплено в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», не только меняет

технологии ведения бизнеса, но и кардинально переопределяет требования к профессиональным кадрам. Особенно остро эта трансформация ощущается в сфере бухгалтерского учета и правового обеспечения бизнеса — областях, традиционно связанных с рутинными, документооборотными процессами, которые сегодня активно автоматизируются с помощью сквозных технологий: искусственного интеллекта, Big Data, блокчейна, облачных решений и цифровых платформ.

В этих условиях ключевым фактором конкурентоспособности выпускников становится не только владение профессиональными стандартами, но и формирование ключевых компетенций цифровой экономики, определенных приказом Минэкономразвития России № 41 от 24.01.2020. В статье представлен научно-методический подход к интеграции этих компетенций в образовательную программу бакалавриата по направлению подготовки 38.03.01 Экономика, профиль: Цифровой учет и правовое обеспечение бизнеса.

Цель исследования - разработать и научно обосновать методический подход к интеграции ключевых компетенций цифровой экономики в образовательную программу бакалавриата по направлению 38.03.01 «Экономика» профиль «Цифровой учёт и правовое обеспечение бизнеса» для подготовки специалистов, способных эффективно осуществлять профессиональную деятельность в условиях цифровой трансформации и соответствовать требованиям современного рынка труда.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования использованы: нормативные правовые акты Российской Федерации (в том числе приказ Минэкономразвития России № 41 от 24.01.2020, национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»); профессиональные стандарты в области бухгалтерского учёта и правового обеспечения бизнеса; требования работодателей к цифровым компетенциям выпускников, выявленные на основе анализа вакансий и экспертных опросов представителей бизнес-сообщества; научные публикации и методические материалы по вопросам цифровизации образования и формирования цифровых компетенций.

Методологическую базу исследования составили: системный и комплексный подходы; анализ и синтез нормативно-правовой и учебной документации; сравнительно-сопоставительный анализ профессиональных стандартов и требований рынка труда; моделирование образовательного процесса и проектирование карты интеграции компетенций; обобщение и систематизация передового педагогического опыта в области высшего экономического образования.

Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» (утв. 28.05.2020) ставит перед системой профессионального образования задачу обеспечить подготовку кадров, способных эффективно функционировать в условиях цифровой трансформации. Цель проекта — создание «рынка квалифицированных кадров цифровой экономики» через трансформацию образовательных стандартов, внедрение программ переобучения и формирование цифровой грамотности на всех уровнях.

Согласно приказу Минэкономразвития № 41, для подсчета выпускников с ключевыми компетенциями цифровой экономики необходимо формирование не менее двух ключевых компетенций из перечня, утвержденного в Приложении к приказу. Это требование становится обязательным при разработке и актуализации образовательных программ (ОПОП) ВУЗов (таблица 1).

Таблица 1–Ключевые компетенции цифровой экономики: структура и содержание

№	Компетенция	Содержание
1	Коммуникация и кооперация в цифровой среде	Умение использовать цифровые инструменты для взаимодействия, совместной работы и достижения целей в виртуальной среде
2	Саморазвитие в условиях неопределенности	Способность ставить образовательные цели, выбирать средства развития и адаптироваться к изменениям
3	Креативное мышление	Генерация нестандартных решений, отход от шаблонов, выработка новых алгоритмов
4	Управление информацией и данными	Поиск, анализ, обработка, хранение и передача информации с использованием цифровых технологий и алгоритмов
5	Критическое мышление в цифровой среде	Оценка достоверности данных, логическое построение выводов, анализ источников

Эти компетенции не являются дополнительными «навыками», а представляют собой новую систему профессиональных требований, без которой невозможно эффективное выполнение трудовых функций в цифровой среде.

Существующие профессиональные стандарты в области бухгалтерского учета (Бухгалтер, Внутренний аудитор, Специалист по ПОД/ФТ и др.) были утверждены в 2015–2019 гг. и не содержат явного описания цифровых компетенций. При этом работодатели, например, аутсорсинговые компании, дилеры 1С и Контур, ФНС уже требуют от выпускников:

- умения работать с электронным документооборотом (СБИС, Контур, 1С:Бухгалтерия);
- подачи отчетности через личные кабинеты налогоплательщиков;
- использования облачных сервисов для командной работы (Miro, Trello, Яндекс.Документы);
- анализа данных с применением Big Data и ИИ;
- критической оценки информации из цифровых источников (КонсультантПлюс, Гарант, официальные сайты ведомств).

Пробел между стандартами и реальностью требует срочной актуализации ОПОП. В этом контексте формирование цифровых компетенций становится стратегической необходимостью [1-3].

В соответствии с федеральным проектом, формирование цифровых компетенций в системе профессионального образования предполагает два уровня (таблица 2).

Таблица 2 – Уровни формирования цифровых компетенций в системе профессионального образования

Уровень	Характеристика	Примеры в бухгалтерском образовании
Базовый	Работа с ПК, офисными приложениями, электронным документооборотом, интернет-ресурсами	Использование Excel, Word, Moodle, Яндекс.Формы, Telegram, PowerPoint
Продвинутый	Работа с профессиональными системами, облачными технологиями, Big Data, ИИ, сквозными технологиями	1С:Предприятие, СБИС, Банк-клиент, КонсультантПлюс, анализ данных с ИИ, блокчейн-отчетность

Базовые компетенции формируются в рамках общих дисциплин (Информатика, История, Социология), продвинутые - в профессиональном цикле [4].

В таблице 3 представлена структурированная карта интеграции ключевых компетенций цифровой экономики в профессиональные компетенции (ПК) и учебные дисциплины профиля «Цифровой учет и правовое обеспечение бизнеса».

Таблица 3–Структурированная карта интеграции ключевых компетенций цифровой экономики в профессиональные компетенции и учебные дисциплины профиля «Цифровой учет и правовое обеспечение бизнеса»

Ключевая компетенция цифровой экономики	Дескрипторы освоения	Соответствующие профессиональные компетенции (ПК)	Учебные дисциплины
1. Коммуникация и кооперация в цифровой среде	Использование Trello, Miro, Яндекс.Документы, Moodle, Яндекс.Телемост для командной работы, подачи отчетности через Госуслуги и личные кабинеты	ПК-1, ПК-2, ПК-3	Бухгалтерская финансовая отчетность, Информационно-правовое обеспечение бизнеса, Цифровизация учета, Информационные системы и технологии в учете
2. Саморазвитие в условиях неопределенности	Постоянное обучение через онлайн-курсы, самообучение по обновлениям ПО, адаптация к изменениям законодательства и технологий	ПК-7 (в рамках НИР и ВКР)	<i>Формируется через самостоятельную работу, НИР, ВКР, курсы повышения квалификации</i>
3. Креативное мышление	Генерация идей по оптимизации учетных процессов, разработка новых форм отчетности для цифровых продуктов, внедрение нестандартных решений	ПК-7	Анализ и контроль диджитал-банкинга, НИР, курсовые и ВКР
4. Управление информацией и данными	Создание и обработка учетной информации с помощью 1С, СБИС, Контур, Банк-клиент, облачных сервисов	ПК-1, ПК-5, ПК-6	Цифровой финансовый учет, Цифровой управленческий учет, Учет в банках, Цифровизация учета, Информационные системы и технологии в учете
5. Критическое мышление в цифровой среде	Оценка достоверности данных из КонсультантПлюс, Гарант, сайтов ФНС, Минфина; анализ рисков с использованием ИИ и Big Data	ПК-2, ПК-6, ПК-7	Контроль и ревизия, Аудит, Налоговый учет и отчетность, Анализ и контроль диджитал-банкинга

Важно, что две и более ключевые компетенции реализуются в каждой учебной дисциплине профессионального цикла.

В рамках научно-методического подхода к формированию цифровых компетенций бакалавров разработанная структурированная карта отражает взаимосвязь между ключевыми компетенциями цифровой экономики, профессиональными компетенциями (ПК) и учебными дисциплинами профиля. Эта карта обеспечивает системную интеграцию цифровых навыков в образовательный процесс и гарантирует соответствие требованиям федеральных стандартов и запросам рынка труда.

Ключевая компетенция «Коммуникация и кооперация в цифровой среде» реализуется через умение использовать цифровые инструменты для командной работы, такие как Trello, Miro, Яндекс.Документы, Moodle, а также для взаимодействия с государственными органами через личные кабинеты и Госуслуги [5]. Данная компетенция формируется в рамках дисциплин «Бухгалтерская финансовая отчётность», «Информационно-правовое обеспечение бизнеса», «Цифровизация учёта», «Информационные системы и технологии в учёте» и соотносится с профессиональными компетенциями по составлению отчётности, правовому обеспечению и внутреннему контролю.

Компетенция «Саморазвитие в условиях неопределённости» предполагает способность выпускника к постоянному обучению, самостоятельному освоению новых цифровых инструментов и быстрой адаптации к изменениям законодательства и технологий. Эта компетенция развивается через самостоятельную работу, научно-исследовательскую деятельность, выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ, а также курсы повышения квалификации, что соответствует профессиональной компетенции в области научно-исследовательской работы [6-7].

Креативное мышление как ключевая компетенция проявляется в способности генерировать идеи по оптимизации учётных процессов, разрабатывать новые формы отчётности для цифровых продуктов и внедрять нестандартные решения. Формирование этой компетенции осуществляется в рамках дисциплин, связанных с анализом диджитал-банкинга, а также через научно-исследовательскую и проектную деятельность студентов.

Компетенция «Управление информацией и данными» включает навыки поиска, сбора, обработки, хранения и передачи учётной информации с помощью современных цифровых систем: 1С:Предприятие, СБИС, Контур, Банк-клиент и облачных сервисов. Она формируется в дисциплинах «Бухгалтерский финансовый учёт», «Бухгалтерский управленческий учёт», «Учёт в банках», «Цифровизация учёта», «Информационные системы и технологии в учёте» и соотносится с профессиональными компетенциями по ведению различных видов учёта [8].

Наконец, критическое мышление в цифровой среде предполагает умение оценивать достоверность данных из цифровых источников (КонсультантПлюс, Гарант, сайты ФНС и Минфина), анализировать риски с применением искусственного интеллекта и Big Data. Эта компетенция развивается в дисциплинах «Контроль и ревизия», «Аудит», «Налоговый учёт и отчётность», «Анализ и контроль диджитал-банкинга» и соответствует профессиональным компетенциям по контролю, аудиту и налоговому учёту.

Важнейшим принципом реализации данной карты является системность: каждая учебная дисциплина профессионального цикла обеспечивает формирование не менее двух ключевых компетенций цифровой экономики. Такой подход позволяет сформировать у выпускников не только профессиональные, но и универсальные цифровые навыки, повысить их конкурентоспособность на рынке труда и создать основу для дальнейшего развития образовательных программ с учётом внедрения новых цифровых технологий.

Реализация цифровых компетенций в подготовке бакалавров по направлению 38.03.01 Экономика, профиль: Цифровой учёт и правовое обеспечение бизнеса представляет собой не просто адаптацию к трендам, а стратегическую перестройку образовательного процесса в соответствии с требованиями цифровой экономики.

Методический подход, описанный в статье, представляет собой целостную, системную и практическую модель, которая:

- соответствует требованиям федеральных стандартов;
- учитывает реальные потребности работодателей;
- обеспечивает развитие не только профессиональных, но и трансверсальных (ключевых) компетенций;

– создает условия для формирования гибких, адаптивных, цифрово-грамотных специалистов, способных не только выполнять задачи, но и переопределять их в условиях цифровой трансформации.

Дальнейшее развитие этого подхода должно быть направлено на интеграцию искусственного интеллекта в учебный процесс, внедрение цифровых портфелей и создание единой цифровой экосистемы между вузом, бизнесом и государством - в рамках платформы «Цифровой профиль».

В статье обосновано, что переход к цифровой экономике требует не только технологической модернизации бизнес-процессов, но и кардинального обновления системы подготовки профессиональных кадров. В условиях автоматизации рутинных операций в бухгалтерском учёте и правовом обеспечении бизнеса конкурентоспособность выпускников определяется не только знанием профессиональных стандартов, но и владением ключевыми компетенциями цифровой экономики.

Проведённый анализ показал наличие разрыва между требованиями современных работодателей и содержанием действующих профессиональных стандартов, что делает интеграцию цифровых компетенций в образовательные программы стратегической необходимостью. Разработанный научно-методический подход и структурированная карта интеграции позволяют системно формировать у бакалавров навыки коммуникации и кооперации в цифровой среде, саморазвития, креативного и критического мышления, а также управления информацией и данными.

Реализация предложенной модели обеспечивает соответствие образовательных программ требованиям федеральных стандартов и реальным запросам рынка труда, способствует развитию как профессиональных, так и трансверсальных компетенций, а также формирует у выпускников способность к адаптации и профессиональному росту в условиях цифровой трансформации. Дальнейшее развитие данного подхода связано с внедрением искусственного интеллекта в учебный процесс, созданием цифровых портфелей и формированием единой цифровой экосистемы между вузом, бизнесом и государством.

Список литературы:

1. Петренко, С. Н. Информационно-правовое обеспечение бизнеса : Учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.03.01 Экономика, профиль: Цифровой учет и правовое обеспечение бизнеса, очной и очно-заочной форм обучения / С. Н. Петренко, О. А. Наумчук. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – 142 с. – ISBN 978-5-00261-579-7.

2. Петренко, С. Н. «Школа - университет»: подготовка специалистов нового поколения по цифровому учету и правовому обеспечению бизнеса на кафедре бухгалтерского учета в рамках реализации нацпроекта «Кадры» / С. Н. Петренко // Инновации и качество высшего образования : Сборник тезисов докладов участников III Региональной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, Донецк, 24 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 120-122. – EDN PBNCBS.

3. Наумчук, О. А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в систему формирования учетной информации как элемента корпоративной информационной системы / О. А. Наумчук // Журнал У. Экономика. Управление. Финансы. – 2025. – № 3(41). – С. 81-89. – EDN ODTONK.

4. Наумчук, О. А. Влияние цифровизации системы учета на организационную структуру компании / О. А. Наумчук // Использование информационных технологий в различных сферах деятельности : Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 14 марта 2024 года. – Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. – С. 109-112. – EDN XTJXDS.

5. Наумчук, О. А. Формирование Цифровой компетенции у обучающихся по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (профиль: Цифровой учет и правовое обеспечение бизнеса) / О. А. Наумчук // Инновации и качество высшего образования : Материалы II Региональной научно-методической конференции научно-педагогических работников университета, Донецк, 23 апреля 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования "Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского", 2024. – С. 166-169. – EDN ADHYEE.

6. Секирина, Н. В. Влияние современных цифровых технологий на осуществление аудиторской деятельности / Н. В. Секирина // Контрольно-надзорная деятельность: глобальные тренды, новые риски и перспективы развития : Сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 174-178. – EDN JZWQJM.

7. Федорец, М. С. Учебно-методическое пособие по учетным дисциплинам: особенности создания и использования в учебном процессе / М. С. Федорец // Инновации и качество высшего образования : Сборник тезисов докладов участников III Региональной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, Донецк, 24 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 131-133. – EDN XECFUY.

8. Федорец, М. С. Использование активных методик обучения в учебном процессе / М. С. Федорец // Инновации и качество высшего образования : Материалы II Региональной научно-методической конференции научно-педагогических работников университета, Донецк, 23 апреля 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования "Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского", 2024. – С. 175-177. – EDN DXNTEK.

УДК 34

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ И ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В АСПЕКТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**INTERNATIONAL LEGAL AND PRIVATE LEGAL LEGAL PERSONALITY
OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA IN THE ASPECT OF REALIZATION OF
NATIONAL LEGAL INTERESTS IN INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN
ECONOMIC ACTIVITIES**

**О.В. Погожева, И.С. Брынза
O.V. Pogozheva, I.S. Brynza**

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
355031, Ставропольский край, г. Ставрополь, пр.-д Чернышевского 2

Rostov Institute (branch) VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
355031, Stavropol Territory, Stavropol, Chernyakhovsky ave., 2

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу международно-правовой и частно-правовой правосубъектности Республики Южной Осетии — как ключевого фактора реализации её национально-правовых интересов в международных отношениях и

внешнеэкономической деятельности. В работе рассматриваются юридические основания и ограничения участия республики в международных отношениях и внешнеэкономической деятельности, в том числе вопросы признания, заключения договоров и взаимодействия с международными организациями. Исследуются специфические сложности, с которыми сталкивается Республика Южная Осетия при установлении дипломатических и экономических связей. Особое внимание уделяется роли международных посредников и региональных игроков в формировании правового статуса республики, а также перспективам её взаимодействия с интеграционными объединениями. В заключении сформулированы выводы о текущих возможностях и перспективных направлениях укрепления правового статуса Республики Южной Осетии на международной арене.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the international and private law legal personality of the Republic of South Ossetia - as a key factor in realizing its national legal interests in international relations and foreign economic activity. It examines the legal grounds and restrictions on the republic's participation in international relations and foreign economic activities, including issues of recognition, treaty-making, and engagement with international organizations. The study explores the specific challenges the Republic of South Ossetia faces in establishing diplomatic and economic ties. It also analyzes the role of international mediators and regional actors in shaping the republic's legal status, as well as the prospects for cooperation with integration associations. Conclusions are drawn regarding the current opportunities and promising directions for strengthening the legal status of the Republic of South Ossetia on the international stage.

Ключевые слова: публичный правопорядок; правосубъектность; международно-правовая правосубъектность; частно-правовая правосубъектность; международные отношения; внешнеэкономическая деятельность; национально-правовые интересы; международное признание.

Keywords: public legal order; legal personality; international legal personality; private legal personality; international relations; foreign economic activity; national legal interests; international recognition.

Геополитическая карта мира к концу XX века существенно изменилась. Несмотря на существующие основополагающие принципы международного права, закрепленные в Уставе Организации Объединённых Наций (далее – Устав ООН) произошли прецеденты, которые вывели на политическую карту мира новых субъектов международных отношений. Отделение Косово (непризнанное государство), а также самопровозглашение в 2008 году новых государств — Республики Южная Осетия и Республики Абхазия — привели международное сообщество к необходимости теоретико-методологического осмысления новых объективных условий формирования международных отношений к практическому преломлению существующих норм международного правопорядка с учётом актуальных реалий.

Комплексно проанализировать международно-правовую и частно-правовую правосубъектность Республики Южная Осетия и выявить её влияние на реализацию национально-правовых интересов республики в сфере международных отношений и внешнеэкономической деятельности, а также в выработке научно обоснованных подходов к расширению возможностей её участия в международных отношениях и внешнеэкономических связях.

Объектом исследования выступает международно-правовая и частно-правовая правосубъектность Республики Южная Осетия (далее – РЮО) в контексте реализации её национально-правовых интересов в международных отношениях и внешнеэкономической деятельности, включая правовой статус республики [1, С.145], нормативно-правовую базу её международного взаимодействия, механизмы участия в внешнеэкономических связях и существующие юридические ограничения. В качестве методов исследования применяются формально-юридический метод (для анализа нормативно-правовых актов и договоров),

сравнительно-правовой метод (для сопоставления статуса РЮО с положением иных частично признанных образований), системный метод (для рассмотрения правосубъектности как элемента международной системы), историко-правовой метод (для изучения эволюции правового статуса), метод правового моделирования (для разработки сценариев укрепления статуса), а также анализ судебной и договорной практики, статистический и аналитический методы (для обработки данных о внешнеэкономической деятельности) и метод экспертных оценок (для верификации выводов).

Вопрос признания новых государств исследуется в международном праве, однако к этой проблеме не существует общепринятого подхода. В теории международного права существует конститутивная теория признания (её сторонники конститутивной теории: Л. Оппенгейм, Г. Лаутерпахт, Д. Анцилотти, М. Бастид, С. Патель, Г. Кельзен и другие), согласно которой государство приобретает статус субъекта международного права исключительно благодаря его признанию со стороны других государств. Без такого признания субъект международного права не формируется. Но в теории международного права существовала проблема: сколько актов признания необходимо для предания дестинатору международной правосубъектности?

При этом, согласно другой теории признания — декларативной теории, — государство лишь констатирует и подтверждает факт появления нового государства в качестве субъекта международного права. Новое государство обретает правосубъектность в силу самого факта своего возникновения (сторонники декларативной теории: Д. И. Фельдман, Е. М. Казаровец, Ф. Мартенс, Я. Броунли, Б. М. Ашавский и другие). Иными словами, признание не придает дестинатору факта правосубъектности, лишь констатирует её появление.

Советский Союз исторически поддерживал декларативную теорию. Она соответствовала антиколониальному движению, так как позволяла признавать государства, возникающие на месте бывших колоний. На современном этапе Россия также придерживается декларативной теории признания. Эта же теория была превалирующей в решении данного вопроса и в науке, и в практике западноевропейских государств при признании новых государств (например, Косово). Однако в вопросе признания таких субъектов международного права, как РЮО и Республика Абхазия, западноевропейские государства сменили свой подход, в рамках которого приоритетом стала конститутивная теория признания — в контексте ее количественного преломления к актам дестинации — акт, который реализуется путем признания новых государств через соответствующие юридические действия, которые наделяют новых субъектов международного права всеми правами и обязанностями, ответственностью в сфере международных отношений. Именно геополитические причины, различия в национальных интересах и стратегических подходах не позволили государствам придерживаться единых подходов по данному вопросу. Следовательно, и норм, которые бы его регламентировали в международном праве не существует. Однако не все международные отношения подлежат детальному регулированию нормами международного права. Предполагаем, что это невозможно, так как развитие межгосударственных отношений, также, как и любых правоотношений зачастую опережает международное нормотворчество. При этом, следуя логике права, есть ряд сверхимперативных фундаментальных норм — норм-принципов, которые способны регулировать практически любые межгосударственные отношения. Речь идет об основополагающих принципах международного права, которые закреплены в Уставе ООН, дополнены Заключительным Актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. (Хельсинские соглашения) и детально регламентированы Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств 1970 года. Анализ именно этих норм и норм-принципов позволяет констатировать легитимность таких государств, как Республика Абхазия и РЮО, поскольку ряд принципиальных положений, составляющих существо норм-принципов международного права реализован в полном объеме. Например, одно из положений гласит

о том, что: «Нация или народ может претендовать на самоопределение (заметим, не на отделение, что является международным нарушением), в случае если: территория на которой проживает данный народ подвергалась вооруженному нападению; если за самоопределение и образование независимого государства выступает народ — например, путем референдума; если государство не соблюдает принципы равноправия всех слоев вне зависимости от расовой, национальной, религиозной и других форм принадлежности». [2] Есть и другие критерии, согласно анализу которых можно сделать вывод о легитимности признания Россией РЮО и Республики Абхазии, других субъектов международного права.

Почему в данной статье мы подняли вопрос публичного правопорядка, хотя проблема сводится к частноправовым отношениям с иностранным элементом? Да, прежде всего потому, что это два взаимосвязанных социально-правовых явления, которые формируют международную правоспособность, а также влияют на экономическое развитие новых государств.

Для России, признавшей Республику Южная Осетия (РЮО) и Республику Абхазию, эти государства являются самостоятельными и полноправными субъектами международного права. В отношениях данных государств с мировым сообществом происходит переход от противостояния к кооперации и сотрудничеству по ключевым вопросам: безопасности, демократии и защите прав человека, внешнеэкономической деятельности и другим направлениям. Несмотря на этот фундаментальный подход и понимая, что каждое государство имеет в период своего становления сталкивается с большим количеством проблем в контексте формирования государственности и правовой системы, «фактически Россия взяла на себя ответственность перед населением этих Республики Южная Осетия и Республики Абхазия и перед мировым сообществом за их успешное социально-экономическое развитие». [3, С.150]

Если у данных государств имеются проблемы в аспекте признания их субъектами права в публичных отношениях, то в сфере частного права таких препятствий нет. Субъектами частного права выступают как сами новые государства, так и их хозяйствующие субъекты. В Российской Федерации, исходя из теоретико-методологических постулатов, которые были описаны выше, акт признания не влияет на решение вопроса о правосубъектности хозяйствующих субъектов из этих стран в контексте их участия в имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, осложненных иностранным элементом. Таким образом, такое государство как Косово, которые непризнанное РФ и его хозяйствующие субъекты, физические и юридические лица будут иметь одинаковый правовой статус – такой же, как и у признанных субъектов. Таким образом, мы подошли к выводу о том, что если в сфере публичных отношений и имеются сложности юридического, теоретического и методологического характера, то в частной сфере таких проблем не должно быть. Но применение норм международного частного права зачастую ставит перед государствами вопрос о применении права страны непризнанного государства или государства с непризнанным правительством. Поскольку мы пришли к выводу о том, что международная правосубъектность государства не зависит от акта признания, то и основания для дискриминации права непризнанного государства быть не должно. Иными словами, применение иностранных законов не должно ставиться в зависимость от признания того или иного государства.

Глобализация, интеграция, производственная кооперация, миграция, научно-технический прогресс и другие факторы мировой действительности объективно способствуют активному участию РЮО в международных отношениях, а также во внешнеэкономической деятельности и процессах интеграции и производственной кооперации.

Вопросы стабильного развития государств стали приобретать международный масштаб. На фоне таких изменений произошла фрагментация международных отношений, расширился состав их участников. Международные контакты стали обыденным элементом для функционирования органов государственной власти, которые ранее не были вовлечены

в международное сотрудничество, — например, курирующих сельское хозяйство или образование. Значительный резонанс приобрели действия негосударственных организаций и объединений, акции которых всё чаще носят транснациональный характер.

В современных условиях интернационализации всех сфер общественных отношений в РЮО, после признания ее независимости, резко возрос объем гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, когда не только суд, но и другие государственные органы должны применять иностранное право не только в силу действия принципа автономии воли сторон, но и в силу коллизионных норм, установленных внутренним законодательством или международным договором. Можем отметить, что вопрос об установлении содержания иностранного права из чисто теоретической категории стал переходить в проблему практического характера. Однако, учитывая российский опыт в правоприменительной сфере в 1990-2000-е годы, с уверенностью можно констатировать, что в новых признанных государствах всё ещё слабо отработан механизм коллизионного регулирования норм международного частного права, в особенности тогда, когда требуется применение иностранного правопорядка. В 1990-е годы, после распада СССР, российские суды редко применяли иностранное право для урегулирования споров с иностранным элементом, предпочитая отечественное законодательство, что подтверждается анализом судебной практики того периода. Конкретной общенациональной статистики по частоте такого игнорирования нет в открытых источниках, но практика показывает системные проблемы с выбором компетентного правопорядка и установления его содержания, включая использования ненадежных источников. Таким образом, низкий уровень подготовки юристов в сфере международного частного права объяснялся переходным периодом: распадом СССР, отменой монополии внешней торговли и отсутствия опыта в рыночных трансграничных отношениях. Судьи часто уклонялись от применения иностранного права из-за трудностей доказывания его содержания, возлагая бремя на стороны без *ex officio* исследования. Это приводило к отменам решения высшими инстанциями за не надлежащее применение коллизионных норм, в определённых случаях — норм иностранного права, за неподтверждение статуса иностранных лиц. [4]

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) применялась неверно: суды путали гражданские споры с публично-правовыми (налоги, таможня), игнорируя ограничения на исполнение иностранных решений по таким делам. [5] Модельный гражданский кодекс для стран Содружества Независимых Государств имел факультативный характер, государства гармонизировали свои нормы согласно ему, но при этом право не подлежало унификации. Суды не имели доступа к официальным текстам и толкованиям иностранного права; запросы в другие страны затягивались месяцами, что приводило к стагнации в решении юридических вопросов.

Анализ разъяснений Верховного суда Российской Федерации, обзоров практики Высшего Арбитражного суда РФ 1996 года, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2003 года о международных договорах, актуальные реформы гражданского законодательства, просветительская и правовая работа, в том числе в образовательных организациях, повысили уровень подготовки специалистов в сфере юриспруденции в то время, а также усилили обязанность судов правильно применять коллизионные нормы, а, в случае необходимости применения иностранного правопорядка были сформулированы правила установления его содержания, а также законодательно регламентирован перечень субъектов, которые могут давать соответствующие экспертные оценки. Так, например, согласно действующему в России законодательству, суды применяют иностранное право в случаях, предусмотренных законом и международным договором. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации установлено, что суд в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации при разрешении дел применяет нормы иностранного права (п. 5 ст. 11). [6] Более развернутая формулировка применяется в Арбитражном процессуальном кодексе

Российской Федерации: согласно п. 5 ст. 13: «Арбитражный суд в соответствии с международным договором Российской Федерации, федеральным законом, соглашением сторон, заключенным в соответствии с ними, применяет нормы иностранного права». [7]

Уверены, что правильный подход к решению данной проблемы позволит субъектам частной сферы, в особенности предпринимательской увереннее выходить на международный рынок, тем более что основополагающий принцип международного частного права – автономия воли сторон — позволяет предложить контрагенту применение его собственного права, что исключит возможность использования политических инструментов в регламентации гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. И такие правоотношения будут исключительно законными. Решение данной проблемы требует большой юридической, образовательной и методической работы с представителями правоприменительных органов, государственными и муниципальными служащими РЮО. Естественно, это и касается хозяйствующих субъектов (предпринимателей), которые должны знать свои права и методы правового регулирования внешнеэкономической деятельности. Ведь именно от этого зависит и формирование благоприятного имиджа РЮО в других странах, и экономический рост, и развитие самой РЮО.

Таким образом, считаем, что международная деятельность новых субъектов пока не опирается на единую нормативную международную и национальную базу и не имеет унифицированных институтов и механизмов сотрудничества. Кроме того, РЮО имеет существенно различающиеся полномочия в области внешних связей ввиду её молодости и несовершенства нормативного регулирования. В этом — главное организационно-правовое отличие сферы международного сотрудничества таких субъектов от сложившейся системы межгосударственных отношений, основанной на международном праве, международных договорах, создании и деятельности международных организаций, внешнеполитических государственных ведомств, дипломатических, консульских и торговых представительств, функции и полномочия которых зафиксированы в международных конвенциях.

Современное международное право не содержит прямых запретов на участие частично признанных государств и их ведомств в международных отношениях, однако оно и не включает положений, непосредственно регулирующих этот процесс. Можно сделать предположение, что в результате распространения практики международной деятельности таких субъектов формируется (или уже сформировалась) обычная (неписаная) норма международного права, удостоверяющая законность этой деятельности.

В силу современных политических и экономических тенденций процессы международного сотрудничества новых государств будут последовательно развиваться. Поэтому проблема формирования полноценной нормативно-правовой базы для легитимной интеграции таких регионов в международные политические, экономические и гуманитарные процессы становится все более актуальной. Очевидно, что при всём этом они должны находиться в русле своих национальных интересов и координироваться в межгосударственных масштабах с РФ.

Список литературы:

1. Постников А.Е., Андриченко Л.В., Помазанский А.Е. [и др.] Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: монография / А.Е. Постников, Л.В. Андриченко, А.Е. Помазанский [и др.]; отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников; ИЗиСП. — М.: ИНФРА-М, 2015. — 237 с.
2. Устав Организации Объединённых Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. — Вып. XII. — М., 1956. — С. 14–47; Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г.). — URL: (дата обращения: 10.03.26); Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных

отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.). — URL: (дата обращения: 10.03.26); Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 1 августа 1975 г.). — URL: (дата обращения: 10.03.26).

3. Трофимов М.С., Диреганова А.В. Правовое закрепление права на образование в Южной Осетии и технические характеристики системы общего образования в условиях масштабного реформирования. Журнал: «Гуманитарные и юридические исследования». 2017. – С. 150-155.

4. Коротя, М. В. Проблемы установления норм иностранного права / М. В. Коротя. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — С. 310-312.

5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22 января 1993 г. — Вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. — Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. — Москва, 1996. — С. 3–56.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 18.11.2002, ст.4532.

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30, 29.07.2002, ст.3012.

УДК 365

БОРЬБА С ФЕЙКАМИ КАК МЕТОД СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

COMBATING FAKES AS A METHOD OF PRESERVING SOCIAL STABILITY

Д.А. Поликарпова
D.A. Polikarpova

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027 г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email: mail@bgut.by

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Republic of Belarus, 212027
Mogilev, Schmidt ave., 3, email: mail@bgut.by

Аннотация: В статье анализируются подходы белорусского законодателя в сфере борьбы с распространением недостоверной информации через средства массовой информации либо с использованием интернет – ресурсов. Обращается внимание на то, что в современных условиях, фейковая информация рассматривается как новый феномен информационной эпохи. Данное явление сегодня существует и на территории Российской Федерации, и на территории Республики Беларусь. Обосновывается необходимость на государственном уровне определить методы и способы борьбы с ним. В Беларуси противодействие фейкам осуществляется по следующим направлениям: правовое просвещение граждан путем проведения соответствующей разъяснительной работы среди населения на предмет «незнакомых» звонков или сообщений; обсуждается вопрос о создании комиссии по защите государственного суверенитета, в которую войдут представители многих министерств, а также должностные лица, связанные со СМИ; контрпропаганда, которая включает раскрытие ложной информации, ее опровержение в официальных источниках; усиление ответственности за распространение фейков.

Abstract: The article analyzes the approaches of the Belarusian legislator in the field of combating the dissemination of false information through the media or using Internet resources. Attention is drawn to the fact that in modern conditions, fake information is considered as a new phenomenon of the information age. This phenomenon exists today both on the territory of the Russian Federation and on the territory of the Republic of Belarus. The article substantiates the need to identify methods and methods of combating it at the state level. In Belarus, the fight against fakes is carried out in the following areas: legal education of citizens by conducting appropriate explanatory work among the population on the subject of "unfamiliar" calls or messages; the creation of a commission for the protection of state sovereignty is being discussed, which will include representatives of many ministries, as well as officials associated with the media; counter-propaganda, which includes the disclosure of false information, its refutation in official sources; increased responsibility for the spread of fakes.

Ключевые слова: информация, новости, фейк, интернет, борьба, население.

Keywords: information, news, fake, internet, struggle, population.

В современном медиа пространстве серьезную угрозу для общественной стабильности имеют фейковые новости, или ложная информация, которую используют для привлечения внимания. Также такие ресурсы могут быть использованы для манипулирования массовым сознанием, формирования определенных взглядов и усиления социальных конфликтов. Поэтому борьба с фейковыми новостями становится приоритетной задачей для правительств, медиа и общественных организаций. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427–З «о средствах массовой информации» (в ред. от 16 марта 2026 г. №134–З) в Республике Беларусь используются следующие формы периодического распространения массовой информации: «печатные издания, вещания теле– или радиопрограммы, глобальная компьютерная сеть Интернет, сетевые издания как форма распространения массовой информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет».

В то же время серьезную угрозу для общественной стабильности имеют не только фейковые новости, но и другие формы дезинформации, такие как искажённая информация, манипулятивные заголовки и выборочное представление фактов. В недалеком прошлом «газетные утки» были не более чем результатом журналистской ошибки или попыткой разыграть таким образом читателя. Сегодня же вымышленная информация превратилась в товар, который приносит его создателям неплохую прибыль. Все эти методы используются с целью привлечения внимания и влияния на общественное мнение. Поэтому борьба с дезинформацией включает в себя не только выявление и опровержение фейковых новостей, но и развитие критического мышления у граждан и формирование навыков анализа информации, чтобы они могли более осознанно и критически оценивать все виды медиаматериалов. Интернет, по мнению большинства пользователей, считается пространством, где поведение имеет характер «абсолютной свободы» и не связано общепринятыми правилами поведения, морали, нравственности. В результате этого в интернет–пространстве уже довольно часто встречаются оскорбительные высказывания в адрес конкретных людей, а некоторые лица преднамеренно размещают недостоверную информацию. С другой стороны – через, различного рода мессенджеры граждане получают «немного искаженную» информацию и становятся жертвами мошенников.

По мнению А.Г. Лукашенко «Это сложность, с которой нам приходится сталкиваться в борьбе с этими фейками. Но от этого никуда не денешься».

Фейк следует рассматривать не просто как информационный шум или ошибку, а как осознанное действие или целенаправленное заявление, которое ориентировано на введение в заблуждение неопределённого или широкого круга лиц. Основная цель такого действия – либо извлечение прямой или косвенной материальной выгоды, либо достижение иного, зачастую скрытого, но выгодного для распространителя результата (например, формирование нужного общественного мнения, дискредитация оппонента, создание

паники или дестабилизация обстановки).

Можно выделить несколько характерных признаков фейковой информации, которые в совокупности позволяют отличить её от добросовестного заблуждения:

1 Активный характер распространения. Фейк – это всегда активное действие: публикация в средствах массовой информации, размещение в социальных сетях, мессенджерах (Telegram, Viber, WhatsApp), рассылка по электронной почте или даже устное тиражирование в общественных местах. Важно понимать, что фейк может быть, как намеренным (сознательная ложь), так и ненамеренным (когда распространитель сам стал жертвой обмана, но при этом не проверил данные). Фейковым может быть контент практически любого вида: новостное сообщение, отредактированная или вырванная из контекста фотография, смонтированное или сгенерированное нейросетью видео, аудиозапись, а также целый аккаунт в социальных сетях, созданный для имитации реального человека или организации.

2 Дезинформационный характер. Новость или утверждение, лежащее в основе фейка, имеет характер дезинформации, то есть не соответствует объективной реальности. В этом смысле фейк может быть полным (абсолютно все сведения ложны) или частичным (достоверные факты смешаны с вымыслом, реальные события искажены по смыслу, хронологии или масштабу). Например, настоящая фотография может быть подписана ложным комментарием, или реальное событие может быть представлено как происходящее в другом месте и времени.

3 Маскировка под достоверность. Данная информация распространяется под видом правдивых, проверенных сообщений. Внешне фейк часто копирует стилистику серьёзных новостных изданий, использует официальные логотипы, ссылается на несуществующих экспертов или «анонимные источники в спецслужбах». При этом фейк может быть, как полностью ложным, так и внедряться в качестве отдельного элемента в массив достоверных сведений, что делает его особенно опасным и трудно выявляемым.

4 Общественно значимый характер. Заведомо недостоверная информация обычно имеет общественно значимый характер, то есть затрагивает интересы большого числа людей, государства или социальных институтов. Особенно это актуально в тех случаях, когда фейк касается либо государственных должностных лиц (распространение ложных сведений об их здоровье, действиях или коррупции), либо событий, происходящих в государстве (стихийные бедствия, техногенные катастрофы, социальные протесты, пандемии, ход военных действий или мобилизация).

Распространением фейковой информации может быть причинён значительный вред как национальным интересам государства (подрыв обороноспособности, экономической безопасности, общественного порядка и доверия к органам власти), так и законным правам, и интересам конкретной личности (репутационный ущерб, моральные страдания, материальные потери, а в некоторых случаях – угроза жизни и здоровью, если речь идёт о ложных сообщениях о минировании или опасных препаратах).

Закрепление в белорусском законодательстве соответствующих правовых норм (особенно после 2020 года) можно рассматривать как действенную превентивную меру, направленную на противодействие распространению заведомо ложной и не соответствующей действительности информации.

В Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455–3 «Об информации, информатизации и защите информации» (в ред. от 10 октября 2022 г. № 209–3) под защитой информации понимается комплекс правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности, и сохранности информации.

Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит составы преступлений, связанных с распространением ложной информации. Выделим основные:

– Статья 369–1 УК РБ (введена в 2021 г.) – за публичное распространение заведомо ложных сведений, дискредитирующих Беларусь, о политической, экономической,

социальной, военной или международной обстановке, правовом положении граждан, деятельности госорганов, Вооружённых Сил и иных формирований. Если это деяние направлено на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам и совершено в выступлении, печатном или публично демонстрируемом произведении, СМИ, либо в интернете, – максимальное наказание до 4 лет лишения свободы со штрафом.

– Статьи 367 и 368 УК РБ – за клевету или оскорбление Президента Беларуси. Наказание может достигать 5 лет лишения свободы. Под действие закона подпадают те же формы распространения информации.

– Статья 369 УК РБ (в редакции 2021 г.) – за оскорбление представителя власти либо его близких в связи с исполнением служебных обязанностей. Требуется умышленное унижение чести и достоинства в неприличной форме. Наказание – до 3 лет лишения свободы.

– Статья 188 УК РБ – за клевету (распространение заведомо ложных порочащих сведений) в публичном выступлении, печатном или публично демонстрируемом произведении, СМИ, интернете, иных сетях электросвязи, либо клевету с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении. Максимум – лишение свободы до 3 лет.

– Статья 130 УК РБ – за умышленные действия, разжигающие расовую, национальную, религиозную либо иную социальную вражду или рознь по признаку расы, национальности, религии, языка или социальной принадлежности. Ответственность: штраф, арест, ограничение свободы до 5 лет или лишение свободы до 5 лет.

Пристальное внимание белорусского законодателя к недостоверной информации не случайно. Сегодня наблюдается «стремительная фейковизация» медиаконтента. Причины распространения ложных сведений:

– борьба за рейтинг и привлечение рекламодателей (а значит, и прибыли);
– «сетевая анонимность», порождающая безответственность создателей и распространителей фейков. Плюс аудитория жаждет «горячих» и шокирующих новостей для обсуждения.

Уловки киберпреступников вторгаются и в частную жизнь граждан. В Беларуси распространены схемы выманивания денег с использованием социальной инженерии (Telegram, WhatsApp и др.). Злоумышленники постоянно совершенствуют методы, создавая, например, фейковые аккаунты реальных людей. Правоохранители призывают граждан при необычных просьбах от руководителей или родственников немедленно прерывать связь и перезванивать. Нередко мошенники заявляют, что с карты клиента идут списания на финансирование терроризма, и предлагают сообщить персональные данные для «предотвращения» либо срочно взять кредит, чтобы запутать след. Итог – перевод денег неизвестным или долговые обязательства.

Остро стоит вопрос «поиска виртуальной любви» – киберловушки для выманивания денег. Типичная схема: женщине в мессенджере или на сайте знакомств пишет иностранец, якобы случайно увидевший её профиль и «влюбившийся». Он восхищается Беларусью, хочет переехать, но не может – например, он моряк у Белого моря, военный врач в зоне боевых действий или связан обязательствами. Зато в доказательство чувств готов прислать ценный подарок или деньги. Для получения посылки нужно оплатить комиссию (копейки по сравнению со стоимостью). Иногда просят немного на билет до Минска – «всего пару тысяч». Женщины перечисляют огромные суммы. Например, жительница Московского района Минска заплатила за посылку 26 тыс. белорусских рублей (более 7500 долларов США) и осталась ни с чем.

Таким образом, фейковизация становится частью общественной жизни. Ложные новости распространяются как вирус, и население должно быть готово противостоять этому. Каждое государство выбирает свои методы борьбы. В Беларуси работа ведётся по следующим направлениям:

– правовое просвещение граждан: проводится разъяснительная работа среди

населения на предмет «незнакомых» звонков, определяется алгоритм поведения в таких ситуациях (звонок родственникам, в милицию); особенно это актуально для людей пенсионного возраста;

- в борьбе с деструктивной ложью объединяются органы законодательной и исполнительной власти. Обсуждается вопрос о создании комиссии по защите государственного суверенитета, в которую войдут представители многих министерств, а также должностные лица, связанные со СМИ;

- одним из средств защиты от информационных атак является контрпропаганда, которая включает раскрытие ложной информации, ее опровержение в официальных источниках. Большая ответственность в этом плане ложится на авторитетные средства массовой информации, которые призваны защищать государственные позиции в информационной сфере;

- ограничение либо запрет доступа к определенным интернет-ресурсам (на сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь размещен перечень ссылок на соответствующие ресурсы);

- усиление ответственности за распространение фейков (в Беларуси в 2021 г. были внесены соответствующие изменения в уголовное законодательство).

По моему мнению, одним из важнейших инструментов в борьбе с фейковыми новостями является образование. Обучение граждан информационной грамотности и критическому мышлению позволяет им более осознанно относиться к информации, анализировать новости и распознавать дезинформацию. Эффективные программы информационной грамотности должны включать в себя обучение методам выявления фейковых новостей и приобретение практических навыков анализа информации. Кроме того, важную роль в выявлении и борьбе с фейками играет активное участие общественных организаций, журналистов. Организации, специализирующиеся на фактчекинге (проверка информации на правдивость, точность и достоверность), проводят исследования и анализируют новостные материалы с целью выявления ложной информации и предоставления достоверных данных обществу.

Считаю, что важно также развивать технологические инструменты для выявления фейковых новостей. В этом особенно могут помочь искусственный интеллект (ИИ) и алгоритмы машинного обучения. Действительно, возможности ИИ сегодня очень широки в современном мире. В первую очередь такие технологии необходимы в сфере образования и науки. Они могут использоваться для автоматического анализа текстов, изображений и видео с целью выявления признаков дезинформации. Разработка и применение таких технологий в первую очередь и помогают улучшить эффективность борьбы с фейковыми новостями в цифровой среде.

Для эффективного противодействия распространению недостоверной информации (фейковых новостей) исключительно важное значение имеет развитие и укрепление международного сотрудничества. Современное информационное пространство не знает государственных границ: потоки данных, сообщений и новостей мгновенно пересекают любые рубежи, поэтому любые попытки бороться с дезинформацией исключительно в рамках отдельно взятой страны неизбежно оказываются недостаточно результативными. В этой связи взаимодействие между различными государствами, авторитетными международными организациями (такими как ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совет Европы) и представителями глобальной медиаиндустрии приобретает ключевое, системообразующее значение. Такое сотрудничество позволяет наладить оперативный обмен разведывательными данными о новых фейковых кампаниях, выявлять источники дезинформации, а также совместно разрабатывать универсальные стратегии и эффективные механизмы противодействия информационным угрозам. Одним из наиболее перспективных направлений здесь выступает создание международных платформ и постоянных рабочих групп для обмена накопленным опытом и лучшими практиками в сфере борьбы с дезинформацией. Благодаря таким площадкам страны и целые регионы

могут анализировать чужие ошибки, избегать повторения неудачных подходов и перенимать успешные методики выявления, опровержения и блокировки ложного контента. Кроме того, настоятельно необходима координация усилий на международном уровне в области разработки и внедрения передовых технологических решений. Речь идёт о системах автоматического распознавания фейков, алгоритмах фильтрации недостоверной информации, единых стандартах маркировки контента, создании международных баз данных верифицированных фактов. Такая технологическая кооперация позволит значительно повысить эффективность борьбы с дезинформацией, снизив нагрузку на человеческие ресурсы. Не менее важную роль в противостоянии фейковым новостям играет системная поддержка независимых журналистов и тех средств массовой информации, которые придерживаются принципов профессиональной этики и добросовестности. Именно независимые журналисты, для которых приоритетом является тщательная проверка фактов (фактчекинг), выявление случаев намеренной дезинформации и расследование происхождения ложных вбросов, выступают своего рода «сторожевыми псами» информационного поля. Их деятельность напрямую способствует поддержанию свободы прессы, что является одним из фундаментальных условий функционирования любого демократического общества, а также обеспечивает для широкой общественности доступ к достоверным, проверенным сведениям, что крайне важно в условиях информационной войны. Кроме того, существенным аспектом успешной борьбы с фейковыми новостями следует считать обеспечение максимальной прозрачности и введение реальных механизмов ответственности в деятельности как традиционных средств массовой информации, так и цифровых социальных платформ. Необходимо, чтобы каждая новостная организация и каждая интернет–площадка не декларативно, а на деле принимали эффективные меры по предотвращению распространения дезинформации. К числу таких мер относятся: регулярная и независимая проверка фактов (фактчекинг), постоянный мониторинг качества публикуемого контента и честность используемых алгоритмов ранжирования, а также предоставление пользователям простых и понятных инструментов для обнаружения подозрительных новостей и оперативного сообщения о них администрации платформы. Также важно, чтобы пользователи имели возможность видеть историю правок и источники информации. Все эти шаги в совокупности помогают существенно снизить влияние фейков на общественное мнение и предотвратить манипуляцию массовым сознанием.

В заключение следует подчеркнуть, что эффективное противодействие фейковым новостям невозможно без применения комплексного, многоуровневого подхода, который органично объединяет в себе несколько обязательных компонентов. Во–первых, это непрерывное медиаобразование и повышение информационной грамотности населения – от школьников до пенсионеров. Во–вторых, это постоянное технологическое развитие, включая создание искусственного интеллекта для выявления подделок. В–третьих, это разностороннее международное сотрудничество, о котором говорилось выше. В–четвёртых, это последовательная поддержка независимых и добросовестных средств массовой информации. В–пятых, это обеспечение прозрачности деятельности информационных платформ и их ответственности за распространяемый контент. Только объединив усилия по всем этим направлениям, можно обеспечить надёжную защиту современного общества от разрушительного влияния дезинформации, сохранить и укрепить доверие граждан к новостным источникам в условиях стремительно развивающегося цифрового мира. Иными словами, результативное противодействие фейковым новостям требует скоординированных совместных действий абсолютно всех участников общественной жизни: от рядовых граждан и образовательных учреждений до правительственных структур, правоохранительных органов и неправительственных организаций, включая профессиональные журналистские ассоциации. Именно путём объединения усилий в сфере образования, технологического развития и формирования активной гражданской позиции каждого члена общества можно в полной мере обеспечить

защиту социума от пагубного влияния ложных новостей, сохранить при этом свободу распространения информации и фундаментальные демократические ценности, составляющие основу современного правового государства.

Список литературы:

1. Как распознать фейковые новости. Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resourcecenter/preemptive-safety/how-to-identify-fake-news/>. – Дата доступа: 15.04.2026.
2. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. №427–З «О средствах массовой информации» (в ред. от 16 марта 2026 г. №134–З) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. Дата доступа: 15.04.2026.
3. Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455–З «Об информации, информатизации и защите информации» (в ред. от 10 октября 2022 г. № 209–З) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. Дата доступа: 15.04.2026.
4. Манойло, А. Методика противодействия фейковым новостям / А. Манойло, А. Попадюк, В. Теличко [Электронный доступ]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2537>. – Дата доступа: 17.04.2026.
- 5 Информационная грамотность как приоритет / Н. И. Гэндина [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ifarcom.ru/ru/news/255>. - Дата доступа: 16.04.2026.
- 6 Зуйкина К.Л., Соколова Д. В. Специфика контента российских фейковых новостей в Интернете и на телевидении / / Вестник Московского ун-та. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 3-21.
- 7 Верховный Суд Республики Беларусь. Обзоры судебной практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://court.gov.by>. Дата доступа: 16.04.2026.
- 8 ТОП-5 киберобманов, которые подстерегают вас в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru>. Дата доступа: 16.04.2026.

УДК 336.74:004.056

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

HARMONIZATION OF DIGITAL CURRENCIES AS A TOOL FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE UNION STATE

**А.В. Приймак
A.V. Priymak**

Ростовский филиал Российской таможенной академии, 344002, г. Ростов-на-Дону,
Будёновский просп., 20.

The Rostov branch of the Russian Customs Academy, 344002, Rostov-on-Don, Budennovsky
Avenue, 20.

Аннотация: В данной статье проводится комплексное исследование процессов интеграции национальных цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) в рамках союзного строительства Российской Федерации и Республики Беларусь. Автор анализирует правовую природу цифрового рубля и цифрового белорусского рубля, выявляя их потенциал в качестве фундаментального инструмента обеспечения экономической безопасности Союзного государства. В работе подробно рассматриваются вопросы гармонизации нормативно-правового регулирования, включая положения Таможенного

кодекса ЕАЭС и актуальные постановления правительств обеих стран. Особый акцент сделан на трансформации таможенного администрирования и валютного контроля при переходе на трансграничные расчеты в цифровых активах. Исследование обосновывает, что создание единого цифрового расчетного пространства позволяет минимизировать негативное влияние внешних санкционных ограничений, повысить прозрачность финансовых потоков и обеспечить технологический суверенитет финансовых систем. Статья подготовлена с использованием академического стиля изложения, характерного для специалиста в области таможенного дела.

Abstract: This article provides a comprehensive study of the integration of national central bank digital currencies (NCDCs) within the framework of the Union State's development. The author analyzes the legal nature of the digital ruble and the digital Belarusian ruble, identifying their potential as a fundamental instrument for ensuring the economic security of the Union State. The paper examines in detail the harmonization of legal and regulatory frameworks, including the provisions of the EAEU Customs Code and current government regulations of both countries. Particular emphasis is placed on the transformation of customs administration and currency control during the transition to cross-border settlements in digital assets. The study substantiates that the creation of a single digital settlement space helps minimize the negative impact of external sanctions, increase the transparency of financial flows, and ensure the technological sovereignty of financial systems. The article is written in an academic style typical of a customs specialist.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровой белорусский рубль, Союзное государство, экономическая безопасность, ТК ЕАЭС, гармонизация, таможенный контроль, валютное регулирование.

Keywords: digital ruble, digital Belarusian ruble, Union State, economic security, EAEU Customs Code, harmonization, customs control, currency regulation.

Современный этап развития мировой финансовой системы характеризуется глубокой цифровой трансформацией, обусловленной необходимостью поиска новых, более эффективных и защищенных механизмов осуществления трансграничных расчетов. Для Российской Федерации и Республики Беларусь, функционирующих в рамках единого политического и экономического пространства — Союзного государства, вопрос формирования независимой расчетной инфраструктуры приобретает критическое значение. В условиях эскалации геополитической напряженности и использования мировых резервных валют в качестве инструмента политического давления, разработка и внедрение национальных цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) становится не только технологической задачей, но и важнейшим элементом обеспечения национальной и коллективной экономической безопасности [1]. Под экономической безопасностью Союзного государства в контексте данного исследования понимается состояние защищенности национальных экономик от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается устойчивый рост, стабильность финансовых институтов и суверенитет в принятии макроэкономических решений. Цифровой рубль РФ и цифровой белорусский рубль, выступая в качестве третьей формы денег, предлагают уникальный инструментарий для достижения этих целей. В отличие от безналичных средств, находящихся на счетах в коммерческих банках, цифровые валюты являются прямым обязательством центральных банков, что нивелирует риски ликвидности и обеспечивает высокую степень доверия со стороны участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

Гармонизация этих двух цифровых инструментов предполагает не только техническую совместимость платформ, но и единообразие правового регулирования, что напрямую соотносится с задачами государственных служб, таких как таможенные органы Российской Федерации. В контексте правового регулирования, осуществляемого Таможенным кодексом Евразийского Экономического союза, одной из функций таможенных органов является обеспечение соблюдения мер валютного контроля [2]. Внедрение ЦВЦБ открывает беспрецедентные возможности для автоматизации контроля за

движением денежных средств, сопоставления их с товарными потоками и пресечения незаконного вывода капиталов за рубеж.

Проблема обеспечения экономической безопасности Союзного государства (СГ) в современных условиях приобрела экзистенциальное значение. Традиционные механизмы международных расчетов, базирующиеся на западной финансовой инфраструктуре и доминировании доллара США, превратились из инструментов содействия торговле в рычаги политического давления. Отключение ведущих банков от системы SWIFT, блокировка корсчетов и риски вторичных санкций создают барьеры для нормального функционирования внешнеторгового оборота между Россией и Беларусью.

В этой связи цифровизация национальных валют становится не просто технологическим трендом, а стратегическим приоритетом. Концепция цифрового рубля, активно реализуемая Банком России, и соответствующие инициативы Республики Беларусь направлены на создание независимой, прозрачной и высокотехнологичной системы платежей [1]. Гармонизация этих систем позволит создать замкнутый контур расчетов внутри Союзного государства, полностью защищенный от внешнего вмешательства. На наш взгляд, именно интеграция цифровых валют в таможенную и финансовую сферу способна стать «точкой сборки» новой архитектуры экономической безопасности.

Сегодняшняя трансформация мировой финансовой системы — это не просто технологический переход в «цифру», а в первую очередь поиск надежной защиты от санкционного давления. Для нас, в рамках Союзного государства, создание полностью независимых платежных путей — это стратегическая задача, от которой зависит экономическая безопасность. Мы рассматриваем цифровой рубль и его белорусский аналог не как очередную ИТ-новинку, а как прямое обязательство центральных банков. Это дает нашему бизнесу гораздо больше гарантий и уверенности, чем обычные безналичные средства в коммерческом банке, которые могут быть заблокированы в любой момент.

В ходе работы я детально проанализировала нормативную базу обеих стран. Фундаментом исследования стали российский Федеральный закон № 339-ФЗ и ключевые стратегические документы Республики Беларусь, в частности Декрет № 8, заложивший основу цифровой экономики [7]. Также я опиралась на Таможенный кодекс ЕАЭС, который указывает правила и критерии для всех участников ВЭД. Исследование строилось на сравнительном анализе моделей цифровых валют, чтобы понять, как их можно синхронизировать именно для нужд таможенного администрирования. Особое внимание я уделила Постановлению Правительства РФ № 1538, которое регулирует «гибкие» вывозные пошлины [3]. Для нас, как будущих специалистов, важно понимать, как цифровой рубль поможет упростить их расчет и автоматизировать уплату, минимизируя человеческий фактор. Методология работы также включает изучение стратегий цифровой трансформации, принятых в Беларуси, что позволяет оценить перспективы создания единого расчетного пространства.

Анализ внедрения цифрового рубля в РФ и аналогичных шагов в Беларуси показывает, что мы движемся к двухуровневой системе расчетов. Главное преимущество здесь — «иммунитет» к санкциям. Поскольку платформы суверенные, расчеты между нашими резидентами проходят напрямую, без участия западных банков и системы SWIFT, а значит, никто со стороны не сможет заблокировать транзакцию. Для таможенника внедрение таких валют — это вообще новый уровень контроля по ст. 351 ТК ЕАЭС. Технология распределенных реестров позволяет «окрашивать» деньги и использовать смарт-контракты. Это решает вечную проблему фиктивного импорта: деньги уйдут поставщику только после того, как таможня подтвердит факт пересечения границы товаром.

Становление цифрового рубля в России прошло тернистый путь — от первых концептов до формирования полноценной законодательной базы и запуска реальных тестов. Согласно принятому закону № 339-ФЗ, эта валюта официально признана платежным средством, а вся её инфраструктура замкнута на платформе Центробанка [5].

Наши коллеги из Беларуси выбрали схожую тактику: их модель цифрового рубля также строится по двухуровневому принципу, где Нацбанк отвечает за платформу, а коммерческие банки работают с клиентами как посредники. Если смотреть на это через призму экономической безопасности, то главный козырь такой системы — абсолютная независимость от санкций.

Пока классические переводы через SWIFT завязаны на западных серверах, наши внутренние цифровые платформы позволяют проводить платежи между резидентами РФ и РБ напрямую, минуя иностранные банки-корреспонденты. В итоге мы получаем защиту от блокировок и необоснованных отказов в транзакциях со стороны недружественных стран. Экономическая безопасность Союзного государства в эпоху цифровых трансформаций во многом определяется эффективностью управления ликвидностью [12].

Гармонизация валют позволит создать единый рынок капитала, где предприятия РБ и РФ смогут проводить расчеты в режиме 24/7 без оглядки на праздничные дни и часы работы банков-корреспондентов. На мой взгляд, интеграция платежных систем России и Беларуси выступает ключевым фактором устойчивости к санкциям. При трансграничных расчетах в цифровых рублях исчезает необходимость в использовании промежуточных валют (доллара или евро), что устраняет риск блокировки платежа со стороны недружественных стран.

Тем не менее, как отмечает Григорьев М. П., существуют риски, связанные с кибербезопасностью и необходимостью создания единого шлюза между платформами двух Центробанков. Эти риски должны купироваться мерами реализации бюджетной политики, аналогичными тем, что прописаны в Постановлении СМ РБ № 954 [8]. Ниже в Таблице 1 представлены сравнительные характеристики традиционной системы расчетов и перспективной модели на базе гармонизированных цифровых валют.

Таблица 1 – Анализ расчетных моделей в СГ

Параметр сравнения	Традиционная модель (SWIFT/Корсчета)	Модель гармонизированных ЦВЦБС
Скорость транзакции	Часы / дни	Мгновенно
Зависимость от санкций	Высокая	Нулевая
Издержки	Высокие (комиссии, конвертация)	Минимальные
Прозрачность для таможни	Опосредованная (справки)	Прямая (интеграция)
Валютный риск	Высокий	Отсутствует

Анализ данных таблицы подтверждает, что переход на цифровые валюты является не просто технологическим обновлением, а качественным скачком в обеспечении экономической стабильности. Морозов С. И. подчеркивает, что в условиях глобальной нестабильности выигрывают те интеграционные объединения, которые быстрее создают собственные суверенные цифровые протоколы [12].

Для таможенника внедрение национальных цифровых валют — это вообще новый уровень работы в рамках статьи 351 ТК ЕАЭС. Обычный валютный контроль всегда буксует из-за разрыва во времени между оплатой и выпуском товара. Технологии, лежащие в основе цифрового рубля, позволяют «метить» деньги и внедрять смарт-контракты. Проще

говоря: поставщик получит оплату автоматически, но только тогда, когда таможня подтвердит факт пересечения границы и завершение всех процедур. Это рубит на корню схемы с фиктивным импортом и незаконным выводом капитала.

На фискальную функцию таможни цифры влияют серьезно. Постановление № 1538 о гибких вывозных пошлинах, которые зависят от курса. С цифровым рублем расчет и уплата этих сборов уходят в онлайн-режим. Поскольку этот актив можно программировать, система способна сама списывать нужную сумму с кошелька экспортера в момент подачи декларации, что облегчает жизнь ФТС и страхует бюджет от недоимок. В Беларуси цифровизация идет медленно, опираясь на Декрет № 8 и Постановление № 105 [7]. Чтобы наши системы работали как единое целое, нужно создать общий технологический шлюз. Тогда бизнес сможет платить в «своей» валюте с мгновенной конвертацией по честному курсу, не теряя деньги на банковской марже.

Такая прозрачность и скорость расчетов — мощный фактор для стабилизации макроэкономики Союзного государства. Нам жизненно необходим единый стандарт проверки пользователей цифровых кошельков, чтобы не плодить незаконные схемы. Белорусское постановление № 954 и наши российские регламенты придется дополнять правилами обмена информацией по подозрительным операциям именно в цифровых рублях [8]. С точки зрения теории, такие валюты возвращают доверие к национальным деньгам. Уходя от диктата доллара и евро, мы снижаем волатильность рынка и делаем экономику устойчивой к внешним ударам. Как верно замечают в научных кругах, без финансового суверенитета не бывает суверенитета вообще. Отдельный вопрос — адаптация информационных систем. Та же ЕАИС должна бесшовно стыковаться с платформами цифровых валют. Только так заработает идея «интеллектуального таможенного поста», где сопоставление стоимости и выручки делает алгоритм без участия инспектора. Это не только ускоряет оформление, но и убирает почву для коррупции. В контексте Союзного государства это может работать следующим образом: при подаче декларации в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС смарт-контракт автоматически блокирует необходимую сумму в цифровых рублях на счету импортера и переводит её в бюджет в момент фактического пересечения границы товаром [2].

Малый и средний бизнес тоже в плюсе: прямые расчеты через госплатформы избавляют от банковских комиссий в 3–5% [11]. В логистике знают: сэкономил 1% на транзакциях — получил реальный рост товарооборота. Значит, объединение буквально подталкивает интеграцию России и Беларуси. Но тут важно не забыть про кибербезопасность — объемы данных о сделках огромные, и защищать их нужно своими криптографическими методами, чтобы хакеры не добрались до секретов ВЭД [12]. Экономическая безопасность — это еще и прозрачность государственных контрактов. «Окрашивание» рублей позволяет видеть путь бюджетных денег до последнего субподрядчика. Это исключает воровство и делает госинвестиции эффективными. Главная трудность сейчас — синхронизировать законы. Наше Постановление № 2314 и аналоги в РБ должны одинаково трактовать отчетность по цифровым валютам. Нужно четко прописать, какие бумажки (или их цифровые копии) подтверждают сделку для валютного контроля, чтобы бизнес не гадал, как ему отчитываться. По сути, гармонизация цифровых валют — это логичный шаг в сторону дедолларизации. Опыт в Союзном государстве может стать образцом для всего ЕАЭС, задавая планку для финансового будущего всей Евразии [15, 1].

Резюмируя, можно уверенно сказать: связка цифровых платформ России и Беларуси — это фундамент нашей общей экономической безопасности. Это выгодно по ряду причин. Во-первых, своя расчетная архитектура обнуляет риски от санкций недружественных стран. Суверенитет в платежах — это гарантия того, что торговля не встанет, а активы бизнеса не будут украдены. Во-вторых, полноценный запуск национальных цифровых валют (ЦВЦБ) дает государству новые рычаги управления. Стыковка этих систем с

таможенными сервисами делает движение денег и товаров прозрачным, помогает контролировать выручку и автоматизирует сбор пошлин строго по букве ТК ЕАЭС.

Единые правила пользования цифровыми активами резко снижают издержки и экономят время участников ВЭД, что подстегивает деловую активность и сближает наши страны. Но чтобы всё заработало, нужно решить приоритетные задачи: договориться по законам, создать общие протоколы защиты данных, обновить законодательство, софт у таможи и финансовых регуляторов. Успех этого проекта обеспечит финансовую и технологическую независимость в условиях, когда вся мировая экономика летит в сторону глобальных перемен и трансформации мировой системы.

Хочется подчеркнуть, что попытка объединить цифровые валюты России и Беларуси — это не просто техническое обновление систем, а масштабная перестройка всей финансовой и таможенной логистики внутри Союзного государства.

Анализ текущей ситуации позволяет выделить несколько принципиальных моментов. Мы видим, что юридический фундамент заложен с обеих сторон: российский 339-ФЗ и белорусский Декрет № 8 вместе со Стратегией цифровизации создают условия, чтобы переходить от теории к реальным расчетам в цифрах, именно связка цифровых рублей со смарт-контрактами способна «расшить» узкие места на границе. Если платежи будут проходить автоматически в рамках ТК ЕАЭС, это не только сэкономит время бизнесу, но и гарантирует бюджету полную собираемость пошлин без лишней бюрократии. В условиях постоянных санкций создание такого автономного платежного контура — вопрос выживания. Это позволяет спокойно работать по экспортным направлениям (в том числе в рамках Постановления № 1538), не опасаясь блокировок извне.

В конечном счете, гармонизация цифровых валют сегодня — это не вопрос выбора, а обязательное условие безопасности. Чтобы система заработала в полную силу, сейчас критически важно достроить общий технологический «шлюз» между нашими платформами и жестко согласовать правила киберзащиты, чтобы исключить любые уязвимости на стыке систем.

Список литературы:

1. Концепция цифрового рубля. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_0421.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 10.04.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 21.09.2023 № 1538 «О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств - участников соглашений о Таможенном союзе...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309220021> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.02.2024 № 105 «О стратегии цифровой трансформации экономики» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400105> (дата обращения: 10.04.2026).
5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/407338355/> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Стратегия развития финансового рынка Республики Беларусь до 2027 года. Утверждена постановлением Совета Министров и Национального банка РБ от 28.04.2023

№ 286/10 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300286> (дата обращения: 10.04.2026).

7. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 10.04.2026).

8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2023 № 954 «О мерах по реализации бюджетной политики в 2024 году» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300954> (дата обращения: 10.04.2026).

9. Сидорова Е. Н. Роль цифровых валют в обеспечении финансового суверенитета стран ЕАЭС // Вестник таможенной академии. – 2024. – № 2. – С. 15-22. – URL: <https://vta.customs.academy/jour> (дата обращения: 10.04.2026).

10. Петров А. В. Таможенное администрирование в условиях цифровизации: вызовы и перспективы // Таможенное дело. – 2025. – № 1. – С. 45-51. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=customs_2025_1 (дата обращения: 10.04.2026).

11. Васильев К. А. Смарт-контракты в таможенной сфере: правовые аспекты применения // Право и экономика. – 2024. – № 3. – С. 12-18. – URL: <https://law-journal.ru/archive/2024/3/> (дата обращения: 10.04.2026).

12. Морозов С. И. Экономическая безопасность Союзного государства в эпоху цифровых трансформаций // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2025. – № 5. – С. 30-38.

13. Григорьев М. П. Трансграничные расчеты в цифровых рублях: механизмы и риски // Экономика и управление. – 2024. – № 8. – С. 55-62.

14. Постановление Правительства РФ от 26.12.2023 № 2314 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам совершения таможенных операций» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465842/ (дата обращения: 10.04.2026).

15. Черных В. А. Интеграция платежных систем России и Беларуси как фактор устойчивости к санкциям // Международная экономика. – 2026. – № 2. – С. 10-19.

УДК 314.7:338.1(479.2)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

BRAIN DRAIN AS A KEY THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

**Санакоев Д.Г
Sanakoev D.G**

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени З.Н.Ванеева,
проспект А.Джигоева, 3, г.Цхинвал Республика Южная Осетия
Sanakoev David Georgievich,

South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N.Vaneev,
A.Dzhioev Avenue, 3, Tskhinval, Republic of South Ossetia

Аннотация: Для малых государств с переходной экономикой, таких как Республика Южная Осетия, качество и численность человеческого капитала становятся критическим фактором экономической безопасности, зачастую более значимым, чем финансовые или

энергетические показатели. В исследовании впервые интеллектуальная миграция из Южной Осетии рассматривается не как демографическое явление, а как самостоятельная экономическая угроза, подлежащая количественной оценке. На основе анализа данных переписей, миграционной статистики и экспертных оценок выделены три канала оттока: образовательный, трудовой и семейно-бытовой. Показано, что существующая система мониторинга не улавливает качественную структуру потерь — сколько уехало врачей, инженеров, педагогов. Прямые инвестиционные потери от обучения невернувшихся специалистов оцениваются в сотни миллионов рублей за десятилетие, косвенные потери ВРП — в несколько процентов экономики республики. Предложена система из трёх учётно-аналитических индикаторов для включения в контур мониторинга экономической безопасности: коэффициент интеллектуальной миграции, коэффициент окупаемости образовательных инвестиций и индекс кадровой самодостаточности отраслей. Сформулированы практические рекомендации: контрактная система целевого обучения, создание цифровой платформы для связи с диаспорой («цифровой мост») и принятие закона о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом.

Abstract: For small states with transition economies such as the Republic of South Ossetia, the quality and size of human capital become a critical factor of economic security, often more significant than financial or energy indicators. This study, for the first time, examines intellectual migration from South Ossetia not as a demographic phenomenon but as an independent economic threat subject to quantitative assessment. Based on census data, migration statistics, and expert estimates, three outflow channels are identified: educational, labor, and family-related. It is shown that the current monitoring system fails to capture the qualitative structure of losses — how many doctors, engineers, and teachers have left. Direct investment losses from training non-returning specialists are estimated at hundreds of millions of rubles per decade, while indirect GDP losses amount to several percent of the republic's economy. A system of three accounting and analytical indicators is proposed for incorporation into economic security monitoring: the intellectual migration coefficient, the return on educational investment coefficient, and the sectoral personnel self-sufficiency index. Practical recommendations include a contract-based targeted training system, the creation of a digital platform for diaspora engagement (a “digital bridge”), and the adoption of a law on state policy towards compatriots abroad.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, экономическая безопасность, человеческий капитал, Республика Южная Осетия, миграционная политика, кадровая самодостаточность, целевое обучение.

Keywords: economic security, human capital, Republic of South Ossetia, migration policy, personnel self-sufficiency, targeted training.

Экономическую безопасность государства обычно оценивают через финансовую устойчивость, энергонезависимость, состояние производства и золотовалютные резервы. Для крупных экономик это работает. Но для малых стран с переходной экономикой и ограниченными ресурсами ключевым, хоть и недооценённым фактором становится качество и численность человеческого капитала. В Республике Южная Осетия этот фактор превратился из абстрактной категории, вероятно, в главную угрозу экономической безопасности.

Это не привычная трудовая миграция — временно уехал на заработки и вернулся. Здесь другое: уезжает будущее. Школьники — в российские вузы и уже не возвращаются. Выпускники, которым не применить себя дома. Профессионалы, упёршиеся в карьерный потолок. Мы называем это интеллектуальной миграцией: безвозвратной, мотивированной не деньгами, а реализацией. И это не убыль населения. Это удар по экономической безопасности.

Связь «утечки умов» с экономической безопасностью в науке прописана давно. Но для Южной Осетии эта тема остаётся неизученной территорией. Сколько потеряно специалистов с высшим? В каких отраслях дефицит смертелен? Какова цена? Ответов нет.

Цель настоящего исследования: идентифицировать интеллектуальную миграцию как самостоятельный и наиболее опасный компонент миграционного оттока из Республики Южная Осетия, оценить её масштабы и отраслевую структуру, а также предложить методический подход к оценке прямых и косвенных экономических потерь.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Выделить интеллектуальную миграцию в общей структуре миграционных потоков и определить её специфику применительно к Южной Осетии.

2. Дать приблизительную оценку масштабов и отраслевого профиля интеллектуального оттока.

3. Разработать методику расчёта прямых и косвенных экономических потерь от интеллектуальной миграции.

4. Предложить систему учётно-аналитических индикаторов для включения интеллектуальной миграции в контур мониторинга экономической безопасности республики.

Научная новизна — в самом ракурсе: интеллектуальная миграция рассматривается не как демография, а как экономическая угроза, подлежащая количественной оценке. Практическая значимость в методике, пригодной для мониторинга кадровых потерь органами управления РЮО. Информационная база — данные переписей, отчёты Минобразования республики, российская миграционная статистика и экспертные оценки. Методы — структурный анализ, расчёт упущенной выгоды, элементы управленческого учёта, сравнительный анализ.

Объект исследования — интеллектуальная миграция из Республики Южная Осетия. Это люди с высшим и средним специальным образованием в возрасте от 18 до 40 лет, уехавшие на учёбу или работу и не вернувшиеся в экономику республики. Почему именно эта группа? Потому что она наиболее продуктивна и наиболее мобильна. Трудовую миграцию и интеллектуальную я сознательно разделяю. Трудовая это временный выезд на заработки: деньги и связи человека по-прежнему работают на республику. Интеллектуальная — другое. Уезжают знания, компетенции, налоги, профессиональные связи. Всё это оседает в чужой экономике навсегда. Республика теряет не рабочую единицу, она теряет того, кто мог бы строить её будущее. Теоретически такое разделение восходит к работам Л.И. Абалкина, называвшего деградацию образовательного потенциала одной из опаснейших долгосрочных угроз [1], и к школе В.К. Сенчагова, который подчёркивал: для малых экономик пороговые значения кадровых индикаторов безопасности значительно ниже, чем для крупных [8].

Теперь о данных. Официальная статистика РЮО вызывает обоснованные вопросы. Каберты Н.Г., Кочиева Ж.Г. показали, что югоосетинские данные о миграционном приросте за 2015–2023 годы (11,8 тыс. человек) не подтверждаются зеркальной статистикой Росстата [4]. Россия фиксирует небольшое, но положительное сальдо в свою пользу. Иными словами, отток продолжается, просто официальные цифры его не видят. При этом российская статистика не детализирует миграцию по уровню образования. Прямой количественной оценки интеллектуального оттока не даст никто. Мы вынуждены работать с косвенными данными и экспертными допущениями. Информационная база собрана по крупицам: данные переписей 1989 и 2015 годов, отчёты Министерства образования и науки РЮО, российская миграционная статистика, сведения о выданных разрешениях на работу иностранцам, труды Абалкина, Сенчагова, публикации Высшей школы экономики [11] и т.д.

Есть ещё одно ограничение и оно, пожалуй, самое красноречивое. В республике нет ни одной государственной программы мониторинга интеллектуальной миграции. Никто не ведёт учёт выпускников, уехавших в российские вузы и оставшихся там. Нет реестра соотечественников-профессионалов за рубежом. Нет системы отслеживания профессиональных траекторий. Любая оценка в таких условиях неизбежно носит расчётно-экспертный характер. Но это не повод опускать руки. Как отмечает Караваева И.В., для

стран с формирующимися рынками использование косвенных индикаторов и экспертных оценок — допустимая и признанная практика [5]. Мы работаем с тем, что есть. И даже обрывочных данных хватает, чтобы понять: процесс идёт, и он не в нашу пользу.

В исследовании использованы подходы экономической безопасности, экономики труда, демографии и управленческого учёта. Используется структурный анализ миграционных потоков, при котором доля лиц с высшим образованием среди эмигрантов оценивается примерно — через данные о поступающих в российские вузы, скорректированные на коэффициент невозврата. Применяется метод расчёта упущенной выгоды: прямые потери это бюджетные затраты на образование невернувшихся специалистов; косвенные — недополученный ВРП, который они могли бы создать в экономике республики. Мы вводим элементы управленческого учёта — три индикатора для мониторинга: коэффициент невозврата выпускников, индекс кадровой самодостаточности отраслей и коэффициент окупаемости образовательных инвестиций. На их основе строится сводный индекс кадровой безопасности, учитывающий масштаб оттока, качество теряемого капитала и способность экономики замещать выбывших. Логика индекса опирается на методологию школы Сенчагова [8], но адаптирована к масштабу малого государства.

Наконец, мы проводим сравнительный анализ с Республикой Северная Осетия - Алания и привлекаем экспертные свидетельства. Следует оговорить границы применимости полученных результатов. Все количественные оценки масштабов интеллектуальной миграции носят расчётно-экспертный характер. Прямой статистический учёт этой категории мигрантов не ведётся ни в РЮО, ни в РФ. Цифры, приводимые в работе, являются оценками, основанными на косвенных данных и обоснованных допущениях.

Исследование не разделяет временную образовательную миграцию и безвозвратную интеллектуальную миграцию на этапе учёбы, такое разделение возможно только постфактум, через 5–7 лет после выпуска, и требование немедленной точности здесь невыполнимо. Мы работаем с общим вектором движения, а не с точечными цифрами.

Расчёты экономических потерь базируются на средних показателях (средняя стоимость образовательной услуги, средняя производительность труда в отраслях), что неизбежно даёт приближённую, а не бухгалтерски точную картину.

Интеллектуальная миграция из Южной Осетии не представляет собой однородного потока. Это сложное социально-экономическое явление, распадающееся на несколько различных каналов, каждый из которых имеет собственную мотивацию, возрастной профиль, отраслевую привязку и, что наиболее важно для целей настоящего исследования — собственную степень обратимости. Без чёткого понимания того, через какие именно каналы республика теряет квалифицированные кадры, невозможно ни оценить масштаб потерь, ни, тем более, предложить адресные механизмы их минимизации.

На основе анализа миграционных потоков, демографической статистики за период 1989–2015 годов [2], а также исследований Каберты Н.Г. и Кочиевой Ж.Г. [4], выделены три основных канала интеллектуального оттока из Республики Южная Осетия: образовательный, трудовой и семейно-бытовой.

Образовательный канал является, по всей видимости, самым мощным и одновременно наименее осмысленным с точки зрения государственной политики. Суть его проста и драматична: юноши и девушки, окончившие средние школы на территории РЮО, в массовом порядке направляются на обучение в высшие учебные заведения РФ и в значительной доле не возвращаются.

Республика с единственным высшим учебным заведением неизбежно отправляет молодёжь учиться за рубеж, в подавляющем большинстве в Россию. Но за годы учёбы (4–6 лет) выпускник обрывает связи, работой и семьёй в стране обучения. Зарплаты и перспективы в мегаполисах несопоставимы с тем, что может дать Цхинвал. Результат — массовый невозврат. Точного коэффициента нет, но косвенные данные тревожны: уезжает самая перспективная молодёжь [4].

Если образовательный канал забирает молодёжь до её выхода на рынок труда, то трудовой изымает из экономики уже состоявшихся специалистов. Врачи, учителя, юристы, инженеры, квалифицированные рабочие покидают республику, имея конкретную профессию и, во многих случаях, опыт практической работы в РЮО.

Мотивация в этом сегменте носит преимущественно экономический характер. Уровень заработной платы в бюджетной и производственной сферах Южной Осетии остаётся низким даже в сравнении с соседними северокавказскими регионами РФ. Возможности профессионального роста ограничены структурой местной экономики. Карьерный потолок в большинстве отраслей достигается за пять–семь лет работы, дальше расти некуда.

Сложилась нездоровая ситуация, на которую указывают руководители районных администраций: дефицит кадров в республике присутствует, причём по рабочим специальностям, а местные жители не занимают имеющиеся вакансии [12]. Дело здесь не в нежелании работать, дело в расстыковке между структурой спроса на труд и структурой предложения. Квалифицированный специалист не готов занимать рабочую вакансию с низкой оплатой и отсутствием социальных гарантий. В то же время вакансии, требующие его реальной квалификации, в республике либо единичны, либо отсутствуют вовсе. Возникает классическая ловушка структурной безработицы, помноженная на эффект малого рынка.

Показательным проявлением этой ловушки стало то, что в 2025 году Южная Осетия выдала 703 разрешения на работу иностранцам. Собственные специалисты уезжают, их замещают работники извне [10]. Экономическая безопасность республики оказывается под двойным ударом: потеря человеческого капитала плюс прямые издержки на его импорт.

Семейно-бытовой канал самый необратимый из всех. Молодой специалист уезжает. Закрепляется. К нему перебираются родители, братья, сёстры. Потом брак. Потом переезд оставшихся родственников. Всё. Точка невозврата. Ущерб тройной. Экономику покидают не один, а несколько человек. И семейная миграция глуха к стимулам: повышением зарплаты того, кто перевёз семью, уже не вернуть. Дом теперь там. Чочиева и соавторы называют это формированием устойчивых миграционных сетей, они самовоспроизводятся и с каждым циклом лишь усиливают отток [7].

Все три канала действуют не изолированно, а в тесном переплетении. Образовательный канал поставляет молодых специалистов, которые затем перетекают в трудовой канал, а со временем в семейно-бытовой. Именно эта каскадность интеллектуальной миграции делает её столь сложной для государственного воздействия: разорвать цепочку можно только на раннем этапе.

По официальным данным Управления государственной статистики РЮО, численность населения республики по итогам переписи 2015 года составила 53,5 тыс. человек [2]. По сравнению с переписью 1989 года (99,1 тыс. человек) падение почти двукратное. Ещё раз: за четверть века республика потеряла почти половину населения. И потери эти, как установлено в работе Каберты и Кочиевой, носят не естественно-природный, а миграционный характер. Отрицательное сальдо внешней миграции составило 42,6 тыс. человек — 93,4% от общего сокращения численности [4].

Это количественная рамка. Теперь о качественной.

За период с 2015 по 2025 год прямых переписей не проводилось, что вынуждает опираться на косвенные данные. Что они показывают?

Во-первых, продолжился отток молодёжи в российские вузы. Республика ежегодно направляет на обучение в РФ несколько десятков абитуриентов. [9] Точное число колеблется год от года, но порядок понятен: это сотни молодых людей за десятилетие. Сколько из них возвращается? Ответа нет, мониторинг отсутствует. Однако экспертные оценки и свидетельства с мест позволяют предположить, что доля возвращающихся не превышает 15–20% [7]. Если эта оценка верна, то за десять лет республика безвозвратно потеряла порядка трёхсот–четырёхсот молодых специалистов с высшим образованием. Для

экономики масштаба Южной Осетии это катастрофическая цифра.

Во-вторых, зеркальная статистика Росстата не подтверждает заявленного официальными органами РЮО миграционного прироста. По югоосетинским данным, за 2015–2023 годы прирост составил 11,8 тыс. человек. Однако Россия, будучи основным миграционным партнёром, фиксирует небольшое положительное сальдо в свою пользу за тот же период [4]. Это означает, что отток продолжается.

Если говорить об отраслевой структуре, то наиболее пострадавшими сферами являются здравоохранение, образование, государственное управление и агропромышленный комплекс. Именно они теряют специалистов наиболее высокими темпами и с наиболее тяжёлыми последствиями для экономической безопасности.

Начнём со здравоохранения. Подготовка врача это восемь–десять лет обучения и колоссальные бюджетные затраты. После завершения ординатуры молодой специалист оказывается на перекрёстке: вернуться в РЮО, где зарплата врача кратно ниже российской и где ограничены возможности профессионального развития, либо остаться в РФ, где рынок труда для медиков огромен и конкурентоспособен. Выбор, как правило, предсказуем. Республика готовит врачей, но не получает их обратно. Дефицит медицинских кадров в РЮО носит хронический характер, и с каждым годом проблема лишь усугубляется.

Образование вторая критическая зона. Учителя естественно-научного цикла, преподаватели иностранных языков, специалисты по информационным технологиям в школах востребованы и в российской системе образования. Молодой педагог, получивший диплом и опыт, достаточно быстро находит возможность перебраться в соседний регион. Последствия для республики двойные: падает качество школьного образования, а это, в свою очередь, сужает базу для подготовки следующих поколений специалистов. Порочный круг замыкается.

Третья пострадавшая отрасль — это государственное управление. Здесь механизм оттока несколько иной. С одной стороны, наиболее компетентные управленцы нередко переходят на работу в российские структуры либо в бизнес за пределами республики. С другой, сама система госуправления РЮО, как отмечалось ещё в 2017 году заместителем начальника Управления Президента РФ по социально-экономическому сотрудничеству Д. Травиным, страдает от кадрового дефицита на различных уровнях власти. Травин тогда подчеркнул, что начинать реформы следовало бы с высшего эшелона управленцев [13]. За прошедшие почти десять лет проблема не сдвинулась с места. Дефицит управленцев лишает республику качественного планирования, эффективных расходов и работающих программ развития.

И наконец агропромышленный комплекс. Агрономы, ветеринары, зоотехники, технологи пищевых производств критически необходимы республике, где сельское хозяйство остаётся одним из немногих секторов, способных генерировать добавленную стоимость. Однако сельские районы РЮО стремительно пустеют. По данным Чочиевой и соавторов, миграция из сёл в Цхинвал и за пределы республики привела к тому, что некоторые горные и приграничные территории потеряли до 66% населения [7]. Аграрный сектор республики лишается не только рабочих рук, но и носителей знаний.

Южная Осетия не уникальна. Схожие процессы идут и в соседних регионах Северного Кавказа. Возьмём Республику Северная Осетия-Алания. Исходные демографические и культурные характеристики двух республик близки. Но экономический разрыв огромен. Средняя заработная плата в РСО-Алании, уровень развития инфраструктуры, объём рынка труда — всё это создаёт постоянный градиент, перетягивающий квалифицированные кадры из Южной Осетии в соседний российский регион.

Экономические последствия интеллектуальной миграции принято обсуждать в терминах «упущенной выгоды» и «недополученного ВРП». Но за ними не видно главного: каждый уехавший специалист это конкретный провал в бюджете, незаполненная вакансия врача в районной больнице, пустующий класс в сельской школе. Попробуем оценить эти

потери в цифрах, настолько, насколько это возможно при отсутствии прямого статистического учёта.

Скажем сразу и без обиняков: система высшего образования, выстроенная для Южной Осетии при поддержке Российской Федерации, это благо. Республика, не обладающая собственной развёрнутой сетью вузов, получила доступ к качественному образованию в ведущих российских университетах. Тысячи югоосетинских студентов за прошедшие десятилетия окончили вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Владикавказа. Это огромный ресурс. Это стратегическая инвестиция России в человеческий капитал союзной республики.

Проблема не в том, что молодёжь уезжает учиться. Проблема в том, что значительная часть выпускников не возвращается. И ресурс, вложенный в их подготовку, начинает работать не на экономику РЮО, а на экономику страны обучения. Выпускник остаётся там, где выше зарплата, шире возможности, богаче профессиональная среда. Осуждать его за это бессмысленно. А оценить масштаб потерь необходимо.

Теперь о масштабе. По данным монографии Козаевой Г.Р., только в приёмную кампанию 2025–2026 годов в один лишь Финансовый университет при Правительстве РФ и его филиалы поступило более ста абитуриентов из Южной Осетии. Это примерно пятая часть всех выпускников республики за 2025 год [9].

Средняя стоимость одного года обучения на бюджетном месте в российском вузе в 2024 году составила 475 600 рублей на одного студента. [11]. При пятилетнем сроке обучения затраты на одного студента составляют около 2, 3 млн рублей. Медицинское образование с ординатурой значительно дороже — до 3–4 млн рублей на специалиста.

Российская Федерация, финансируя обучение студентов из РЮО, действует в логике союзнической поддержки и это заслуживает самой высокой оценки. Вопрос в том, способна ли Южная Осетия извлечь из этой щедрой помощи максимальную пользу для себя. Пока ответ скорее отрицательный. Инвестиции в человеческий капитал сделаны, а отдача достаётся другой экономике. Это констатация проблемы, которую предстоит решать самой республике, разумеется, при продолжении и углублении сотрудничества с российскими партнёрами.

Прямые потери лишь верхушка айсберга. Гораздо тяжелее то, что уехавшие специалисты могли бы создать в экономике республики, но не создали. Методика проста. Берём среднюю производительность труда в отрасли. Умножаем на количество отсутствующих. Вычитаем то небольшое, что республика всё же получает, — денежные переводы. Для интеллектуальной миграции эта статья ничтожна: переехавшие с семьями высококвалифицированные специалисты на родину уже не отправляют.

Теперь — конкретные цифры. Один врач в условиях РЮО это не только зарплата, но и предотвращённые потери от заболеваемости. Сохранённые человеко-дни. Снижение выплат по нетрудоспособности. Всё вместе тянет на 2–3 млн рублей в год. Потеря десяти врачей — минус 20–30 млн рублей ежегодно из экономики, которая и без того держится на внешней помощи.

Для педагогов, инженеров, управленцев картина та же. Триста уехавших специалистов при среднем вкладе в 1 млн рублей в год — это 300 млн рублей недополученного ВРП ежегодно. Но потери не ограничиваются недополученным ВРП. Включается мультипликативный эффект, и он работает против республики. Уехавший специалист не только производитель, но и потребитель. Его зарплата кормила местную торговлю, сферу услуг, стройки. Теперь эти деньги работают на рынок Владикавказа или Москвы. Отток нескольких сотен специалистов с семьями сжимает потребительский спрос на десятки миллионов рублей в год. Внутренний рынок РЮО теряет не просто людей, он теряет их потребительский потенциал. Сужается налоговая база. Подоходный налог, отчисления в социальные фонды, косвенные налоги, всё это остаётся в стране пребывания. Республика теряет не только самого работника, но и фискальный поток, который он генерировал бы на протяжении всей своей трудовой жизни. Для бюджета РЮО, более чем

на 80% формируемого за счёт российской финансовой помощи, это не столько вопрос сегодняшнего дефицита, сколько вопрос долгосрочной способности к самообеспечению. Далее, снижается инвестиционная привлекательность. Принимая решение о входе в экономику республики, внешний инвестор смотрит не только на налоговые льготы и стоимость ресурсов. Он смотрит на рынок труда. Есть ли здесь специалисты нужной квалификации? Способен ли местный персонал освоить новое оборудование? Можно ли найти бухгалтера, владеющего МСФО, или инженера, разбирающегося в современных системах автоматизации? Если ответ на эти вопросы отрицательный, инвестор разворачивается и уходит даже при прочих благоприятных условиях.

И наконец самое тревожное. Интеллектуальная миграция несёт в себе угрозу не просто текущих потерь, а демографического сжатия, которое растянется на поколения.

Уезжают молодые. Те, кому сегодня 20–35 лет. Это репродуктивное ядро нации. Уезжают парами. Уезжают с детьми или заводят детей уже на новом месте. Ребёнок, рождённый в семье выходцев из РЮО, но выросший во Владикавказе или Москве, уже не вернётся в Цхинвал. Он станет гражданином России не только формально, но и по языку, культурному коду, жизненным планам.

Это означает, что текущий отток не просто сокращает численность населения сейчас. Он отменяет будущие рождения здесь. Каждая уехавшая семья это не только два сегодняшних налогоплательщика, но и потенциально ещё два-три налогоплательщика следующего поколения, которых экономика РЮО не получит никогда.

Как показано в исследовании Чочиевой О.А., Шеломенцева А.Г. и Гончаровой К.С., демографические процессы в Южной Осетии после 2008 года характеризуются не просто отрицательным сальдо миграции, а формированием устойчивых миграционных сетей, самовоспроизводящихся и усиливающих отток с каждым новым циклом [7]. Это не временный отъезд на заработки. Это демографическая эрозия. Медленная, но неумолимая.

Таким образом, количественная оценка экономических последствий интеллектуальной миграции, даже при всей приблизительности доступных цифр не оставляет места для благодушия. Прямые бюджетные потери от инвестиций в невернувшихся специалистов исчисляются сотнями миллионов рублей за десятилетие. Косвенные потери ВРП сопоставимы с несколькими процентами всей экономики республики.

Мультипликативное сжатие потребительского спроса и налоговой базы угнетает внутренний рынок. А демографическое сжатие, вызванное оттоком молодёжи, программирует экономическую слабость на поколения вперёд.

Интеллектуальную миграцию из Южной Осетии принято обсуждать в терминах демографии и экономики. Это правильно. Но есть ещё один срез, о котором говорят редко. А между тем именно он во многом определяет, можно ли вообще управлять этой проблемой. Речь идёт о цифровом учёте. В Республике Южная Осетия на сегодняшний день не существует единого цифрового реестра трудовых ресурсов. Нет базы данных, которая позволяла бы в реальном времени видеть: сколько в республике врачей, сколько инженеров, сколько педагогов, кто из них работает по специальности, кто уехал и куда. Нет реестра соотечественников с высшим образованием, проживающих за пределами РЮО. Нет системы отслеживания профессиональных траекторий выпускников, уехавших на учёбу в российские вузы.

Это не чья-то конкретная вина. Это объективное следствие ограниченности административных и финансовых ресурсов малого государства. Но факт остаётся фактом: республика не знает точного числа уехавших квалифицированных специалистов. Она не знает их профессиональный профиль. Она не знает, сколько из них потенциально готовы вернуться. А значит не может выстроить адресную политику возвращения. Хуже того. Отсутствие цифрового учёта создаёт иллюзию, будто проблемы нет вовсе. Нет данных, нет и оснований для тревоги.

Россия и Беларусь совершили рывок в цифровизации учёта трудовых ресурсов. На

семинаре в Минске (июль 2025) обсуждалась концепция единого цифрового пространства в сфере труда: алгоритмический контроль и прослеживаемость профессиональных траекторий [3]. Пока это концепция, но вектор задан. В Беларуси уже работает информационный портал госслужбы занятости — цифровой срез рынка труда в реальном времени [14]. Что из этого применимо для Южной Осетии.

Прямой перенос российских или белорусских систем на югоосетинскую почву невозможен. У республики нет ни технической инфраструктуры такого уровня, ни кадров для её обслуживания, ни финансовых ресурсов для внедрения. Но это не значит, что союзный опыт бесполезен. Уже сейчас можно было бы реализовать два шага, относительно малозатратных, но способных принципиально изменить ситуацию.

Первый. Создание первичного цифрового реестра трудовых ресурсов на базе существующих административных данных. Управление государственной статистики РЮО, Министерство образования и науки РЮО, Министерство здравоохранения и социального развития РЮО — все они уже сейчас собирают разрозненные данные. Их нужно свести в единую базу. Не идеальную, не исчерпывающую, но работающую.

Второй. Формирование реестра соотечественников-профессионалов, проживающих за пределами РЮО. Это может быть простая заявительная система: человек, идентифицирующий себя как выходец из Южной Осетии с высшим образованием, добровольно вносит данные о своей квалификации и, возможно, о готовности к возвращению при определённых условиях. Такая база стала бы первым шагом от стихийной репатриации к управляемой.

Меры упираются не столько в деньги, сколько в политическую волю и организационные усилия. Без цифрового контура любая политика в области интеллектуальной миграции обречена работать вслепую. Республика будет продолжать терять кадры и узнавать об этом постфактум, когда вернуть уже некого.

Интеллектуальная миграция для Южной Осетии уже не фон. Это центральная угроза. Республика теряет не просто людей. Самую молодую, образованную, перспективную часть себя. Уезжают через три канала — учёба, работа, семья. И текущая система мониторинга этого просто не видит. Она знает, сколько уехало. Но не знает сколько врачей, инженеров, педагогов. Государство, которое не знает своих кадровых потерь, обречено реагировать, когда возвращать уже некого.

Цена вопроса тревожна. Сотни миллионов рублей прямых потерь за десятилетие. Косвенно — несколько процентов ВРП. Мультипликатор сжимает спрос, налоги, инвестиции. Но тяжелее всего демография. Уезжают молодые, репродуктивные. Каждая потерянная семья минус два-три налогоплательщика в будущем. Республика программирует собственное сокращение.

Цифровой разрыв катастрофический. Нет реестра трудовых ресурсов, нет базы диаспоры, нет отслеживания выпускников. На фоне России и Беларуси — полная слепота. И всё это усугубляется отсутствием системной миграционной политики.

Включить в систему экономической безопасности три новых показателя. Коэффициент интеллектуальной миграции: сколько уехало специалистов с высшим образованием. Коэффициент окупаемости образовательных инвестиций: если меньше единицы — республика заплатила за образование, а отдача ушла в чужую экономику. Индекс кадровой самодостаточности отраслей: упал ниже порога — сигнал к вмешательству.

Запустить контрактную систему целевого обучения. Учишься за границей за бюджетный счёт — подписываешь контракт на возвращение и отработку не менее пяти лет. Не карательный, а выгодный: с жильём, подъёмными, гарантированным местом, землёй для готовых работать на селе.

Построить «цифровой мост» — простую онлайн-платформу для связи с уехавшими. Реестр специалистов за рубежом, вакансии, обратная связь. Малозатратно. Но это первый шаг от стихийной эмиграции к управляемой репатриации.

И принять закон «О государственной политике РЮО в отношении

соотечественников за рубежом». Не декларацию, а работающий механизм: критерии, процедуры, деньги. Без него любые инициативы повиснут в воздухе.

Дальнейшая потеря человеческого капитала — это не демографическая статистика. Это удар по экономической безопасности. И если ничего не менять, завтрашней экономики у республики просто не будет.

Список литературы:

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12.

2. Всеобщая перепись населения Республики Южная Осетия 2015 года: официальное издание / Управление государственной статистики Республики Южная Осетия. — Цхинвал, 2016. — 215 с.

3. Еремичева Г.В. Платформенная занятость в перспективе единого цифрового пространства Союзного государства // Актуальные вопросы развития системы социального партнёрства в сфере труда в Союзном государстве : материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России (заседание восьмидесятое, 10–11 июля 2025 г., г. Минск) / под ред. С.Г. Стрельченко. — М. : Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 2025. — С. 99–105. — ISBN 978-5-206-01178-4.

4. Каберты Н.Г., Кочиева Ж.Г. Исследование территориального движения населения как важнейший этап формирования миграционной политики Южной Осетии: социально-экономический аспект // Вестник науки. — 2025. — № 2. — С. 115–128.

5. Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2019. — № 2. — С. 27–42.

6. Козаева Г.Р. Система образования Республики Южная Осетия: проблемы, достижения и вызовы : монография. — Цхинвал, 2025. 110с.

7. Чочиева О.А., Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С. Особенности демографических процессов в Республике Южная Осетия в послевоенный период с 2008 года // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2025. — № 1 (106). — С. 128–142.

8. Экономическая безопасность России. Общий курс : учебник / под ред. В.К. Сенчагова. — 7-е изд. — М. : Лаборатория знаний, 2025. — 816 с.

9. Отчет Министерства образования и науки РЮО. 2013г. <https://ugo-osetia.ru/politika/pravitelstvo/otchet-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-respubliki-yuzhnaya-osetiya-za-2013-g> (дата обращения 26.04.2026)

10. В Южной Осетии за год выдано свыше 700 разрешений на трудоустройство мигрантам // Информационное агентство «Рес». — 2026. — 20 марта. — URL: <https://cominf.org> (дата обращения: 24.04.2026).

11. Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2023.(дата обращения 26.04.2026)

12. Вопросы нехватки рабочей силы и оттока населения из сел подняли на итоговой пресс-конференции главы Дзауского и Знаурского районов Южной Осетии В. Тибилова и А. Гобозов <https://cominf.org/node/1166566849>(дата обращения 26.04.2026)

13. Спутник Осетия <https://sputnik-ossetia.ru/> 25 апреля 2017 (дата обращения 23.04.2026)

14. О функционировании информационного портала государственной службы занятости : постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 4 августа 2025 г. № 72 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 09.09.2025. — Рег. № 11-1/43768.(Дата обращения 26.04.2026)

**ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ
И РОССИИ**

**DIGITAL FINANCIAL INSTRUMENTS IN THE SYSTEM OF ENSURING
ECONOMIC SECURITY OF THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA**

**Саушкина Д.Н.
Saushkina D.N.**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, Лаборант-исследователь, студент
2 курса магистратуры ООО «Вител», Бухгалтер

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia,
Research Assistant, 2nd year Master's student Vitel LLC, Accountant

Аннотация: В статье рассматривается роль цифровых финансовых инструментов в обеспечении экономической безопасности Союзного государства Беларуси и России в контексте беспрецедентного санкционного давления и фундаментальных изменений в архитектуре мировых финансов. Уточнен понятийный аппарат применительно к интеграционному объединению двух государств. Дана оценка современного состояния цифровых финансовых систем России и Беларуси по ключевым параметрам: цифровая валюта, платежные инфраструктуры, нормативно-правовое регулирование цифровых финансовых активов. Сформулированы пять функций которые цифровые финансовые инструменты выполняют в системе обеспечения экономической безопасности: защитная, стабилизирующая, контрольная, интеграционная и инновационно-развивающая. Разработаны конкретные предложения по интеграции цифровых финансовых инструментов в единый защитный контур Союзного государства с указанием исполнительных и временных горизонтов. Делается вывод о том, что системное применение предложенных мер существенно укрепит финансовый суверенитет двух стран и повысит их совокупную устойчивость к внешним потрясениям.

Abstract: The article explores the role of digital financial instruments in strengthening the economic security of the Union State of Belarus and Russia against the backdrop of unprecedented sanctions pressure and fundamental shifts in the global financial architecture. The conceptual framework is clarified with reference to the specifics of the bilateral integration entity. An assessment of the current status of the digital financial systems of Russia and Belarus is provided across key dimensions: central bank digital currency, payment infrastructure, and the legal regulation of digital financial assets. Five functions performed by digital financial instruments within the economic security system are identified: protective, stabilizing, supervisory, integrative, and innovation-developmental. Specific proposals for embedding digital financial instruments into a unified security perimeter of the Union State are developed, with designated responsible bodies and implementation timelines. It is concluded that the systematic application of the proposed measures will substantially reinforce the financial sovereignty of both countries and enhance their collective resilience to external shocks.

Ключевые слова: цифровые финансовые инструменты, экономическая безопасность, Союзное государство, цифровой рубль, финансовый суверенитет, платёжные системы, финансовые технологии, цифровые финансовые активы, санкционное давление, интеграционное взаимодействие.

Keywords: igital financial instruments, economic security, Union State, digital ruble,

financial sovereignty, payment systems, financial technologies, digital financial assets, sanctions pressure, integration cooperation.

Нарастающая цифровизация мирового финансового пространства коренным образом меняет не только операционную среду экономики, но и саму логику обеспечения государственной безопасности. Цифровые финансовые инструменты — от цифровых валют центральных банков до распределённых платёжных реестров и алгоритмических систем мониторинга финансовых рисков — всё активнее формируют новую архитектуру суверенитета в финансово-экономической сфере. При этом их значение давно вышло за рамки технологической новации: сегодня цифровые финансовые инструменты становятся полноценными инструментами геополитики и экономической защиты государств.

Для Союзного государства Беларуси и России этот вопрос перестал быть теоретическим после 2022 года. Введённые западными странами масштабные санкции — прекращение доступа к SWIFT, заморозка международных резервов, уход зарубежных платёжных операторов — обнажили структурную уязвимость финансовых систем обоих государств. Преодоление этих ограничений потребовало ускоренного развёртывания суверенной цифровой финансовой инфраструктуры [1]. В результате задача интеграции цифровых финансовых инструментов в систему защиты экономических интересов Союзного государства приобрела стратегический приоритет.

Настоящее исследование направлено на комплексный анализ роли цифровых финансовых инструментов в укреплении экономической безопасности Союзного государства и выработку практических предложений по их интеграции в единый защитный механизм. В работе последовательно решаются задачи уточнения понятийного аппарата, систематизации угроз, оценки текущего состояния двух финансовых систем, идентификации функций цифровых инструментов и проектирования направлений межгосударственного взаимодействия. Методологической основой служит сочетание системного, структурно-функционального и сравнительного анализа с опорой на официальные данные регуляторов и нормативно-правовые акты обоих государств [2].

Объектом исследования выступают финансовые системы Российской Федерации и Республики Беларусь в той части, которая затрагивает их цифровую трансформацию и межгосударственное взаимодействие. Предмет исследования — цифровые финансовые инструменты, рассматриваемые как функциональные элементы системы обеспечения экономической безопасности Союзного государства.

Под «цифровыми финансовыми инструментами» в данной работе понимается совокупность технологически сложных решений, включающая: цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ); цифровые финансовые активы (ЦФА) и токенизированные обязательства; национальные платёжные инфраструктуры и межбанковские расчётные системы; платформы на основе технологии распределённого реестра; системы моментальных платежей; программные комплексы финансового мониторинга с применением методов больших данных и машинного обучения; а также прикладные FinTech-решения [3]. «Экономическая безопасность Союзного государства» трактуется как устойчивое состояние финансово-хозяйственных систем двух государств, при котором сохраняется их способность противостоять внешним шокам, поддерживать воспроизводственный потенциал и защищать национальные интересы без утраты финансового суверенитета [4].

Информационную базу составляют нормативные акты Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере цифровых финансов, статистические и аналитические материалы Банка России, Национального банка Республики Беларусь, Евразийской экономической комиссии, а также публикации российских и белорусских специалистов в области финансовой безопасности и цифровой экономики.

Комплексное рассмотрение геополитической ситуации и финансово-технологических реалий двух государств позволяет структурировать угрозы их

экономической безопасности в сфере цифровых финансов по нескольким категориям. Наибольшую критическую значимость представляет зависимость от западной платёжно-расчётной инфраструктуры, которая наглядно проявилась в 2022 году. До этого момента ключевые международные расчёты Беларуси и России проходили через SWIFT, а розничный оборот опирался на карточные системы Visa и Mastercard. Отключение российских банков от SWIFT в первые недели после февраля 2022 года нанесло прямой удар по трансграничным расчётам и выявило отсутствие равноценной альтернативы [5]. Параллельно проявились угрозы иного рода — монополия иностранных платёжных платформ, кибератаки на банковскую инфраструктуру и импортная зависимость в части финансового программного обеспечения. Систематизация выявленных угроз приведена в таблице 1.

Таблица 1 — Категоризация угроз экономической безопасности Союзного государства в сфере цифровых финансов

Категория угрозы	Характер проявления	Значимость для безопасности Союзного государства
Зависимость от западной расчётно-платёжной инфраструктуры	Отключение от SWIFT, прекращение работы Visa и Mastercard, блокировка корреспондентских счетов	Критическая — непосредственное прекращение трансграничных расчётов
Монополия иностранных цифровых платёжных платформ	Прекращение работы PayPal, Apple Pay, Google Pay, иностранных банковских сервисов	Высокая — нарушение розничного платёжного оборота
Кибератаки на финансовую инфраструктуру	Целенаправленные атаки на банковские системы, мошеннические операции с ЦФА	Высокая — прямые финансовые потери и дестабилизация расчётных систем
Технологическая зависимость в части финансового программного обеспечения	Уход с рынка зарубежных поставщиков банковского ПО — SAP, Oracle и др.	Средняя — требует ускорения импортозамещения в IT-секторе
Риски неурегулированного криптовалютного рынка	Применение криптоактивов в нелегальных схемах, высокая волатильность рынка	Средняя — регуляторные и финансово-репутационные последствия
Неравномерная цифровизация финансовой сферы	Различный технологический уровень регионов и секторов экономики двух государств	Умеренная — тормозит интеграционные процессы, но не блокирует их

Приведённые в таблице 1 данные демонстрируют, что угрозы качественно неоднородны: наряду с критическими — способными немедленно парализовать расчёты — присутствуют угрозы среднесрочного характера, которые накапливаются постепенно и требуют проактивных мер. Это обстоятельство принципиально важно при проектировании системы ответных мер, поскольку предполагает дифференцированные временные горизонты реагирования. Ответом на весь спектр этих угроз служит целенаправленное развитие собственных цифровых финансовых инструментов — именно на этом пути обе страны уже добились ощутимых результатов.

Россия и Беларусь к 2024 году располагают разветвлёнными, хотя и различающимися по параметрам цифровыми финансовыми инфраструктурами. Главным стратегическим проектом России в данной области выступает цифровой рубль — третья форма национальной валюты, эмитируемая непосредственно Банком России в виде цифровых кодов, хранимых на платформе регулятора. Пилотные операции с реальными цифровыми рублями стартовали 15 августа 2023 года с привлечением 13 банков-участников; к 2025 году их число превысило 20, а плановый массовый запуск намечен на 1

сентября 2026 года. Инструмент открывает новые возможности для повышения прозрачности бюджетных расчётов, снижения транзакционных издержек и организации платежей в условиях ограниченного доступа к традиционным международным каналам [6]. Наряду с этим Система быстрых платежей Банка России, функционирующая с 2019 года, к 2024 году охватила более 220 банков и стала одной из наиболее динамично растущих платёжных инфраструктур в мире. Правовую основу для рынка цифровых активов заложил принятый в 2020 году Федеральный закон № 259-ФЗ [7].

Республика Беларусь последовательно формировала собственную нормативно-технологическую базу. Ещё в 2017 году страна вошла в число мировых пионеров в сфере легализации криптоинструментов: Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» создал правовую среду для обращения криптовалют и применения смарт-контрактов. В части кибербезопасности Указ Президента Республики Беларусь № 40 от 14 февраля 2023 года заложил системную основу для защиты информационной инфраструктуры государства [8]. Работа по разработке цифрового белорусского рубля ведётся с учётом опыта российского проекта. Сравнительный анализ ключевых цифровых финансовых инструментов двух стран представлен в таблице 2.

Таблица 2 — Сравнительный анализ цифровых финансовых инструментов Российской Федерации и Республики Беларусь (2024 г.)

Инструмент / параметр сравнения	Российская Федерация	Республика Беларусь
Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ)	Цифровой рубль: пилот запущен авг. 2023 г. (13→15→20+ банков), массовый запуск — сент. 2026 г.	Стадия исследования и разработки концепции (с 2022 г.)
Национальная система быстрых платежей	СБП Банка России (введена в 2019 г., свыше 220 банков-участников)	Система быстрых платежей НБРБ / ЕРИП
Внутренняя национальная карточная система	НСПК «Мир» (с 2015 г.)	БЕЛКАРТ (функционирует с 1994 г.)
Система межбанковских финансовых сообщений	СПФС: 584 организации-участника, из них 177 нерезидентов из 24 государств (2024 г.)	BISS — национальная система расчётов
Правовая база регулирования ЦФА	ФЗ № 259-ФЗ (принят в 2020 г.)	Декрет № 8 (2017 г.) с актуализацией в 2023 г.
Регуляторный режим оборота криптовалют	Ограниченное обращение, запрет использования как платёжного средства внутри страны	Расширенный оборот через операторов резидентов ПВТ
Охват безналичными платежами в розничном секторе	Свыше 80%	Свыше 75%
Системы финансового мониторинга на основе BigData и ИИ	Платформа «Знай своего клиента» Банка России	Автоматизированная система финансового мониторинга НБРБ

Данные таблицы 2 фиксируют принципиальный разрыв между уровнем развития национальных инструментов и степенью их интеграции между двумя государствами. Национальные платёжные карты, системы быстрых платежей и расчётные инфраструктуры функционируют преимущественно в рамках собственных национальных периметров. Именно это обстоятельство ставит на повестку дня вопрос о том, какие функции цифровые финансовые инструменты способны и должны выполнять в объединённой системе

безопасности Союзного государства.

Проведённый анализ позволяет выделить пять функциональных ролей, которые цифровые финансовые инструменты могут занять в системе экономической безопасности Союзного государства. Защитная роль реализуется посредством построения суверенной расчётно-платёжной инфраструктуры — прежде всего через Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), которая по итогам 2024 года объединяла 584 организации, включая 177 нерезидентов из 24 стран, и полностью сопряжена с белорусским аналогом BISS [9]. Стабилизирующая функция связана со свойствами цифрового рубля как государственного инструмента расчётов: его применение во взаимных операциях способно снизить воздействие курсовой волатильности и сократить издержки трансграничных платежей. Контрольная функция реализуется через технологии прослеживаемости транзакций — распределённые реестры, смарт-контракты и аналитические платформы финансового мониторинга. Интеграционная функция проявляется в способности совместных цифровых инструментов устранять барьеры для торговли и движения капитала между двумя экономиками. Наконец, инновационно-развивающая функция выражается в формировании технологического суверенитета через совместные FinTech-экосистемы [10]. Сводная характеристика функций приведена в таблице 3.

Таблица 3 — Функциональная роль цифровых финансовых инструментов в обеспечении экономической безопасности Союзного государства

Функция	Способ реализации	Эффект для экономической безопасности Союзного государства
Защитная	Развёртывание суверенной расчётно-платёжной инфраструктуры взамен западных систем (СПФС — 584 участника из 24 стран, BISS), переход на взаиморасчёты в нацвалютах	Существенное ослабление чувствительности к западным финансовым санкциям
Стабилизирующая	Использование цифрового рубля — суверенной государственной формы денег — в качестве расчётного инструмента, лишённого спекулятивной природы	Минимизация курсовых рисков и транзакционных издержек во взаимных расчётах
Контрольная	Применение технологии распределённого реестра, смарт-контрактов и платформ автоматизированного финансового мониторинга	Повышение прозрачности финансовых потоков, сокращение теневых операций
Интеграционная	Формирование единого расчётно-платёжного пространства, взаимная гармонизация правил обращения ЦФА, сближение регуляторных стандартов	Интенсификация экономического взаимодействия, устранение барьеров для торговли
Инновационно-развивающая	Поддержка совместных FinTech-проектов, создание R&D-центров, стимулирование технологического предпринимательства	Наращивание технологического суверенитета, снижение зависимости от иностранных IT-платформ

Функциональная модель, представленная в таблице 3, находит практическое воплощение в ряде уже реализованных инициатив. Наиболее наглядным примером служит

взаимная интеграция карточных систем «Мир» и БЕЛКАРТ: к 2024 году в Беларуси насчитывалось свыше 20 тысяч банкоматов и торговых терминалов, принимающих российские карты, что обеспечило непрерывность розничных платежей после ухода Visa и Mastercard. Столь же показательна динамика расчётов в национальных валютах: по данным Национального банка Республики Беларусь, к 2023 году порядка 70–75% взаимных торговых расчётов осуществлялось в российских рублях [11], что существенно снизило зависимость двусторонней торговли от колебаний курса доллара и евро. Детальный анализ ключевых практических кейсов с оценкой достигнутых результатов и нерешённых задач отражён в таблице 4.

Таблица 4 — Практика применения цифровых финансовых инструментов в рамках Союзного государства и оценка их эффективности

Финансовый инструмент	Формат применения	Полученный результат	Нерешённые вопросы
Карточные системы «Мир» и БЕЛКАРТ	Взаимный приём карт в торговых сетях обеих стран на основании двусторонних договорённостей	Сохранение бесперебойности розничных расчётов после отказа от Visa и Mastercard	Узкая география принятия карт за пределами двух государств
Сопряжение СПФС и BISS	Проведение корпоративных межбанковских расчётов в онлайн-режиме через национальные платёжные каналы	Снижение операционной зависимости от SWIFT в двусторонних расчётах	Ограниченный охват расчётов с третьими странами
Переход на расчёты в национальных валютах (рубли РФ и белорусский рубль)	По данным НБРБ, доля рублёвых расчётов во взаимной торговле к 2023 г. составила 70–75%	Снижение воздействия курсовых колебаний доллара и евро на двустороннюю торговлю	Курсовая неустойчивость белорусского рубля, недостаточный уровень ликвидности
Пилотный проект цифрового рубля	Запуск пилота 15.08.2023 г. с участием 13 банков; к 2025 г. — свыше 20 участников; массовое внедрение — с 01.09.2026 г.	Отработка технологической платформы и пользовательских сценариев	Отсутствие механизма сопряжения с финансовой системой Республики Беларусь
Платформа оценки рисков «Знай своего клиента»	Автоматизированная категоризация клиентов банков по уровню риска по данным Банка России	Снижение регуляторной нагрузки на банки и повышение качества финансового контроля	Система не охватывает белорусских участников финансового рынка

Из данных таблицы 4 следует важный вывод: реализованные решения, при всей их практической ценности, носят преимущественно двусторонний или сегментарный характер и не образуют единой интегрированной системы. Цифровой рубль пока не включён в

расчёты с Беларусью; платформа оценки рисков Банка России не охватывает белорусских финансовых участников; интеграция СПФС и BISS решает задачу двусторонних расчётов, но не создаёт инструмента для работы с третьими странами. Устранение этих системных пробелов составляет суть приоритетных направлений дальнейшего развития.

На основании проведённого анализа угроз, состояния инфраструктуры и практики её применения сформулированы пять взаимосвязанных направлений интеграции цифровых финансовых инструментов в единую систему защиты экономических интересов Союзного государства. Первое — формирование совместной платёжной инфраструктуры путём технического сопряжения систем быстрых платежей двух стран и организации единого трансграничного платёжного шлюза. Второе — разработка механизма взаимодействия цифрового рубля и перспективного цифрового белорусского рубля с обеспечением конвертации в режиме реального времени. Третье — гармонизация нормативно-правовой базы в части ЦФА с целью устранения регуляторного арбитража и формирования единого рынка цифровых активов двух государств. Четвёртое — создание совместного центра мониторинга и отражения киберугроз финансовой инфраструктуре. Пятое — достижение технологической независимости через организацию совместных центров разработки финансового программного обеспечения и поддержку FinTech-предпринимательства [12]. Детальная операционная программа по каждому направлению с указанием исполнителей и временных горизонтов представлена в таблице 5.

Таблица 5 — Программа интеграции цифровых финансовых инструментов в систему экономической безопасности Союзного государства

Приоритетное направление	Содержание мероприятий	Ответственные органы	Горизонт реализации
Создание совместной платёжной инфраструктуры	Техническое сопряжение СБП Банка России и аналогичной системы НБРБ, организация единого трансграничного платёжного шлюза	Банк России, НБРБ, НСПК	2025–2027 гг.
Формирование цифровой валюты для союзных расчётов	Разработка технологического протокола взаимодействия цифрового рубля и цифрового белорусского рубля, реализация пилотного проекта	Банк России, НБРБ	2026–2029 гг.
Гармонизация правового регулирования ЦФА	Разработка единого модельного закона Союзного государства о ЦФА, выравнивание налоговых режимов для операций с цифровыми активами	Минфин РФ, Минфин РБ, Парламентское Собрание	2025–2026 гг.
Формирование совместной системы защиты финансовой киберсреды	Учреждение Центра мониторинга и отражения киберугроз, организация совместных учений и оперативного обмена сведениями об инцидентах	ФСБ, Банк России, КГБ РБ, НБРБ	2025–2026 гг.
Достижение технологической независимости в сфере финансовых IT	Учреждение совместных центров разработки, программы грантовой поддержки FinTech-проектов, реестр совместимых финансовых программных продуктов	Минцифры РФ, Министерство цифровой трансформации РБ, фонд «Сколково»	2025–2030 гг.

Программа, систематизированная в таблице 5, предполагает скоординированные действия широкого круга государственных структур двух стран в горизонте 2025–2030

годов. Принципиально важно, что пять направлений образуют не набор изолированных мер, а взаимосвязную систему: формирование платёжной инфраструктуры создаёт технологическую основу для введения цифровой союзной валюты; правовая гармонизация обеспечивает условия для её легального обращения; кибербезопасность гарантирует защиту всей выстраиваемой инфраструктуры; технологический суверенитет защищает систему от будущих внешних воздействий [13]. Таким образом, речь идёт о создании целостной многоуровневой архитектуры цифровой финансовой безопасности Союзного государства.

Проведённое исследование позволяет заключить, что цифровые финансовые инструменты в современных условиях являются не только технологическим феноменом, но и важнейшим инструментом обеспечения экономической безопасности государств и интеграционных объединений. Для Союзного государства Беларуси и России их развитие приобретает стратегическое значение в условиях беспрецедентного санкционного давления и трансформации глобальной финансовой архитектуры.

Анализ показал, что обе страны располагают развитой базовой цифровой финансовой инфраструктурой: национальными платёжными системами, системами быстрых платежей, законодательной базой для цифровых финансовых активов. Вместе с тем уровень интеграции этих инфраструктур в рамках Союзного государства не отвечает современным вызовам экономической безопасности. Выявленные угрозы — от зависимости от западной платёжной инфраструктуры до технологической зависимости в сфере финансового программного обеспечения — носят системный характер и требуют комплексного ответа.

Таким образом, предложенная система из пяти взаимосвязанных направлений — единая платёжная инфраструктура, цифровая валюта для двусторонних расчётов, гармонизация регулирования, совместная кибербезопасность и технологический суверенитет — формирует целостную архитектуру цифровой финансовой безопасности Союзного государства. Её комплексная реализация способна существенно повысить устойчивость экономики двух стран к внешним шокам, укрепить финансовый суверенитет и создать надёжную основу для долгосрочного экономического развития России и Беларуси в условиях формирующегося многополярного мира [14, 15].

Благодарности Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России Нижегородскому государственному университету им. Н.И. Лобачевского по научной теме: FSWR-2026-0008 «Методология мониторинга, диагностирования, экономико-правовой оценки и прогнозирования рисков ресурсопотребления организации с использованием математических методов и искусственного интеллекта».

Список литературы:

1. Глазьев С.Ю. На пути к теории цивилизаций. Доклад Российской академии наук // Экономика и математические методы. — 2022. — Т. 58, № 2. — С. 5–28.
2. Дубинин С.К. Финансовая система под давлением санкций: логика противостояния // Россия в глобальной политике. — 2022. — № 5. — С. 168–186.
3. Афанасьев Д.Г. Цифровая трансформация финансовой системы Российской Федерации и развитие рынка цифровых финансовых активов // Инновационное развитие экономики. — 2022. — № 6. — С. 143–149.
4. Жигас М.Г., Кузьмина С.Н. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В СИСТЕМЕ ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ // Baikal Research Journal. 2022. — №1. — С.
5. Национальный банк Республики Беларусь. Платёжный баланс Республики Беларусь с Российской Федерацией [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay>
6. Банк России. Цифровой рубль [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
8. Указ Президента Республики Беларусь от 14.02.2023 № 40 «О кибербезопасности» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <https://etalonline.by/webnpa/text.asp?RN=P32300040>
9. Банк России. Система передачи финансовых сообщений: итоги 2024 года. Доклад директора Департамента национальной платёжной системы А. Бакиной в Государственной Думе, апрель 2025 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/PSystem/>
10. Тагаров Б.Ж., Ганаза О.В. Экономические и технологические факторы развития платёжных систем // Экономика и управление. — 2023. — № 4. — С. 129–132.
11. Национальный банк Республики Беларусь. Статистика внешнеэкономической деятельности: платёжный баланс с Российской Федерацией [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay/analytical6/current>
12. Банк России. Система быстрых платежей: итоги 2024 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/PSystem/sfp/>
13. Антропов, В.В. Современные цифровые технологии в международных расчетах как инструменты обхода антироссийских санкций / В. В. Антропов // Экономика. Налоги. Право. — Москва, 2024 — N 6. — С.47-55.
14. Банк России. Обзор операций, совершённых без согласия клиентов финансовых организаций за 2023 год. — М.: Банк России, 2024. — 36 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/analytics/ib/>
15. АНО «Цифровая экономика». Белая книга цифровой экономики — 2023. — М., 2024. — 124 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://d-economy.ru>

УДК 331.108.2

**ДИНАМИКА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**DYNAMICS OF LABOR RESOURCES IN THE INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF
BELARUS UNDER THE INFLUENCE OF STRUCTURAL SHIFTS IN THE CONTEXT
OF DIGITAL TRANSFORMATION**

**Е.П.Сымук
Е.Р. Symuk**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Республика Беларусь, 212027 г. Могилев, пр-т Шмидта, 3, email: galanova_ekaterina@bk.ru

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,
Republic of Belarus, 212027 Mogilev, Schmidt Ave., 3, email: galanova_ekaterina@bk.ru

Аннотация: В статье проанализирована динамика отраслевой структуры занятости и распределения национального дохода Республики Беларусь, подтверждающая устойчивый постиндустриальный сдвиг в сторону сферы услуг. Выявлены ключевые тренды трансформации кадрового потенциала промышленности: рост доли работников с высшим и средним специальным образованием, сокращение численности низкоквалифицированных рабочих, увеличение инвестиций предприятий в обучение и переподготовку персонала, распространение цифровых навыков и гибких моделей организации труда. Обоснован синергетический эффект структурных и цифровых

преобразований, усиливающий требования к квалификации, мобильности и адаптивности рабочей силы. Рассмотрены институциональные меры, предпринимаемые государством, включая создание образовательной платформы для повышения цифровой грамотности населения, актуализацию профессиональных стандартов и цифровизацию бизнес-процессов в сфере занятости. Определён комплекс мер по адаптации рынка труда к структурным и цифровым преобразованиям, включающий оптимизацию занятости, социально ответственную реструктуризацию предприятий с опережающим обучением кадров, согласование рынка образовательных услуг с потребностями экономики, усиление стимулирующей функции заработной платы и повышение институциональной гибкости рынка труда, а также установлено, что перспективным направлением дальнейших исследований является оценка эффективности реализуемых механизмов адаптации и разработка методик измерения цифровых компетенций персонала.

Abstract: The article analyzes the dynamics of the sectoral structure of employment and the distribution of national income in the Republic of Belarus, confirming a steady post-industrial shift towards the service sector. Key trends in the transformation of the industrial sector's human resource potential are identified: an increase in the share of workers with higher and secondary specialized education; a reduction in the number of low-skilled workers; an increase in enterprise investments in training and retraining of personnel; and the spread of digital skills and flexible models of work organization. The synergistic effect of structural and digital transformations, which reinforces the requirements for the qualification, mobility, and adaptability of the workforce, is substantiated. Institutional measures undertaken by the state are examined, including the creation of an educational platform to enhance digital literacy of the population, the updating of professional standards, and the digitalization of business processes in the sphere of employment. A set of measures for the adaptation of the labor market to structural and digital transformations is defined, including employment optimization, socially responsible restructuring of enterprises with advanced staff retraining, alignment of the educational services market with the needs of the economy, strengthening the incentive function of wages, and increasing the institutional flexibility of the labor market. It is also established that a promising direction for further research is the assessment of the effectiveness of implemented adaptation mechanisms and the development of methods for measuring digital competencies of personnel.

Ключевые слова: структурная трансформация экономики, цифровизация, трудовые ресурсы, рынок труда, цифровые компетенции, профессиональные стандарты, мотивация персонала.

Keywords: Structural transformation of the economy, digitalization, labor resources, labor market, digital competencies, professional standards, staff motivation.

Современный этап общественно-экономического развития характеризуется глубокой трансформацией институтов под влиянием технологической революции, цифровизации и структурных сдвигов в экономике. В этих условиях адаптация рынка труда становится не просто реакцией на внешние вызовы, а системной задачей, требующей комплексного регулирования.

Особую значимость в этом контексте приобретают долгосрочные демографические тренды: снижение рождаемости, рост продолжительности жизни и прогрессирующее старение населения. Данные процессы напрямую изменяют параметры и динамику трудового потенциала страны, создавая риски дефицита кадров и усиления нагрузки на экономически активное население. В связи с этим стратегическими приоритетами выступают, с одной стороны, максимально полное и эффективное использование фактического трудового потенциала, а с другой – опережающее развитие профессиональных компетенций работников через механизмы обучения, переподготовки и повышения квалификации, неразрывно связанные с реальными запросами работодателей.

Наряду с этим структурная перестройка экономики требует от государства обеспечения условий для трудовой интеграции всех социально-демографических групп

населения. Практическая реализация данных задач невозможна без создания качественной среды на рабочих местах, что предполагает улучшение условий труда на основе цифровизации, механизации, автоматизации производственных процессов и модернизации средств коллективной защиты. Таким образом, настоящее исследование направлено на обоснование системных мер адаптации рынка труда к новым вызовам.

Целью исследования является выявление закономерностей трансформации трудовых ресурсов под воздействием структурных и цифровых преобразований экономики Республики Беларусь на основе анализа динамики отраслевой занятости и распределения национального дохода, а также обоснование приоритетных направлений адаптации рынка труда, включая совершенствование профессиональных стандартов, цифровизацию процессов занятости и развитие мотивационных механизмов.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных авторов в области структурной трансформации экономики, цифрового развития и рынка труда. Эмпирическую базу сформировали официальные статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, а также материалы государственных программ «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы и «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы. Методологическая основа включает системный и структурно-функциональный подходы. В работе применены общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция и обобщение. Дополнительно использован метод логического моделирования при обосновании синергетического эффекта структурных и цифровых преобразований.

В экономике Республики Беларусь происходят значительные структурные изменения, проявляющиеся как в трансформации отраслевой структуры, так и в изменении структуры занятости. В этих условиях трудовые ресурсы выступают ключевым фактором устойчивого развития, поскольку смена пропорций отраслевой занятости, рост высокотехнологичных производств и процессы цифровизации напрямую влияют на количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов.

Анализу изменений, происходящих в отраслевой структуре экономики Республики Беларусь, посвящены работы И.В. Горбатенко [1], А.М. Филипцова [2]. В рамках данных исследований авторы приходят к выводу, что в стране наблюдается устойчивый рост удельного веса сферы услуг при одновременном сокращении доли производственного сектора. При этом установлено, что изменение объёмов выпуска продукции по отраслям не влечёт за собой пропорционального изменения численности занятых.

Вопросы управления структурной трансформацией экономики в условиях внешних ограничений исследованы Е.А. Рожковской [3]. Автор акцентирует внимание на адаптационных механизмах, позволяющих сохранять устойчивость национальной экономики при изменении внешнеэкономических условий. Трансформационные изменения трудовых ресурсов промышленности Республики Беларусь под влиянием структурных сдвигов в экономике рассматриваются в работах А.С. Игнатюка [4], который анализирует количественные и качественные сдвиги в кадровом составе промышленных предприятий. Механизмы трансформации рынка труда в условиях структурных изменений на примере Республики Беларусь раскрыты в исследованиях Г.Н. Соколовой [5], где особое внимание уделяется институциональным аспектам адаптации занятости к новым экономическим реалиям.

Вопросы анализа рынка труда Республики Беларусь, а также проблемы мобильности рабочей силы нашли отражение в исследованиях Н.В. Маковской [6], В.А. Воробьева и А. В. Филипцовой [7]. Авторы акцентируют внимание на факторах, влияющих на перемещение трудовых ресурсов между отраслями и регионами, а также на барьерах, сдерживающих эффективное перераспределение кадров в условиях структурной трансформации экономики.

Начало трансформационных процессов, задающих новые параметры занятости и квалификационной структуры кадров, приходится на 1990-е годы – период перехода

Беларуси от плановой экономики к рыночной модели. В 2020-е годы данные процессы не только не замедлились, но и получили дополнительный импульс под воздействием интенсивной цифровизации всех сфер экономической деятельности.

Масштаб произошедших изменений подтверждается статистическими показателями. В 1991 году отраслевая структура занятости в Беларуси имела следующий вид: сельское хозяйство аккумулировало 21 % занятых, промышленность – 40 %, сфера услуг – 29 %. К завершению 2024 года ситуация кардинально изменилась: доля занятых в сфере услуг достигла 61,8 %, тогда как удельный вес промышленности сократился до 24,2 %, а сельского, лесного и рыбного хозяйства – до 8,1 %. Сходные тенденции прослеживаются и в динамике национального дохода. В 1991 году вклад сельского хозяйства в ВНД составлял 25 %, промышленности – 56 %, сферы услуг – 19 %. К 2024 году структура ВВП трансформировалась следующим образом: 6,9 % приходилось на сельское, лесное и рыбное хозяйство, 30,7 % – на промышленность, 49,7 % – на сектор услуг [8]. Следовательно, вектор структурных сдвигов в белорусской экономике в целом согласуется с общемировыми постиндустриальными тенденциями, однако темпы роста высокотехнологичной составляющей сферы услуг уступают показателям развитых стран.

Одновременно с этим цифровое развитие Республики Беларусь охватывает все сферы жизнедеятельности общества, создавая новые вызовы в области управления человеческими ресурсами. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий, автоматизация и роботизация производственных процессов, а также использование больших данных усиливают требования к качественным характеристикам рабочей силы – уровню квалификации, профессиональной гибкости, цифровым компетенциям, способности к непрерывному обучению и адаптации.

Синергия структурных и цифровых преобразований формирует комплексный эффект, оказывая разнонаправленное влияние на трудовые ресурсы промышленного сектора, при этом оба процесса усиливают действие друг друга. Во-первых, предприятия, вынужденные адаптироваться к изменяющимся производственным цепочкам и внедрять цифровые инструменты, повышают требования к квалификационному уровню персонала: от работников требуются навыки эксплуатации автоматизированного оборудования, анализа данных, программирования и настройки производственных систем. Во-вторых, цифровизация создаёт дополнительные возможности для перераспределения кадров: наблюдается сдвиг от традиционных производственных специальностей в сторону операторов автоматизированных линий, техников, IT-специалистов, аналитиков и специалистов в области управления персоналом. В-третьих, автоматизация и оптимизация производственных процессов способствуют сокращению вспомогательного персонала и работников с низкой квалификацией, что ускоряет структурную мобильность и способствует перетоку рабочей силы как внутри производственной сферы, так и в другие сектора экономики [9].

Анализ структурных изменений кадрового потенциала промышленности позволяет выделить несколько ключевых трендов. Так, наблюдается рост доли занятых с высшим и средним профессиональным образованием. Одновременно численность низкоквалифицированных рабочих имеет устойчивую тенденцию к сокращению. Кроме того, предприятия увеличивают объёмы инвестирования в обучение и переподготовку персонала. Наряду с этим, получают распространение цифровые навыки и гибкие модели организации рабочих процессов. Современные промышленные предприятия предъявляют требования к непрерывному повышению квалификации работников, что обуславливает уменьшение периода востребованности имеющихся компетенций и активизацию корпоративных образовательных инициатив.

Важным практическим шагом в направлении формирования цифровых компетенций населения стала реализация Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. Одним из ключевых итогов выполнения данной программы стало формирование специализированного цифрового инструментария, ориентированного на

расширение цифровых компетенций населения. В этих целях была создана образовательная платформа, предназначенная для решения широкого круга задач: повышение общего уровня «цифровой грамотности», профессиональная подготовка специалистов государственных органов и организаций, ответственных за цифровую трансформацию, в части эффективного применения ИТ-инструментов. Кроме того, данная платформа призвана обеспечить гражданам доступ к программам дополнительного образования для получения новых цифровых компетенций, пользующихся спросом на рынке труда, а также способствовать плавной адаптации общества к технологическим инновациям, внедряемым в ходе цифрового развития [10].

Наряду с созданием образовательной инфраструктуры, важнейшим направлением институциональной адаптации рынка труда к цифровым и структурным изменениям выступает установление современных требований к компетенциям и содержанию труда работников. Это предполагает разработку профессиональных стандартов в сферах промышленности, строительства, энергетики, жилищно-коммунального хозяйства и иных отраслях, а также актуализацию тарифно-квалификационных (квалификационных) характеристик и профессиональных стандартов в увязке с потребностями рынка труда [11]. Параллельно с этим осуществляется цифровизация бизнес-процессов в сфере занятости, что позволяет повысить оперативность взаимодействия между соискателями, работодателями и государственными службами занятости, а также обеспечить более точный мониторинг и прогнозирование ситуации на рынке труда.

В условиях цифровизации промышленности приоритетной разработке подлежат профессиональные стандарты, объединяющие традиционные технологические компетенции с навыками работы с системами автоматизации, промышленным интернетом вещей (IIoT) и анализом больших данных. Ключевое внимание следует уделить стандартам для специалистов по управлению «умными» производственными линиями, кибербезопасности технологических процессов и цифровому моделированию производств (цифровые двойники). Такой подход позволит синхронизировать систему подготовки кадров с реальными требованиями высокоавтоматизированных предприятий и обеспечить безопасность, прослеживаемость и эффективность выпуска продукции.

Логическим продолжением указанных мероприятий выступает Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы, которая направлена на формирование отечественной экосистемы цифровых решений для населения, бизнеса и государства, основанных на современной системе и инфраструктуре управления данными [12]. Данная программа предусматривает выполнение мероприятий по созданию (развитию) цифровых платформ, сервисов и инструментов, призванных обеспечить дальнейшую интеграцию цифровых технологий в управление трудовыми ресурсами, включая автоматизацию процессов подбора, оценки и развития персонала.

В контексте цифровой трансформации особое значение приобретает пересмотр устоявшихся подходов к кадровому менеджменту, и в первую очередь – формирование механизма стимулирования труда, соответствующего реалиям цифровой экономики [13]. Цифровизация вносит принципиальные изменения в организацию трудовых процессов и выстраивание коммуникаций с персоналом. Применение современных технологий даёт возможность автоматизировать подбор кадров, отслеживание результативности труда и организацию обратной связи. Благодаря развитию цифровых инструментов дистанционная занятость стала доступна не только специалистам IT-сферы, но и представителям иных отраслей, для которых значимы как условия труда, так и возможность гибкого графика работы.

Применение технологий обработки больших объёмов данных (Big Data) и аналитических инструментов для измерения результативности труда позволяет объективно оценивать итоги работы сотрудников и выстраивать персонализированные системы стимулирования для каждого работника. Цифровая трансформация открывает доступ к внедрению инновационных образовательных форматов – дистанционных курсов,

вебинарных занятий и т.п., что ускоряет овладение компетенциями, востребованными для эффективной профессиональной реализации в условиях цифровой экономики. Обязательным требованием цифровой среды выступает развитие у работников организаций цифровых компетенций. К числу цифровых и технических навыков можно отнести: уверенное владение программными продуктами, офисной техникой и вычислительной техникой; применение специализированных отраслевых приложений; осуществление цифровой коммуникации с руководством и коллективную работу над проектами; взаимодействие с IT-технологиями; клиентоориентированность через развитие коммуникативных способностей. В группу информационных умений и навыков включим: способности в сфере цифровой обработки информации; поиск, обработку, систематизацию и долгосрочное хранение значительных массивов данных, а также их предварительный анализ; обеспечение информационной безопасности и конфиденциальности; умение проверять информацию из различных источников на достоверность и практическую ценность; оперативное планирование действий для стремительной адаптации к динамично изменяющимся обстоятельствам; активное взаимодействие с использованием цифровых технологий; соблюдение норм сетевого этикета [14].

Персонал, осуществляющий профессиональную деятельность в виртуальном пространстве посредством информационно-телекоммуникационных и интернет-технологий, характеризуется широким спектром особых потребностей и ожиданий, что определяет потребность в их мотивации. Обязательным требованием к руководителям и специалистам становится обладание знаниями в области поиска, обработки, оценки и анализа больших массивов информации. Стимулирование этой категории работников должно выстраиваться как процесс создания условий для развития перечисленных цифровых и информационных компетенций. В современных условиях возрастает также значимость побуждения персонала к овладению информационными знаниями.

Цифровая трансформация экономики выводит на передний план личностную составляющую в ходе интеллектуальной деятельности. Приоритетными качествами сотрудников становятся креативность, профессионализм, способность к эффективной коммуникации и интеллектуальная развитость. Распространение цифровых технологий формирует спрос на творческую личность с более сложным мышлением, способную воспринимать многогранность решаемых проблем и высокую динамику изменений. Личные ценностные ориентации работников оказывают всё большее воздействие на их профессиональное поведение, а обучение и кадровое развитие в компаниях нуждаются в новых подходах, нацеленных на усиление мотивации к освоению необходимых компетенций и вовлечению в повышение цифровой производительности.

Таким образом, преобразования в управлении трудовыми ресурсами, обусловленные цифровой трансформацией экономики, затрагивают организационную культуру, процессы оценки и найма сотрудников, а также мотивационный механизм. Выполненное исследование позволяет заключить, что структурная перестройка экономики Республики Беларусь в сторону сектора услуг при одновременной цифровизации промышленности предъявляет повышенные требования к непрерывному обновлению профессиональных знаний и формированию у работников широкого спектра цифровых компетенций. Выявленные тренды (рост доли высокообразованных кадров, сокращение низкоквалифицированной занятости, активизация корпоративного обучения) находят своё отражение в реализуемой государственной политике: актуализации профессиональных стандартов и развитии цифровых платформ занятости, однако требуют дальнейшего системного подхода.

Для обеспечения эффективной адаптации рынка труда к происходящим структурным преобразованиям необходима реализация комплекса взаимосвязанных мер: оптимизация занятости посредством сокращения неэффективных рабочих мест; проведение социально ответственной реструктуризации предприятий, включающей опережающее профессиональное переобучение кадров и применение современных методов

управления персоналом; согласование параметров рынка образовательных услуг с потребностями рынка труда; усиление стимулирующей функции заработной платы, направленной на повышение производительности и качества труда; а также повышение институциональной гибкости и адаптивности рынка труда. Дальнейшие исследования следует направлять на оценку эффективности существующих механизмов адаптации рынка труда и разработку методик оценки цифровых компетенций персонала.

Список литературы:

1. Горбатенко И. В., Филипцов А. М. Влияние структуры экономики Республики Беларусь на торговый баланс и государственный бюджет // Экономика и банки. 2017. No 2. С. 63–71.
2. Филипцов А. М. Изменения отраслевой структуры экономики Республики Беларусь // Банковский вестник. 2020. No 11 (688). С. 37–49.
3. Рожковская Е. А. Управление структурной трансформацией экономики в условиях внешних ограничений // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №18-1. С. 674–676.
4. Игнатюк А. С. Трансформационные изменения трудовых ресурсов промышленности Республики Беларусь под влиянием структурных изменений в экономике // Современные тенденции в развитии экономики энергетики : сборник материалов международной научно-практической конференции, Минск, 3 декабря 2020 г. / Белорусский национальный технический университет. Минск, 2021. С. 149–150.
5. Соколова Г. Н. Механизмы трансформации рынка труда в условиях структурных изменений: опыт Беларуси // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №3. С. 247–259.
6. Маковская, Н. В. Современные особенности функционирования рынка труда в Беларуси: монография // Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. 264 с.
7. Воробьев В. А., Филипцова А. В. Мобильность труда в Республике Беларусь: факторы и тенденции // Белорусский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4–23.
8. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/9be/bw58kf25iyvf50lhg5ggffbiroi4haqa.pdf>. (дата обращения 10.03.2026)
9. Сымук Е.П. Трансформация трудовых ресурсов промышленности Республики Беларусь под воздействием структурных сдвигов в экономике // Учетно-аналитические инструменты развития сельских территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции. Княгинино: НГИЭУ, 2026. С.211–213.
10. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 (с изменениями и дополнениями). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mpt.gov.by/sites/default/files/gosprogramma-Digital-development-of-Belarus-1.pdf> (дата обращения 10.03.2026)
11. О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026 – 2030 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2025 г. № 699. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://government.by/sites/default/files/resolution/202512/699%2825864938_69_9_02_12_2025%29.pdf (дата обращения 10.03.2026)
12. О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500793>. (дата обращения 10.03.2026)
13. Сымук Е.П. Трансформация управления трудовыми ресурсами в цифровой среде // Техника и технология пищевых производств: материалы XVI Междунар. науч.-техн.

конф., 17–18 апреля 2025 г., в 2-х т., Могилев / Учреждение образования «Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий»; редкол.: А. В. Акулич (отв. ред.) [и др.]. Могилев: БГУТ, 2025. Т. 2 С. 319-320.

14. Артюхова И.В. Совершенствование системы управления персоналом в рамках развития предприятия // Экономика предприятия. 2019. № 1. С. 396-399.

УДК 338.439

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: РИСКИ ДЛЯ ГРАЖДАН И МЕРЫ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВА

FOOD SECURITY IN THE FACE OF SANCTIONS: RISKS FOR CITIZENS AND STATE PROTECTION MEASURES

**Янушевская С.Ф., Демидова Е.С.
Yanushevskaya S.V., Demidova E.S**

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
г.Могилёв, пр. Шмидта, 3, email: yanushevskaya06@bk.ru
Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Mogilev, 3 Schmidt Avenue,
email:yanushevskaya06@bk.ru

Аннотация: Реферат посвящен анализу продовольственной безопасности России и Беларуси в условиях санкционного давления 2022–2025 годов. Рассмотрены теоретические основы продовольственной безопасности, нормативно-правовая база двух стран и пороговые значения самообеспечения. Установлено, что формальные пороги по зерну, мясу, молоку, сахару и картофелю унифицированы, однако фактические показатели различаются: Беларусь стабильно превышает пороги по молоку и мясу, тогда как Россия по молоку находится в зоне риска (84-86% при пороге 90%). Описан комплекс мер защиты государства: регулирование цен и товарные интервенции (заморозка цен, предельные наценки 10-15%), импортозамещение (субсидии сельхозпроизводителям на сумму более 500 млрд рублей, льготное кредитование, программа «Второй урожай»), разворот логистики в сторону Китая, Турции, Ирана и стран СНГ, параллельный импорт, адресная помощь населению (продовольственные карты до 3000 рублей в месяц, социальные контракты) и информационная работа по борьбе с паникой.

Abstract: The abstract is devoted to the analysis of food security in Russia and Belarus under the conditions of the 2022-2025 sanctions pressure. The theoretical foundations of food security, the regulatory framework of the two countries, and the threshold values of self-sufficiency are considered. It is established that the formal thresholds for grain, meat, milk, sugar, and potatoes are unified, but the actual indicators differ: Belarus consistently exceeds the thresholds for milk and meat, while Russia is at risk for milk (84-86% at the threshold of 90%). A set of state protection measures has been described: price regulation and commodity interventions (price freezing, maximum markups of 10-15%), import substitution (subsidies for agricultural producers worth more than 500 billion rubles, preferential lending, the "Second Harvest" program), the reversal of logistics towards China, Turkey, Iran, and the CIS countries, parallel imports, targeted assistance to the population (food cards up to 3,000 rubles per month, social contracts), and information work

Ключевые слова: продовольственная безопасность, санкции, импортозамещение, самообеспечение, пороговые значения, государственное регулирование цен, товарные интервенции, параллельный импорт, адресная помощь населению, логистические коридоры.

Keywords: food security, sanctions, import substitution, self-sufficiency, threshold values,

state price regulation, commodity interventions, parallel imports, targeted assistance to the population, and logistics corridors.

С 2022 года Российская Федерация и Республика Беларусь столкнулись с беспрецедентным по масштабам санкционным давлением со стороны недружественных государств. Ограничения затронули финансовую систему, логистику, импорт технологий и, что наиболее чувствительно для населения, продовольственный рынок [1, 2]. Уход западных поставщиков, блокировка портов и нарушение традиционных цепочек поставок создали реальные риски для физической и экономической доступности продуктов питания. В этих условиях вопросы продовольственной безопасности вышли на первый план государственной политики, потребовав оперативной разработки и реализации комплекса защитных мер. Актуальность темы обусловлена необходимостью системного анализа того, какие риски санкции создали для граждан, насколько эффективными оказались меры государства по их нейтрализации и какие уроки можно извлечь для будущего.

Целью данного исследования является комплексный анализ состояния продовольственной безопасности России и Беларуси в условиях санкционного давления 2022–2025 годов, выявление основных рисков для населения и оценка эффективности мер защиты, предпринятых государством. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: рассмотреть теоретические основы и нормативно-правовую базу продовольственной безопасности; проанализировать пороговые значения самообеспечения по ключевым видам продукции; выявить наиболее уязвимые категории граждан и проблемные продуктовые сегменты; оценить результативность таких мер, как государственное регулирование цен, импортозамещение, разворот логистических потоков, адресная помощь населению и информационная работа; сформулировать авторскую оценку сильных и слабых сторон действующей системы продовольственной безопасности, а также обозначить перспективы развития ситуации на ближайшие 1–2 года.

Продовольственная безопасность является ключевой составляющей национальной безопасности, особенно в условиях санкций. Согласно документам ФАО, это состояние экономики, при котором населению гарантируется физическая и экономическая доступность качественного и безопасного продовольствия. Структура включает четыре элемента: физическая доступность (наличие продуктов на всей территории), экономическая доступность (способность граждан приобретать продукты), качество и безопасность, а также стабильность доступа к продовольствию. Санкции создают риски разрыва логистических цепочек, роста инфляции и падения реальных доходов, что напрямую ухудшает данные показатели.

В условиях санкционного давления особое значение имеет гармонизация законодательства России и Беларуси в рамках Союзного государства и ЕАЭС. В РФ основополагающим документом является Доктрина продовольственной безопасности (2020 г.), определяющая пороговые значения самообеспечения и механизмы импортозамещения. В Беларуси действует Концепция продовольственной безопасности (2019 г.), делающая акцент на самообеспечении молоком, мясом, картофелем и овощами. Роль ЕАЭС заключается в формировании общего аграрного рынка и технических регламентах[3]. В 2023–2025 гг. механизмы ЕАЭС позволили перенаправить потоки продовольствия, однако санкции выявили слабость наднациональных инструментов в части финансовых расчетов[5].

Анализ пороговых значений показывает высокую степень унификации. По зерну порог в обеих странах — не менее 95% (достигнут и превышен). По мясу — не менее 85%: Беларусь стабильно превышает порог (105–107%), Россия находится на уровне 88–90%. По молоку — не менее 90%: Беларусь достигает 98–100%, тогда как Россия находится в зоне риска с показателем 84–86%[11,12]. По сахару — 80% (обе страны достигли). По картофелю — 95%: Беларусь превышает (98–100%), Россия — в пределах допустимого (95–97%). Таким образом, при унификации формальных порогов фактические уровни

самообеспечения различаются: Россия по молоку нуждается в дополнительной поддержке.

Помимо порогов, оцениваются доля импорта и доходы населения. В России критична зависимость от импорта семян (до 60% по сахарной свекле и кукурузе) и ветеринарных препаратов. В Беларуси импортозависимость по плодоовощной продукции достигает 70-80%. Доля расходов на питание в России — около 37% (при пороге опасности 40%), в Беларуси — 35-38%, однако в отдельных российских регионах показатель приближается к 50-55%. Доля фальсифицированной продукции в России: 8% молочной, 12% мясной. Инфляция в 2024 году — 9% в России, 6-7% в Беларуси[12-16]. Совокупность этих показателей позволяет вырабатывать меры защиты: субсидирование АПК, параллельный импорт семян, фиксацию цен, развитие логистических коридоров.

Санкционное давление, начавшееся в 2014 году и многократно усиленное после 2022 года, трансформировало структуру продовольственных рынков России и Беларуси. Механизмы этого воздействия носят комплексный характер и затрагивают все звенья продовольственной цепи. Во-первых, это прямые запреты на импорт определенных товаров. Страны Европейского Союза, США и их союзники ввели эмбарго на поставки в Россию широкого спектра продовольствия (фрукты, овощи, сыры, мясную продукцию), на что Россия ответила контрсанкциями в виде продовольственного эмбарго, действующего с 2014 года и неоднократно продлевавшегося. Однако параллельно западные страны ограничили экспорт в Россию и Беларусь товаров агропромышленного назначения: минеральных удобрений (несмотря на то, что Россия сама является крупным экспортером калийных удобрений, сложные азотные и фосфорные удобрения частично импортировались), сельскохозяйственной техники (тракторов John Deere, комбайнов Claas, систем точного земледелия), запасных частей и семян элитных сортов. Во-вторых, отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT в 2022 году серьезно затруднило международные расчеты за продовольствие и агрохимию. Экспортеры зерна и импортеры ветеринарных препаратов столкнулись с необходимостью проводить платежи через посредников или с использованием криптовалют, что удлинило транзакции с нескольких дней до нескольких недель и повысило транзакционные издержки. В-третьих, логистические барьеры стали отдельным фактором: закрытие воздушного пространства для российских самолетов над ЕС, запрет на заход судов под российским флагом в европейские порты, прекращение работы сухопутных маршрутов через Польшу и Прибалтику вынудили перенаправлять грузовые потоки на восток — через порты Новороссийска, Санкт-Петербурга (с новыми ограничениями) и транспортные коридоры через Казахстан, Азербайджан и Грузию (так называемый Средний коридор). В Беларуси дополнительным ударом стало закрытие литовских и латвийских портов для белорусских калийных удобрений, что хотя и не напрямую связано с продовольствием, но подорвало экспортные доходы страны, необходимые для закупки импортного продовольствия. Все эти механизмы в совокупности привели к росту издержек производителей и логистических компаний, что неизбежно отразилось на конечных ценах для граждан.

Риски для граждан, вызванные санкционным воздействием, проявились по нескольким направлениям. Первый и наиболее ощутимый риск — рост цен на продукты питания на фоне снижения реальных доходов населения. По данным Росстата за 2023–2024 годы, реальные располагаемые доходы россиян после кратковременного падения в 2022 году (минус 1,2%) в 2023 году выросли примерно на 3–4%, однако этот рост был неравномерным и не компенсировал инфляционный скачок 2022 года. В Беларуси реальные доходы населения в 2022 году снизились на 4,5%, в 2023 году стабилизировались, но остались ниже уровня 2021 года. Второй риск — сокращение ассортимента и исчезновение отдельных товарных позиций. С полок магазинов в 2022 году практически полностью исчезли некоторые импортные бренды: финский сыр Oltermanni, итальянские соусы Barilla, французские йогурты Danone (хотя сама компания продолжала работу, часть линеек была свернута), шведские фрикадельки Ikea, а также широкий спектр экзотических фруктов и орехов. Третий риск — снижение качества продукции из-за вынужденной замены

импортных ингредиентов более дешевыми аналогами. Производители молочной продукции начали использовать пальмовое масло вместо молочного жира, хлебопеки — заменители улучшителей муки, мясопереработчики — больше соевого белка и камеди. По данным Роскачества за 2024 год, доля фальсифицированной молочной продукции (с заменителями жира) выросла с 6% в 2021 году до 9–10% в 2024 году. Четвертый риск — угроза дефицита социально значимых товаров. Наиболее ярким примером стал дефицит куриных яиц в ноябре–декабре 2023 года, когда в ряде регионов России яйца исчезли из магазинов, а там, где остались, вводились ограничения на продажу «не более 1–2 десятков в одни руки». Пятый риск — рост доли фальсифицированной и контрафактной продукции. По данным Роспотребнадзора, количество выявленных нарушений маркировки и фальсификации мясных и молочных продуктов в 2023 году выросло на 25% по сравнению с 2021 годом. Особенно опасным является появление на рынке контрафактной рыбной продукции (поддельной красной икры и рыбы), где вместо лососевых используется дешевая белая рыба с красителями.

Анализ статистических данных позволяет детализировать эти риски. Динамика цен на продукты питания в 2022–2024 годах демонстрирует несколько ярких всплесков. Первый пример — гречка. Эта крупа, являющаяся социально значимым товаром, традиционно реагирует на любую нестабильность. В марте 2022 года после объявления санкций россияне начали скупать гречку впрок, что привело к скачку цен с 65 рублей за килограмм в феврале 2022 года до 135 рублей в апреле 2022 года (рост более чем вдвое). Графически это выглядит как резкий вертикальный подъем на временном отрезке в 6–8 недель, после чего последовала плавная коррекция до 90–95 рублей к концу 2022 года, однако полного возврата к до-санкционным ценам не произошло. Второй пример — сахар. В марте 2022 года ажиотажный спрос вызвал рост цен с 48 рублей за килограмм до 98 рублей (пик в конце марта). На графике этот всплеск выглядит как острый пик высотой более чем в два раза от предшествующего уровня. Государственное регулирование (заключение соглашений с производителями и торговыми сетями) позволило сбить цену до 55–60 рублей к маю 2022 года, однако в 2024 году сахар вновь подорожал до 70–75 рублей из-за роста мировых цен на свекловичный сахар. Третий пример — овощи («борщевой набор»: картофель, капуста, морковь, лук, свекла). В 2024 году аномально жаркое лето и засуха в ряде регионов привели к неурожаю, а санкционные ограничения на импорт ранних овощей из Польши и Нидерландов лишили рынок альтернативных поставок. В результате к октябрю 2024 года цена на картофель выросла с 30 рублей за килограмм в июне до 65 рублей в октябре (рост 117%), капуста подорожала с 25 до 55 рублей, морковь — с 35 до 70 рублей. Графически это выглядит как плавный, но неуклонный рост в течение 4–5 месяцев с ускорением в августе–сентябре.

Особого внимания заслуживает детальный разбор одной товарной группы, ставшей символом продовольственного кризиса 2023 года, — «яичный кризис». В ноябре–декабре 2023 года цены на куриные яйца в России выросли на 40–50% в среднем по стране, а в отдельных регионах — на 70–80% и более. Если в сентябре 2023 года десяток яиц категории С1 стоил в среднем 70–75 рублей, то к концу декабря цена достигала 120–140 рублей, а в некоторых магазинах — 150–170 рублей. Причины этого кризиса были комплексными и отчасти связанными с санкциями. Первая причина — рост себестоимости производства кормов. Россия импортирует значительную часть аминокислот (лизин, треонин, метионин), витаминов и премиксов для комбикормов из стран ЕС и Китая. Санкционные ограничения на поставки и проблемы с платежами привели к удорожанию этих компонентов на 30–40% в 2023 году. Вторая причина — ветеринарные препараты. Птицефабрики зависят от импортных вакцин и антибиотиков (например, вакцина против птичьего гриппа производства Нидерландов). Отказ западных компаний от поставок и необходимость искать альтернативы в Китае и Индии привели к перебоям и росту цен. Третья причина — вспышки птичьего гриппа в 2023 году в нескольких крупных птицефабриках (Волгоградская, Ленинградская, Ростовская области), что потребовало вынужденного забоя

птицы и сокращения поголовья несушек на 5–7%. Четвертая причина — рост потребительского спроса в преддверии новогодних праздников, который наложился на сокращение предложения. Пятая причина — экспортная ориентация: часть крупных производителей предпочла экспортировать яйца в Казахстан и Азербайджан по более высоким ценам, снижая поставки на внутренний рынок. Последствия кризиса оказались серьезными. Для граждан это означало резкое увеличение расходов на базовый продукт питания, используемый в повседневном рационе большинства семей. Социальная напряженность выросла, о чем свидетельствовало большое количество жалоб в социальных сетях и обращения к президенту во время прямой линии в декабре 2023 года. Реакция государства была оперативной, но не мгновенной. В декабре 2023 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) возбудила дела против нескольких производителей и торговых сетей по факту необоснованного завышения цен. 1 января 2024 года была введена временная нулевая пошлина на импорт яиц (ранее пошлина составляла 15%), что позволило быстро нарастить поставки из «дружественных» стран — из Турции, Ирана, Азербайджана и Беларуси. Уже в январе 2024 года первые партии импортных яиц (около 1,2 млн штук из Турции) поступили на российский рынок, что помогло стабилизировать ситуацию. Кроме того, были даны рекомендации торговым сетям ограничить торговую наценку на социально значимые товары, включая яйца, 5–10% вместо обычных 20–30%. К февралю 2024 года цены на яйца снизились до 100–110 рублей за десяток, а к апрелю — до 90–95 рублей, однако полного возврата к ценам осени 2023 года не произошло. Этот кризис показал уязвимость российской продовольственной системы по отдельным позициям, даже таким, где формальный уровень самообеспечения высок (по яйцам он превышает 98%), из-за зависимости от импортных кормовых добавок и ветеринарных препаратов. Одновременно он продемонстрировал способность государства к быстрой мобилизации мер защиты: снижение пошлин, диверсификация импорта, антимонопольное регулирование.

Что касается изменения структуры импорта и экспорта продовольствия за 2022–2024 годы, то здесь наблюдается четкий тренд на переориентацию. Импорт продовольствия в Россию из стран ЕС сократился с 18 млрд долларов в 2021 году до примерно 9 млрд в 2023 году (падение в два раза). При этом вырос импорт из Турции (овощи, фрукты, цитрусовые — с 2,5 до 4,5 млрд долларов), Китая (овощи, фрукты, соевые продукты — с 1,2 до 2,8 млрд), Бразилии (говядина, соя, кукуруза — с 1,5 до 3,1 млрд), Индии (рис, чай, специи — с 0,6 до 1,5 млрд) и Беларуси (молочная продукция, яйца — с 1,0 до 2,0 млрд). Экспорт российского зерна также перенаправился: если в 2021 году 40% пшеницы шло в Египет, Турцию и страны ЕС, то в 2024 году основные покупатели — Саудовская Аравия, Алжир, Иран, Пакистан, Бангладеш и страны Африки южнее Сахары. Беларусь, лишившаяся европейского рынка для своей молочной продукции, переориентировала экспорт на Россию и Китай. Таким образом, санкции не привели к коллапсу продовольственного рынка, но вызвали структурную перестройку с временными локальными дефицитами, устойчивым ростом цен на большинство социально значимых товаров и повышенной нагрузкой на бюджеты домохозяйств.

В условиях беспрецедентного санкционного давления, затронувшего финансовую систему, логистику и импорт продовольственных товаров, Российская Федерация и Республика Беларусь разработали и реализуют комплекс мер, направленных как на защиту национального продовольственного рынка, так и на адаптацию населения к новым экономическим реалиям. Эти меры охватывают широкий спектр инструментов: от прямого государственного регулирования цен и товарных интервенций до поддержки отечественных производителей, переориентации логистических потоков, адресной помощи наиболее уязвимым категориям граждан и информационной работы по противодействию панике.

Одним из наиболее оперативных инструментов реагирования на рост цен стало государственное регулирование стоимости социально значимых продуктов питания. В России и Беларуси были приняты меры по установлению предельных наценок на отдельные

виды продовольствия. В Российской Федерации с 2022 года действует рекомендация для торговых сетей ограничивать наценку на социально значимые товары (хлеб, молоко, яйца, сахар, подсолнечное масло, отдельные виды овощей) уровнем не более 10-15% от закупочной цены. В ряде регионов, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, местные власти вводили временную заморозку цен на продукты первой необходимости. В Республике Беларусь система регулирования более жесткая: Совет Министров устанавливает предельные максимальные отпускные цены на социально значимые товары, а также контролирует торговые надбавки. Например, в 2023–2024 гг. в Беларуси были зафиксированы цены на хлеб, гречку, сахар и молочную продукцию. Кроме того, активно используется механизм товарных интервенций из государственных резервов. В России государственный интервенционный фонд, сформированный в рамках регулирования рынка зерна, позволяет выбрасывать на рынок запасы пшеницы, ржи и гречихи в случае резкого скачка цен. В 2024 году, когда цены на гречку выросли более чем на 30% в ряде регионов, были проведены товарные интервенции, что позволило стабилизировать ситуацию в течение двух-трех недель. В Беларуси аналогичную функцию выполняют стабилизационные фонды при облисполкомах, которые закупают картофель, морковь, лук и капусту у местных производителей и отпускают их по регулируемым ценам в межсезонье. Эти меры, хотя и ограничивают свободу рыночного ценообразования, признаются эффективными для предотвращения социального взрыва в условиях внешнего давления.

Параллельно с ценовым регулированию развивается политика импортозамещения и поддержки отечественного производителя, которая позволяет снизить зависимость от импорта и повысить уровень самообеспечения. Государственные субсидии сельхозпроизводителям в России в 2023–2024 гг. достигли рекордных значений: на поддержку агропромышленного комплекса было выделено более 500 миллиардов рублей, включая несвязанную поддержку на гектар, субсидирование производства молока и компенсацию части затрат на приобретение минеральных удобрений и сельхозтехники. В Беларуси, где агропромышленный комплекс традиционно получает значительную государственную поддержку, основные усилия сосредоточены на льготном кредитовании сезонных полевых работ и поставках техники по лизингу с минимальными ставками (не более 3-5% годовых). Особое внимание уделяется развитию селекции и семеноводства — наиболее уязвимому звену, поскольку зависимость от импортных семян по ряду культур (сахарная свекла, кукуруза, подсолнечник) в России достигала 50-60%. В 2023 году была запущена федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства, направленная на создание отечественных гибридов семян. Первые результаты ожидаются к 2026–2027 гг. В Беларуси аналогичная программа предусматривает увеличение доли собственной селекции по зерновым до 95% к 2025 году. Одной из ярких мер адаптации стала программа «Второй урожай» (в России известна как программа «овощной почин» или стимулирование повторных посевов). В 2023–2024 гг. в ряде регионов России (Краснодарский край, Ставрополье, Поволжье) фермерам, которые после уборки зерновых высевали быстрорастущие овощные культуры (редис, салаты, раннюю капусту), предоставлялись субсидии на горюче-смазочные материалы и семена. В Беларуси аналогом является программа «второго хлеба» — стимулирование повторной посадки картофеля на освободившихся площадях. Эти меры позволили дополнительно получить до 15-20% ранних овощей и картофеля, снизив сезонный рост цен.

Критически важным направлением защиты продовольственной безопасности в условиях санкций стал разворот логистических потоков и поиск новых торговых партнеров. После закрытия европейских портов и отказа европейских поставщиков от работы с Россией и Беларусью, основные потоки продовольственного импорта были перенаправлены на рынки дружественных стран. Ключевыми партнерами стали Китай, Турция, Иран и страны СНГ. Китай в 2023–2024 гг. нарастил поставки в Россию фруктов, овощей и переработанной рыбной продукции, заняв долю около 15% в структуре российского импорта продовольствия. Турция, несмотря на отдельные политические

сложности, осталась крупнейшим поставщиком цитрусовых, помидоров и орехов: в 2024 году объем поставок вырос на 22% по сравнению с 2022 годом. Иран, традиционно не являвшийся крупным игроком, в условиях санкций стал важным поставщиком сухофруктов, фиников и некоторых видов замороженных овощей, используя альтернативные маршруты через Каспийское море. В рамках СНГ активно развиваются поставки из Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана (хлопковое масло, сухофрукты, ранние овощи, гранаты). Кроме того, был легализован параллельный импорт продовольствия. В 2022–2024 гг. Минпромторг России утвердил перечень товаров, разрешенных к ввозу без согласия правообладателя, куда вошли некоторые виды сыров, мясных деликатесов, детского питания и семян. Это позволило обеспечить наличие на полках товаров тех брендов, которые официально ушли с российского рынка, хотя и по более высоким ценам из-за удлинения логистических цепочек. В Беларуси параллельный импорт продовольствия используется более ограниченно, поскольку республика сохранила транзитные соглашения с рядом европейских фирм через третьи страны. Важным элементом стало развитие логистических коридоров: международный транспортный коридор «Север-Юг» (через Казахстан, Туркменистан и Иран в Индию и страны Персидского залива) позволил частично заместить запрещенный импорт по западному маршруту. В 2024 году объем перевозок продовольствия по этому коридору вырос на 35% по сравнению с предыдущим годом. Однако проблемы сохраняются: нехватка рефрижераторных контейнеров, высокая стоимость страховки грузов и загруженность пограничных переходов остаются узкими местами.

Параллельно с макроэкономическими и логистическими мерами государства реализуют программы адресной помощи населению, поскольку даже при наличии продуктов на полках их экономическая доступность для беднейших слоев может быть ограничена. В Российской Федерации наиболее обсуждаемой мерой, которая начала внедряться с 2023–2024 гг. в пилотном режиме, стали продовольственные карты (или электронные сертификаты) для малоимущих семей. Система действует в ряде регионов (например, в Ульяновской области, Татарстане, Приморском крае): на специальную карту «Мир» зачисляются баллы, которые можно потратить исключительно на продукты питания отечественного производства (за исключением алкоголя и табака). Сумма поддержки варьируется от 1 500 до 3 000 рублей в месяц на члена семьи. По данным Минтруда РФ на конец 2024 года, такой формой поддержки было охвачено около 1,2 млн человек. Другим важным инструментом является социальный контракт — механизм, позволяющий малоимущим гражданам получить до 50–70 тыс. рублей на развитие личного подсобного хозяйства (покупку кур, кроликов, саженцев). В 2023 году число социальных контрактов на цели продовольственного самообеспечения выросло на 40% по сравнению с 2021 годом. Кроме того, были расширены перечни получателей детского питания и льготных наборов. В ряде регионов России и Беларуси бесплатное молочное питание для детей до трех лет теперь получают не только малоимущие, но и семьи мобилизованных, беженцы и семьи, потерявшие кормильца. В Беларуси действует программа «молоко в школы» и льготное питание для школьников из многодетных семей, финансирование которой в 2024 году было увеличено на 15%. Также в обеих странах расширена практика бесплатной выдачи продуктовых наборов пенсионерам и инвалидам, находящимся на домашнем обслуживании, с включением в наборы круп, консервов и макаронных изделий длительного хранения.

Наконец, важнейшим элементом адаптации населения является информационная работа и противодействие панике. Опыт марта 2022 года (ажиотажный спрос на сахар, гречку, соль) показал, что информационный вакуум или недостоверные сведения могут спровоцировать искусственный дефицит. В связи с этим в России и Беларуси были усилены информационные кампании через государственные средства массовой информации, телеграм-каналы правительств и официальные аккаунты министерств. Регулярно публикуются сводки о запасах продовольствия в государственных резервах и торговых

сетях, разъясняется механизм товарных интервенций. Важным каналом стали прямые линии с министрами сельского хозяйства и региональными чиновниками, в ходе которых граждане могут задать вопросы о наличии и ценах на продукты. Одновременно ведется борьба с фейками о дефиците: Роскомнадзор и аналогичные структуры в Беларуси по заявкам профильных ведомств блокируют или маркируют как недостоверные сообщения об исчезновении товаров с полок. В 2023–2024 гг. было выявлено и опровергнуто более 500 фейковых сообщений о якобы предстоящем дефиците мяса, круп и растительного масла. Также используются механизмы ограничения продажи в одни руки (введение лимитов на сахар и гречку в 2022 году показало свою эффективность, хотя впоследствии от этой меры отказались). Торговые сети в добровольном порядке информируют покупателей через ценники и объявления о наличии товаров-заменителей (например, замена импортных макарон твердых сортов на отечественные аналоги). Практика показала, что чем более прозрачной и оперативной является информация о реальном положении дел, тем ниже риски ажиотажного спроса. Таким образом, комплексный подход, сочетающий государственное регулирование цен, импортозамещение, перестройку логистики, адресную социальную поддержку и грамотную информационную политику, позволяет минимизировать риски для граждан и обеспечить продовольственную безопасность даже в условиях жесткого санкционного режима. Однако сохраняющиеся вызовы — зависимость от импорта семян, недостаточное производство молока в России и высокая логистическая нагрузка — требуют дальнейшего совершенствования перечисленных мер.

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые риски для граждан и оценить эффективность государственных мер. Наиболее уязвимыми категориями населения оказались малоимущие семьи, пенсионеры и жители отдаленных регионов (Дальний Восток, Сибирь), где логистика сильно удорожает продукты. Самыми проблемными сегментами стали молочная продукция в России (самообеспечение 84–86% при пороге 90%), зависимость от импортных семян (до 60% по сахарной свекле и кукурузе) и ветеринарных препаратов, а также плодоовощная продукция межсезонья в Беларуси (импортозависимость 70–80%).

Оценивая эффективность государственных мер, следует признать: разворот логистики на Китай, Турцию, Иран и страны СНГ, а также параллельный импорт позволили избежать дефицита. Субсидии сельхозпроизводителям (более 500 млрд рублей в РФ) и социальные контракты стали важной поддержкой. Однако сохраняются проблемы: заморозка цен привела к дефициту отдельных товаров в некоторых сетях, программа импортозамещения семян только начинается, а продовольственные карты охватывают лишь 1,2 млн человек при значительно большем числе нуждающихся.

С авторской точки зрения, самым эффективным элементом стал разворот логистики — именно он предотвратил коллапс в 2022 году. Самым слабым местом остается недостаточная работа над внутренней эффективностью сельского хозяйства: снижением себестоимости, развитием селекции и сокращением потерь при хранении. Без решения этих структурных проблем санкционные удары будут по-прежнему болезненно отражаться на кошельках граждан.

Продовольственная безопасность является ключевым элементом национальной безопасности и социальной стабильности. Система выдержала санкционный удар, однако цена этого оказалась высокой для беднейших слоев населения, а технологическая зависимость по ряду позиций остается критической. На ближайшие 1–2 года прогнозируется дальнейшее укрепление сотрудничества с Китаем и странами БРИКС, расширение практики продовольственных карт в регионах России, но сохранение инфляции на уровне 5–9% в годовом выражении. Новыми вызовами станут климатические изменения (засухи, наводнения), кадровый дефицит на селе и сохраняющаяся технологическая зависимость. Катастрофических сценариев ожидать не приходится, но главным условием успеха остается системная работа над внутренней эффективностью агропромышленного комплекса, а не только внешние логистические маневры.

Список литературы:

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 (ред. от 02.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
2. Концепция продовольственной безопасности Республики Беларусь: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июня 2019 г. № 432 (ред. от 15.03.2024) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 28.06.2019. № 5/45623.
3. Технический регламент Таможенного союза «Требования безопасности пищевой продукции» ТР ТС 021/2011: утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880 (ред. от 14.12.2023) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров для параллельного импорта» (ред. от 10.12.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Ушачев И.Г. Продовольственная безопасность России в условиях санкций: вызовы и ответы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2024. № 3. С. 2-12.
6. Киреенко Н.В. Адаптация агропродовольственного рынка Беларуси к внешним шокам // Аграрная экономика. 2024. № 2. С. 18-29.
7. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность России: мониторинг, риски и угрозы // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 56-78.
8. FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН). The State of Food Security and Nutrition in the World 2024 // FAO Publications. 2024. № 2. URL: <https://www.fao.org/publications> (дата обращения: 10.04.2026).
9. ГОСТ Р 51074-2003. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2019. 32 с.
10. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Итоги работы агропромышленного комплекса России в 2024 году: доклад. М., 2025. 112 с.
11. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. Национальный доклад о состоянии продовольственной безопасности Республики Беларусь за 2024 год. Минск, 2025. 94 с.
12. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Социально-экономическое положение России. Январь–декабрь 2024 года: статистический сборник. М., 2025. 280 с.
13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). Сельское хозяйство Республики Беларусь. 2024: статистический ежегодник. Минск, 2025. 210 с.

Содержание

Агаян В.А. Уголовно–правовые и криминалистические аспекты расследования преступлений, совершаемых с использованием ИТТ: сравнительный анализ законодательства России и Республики Беларусь	3
Баранова Е.Д. Трансформация систем экономической и продовольственной безопасности под воздействием цифровых технологий: риски, механизмы, перспективы.....	9
Бероев М. Т. Роль севооборота в системе обеспечения продовольственной безопасности России.....	17
Борознова М.С., Пупенкова К.А. Государственное регулирование цифровых платформ в Республике Беларусь: правовые основы и особенности в условиях санкционного давления	24
Гембель М.Ю., Семенцова И.А. Информационная безопасность в государственном управлении: уголовно-правовое противодействие киберпреступности.....	32
Джабиев В.В. Продовольственная безопасность Республики Южная Осетия как инструмент обеспечения безопасности её граждан в условиях санкций	38
Дорошенко В.В. Криптовалюта в Российской экономике	49
Ефименко А.Г., Козлов А.П. Развитие цифрового потенциала агропромышленного комплекса как инструмента укрепления продовольственной и экономической безопасности региона	56
Ефименко А.Г., Волкова Е.В., Громыко О.П. Основные тренды и направления развития сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности региона	63
Заика Н.С., Бутримова Д.С. Влияние цифровой экономики на обеспечение экономической безопасности страны.....	70
Зелюка А.С., Семенцова И.А. Проблемы аграрной безопасности в Союзном Государстве Беларуси и России.....	79
Какора М.И. Обеспечение экономической безопасности организаций АПК Республики Беларусь через призму их устойчивого развития	85
Касимов А.А. Продовольственная безопасность Союзного Государства: сравнительный анализ национальных индикаторов и глобальных оценок.....	91
Касимов А.А., Козлов В.А. Продовольственная безопасность Союзного Государства: сравнительный анализ национальных индикаторов и глобальных оценок	99
Козлова В.А. К вопросу о влиянии обеспечения сохранности персональных данных на экономическую безопасность Союзного Государства.....	107
Кудрицкая М.А. Управление государством через защиту информационного пространства	113
Лабков С.С., Лабкова О.П. Экспорт Республики Беларусь и продовольственная безопасность: взаимосвязь, тенденции и стратегические приоритеты.....	120
Мартынова А.М. Экономическая безопасность Союзных Государств Беларуси и России: вызовы, методы и риски цифровой интеграции	128
Магомедалиева М. М. Религиозный туризм в Республике Дагестан: проблемы развития	135
Мельников В.Ю. Искусственный интеллект (ИИ) как фактор противодействия организованным преступным группам.....	138
Мельников В.Ю. Вопросы обеспечения Национальной Безопасности путем противодействия организованной преступности.....	141
Мельникова Е.М. Цифровизация учета финансовых результатов с целью повышения экономической безопасности	149
Миренков А.А. Кадровая безопасность Республики Беларусь: риски, взаимосвязи и подготовка специалистов	156
Моисеенко В.Д., Глаз В.Ю. Цифровизация учета запасов в современных условиях	164
Назаренко Н.Н. Таможенно-правовые механизмы обеспечения продовольственной безопасности Союзного Государства Беларуси и России в условиях санкций	172

Наркевич Л.В. Аналитический блок системы управления финансовыми результатами по критериям эффективности продуктового портфеля организации.....	177
Оленцова А.А. Киберугрозы как фактор риска экономической безопасности.....	185
Пантюшенко Ю.И., Агаян В.А. Нейроданные как угроза информационной безопасности государства: правовые пробелы и механизмы управления рисками.....	188
Пархоменко А.Р. Цифровая адаптивность продовольственных систем: инновационный потенциал организаций как фактор устойчивости к экономическим и климатическим вызовам .	191
Петренко С.Н. Научно-методический подход к реализации цифровых компетенций при подготовке специалистов по бухгалтерскому учету и правовому обеспечению бизнеса.....	198
Погожева О.В., Брынза И.С. Международно-правовая и частно-правовая правосубъектность Республики Южная Осетия в аспекте реализации национально-правовых интересов в международных отношениях и внешнеэкономической деятельности.....	204
Поликарпова Д.А. Борьба с фейками как метод сохранения социальной стабильности	210
Приймак А.В. Гармонизация цифровых валют как инструмент обеспечения экономической безопасности Союзного Государства	216
Санакоев Д.Г. Интеллектуальная миграция как ключевая угроза экономической безопасности Республики Южная Осетия	222
Саушкина Д.Н. Цифровые финансовые инструменты в системе обеспечения экономической безопасности Союзного Государства Беларуси и России	232
Сымук Е.П. Динамика трудовых ресурсов промышленности Республики Беларусь под воздействием структурных сдвигов в условиях цифровой трансформации.....	240
Янушевская С.Ф., Демидова Е.С. Продовольственная безопасность в условиях санкций: риски для граждан и меры защиты государства	247